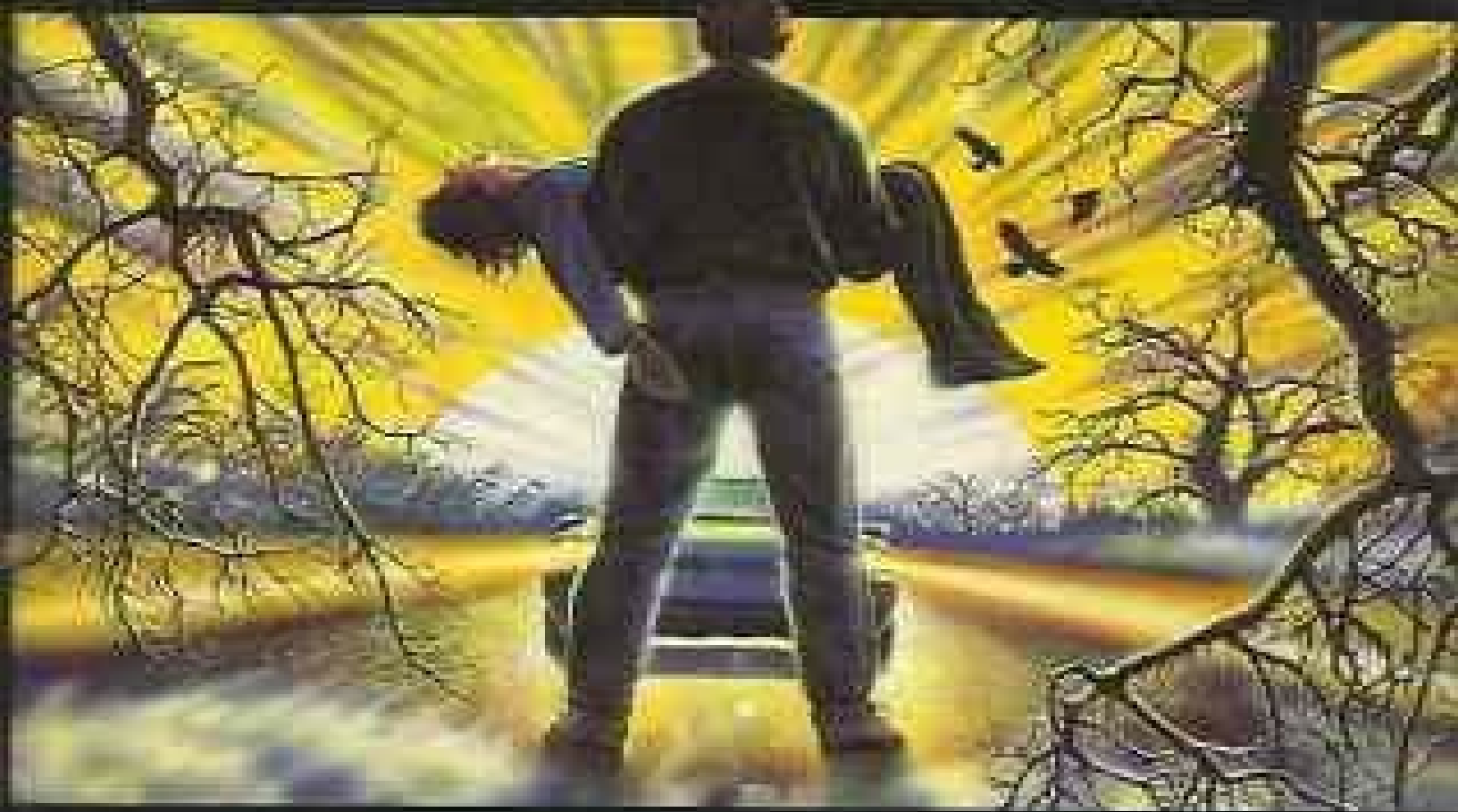

Блестящий писатель

SUNDAY EXPRESS

Р И Ч А Р Д

Л А Й П Л О Н

У К У С

Однажды к Сэму приходит Кэт, девушка которую он любит до безумия и сейчас, спустя несколько лет. Она просит его помочь избавиться от терроризирующего ее насильника-вампира. Сэм в шкафу, кол в руке, молоток — в другой... Убить вампира мало, надо еще избавиться от его тела, при этом не тронув кол. Кто знал, что избавляясь от тела вампира в удаленной и пустынной местности им придется противостоять еще большему ужасу.

*Посвящается Маршаллу П. Олифанту — другу-писателю и советчику.
«А ты попробуй, дружище!»*

Кто-то постучал в мою дверь. Я открыл — и увидел Кэт, стоящую снаружи.

Десять лет ее не видел. С тех самых пор, как нам было по семнадцать. Но — это была Кэт, вне всяких сомнений. Во плоти. В синей ночной рубашке. Похоже, больше на ней ничего не было. Босиком... и даже без сумочки.

— Кэт? — спросил я.

Уголок ее рта скользнул вверх.

— Как идут делишки, Сэмми?

С трудом выходило крепко стоять на своих двоих — вот как шли в данный момент мои делишки.

— Заходи, — сказал я ей, отступив в сторонку.

Кэт ступила в мои покои, захлопнула дверь и откинулась назад, оперевшись о дверную ручку.

— Сколько лет, сколько зим, — произнесла она.

— Рад видеть тебя, — выдавил я в ответ, осознавая, как мало эти слова подходят для моих истинных чувств в этот момент. Я был *ошарашен*. Я ведь любил Кэт Лоример. Хотя я и не видел ее с тех самых пор, как она уехала жить в Сиэтл с родными, я много времени провел в мыслях о ней. Я ею *бредил*. Я подумывал даже разыскать ее — да-да, отправиться крестовым походом за Кэт Лоример. Одиноким пилигрим в поисках своей Единственной и Неповторимой.

И, смотрите-ка — она сама меня нашла.

И стоит сейчас прямо передо мной, появившись будто бы из ниоткуда, в одной ночнушке из голубого шелка. Цвет шел ее глазам.

— Хорошо выглядишь, — заметила она.

— Ты тоже. Ты прекрасно выглядишь. — Если не брать в расчет явную усталость и, пусть не сильно заметную, но — худобу.

— Боже мой, — сказала она. — Мы были всего-навсего парой ребятишек. — Ее взгляд замер на мне, она снова чуть улыбнулась и покачала головой. — Ты ведь меня сразу узнал, правда?

— ...Правда.

— Здорово.

— Ты почти не изменилась. — Далеко от правды; она изменилась *сильно*, но не так, чтобы нельзя было узнать. Ее волосы по-прежнему были цвета солнца, глаза — все такие же голубые, вся та же бледная ниточка — шрам на ее правой щеке. Лицо ее как-то повзрослело и в чем-то даже стало красивее, чем прежде — но в нем было еще очень много от того лица, что преследовало меня последние десять лет жизни. Я бы узнал ее где угодно. Слишком долго лелеял этот образ. — Ты выглядишь круче, чем когда-либо.

— Как и ты, — сказала она. — Ты стал мужчиной.

— Хм, взаправду?

— Еще как. — Ее плечо подергивалось вверх-вниз, заставляя шелк ночнушки елозить по ее груди. — Чем занимался все это время?

— Мало чем, — ответил я.

— Женат?

— Отнюдь. А ты?

— Уже нет.

Выходит, она таки *была* замужем. Ну, как я и подозревал. Ни один парень не устоял бы перед Кэт, так что все это было лишь вопросом времени. А десять лет — срок порядочный. Ну и говнюк же ее бывший, коли бросил. Ненавижу.

Ну, зато он больше не часть ее жизни. Хоть это радует.

— В разводе? — уточнил я.

— Он был убит где-то год назад.

— Ох. — Я сник в наигранной скорби. — Очень жаль.

— Жаль. — Она изогнула бровь. — А ты, выходит, *совсем* не?..

— Совсем-совсем.

— Так и не нашел ту самую?..

Вопрос оцарапал меня. И ей, кажется, это стало ясно. Ответить ей, я конечно, мог — но на ум шло только *я нашел ее, но она не осталась со мной и я всегда любил только тебя, Кэт.*

Только вот парню не пристало говорить подобное. Если он не желает показать себя чурбаном.

Она снова повела плечом.

— Значит, тебя сейчас... ничего не держит, так?

— В общем-то, да.

— То есть, ты сможешь... пойти со мной?

— Пойти с тобой?

— Ну, ко мне домой, я имею в виду.

— Когда?

— Прямо сейчас.

— Сейчас?

— Ты в порядке? — осведомилась она.

— Сдается мне, в полном.

— По-моему, тебя пришибло малость.

— Может быть. Самую малость.

— Я отвезу тебя, — сказала она. — Моя машина снаружи. И, может быть, есть смысл тебе захватить зубную щетку и всякое такое прочее... на ночь.

— Я останусь на ночь?

— Что-то не так?

— Да нет, по рукам, — ответил я.

— Ты работаешь?

— Нет. То есть да. Но сейчас каникулы. Я учитель. Волен до самого сентября.

— Прекрасно. Здорово выходит. Если считаешь нужным, собери побольше вещей. Чтоб можно было остаться у меня на несколько дней.

Я кивнул.

Да так и застыл, таращась на нее во все глаза.

Это что, сон? Я сплю?

Но я очевиднейшим образом *не* спал. Несмотря на то, что последние три-четыре минуты походили скорее на грезу об исполнении всех мечт, чем на явь, все это имело место в реальности. Это точно. Только чокнутый не отличит явь от сна.

— Что происходит? — спросил я, изрядно удивившись тому, что разродился, в конце

концов, толковым вопросом.

— Мне нужна твоя помощь, — сказала Кэт.

Все, что мне нужно было услышать.

Черт побери, да мне и это-то не особо было нужно. Я бы пошел за ней, каким бы ни был ее ответ.

— Ты в какую-то опасную переделку угодила, так? — спросил я.

— Можно сказать и так. Я все расскажу тебе по пути.

— Ладно. Пойду, наскребу себе кой-чего.

Когда я вышел из гостиной, Кэт все еще стояла, прислонившись к входной двери. Сперва я забежал в ванную. Вместо того, чтобы просто сграбастать щетку, сподобился почистить зубы. От собственного отражения меня ничто не спасло — зеркало висело аккуратно над раковиной, и, пока я скреб зубы щеткой, я едва ли не тыкался в него носом. Мои волосы космато сваялись. Двухдневная щетина. Футболка разошлась по шву на левом плече, спереди на ней красовалась выцветшая картинка, изображавшая хитрого грифа. СПАСИБС ЗА ВНИМАНИЕ — СЕЙЧАС, ДОЛЖНО БЫТЬ, БУДУТ УБИВАТЬ, гласила надпись и рисунком.

Я выглядел форменным оборвашкой.

Меньше всего я ожидал, что посреди ночи меня неожиданно-негаданно навестит единственная девушка, которую я когда-либо любил.

Мое прихорашивание явно затянулось, и я решил в итоге ограничиться чисткой зубов. Перетащив туалетные принадлежности в спальню, я извлек из недр шкафа чемодан и начал спешно закидывать его вещами.

— Не переусердствуй со сборами, — донесся до меня из гостиной голос Кэт. — Ты и так в порядке, какой есть.

Я в этом уверен не был, но, чем черт не шутит — быть может, именно куцая старая футболка с дурацкой картинкой и рваные джинсы были одежкой в самый раз для вызволения ее из какой-то неведомой передраги. Надев кроссовки на босу ногу — носков не сыскалось — и запихнув бумажник и ключи в карман, я поволок чемодан в гостиную.

Кэт стояла у моего книжного шкафа, спиной ко мне.

— Я смотрю, ты все тот же книжный червь, — сказала она.

— А то как.

— Я помню, ты никуда не желал отправляться, не захватив с собой что-нибудь почитать. — Она глянула на меня через плечо, улыбнулась и отвесила себе шлепка по правой ягодице, прикрытой шелком ночнушки. — Вот в этом кармане таскал. Даже на прогулках со мной. Ты писал такие красивые стихи.

— Ну, теперь я переключился на прозу.

Она обернулась.

— У тебя сохранился «Дракула»? То старенькое издание?

— Конечно. Где-то лежит. Я книг не выбрасываю.

— Ту изрядно потрепал дождь.

— Но я ее не выкинул, — сказал я, глотая ком в горле. Она все помнила.

— Да и мы тогда промокли, — произнесла она, склонив голову. — Ты ведь помнишь?

— Конечно. Пирс Санта-Моника.

— Мы гоняли крабов по песку.

— И попали под ливень.

— Вымокли — хоть отжимай. — Со все еще склоненной головой, она улыбнулась — чуть печально. — Потом мы спрятались под пирс, чтоб от дождя уберечься. Помнишь?

— Помню как сейчас.

— Тогда мы в первый раз поцеловались, — сказала она. — Стоя под пирсом Санта-Моника. Было так холодно. И страшно. — Ее улыбка вдруг лишилась грусти, и она тихо рассмеялась. — Ты все время страшал меня: «вот придут тролли, и сцапают нас...»

Я не смог сдержать улыбки.

— Правда?

— Вот почему я здесь.

— Хм? Тролли?

Она покачала головой и пошла навстречу мне.

— Потому что с тобой мне было не страшно. Мне всегда было спокойнее, когда ты был рядом, Сэм. Но особенно — в ту ночь под пирсом, когда мы, промокшие под дождем, спрятались... и тролли были повсюду. И мы целовались.

Замерев в считанных сантиметрах от меня, она взглянула мне в глаза. От нее пахло так же, как и раньше — как от зефира, как от мятной жвачки.

— И у тебя в заднем кармане лежал «Дракула», — прошептала она.

— Да, — сказал я. Мое сердце гремело. Я поставил чемодан на пол.

— Хотела бы я не бояться сейчас, — сказала она мне.

Глядя в ее глаза, я был уверен, что она вот-вот поцелует меня. Интересно, будут ли ее губы такими же, как тогда.

И, когда я уже подался вперед, чтобы поцеловать эти чуть приоткрытые губы первым, она произнесла:

— Взгляни, пожалуйста, на *вот это* вот.

Она оттянула ворот голубой шелковой ночнушки почти до самого плеча, придерживая ткань на груди свободной рукой. Склонила голову вправо, чтобы ничто не мешало мне лучше осмотреть левую сторону ее шеи.

Два прокола — две крохотные ранки, оставленные будто циркулем или острой сосулькой. Аккуратно сделанные, судя по виду, день или два назад, отстоящие друг от друга на дюйм с небольшим. Миниатюрные кратеры, окрашенные засохшим темно-бордовым.

— Что думаешь? — спросила она.

— Не хочешь ли ты сказать, что какой-нибудь вампир цапнул тебя...

— Как ты его назвал?

— Ну, *вампир*, как их еще называ...

— Вот именно. — Уставившись на меня, она выговорила: — Он появляется в моей спальне ночью, кусает меня и пьет кровь. Как его еще назвать?

Счастливчик, мелькнуло у меня в голове, но я отругал себя за эту мысль.

— Можно я потрогаю? — спросил я.

Она мрачно кивнула.

— Валяй.

Я дотронулся до ранок самым кончиком пальца. По краям каждой ее кожа слегка припухла, не более. Самих проколов никак не ощутить — слишком мелкие.

— Да настоящие они, — буркнула Кэт.

— Да, — тупо откликнулся я. — Настоящие.

Настоящие, но, может стать, сделанные ей самой.

Десять лет прошло.

Кэт всегда была сердобольной, озорной, мечтательной девчонкой. Она была такой в тринадцать лет. В четырнадцать. В пятнадцать. И в ту часть шестнадцатого года, которую мы еще были вместе.

Как много в этой, теперешней Кэт от той, юной?

Могла ли она потерять рассудок? Заработать психическую болезнь?

Уже само по себе то, что она заявила ко мне посреди ночи в одной ночнушке, выглядело странновато — но поначалу она не показалась мне сошедшей с ума.

Запахнув халат, она выдала:

— Я хочу, чтобы ты помог мне покончить с ним, Сэмми. Я больше не могу. Пыталась разделаться с ним сама... но он очень силен. Я подумала, что ты можешь спрятаться у меня дома и застать его врасплох, когда он заявится еще раз.

— Ты хочешь, чтоб я *убил вампира*?

— Ты ведь сможешь?

— Я не знаю, — ответил я.

— Хорошо, можешь просто пойти и посидеть со мной?

— Могу, конечно.

Автомобиль Кэт был припаркован на улице перед моим домом. По пути к нему нам никто не встретился. Я плелся в ее арьергарде, волоча чемодан.

Стояла теплая июльская ночь. Ветер мягко обдувал нас. Шел он с океанского побережья, что лежало примерно в восьми милях отсюда. Если б вам вздумалось выйти побродить в ночь в одной ночной рубашке, погодка бы благоволила.

Обойдя машину и достав из кармашка ключи, Кэт отперла багажник, куда я закинул свой чемодан. Замок оглушительно щелкнул, когда я захлопнул крышку.

Мы разделились: я пошел к дверце со стороны пассажира, она — к водительской.

— Там открыто, — сказала она мне.

В салоне, едва я распахнул дверь, зажегся верхний свет. Мы оба забрались внутрь. Кэт с трудом удерживала ночную рубашку в запахнутом состоянии. Я отвел взгляд в сторону, чтобы никого из нас не смущать.

Хлопки дверей; свет над нами гаснет.

Приведя в порядок внешний вид, Кэт завела двигатель.

— Я знаю, мне следовало одеться как надо, — сказала она.

— Славная ночнушка, — заверил я ее.

Она включила фары и повела машину в сторону от тротуарной бровки.

— Я просто хотела уйти, и чем быстрее — тем лучше. Даже не задумывалась, куда. Подвязала рубашку, схватила ключи и побежала. В итоге очутилась у тебя.

— Ты знала, где меня найти?

— Конечно. Знаю, с недавней поры.

— Что за пора такая?

Она повернулась ко мне. Я невинно посмотрел ей в глаза.

— На самом деле, — пояснила она, — я *всегда* знала, где тебя искать. Я тебя не теряла из виду.

От ее слов меня пробрало.

Кэт перевела взгляд на дорогу.

— Ты — мой островок безопасности, — сказала она. — Человек на которого, сдается мне, можно положиться в любой ситуации. Потому я и посчитала нужным знать, где ты пребываешь. На всякий случай.

— Должен сказать, найти меня не всегда просто.

— Я поддерживала отношения с Лин.

— С моей сестрой?.. Стой, она никогда не говорила мне...

— Это был наш девичий секрет.

— Не могу поверить, что она не заложила мне тебя.

— Она не хотела оставлять тебе лишних надежд. Тебя бы это до ручки довело. Не пойми превратно, но я просто хотела знать, где тебя найти, если что. Я тебя не домогалась.

Я поморщился.

Но говорить ничего не стал.

Из отношений с Кэт я вынес следующую нехитрую истину: расклеиваться и строить из себя дитя малое рядом с девушкой — не решение проблем, да и вообще, не мужицкий удел. Всегда сохраняйте достоинство. Ежели не хотите прослыть чурбаном.

— Ладно, почему именно в эту ночь?.. — спросил я. — С этим вампиром, как я понял, ты имеешь дело уже некоторое время, но отчалить от своих беспокойных берегов к моему, как ты сказала, *островку безопасности* ты решила только теперь.

Кэт обратилась ко мне, потом снова — к дороге.

— Я не знаю, почему, — сказала она. — Я уже начала готовить себя к его сегодняшнему приходу, но потом...

— Подожди, *готовить себя к его приходу?*

— Он хочет, чтобы я выполняла этакие... ритуальные штуки перед его появлением. Принимала ванну... еще кое-что. Зажигала свечи.

— И ты делала это ради него? *Вампира*, которого хочешь убить?

— Все сложно.

— Да я уж понял...

Она одарила меня взглядом. Выражение ее лица было скрыто от меня тенью... так же, как и выражение моего — от нее. Возможно, это было к лучшему.

— Мы... пришли к пониманию, — сказала Кэт. — Эллиот... и я.

— Эллиот? Твоего вампира зовут *Эллиот*? А какая фамилия?

— Я не знаю. Он никогда не говорил мне. Возможно, и Эллиот — не его истинное имя.

— Кому придет в голову назваться *таким* именем?

— Не знаю. Вампиру, надо полагать. Вообще, по-моему, он много о чем мне врет.

Я почесал в затылке.

— И к какому же *пониманию* вы с ним пришли?

— Мы договорились ладить. Раньше я с ним дралась. Я имею в виду, он заявился ко мне, будто насильник, глубокой ночью — понятное дело, я сопротивлялась. Я бы убила его, если бы могла. Но против него ничего не действует. Он всегда берет либо силой, либо умом. Что бы я не предпринимала, последнее слово всегда за ним. Потом он... наказал меня. — Она со вздохом посмотрела на меня. — Вот мы и заключили перемирие. Я не пытаюсь прикончить его, он — не делает... со мной... *определенные вещи*.

— Как долго это все происходит? — услышал я свой голос. Он казался мне чужим. Будто кто-то лишь притворялся мной, подражал. И — пытался мыслить здраво. Я же внутри весь кричал и вместе с тем смеялся от всего того абсурда, что Кэт вываливала на меня.

— Он начал свои ходки ко мне примерно год назад, — ответила она.

— *Год?*

— Он не каждую ночь приходит. Он дает мне некоторое время, чтобы оправиться от его выходов.

— Бог мой, — выдохнул я.

— Сегодня у меня просто сдали нервы. Это ведь как... как быть его шлюхой. Я так отвратно себя чувствую после него. Мной пользуются. Стыдно. А страшней всего то, что мне *нравится*, когда он меня использует. Я это *обожаю*. А потом — ненавижу себя за это.

Когда она сказала «ненавижу себя», ее голос задрожал, и она расплакалась. Тихо хныкая, она наклонилась к рулю, едва не стукнувшись об него лбом. Мы проехали под уличным фонарем, и я увидел серебристые дорожки слез на ее щеках.

Не могу спокойно смотреть на плачущих женщин.

А плач Кэт и вовсе разбивал мне сердце.

Я опустил руку ей на плечо.

— Все наладится. Все в порядке.

— Нет, — помотала она головой. — *Ничего* не в порядке

Ее плечо дрожало от рыданий. Маленькое, теплое и гладкое. Сказать мне было больше нечего. А она все плакала и плакала, ссутулившись и обняв руль.

Моя ладонь скользнула вниз от ее плеча. Ощущать спинку Кэт сквозь шелк было приятно. Я верил, что утешаю ее, но сейчас — тешил еще и себя.

Успокоилась она не скоро. Хлюпая носом, вытерла глаза руками и, отпустив злосчастный руль, откинулась на спинку сиденья, едва не поймав мою руку в ловушку. Впрочем, я успел убраться вовремя. Кэт сделала глубокий вдох, неровный, хриплый — будто внутри нее легкие содрогались тоже.

— В общем, — подвела черту она. — Я готовилась к его приходу. Вымылась, как обычно. А потом, вылезая из ванны, посмотрела в зеркало... — Она покачала головой. Притихла. — Я часто вижу себя в зеркале, но сегодня все было иначе.

— Ты не видела себя в зеркале?

— Что? — Она позволила себе смешок — неплохо для человека, секунду назад рыдавшего в три ручья. — О, нет. Конечно же, я себя видела. В этом-то и проблема. Видела, да не понимала, что вижу. А этой ночью меня как по макушке хлопнуло. Я увидела ранки. Увидела, какой стала худой. Какой выгляжу уставшей. Только тогда я поняла, во что превратилась. В вампиров леденец. Полночный перекусончик. И поняла, что вот так вот пройдет остаток моей жизни, что это теперь моя *судьба*. Да и нет у меня больше жизни, как таковой. Я — его, и он меня уничтожает. Так что я не стала его ждать. Я просто убежала. Давно надо было так сделать. Есть такие вещи... с ними уживаешься очень-очень долго, даже если понимаешь, насколько они ужасны, но потом переходишь черту и понимаешь, что нужно это все прекратить... даже если через свой труп.

— Как думаешь, он захочет убить тебя? — спросил я.

— Если у него не выйдет поймать меня снова, конечно, он убьет меня. Но не думаю, что он захочет меня *потерять*. Подумай — этот парень может заполучить кого угодно, но приходит все время к одной мне.

— Понимаю, — кивнул я.

— Вот видишь, какой я подарок.

— Как думаешь, он влюблен в тебя?

— Нет. Ты издеваешься? Если то, что он со мной делает — проявления его *любви*, не хотела бы я узнать, как он ненавидит.

— Но он возвращается снова и снова.

— Не знаю, что он во мне нашел. Может быть, я напоминаю ему кого-то. Потерянную возлюбленную из его трансильванского прошлого.

— Так он из Трансильвании?

— Это была шутка, Сэмми.

— А.

— Не знаю я, откуда он взялся. Может, из самого ада. С радостью бы отправила его обратно. Если повезет — в течение этого часа отправлю.

Часы на приборной панели показывали 23:05.

— Я думал, ты хотела, чтоб я его туда отправил.

— Будем работать вместе. Я отвлеку его, ты к нему подкрадешься.

— И с чем же?

— У меня заготовлены и молоток, и кол.

— Господи, — пробормотал я.

— Можешь спрятаться в шкафу в моей спальне.

— Похоже, у тебя все давно продумано.

— Я весь этот год строила планы по его устранению. Я *пыталась* его устранить. Все шло коту под хвост. Его нужно застигнуть врасплох.

— Разве у вампиров нет экстрасенсорных способностей? — спросил я.

— А что, должны быть?

— По иным слухам, водятся.

— Если Эллиот — экстрасенс, он хорошо скрывает это.

— То есть ему не явится заранее образ меня, прячущегося в шкафу?

— Он может *ощущать*, что что-то не так. Но крайне условно. И, как правило, он всегда сосредоточен на одной только мне. Ему не придет в голову лезть в шкаф с подозрениями.

— Надеюсь на это, — хмыкнул я. — Он появляется к полуночи?

— Ровно в полночь.

— Что, если в этот раз он заглянет пораньше?

— Тогда нам крышка, — сказала Кэт. — Но он никогда не приходит раньше срока. Чрезвычайно пунктуальный вампир. Наверное, из-за всех этих их проблем с солнечным светом и всего такого прочего.

— Это тоже шутка? — уточнил я.

— Ага. Я не знаю, зависит ли он хоть как-то от восхода солнца. Он всегда управляется до первых лучей. И он мне не рассказывал о таких вещах. Об особенностях строения вампиров. Он говорит, что знание его секретов даст мне власть над ним.

— Почему ты считаешь его вампиром? — спросил я.

Она с сомнением посмотрела на меня.

— Он кусается. — Она снова уставилась куда-то за ветровое стекло. — Он пьет мою кровь.

— Это и у *меня* бы вышло.

— А вышло бы у тебя приходить в закрытый на все замки дом и уходить из него по своему желанию, не оставляя ни единого следа, что говорил бы, *как* это у тебя получается?

— У меня, допустим, не вышло бы, но у других — почему бы и нет? Эскаписты, некоторые талантливые грабители, трубочисты...

— Сэм, он — *вампир*.

— Откуда ты знаешь?

— Едва ли не отовсюду.

— Ты когда-нибудь видела, чтобы он вытворял что-нибудь... ну... сверхъестественное?

— Наподобие превращения в летучую мышь?

— Да, вроде того.

— Я *знаю*, что он — вампир, — отрезала она. — Нет, ни в чем таком колдовском он не замечен.

Она вырулила вправо на тихую улочку. Автомобили были припаркованы с обеих сторон дороги, но наш вроде бы был единственным двигающимся. Кэт вела неспешно.

— Так ты не хочешь мне помочь. Ты к этому клонишь? — спросила она.

— Совсем не к этому. Конечно, я помогу тебе. Просто хочу узнать побольше о том, с чем предстоит иметь дело.

— Эллиот — вампир, и он приходит в полночь, чтобы пить мою кровь. Ты все сразу сам

поймешь. Стоит только раз увидеть.

Я посмотрел на часы.

23:14.

— Как далеко твой дом отсюда?

— В двух кварталах.

— Не опоздать бы к полуночи.

— Поплюй и постучи по дереву.

Райончик был — в самый раз для разгула нечисти. Мачты уличных фонарей разделяли продолжительные зоны беспроглядной темени. Толстые ветви деревьев маячили над головой, бросая на тротуар кривые тени. Дома выглядели старыми. Большая их часть была оснащена пристройками, и почти ни в одном окне не горел свет. Несколько крылец были освещены, но довольно скудно. В целом, эта часть города производила впечатление какой-то уж слишком темной.

Мне сразу вспомнились пейзажи из детства, из времен, далеких от встречи с Кэт Лоример — родился и вырос я близ Чикаго, это потом уже моя семья, миновав полстраны, переехала в Калифорнию. Напоминала обстановка Хэллоуинскую ночь — время, когда я, ребенком, расхаживал вниз да вверх по ветреным сумрачным улицам со своей пугательно-конфетной миссией, сам напуганный до полусмерти большую часть времени.

В те времена я все еще верил много во что.

В том числе и в тварей, что шастают ночью.

В том числе и в вампиров.

— Вот мы и приехали, — сказала Кэт, сворачивая на подъездную дорожку.

Как и к большинству старых домов в Южной Калифорнии, к этому прилагался гараж на две машины, уютящийся на задворках. Фары бросили на него свет. Заезжать туда мы, впрочем, не стали. Кэт остановилась прямо на подъездной дорожке, аккуратно перед домом.

Часы на приборной панели показывали 23:19. Кэт заглушила двигатель, фары погасли, и нас окутала темнота.

Мы выбрались из машины. Кэт, прижимая рукой полы ночной рубашки, потянулась и вытащила ключ из замка зажигания. Захлопнула дверцу.

— Пошли.

— Мой чемодан, — напомнил я.

— Пусть побудет пока в багажнике. Заберем позже. Так он не попадетсЯ Эллиюту на глаза.

— Хорошо.

Я вдруг задался вопросом, зачем мне вообще нужен был этот чемодан. Если все, что здесь нужно сделать — шлепнуть парня, появляющегося в полночь, почему бы мне, по завершении дела, просто не поехать домой?

Может быть, Кэт просто не хочет оставаться одна в эту ночь.

Может, она планирует вознаградить меня потом.

Какими бы ее пожелания ни были — я их выполню. Все, что угодно. Лишь бы быть с ней.

Мы пошли по бетонной дорожке, ведущей от проезжей части через лужайку к крыльцу. Медового цвета лампочка светила над дверью. Кэт взбежала по лестнице вперед меня, чтобы открыть первую дверь. Я последовал за ней и помог ей разобраться со второй дверью, придерживая первую.

Вошли мы бок о бок.

Первая дверь, похоже, была из цельного дуба. Закрыв ее, Кэт задвинула тяжелый засов.

Я огляделся. Пол фойе, в котором мы очутились, был деревянный. Над нашими головами висела массивная люстра. Перед нами на второй этаж взбегала лестница. Узкий коридор, слева от лестницы, протянулся к задней части дома. По обе стороны от нас были дверные проемы, но свет в комнатах, к которым они вели, не горел. Единственным источником освещения служила люстра, чей свет явно поубавили через реостат: лампочки источали не многим больше света, чем обычные свечи.

Дом казался очень тихим.

— Есть шанс, что он может быть уже здесь? — тихо осведомился я.

— Никаких. — Кэт криво усмехнулась. — И нечего говорить шепотом.

— Тут такая темень.

— Пошли наверх.

Она повела меня. Я держался на несколько ступенек ниже. В итоге мои глаза и ее филейная часть оказывались все время на одном уровне.

— У тебя должна быть свеча, — сказал я. — Чтоб совсем уж как в этих викторианских рассказах о нечистой силе в старых домах.

— Голос у тебя нервный.

— Вообще-то, я нервничаю.

— Все будет хорошо, — сказала она.

— Будет, только если Эллиот — плод твоего воображения.

— Тебе-то это облегчит участь, а мне — нет. Потому что тогда выйдет, что меня нужно упечь в дурку. Но я не чокнутая, — заверила она меня.

Едва мы достигли конца лестницы, я подметил, что с левой стороны лестничный пролет не огорожен. Моя голова поднялась выше уровня пола, и я бросил взгляд через частокол деревянных стоек перил. Откуда-то лился тусклый свет. Я с трудом углядел полосу коврового покрытия и несколько темнеющих дверных проемов. Повернув голову, я обнаружил, что свет шел из комнаты в передней части дома. Дверь туда была распахнута настежь, позволяя свечению вытекать в коридор.

Кэт оказалась наверху. Положив руку на деревянные перила, она бросила взгляд через плечо на меня.

— У тебя светобоязнь? — спросил я.

— Я готовилась ко сну.

Готовила себя к Эллиоту.

Когда она подошла к двери в комнату, свет изнутри пал на ее ночную рубашку, сделав шелк полупрозрачным. Мне были видны ее ноги — целиком, до самого верха. И когда она повернулась, перед тем, как войти в комнату, контур ее правой груди превосходно вычертился сквозь тонкую ткань.

Я прошел следом.

Одинокая лампа горела рядом с двуспальной кроватью Кэт, застеленной и готовой принять свою хозяйку.

Простыни были черные, блестящие.

Черные незажженные свечи стояли на тумбочках по обеим сторонам от изголовья.

— Он любит черный, — пояснила Кэт.

— Да я уж вижу. Хэллоуин в июле. Удивительно, что он мирится с твоей голубой ночной рубашкой.

— Я не ношу ее, когда он здесь. — Сказала она это таким тоном, что я сразу почувствовал себя паршиво.

Расспрашивать подробнее я не решился.

Наши взгляды синхронно легли на электронные часы в изголовье кровати.

23:23.

Мы посмотрели друг на друга.

В ее глазах билась тревога.

В моих, возможно, было что-то и похуже.

Через тридцать семь минут кто-то незнакомый и страшный должен появиться здесь. Незнакомый, по крайней мере, *мне*. И я должен был убить его.

Верилось с трудом.

Все события этой ночи, начиная с нежданно объявившейся у моей двери Кэт и заканчивая моим приездом сюда, были какими-то фантастическими. Напоминали фрагмент сна.

Я нужен ей для убийства вампира?

Через тридцать семь минут он будет здесь. *Кто-то* будет здесь. Если Кэт не солгала. Если она не сошла с ума. Если я не сошел с ума.

23:24.

— Он *точно* не придет пораньше? — спросил я.

— Он никогда не приходит раньше срока. Но подготовиться можно уже сейчас, ведь так?

— Конечно.

Пройдя через комнату, она остановилась перед большим дубовым комодом. Тот был увенчан здоровенным зеркалом — по моим прикидкам, чуть меньше двух метров в высоту и чуть больше метра в ширину.

В отражении я на мгновение узрел — благо, полы ее ночной рубашки снова чуть разошлись, вниз, до самой талии — бледные грудь и живот Кэт.

Зеркало?

— Он не заставил тебя убрать зеркала?

— Он любит зеркала.

— И что, даже отражается в них?

— Еще как. — Кэт присела перед комодом и выдвинула самый нижний ящик. — Старые зеркала были обрамлены настоящим серебром, вот откуда пошла эта легенда.

— Правда? — Я подошел к ней поближе и заглянул в ящик. На первый взгляд, все, что в нем было — аккуратно уложенные свитера.

— Да, потому-то вампиры и боялись их, — сказала она, шаря в зазоре между двумя стопками свитеров. — Из-за серебра. А боязнь серебра как-то завязана на Библию. Вроде как, из-за того, что Иуде заплатили серебряниками.

Она извлекла из-под свитеров молоток.

Ну, не совсем молоток.

Скорее, кухонная колотушка.

Колотушка с короткой ручкой и стальной головкой размером с большую кофейную чашку. Выглядела штука новехонькой — на ручке из светлого дерева все еще была фабричная наклепка. Головка была выкрашена в небесно-голубой цвет — за исключением рабочего торца, тускло сереющего, будто полированный никель.

Кэт протянула колотушку мне. Я взял ее.

Весила эта штука килограмма два.

— *Господи*, — пробормотал я.

— Так вот, — Кэт снова принялась копаться в свитерах, — для рам и подложек зеркал серебро больше не используют. Теперь вампиры могут наслаждаться ими беспрепятственно.

— Это тебе Эллиот рассказал?

— Нет. Я же говорила, он никогда не говорит мне ничего о вампирской природе. Но я почитала кое-что сама.

Ее рука вынырнула из вороха свитеров с деревянным колом.

Она воздела орудие над головой.

— Вот, пожалуйста. — Я принял и эту штуку.

Походил кол на сорокасантиметровый дюбель. Диаметр где-то сантиметра три-четыре. Уплотненный с одного конца, заточенный до остроты с другого.

— Ты сама его вытесала? — спросил я.

— Да. — Она уложила свитера по-старому, захлопнула ящик, выпрямилась и повернулась лицом ко мне. — Как думаешь, сгодится для дела?

— Думаю, должен.

Она взаправду хочет, чтоб я *убил* этого парня.

Хоть события ночи и дошли до самой своей ирреальной точки, я почему-то начал воспринимать все более приземленно и здраво.

Может быть, потому что сейчас держал в руках кол и молоток.

— Метод Ван Хельсинга, — со страдальческой улыбкой произнесла Кэт.

— Он самый.

— Бей в сердце.

Я сделал глубокий вдох и кивнул. Надеюсь, она не видит, как я весь дрожу.

— Прибей его, пока он будет верхом на мне. Пока он будет чертовски уязвим. Забей эту штуку ему прямо в спину.

— А что, если она пройдет насквозь и ранит *тебя*?

— Дай-ка его мне.

Я протянул ей кол.

Она взяла его за заточенный конец и занесла над грудью.

— В нем тридцать пять сантиметров, — сказала она.

Из-за того, что ее ночная рубашка вновь распахнулась, мне было довольно трудно сфокусировать взгляд на каком-то там деревянном колышке. Вырез теперь едва прикрывал ее груди, но сузился ниже. Прямо над завязкой ослабленного пояса был виден пупок Кэт. Ниже полы рубашки тоже чуть разошлись в стороны.

— Эллиот будет где-то с полметра толщиной в центре груди, — сказала она, все еще не отрывая зачарованного взгляда от кола.

Я поднял брови.

— И как ты это узнала?

— Обмерила продавца в хозяйственном магазине. Где покупала деревяшку и молоток. Он был примерно одной с Эллиотом комплекции. Вышло — тридцать сантиметров.

— Но эта штука длиннее тридцати.

— Тридцать пять.

— Так тебя не страшат пять сантиметров заточенной деревяшки в груди?

Кэт улыбнулась мне.

— Не вколачивай его целиком, гений.

Она отмерила большим и указательным пальцем сантиметров семь от тупого конца кола. Я смотрел чуть-чуть мимо. На ее грудь позади, задрапированную голубой тканью. Соски Кэт отвердели. Шелк обнимал ее формы, подобно нежной водяной завесе.

— Оставь вот столько торчать из его спины, и со мной ничего плохого не будет.

Я перевел-таки взгляд на кол.

— Хорошо. Так и сделаю.

— Это убьет его. — Она вернула кол мне.

Наши глаза встретились.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Я никогда раньше не убивал, Кэт. Никого.

— Он — не человек, Сэм. Он вампир.

Если ты не ошиблась.

— Я никогда раньше не убивал вампира, если угодно, — поправился я.

— Но ты это сделаешь?

Я одарил ее бравой ухмылкой.

— Для вас, мэм, что угодно.

Она протянула руку и погладила меня по щеке.

— Ты спасешь мне жизнь, Сэмми. Не могу больше терпеть его визиты. Это *должно* прекратиться.

— Ну, я сделаю все, что смогу.

— Это все, чего я прошу, — сказала она. — Ее рука нежно скользнула по моей шее, замерла. — Но если ты поймешь, что не готов — лучше не начинай. Если ты замешкаешься... будешь недостаточно быстр или недостаточно силен... все кончится плохо. Для нас всех.

Я кивнул.

— Я имею в виду, просто не выдавай себя, если не будешь готов убить его.

— Хорошо.

— Подожди, пока он закончит, и иди домой. Ладно?

Я кивнул.

— Усек. Но я его одолею.

Она нежно сжала мою шею.

— Ладно, хватит нам готовиться. Тебе нужно в ванную?

— Сколько у нас времени осталось?

— А много тебе нужно?

Я криво ухмыльнулся.

— Минутки должно хватить.

— Тогда иди. Вон туда. — Сняв руку с моей шеи, она кивнула в сторону открытой двери всего в нескольких шагах слева от комода. — Давай я подержу эти штуки.

Я вручил ей кол и молоток, быстренько глянул на часы.

23:29.

Прежде чем я успел малодушно отвести глаза, время сменилось на 23:30.

Хоть в запасе у нас и было еще целых полчаса, я будто проглотил ледышку.

Дунув в ванную, я включил свет и закрыл за собой дверь. Меня обступили зеркала. Целая банда Сэмов озадаченно пялилась на меня со всех сторон.

Я был все так же небрит и нечесан. На мне красовались все те же рваные джинсы и футболка с хитрым грифом.

Кто пустил сюда этого парня? Он что, должен починить сортир?

Отнюдь, он зашел сюда отлить.

Этим я и занялся.

Кому-то пришло в голову поставить зеркало аккуратно за бачком, и я был вынужден наблюдать чрезвычайно увлекательную картину: мой зеркальный двойник облегчается мне же на колени.

Я закончил и вышел из ванной так быстро, как только мог.

Кэт сидела на краешке кровати, сложив руки на коленях. Молоток — по одну сторону, кол — по другую. Она закусилла нижнюю губу.

Я посмотрел на часы. 23:32.

— Эй, ты в порядке?

— Просто немного страшно. Если что-то пойдет не так... Я уже жалею, что впутала тебя.

Я подошел Кэт, сжал ладонями ее плечи.

— Не бери в голову. Ты мне в жизнь перцу подбавила.

— Этот *перец* может, в итоге, угробить и тебя, и меня.

— Ничего с нами не случится, — отмахнулся я. — У тебя просто лихорадка последних минут.

— Потому что я не знаю, что он сделает с нами!

— *Ничего*, Кэт. Он будет мертв.

— Боже, как я на это надеюсь.

Я нежно сжал плечи Кэт. Взял кол и молоток, присел рядом, вплотную к ней.

— Не возражаешь?

Она одарила меня хмурым взглядом.

— Господи, конечно же, нет.

Дальняя стена, которую от изножья кровати отделяло метра четыре, состояла будто бы целиком из раздвижных дверей — закрытых, выкрашенных в белый, с золотистого цвета ручками. Открытой стояла только дверь в самом конце ряда, ведущая в коридор.

— Это все — один большой шкаф, — сказала Кэт, поднимаясь на ноги. — Пойдем, я покажу тебе.

Я прошел за ней к дверям. Кэт сдвинула одну.

Сунув голову внутрь, я посмотрел направо, затем налево. Шкаф был узкий и длинный. Тонкие столбики света проникали в щели между створками дверей. Места бы тут хватило десяти таким, как я. Пространство у самых дверей было освобождено от обуви и других препятствий. Одежда была развешена по всей длине шкафа, но от перекладины с вешалками до дверей было чуть меньше метра свободного места, так что, вздумай я караулить ночного гостя внутри, мне бы не пришлось с чертыханиями и шумом продираться сквозь изобилие гардероба Кэт.

Хотя, об изобилии и не приходилось говорить. Несмотря на то, что вешалки заполняли основные пробелы, шкаф выглядел полупустым.

Наверное, винить в этом следовало ее умершего мужа.

Я вдруг осознал, что даже не знаю его имени.

Но, признаться, я и не желал знать.

Вынырнув из недр шкафа, я кивнул Кэт.

— Пойдет, — сказал я.

— Эллиот никогда сюда не совался, — сказала она мне. — Вполне возможно, он *никогда* не видел хоть одну из этих дверей открытой. Так что тебе ничего не угрожает. Главное — не шуметь.

— Постараюсь.

— В комнате будет темно. Гореть будут только свечи. И, будучи на кровати, спиной он развернется как раз к тебе. Он не заметит, если какая-нибудь дверь чуть-чуть приоткроется.

— Прекрасно.

— Есть вопросы?

— Срочных — никаких.

После моих слов мы оба глянули на часы.

23:35.

По моей спине проползли мурашки.

— Наверное, лучше мне забраться внутрь и ждать, — сказал я. — На случай, если он все же явится пораньше.

— Не явится, но ты прав. Я должна тут кое-что сделать, так что прячься, если хочешь.

Потом действуй по обстоятельствам.

Кивнув, я шагнул в шкаф. Помедлил. Обернулся к ней:

— Всего один вопрос: у нас будет какой-то сигнал?

— Сигнал? К чему? — удивленно спросила она.

— К моей атаке, вестимо.

Закусив губу, она насупилась и помотала головой.

— Нет, не думаю. Просто следи за нами. Выжди момент, когда он на мне и занят моим опустошением. Потом действуй быстро. Когда я пойму, что ты на пути, я попробую удержать его. Ударь его колом в спину и *пришипондюрь* мерзавца.

— Ладно, — нашелся я. Теперь меня била *нешуточная* дрожь.

— И вот еще что. Будет... *грязно*. Если не хочешь заляпать одежду кровью, лучше сними ее.

— Хорошо.

— И, пожалуйста, сделай это *до* его прихода.

— Ладно.

Она чуть улыбнулась.

— Кто-то покраснел.

— Я что, серьез...

— Ты такой милый.

Мне почему-то не понравилось, как это прозвучало. Но потом она положила руки мне на плечи, подалась вперед, так, что наши тела встретились, и поцеловала меня прямо в губы. Нежно.

Ее губы были прекрасны. С тем самым ароматом зефира и мяты. Я почувствовал, как ее груди мягко вдавились в меня.

Увы, долго это не продлилось.

Отстранившись, она взглянула мне в глаза.

— Ты, наверное, единственный парень, пошедший бы на подобное ради меня.

— Ну, не знаю. — Я развел руками.

— Зато я знаю, — произнесла она. — За это я тебя и люблю.

Было 23:37.

Я скользнул в шкаф и задвинул за собой дверь.

Замерев в шкафу и таращась сквозь мрак на дверь в считанных сантиметрах от моего носа, я пытался осмыслить случившееся. С одной стороны, было круто. С другой — тот еще ужас.

Я обнимал и целовал Кэт считанные разы за всю свою жизнь. Ни разу — за минувшие десять лет. Все это время я, тем не менее, скучал по ней. Я жаждал ее общества. А теперь она сама обняла и поцеловала меня.

Что-то из разряда небылиц.

Но *чертовски* здорово. Мечта, ставшая реальностью.

И она сказала, что любит меня.

Если не принимать в расчет то, что сказала она все же кое-что другое.

Она сказала *за это я тебя и люблю*.

То есть, благодарна за то, что я согласился ей помочь, не более. И этот поцелуйчик был не более чем знаком благодарности, а не проявлением каких-то высоких чувств.

Иные вещи в нашей жизни никогда не меняются.

Как бы сильно я не любил Кэт в мои юношеские годы, она всегда воспринимала меня только как хорошего друга. Парня, который всегда рядом. По крайней мере, до переезда в Сиэтл. Трудно быть рядом с кем-то, кто уехал жить за тысячу миль от тебя.

Моя приверженность интересам Кэт явно произвела на нее хорошее впечатление. В конце концов, она интересовалась мной. В конце концов, она обратилась именно ко мне, когда понадобился хороший устранитель проблем.

По крайней мере она вернулась.

По крайней мере, сейчас она со мной.

И, если посчастливится, эта ночь не станет для нас последней в жизни.

Уже этого было достаточно.

Более чем достаточно.

Я не нуждался в том, чтобы Кэт *любила* меня. Пусть она просто будет рядом. Чтобы я мог видеть ее, говорить с ней, быть может, иногда касаться ее.

Большого и не требуется.

В шкафу, и без того темном, вдруг стало темнее. Столбики света пропали из прорех между дверьми.

Интересно, сколько сейчас времени.

Сколько осталось до прихода Эллиота.

Я никогда не носил наручные часы, меня всегда выручало хорошее врожденное чувство времени. С Кэт я задержался минуты на две-три. Значит, сейчас где-то около сорока минут двенадцатого.

Осталось двадцать минут.

Ничего не было видно.

Стиснув кол в правой руке, я решил пройти чуть вперед до ближайшего стыка створок двери. Нащупав в темноте проем, я чуть раздвинул створки в стороны.

Чуть-чуть мутного света вторглось в мое убежище.

— Как там дела? — спросила Кэт. Голос ее звучал издали.

— Пока хорошо, — отозвался я. — Разве я так сильно шумел?

— Я ничего не слышала.

— Ладно. Сколько сейчас времени?

— Без четверти двенадцать.

Ну вот. Пятнадцать минут до.

— Ты бы уже снял одежду, если до сих пор этого не сделал.

— Хорошо.

Ладно, взаправду, пора разобраться с этим дельцем. Разборки, правда, вышли не из легких. Развернувшись боком, я опустил кол и молоток на пол. Вытворая чудеса эквилибристики, сдернул ботинки и носки. Пытаясь снять футболку, я с силой впаял локоть в дверь.

Кэт испуганно вскрикнула в спальне.

— Извиняйте, — подал я голос.

— Ты в порядке?

— В полном. Просто тут тесновато для стриптиза. И не слишком светло.

— Не убейся там, пожалуйста.

— Постараюсь.

С джинсами, в сравнении с футболкой, все вышло просто. Едва я расстегнул их, они упали к моим лодыжкам, и я просто вышел из них.

В несколько энергичных пинков я загнал одежду в дальний угол шкафа.

Трусы снимать я не стал. Понимаю, под попытки сохранить старую джинсовую пару и футболку-обрыганку от кровавых фонтанов еще можно подогнать хоть какую-то рациональную базу, но не стоять же мне в наряде Адама в шкафу Кэт. И потом, вы где-нибудь видели голозадых охотников на вампиров? Я вот не видел.

Трусы сослужили хорошую службу в плане освобождения моих рук от лишней ноши. Заткнув за пояс кол, я переложил молоток в правую руку, свободно вытянув ее вдоль бедра.

Ну что ж, я готов.

Долго ли до полуночи?

Минут десять-двенадцать, надо полагать.

Подавшись вперед, я выглянул в щель между створками. По комнате плыл мягкий, золоченый свет свечей. Часть кровати была видна, а вот Кэт что-то не просматривалась. Просунув пальцы в щель, я очень медленно и осторожно отодвинул одну из створок в сторону. Она скользнула прочь беззвучно.

Образовавшийся проем вряд ли был больше двух сантиметров в ширину, зато давал отличный вид. Я обозревал теперь всю кровать целиком и даже тумбочки со свечами. Пара громоздких подсвечников теперь высилась у изножья кровати, по одному на угол. Раньше их там не было. Размером они были мне по пояс. В них было установлено по две большие черные свечи.

Черный атлас простыни мерцал, как гладь озера в горящем лесу.

Где же Кэт? Ни слуху, ни духу от нее. Она что, ушла?

Она упоминала, что собирается сделать что-то. Провести какие-то приготовления перед приходом Эллиота-Вампира.

Что, если он появится здесь, а Кэт тут не будет?

Да будет она тут, заверил я себя.

Возникла одна неприятная мыслишка: *меня, наверное, подставили.*

Ну, нет. Такого бы Кэт со мной делать не стала.

Но вдруг?.. Я ее десять лет не видел. Одному Богу известно, кем она стала.

Возможно, все, что она мне наговорила этой ночью — ложь.

Но ранки у нее на шее настоящие, напомнил я себе.

Возможно, она их сама себе нанесла.

Но если ей так уж захотелось разыграть меня, зачем городить этот безумный огород с вампиром и всем остальным? Зачем вооружать меня смертоносными орудиями?

Шутки ради?

Я воспыпал тихой ненавистью к своему мыслительному процессу. Что ж, наверное, подобные сомнения — неизбежны. Во-первых, ее история больше похожа на сказку. Во вторых, она запихнула меня в шкаф — и ушла куда-то восвояси.

Может, она хочет скормить меня Эллиоту?

Вот уж глупости, подумал я. Этот парень, наверное, вообще не вампир.

«Наверное»?

Еще более диковинная мысль родилась в моей башке: *может статься, они оба — вампиры.*

Хорошо, подумал я, но если я — почетное блюдо сегодняшней ночи, зачем меня снарядили колом и молотком?

Чтобы у меня остался шанс отбиться?

— Уже скоро, — произнесла Кэт.

Я вскочил, ненароком стукнув молотком по двери.

— Черт побери! — пискнула она.

— Прости, — пробормотал я. Мне все еще не было ее видно.

Но ее тяжелое дыхание доносилось отчетливо.

— Все в порядке, — выдохнула она. — Ты меня просто очень-очень напугал.

— Я думал, ты ушла.

— Я только что из ванной.

— О как.

Большие приготовления. Я — почетное блюдо. Все становится на свои места.

— Что это было? Молоток? — спросила она.

— Он самый. Я просто резко вскочил.

— Не делай так больше. Вдруг он близко?

— Обещаю быть осторожнее.

— Просто уже без пяти минут полночь.

— Приму в расчет.

— Ты как там, нормально?

— Просто немного нервничаю, вот и все.

— Нечего нервничать. — Хоть я ее и не видел, по голосу понял — она улыбается. Это подарило мне капельку облегчения.

— Да я спокоен, как слон, — пробурчал я, и услышал, как она тихо хихикнула.

— Нам лучше больше не разговаривать. Слишком много времени.

— Хорошо.

— Удачи тебе.

— И тебе, Кэт.

Мгновение спустя, она появилась в поле моего зрения. Шла она от ванной. Ее ночная рубашка исчезла. Теперь на Кэт не было ничего, кроме глянцевого слоя какого-то

бальзама.

Не глядя в мою сторону, она прокралась к кровати и легла. На ложе не было подушки, одна лишь простыня цвета нефти.

Кэт развалилась на кровати — лицо к потолку, руки в стороны, ноги раздвинуты.

Она лежала, будто беззастенчиво предлагая себя.

Ее кожа блестела в свете свечей.

Его шлюха. Вампиров леденец. Полночный перекусончик.

Я уставился на Кэт в шоке, не веря своим глазам. Никогда бы не подумал, что увижу свою любимую, желанную, девушку мечты в таком виде.

Лишь в самых смелых своих лихорадочных фантазиях я видел Кэт голой.

И то, даже в них она не была такой, как *сейчас*.

В моих фантазиях не было свечей, черных простыней и масел. В моих фантазиях она не лежала с затвердевшими сосками, расставив ноги будто единственно для того, чтобы я мог видеть блестящую расселину между ними.

Впрочем, это все было предназначено не мне.

Это все — для ее вампира, не для меня.

Ух, больной сукин сын Эллиот.

Я любил Кэт, я мечтал о Кэт. Но в итоге она досталась какому-то садисту, который приходит каждую ночь пить ее кровь. Как так бывает?

Дуракам везет?

Я ненавижу Эллиота.

Почти ненавижу *ее* за то, что она ему подыгрывает.

И все же — любил. И жалел *ее* за все эти унижения. И хотел спасти.

Что-то черное скользнуло откуда-то со стороны, перекрыв мне обзор, заслонив и кровать, и Кэт, и тумбочки, и почти весь свет.

Поначалу я даже не понял, что случилось. Потом до меня дошло.

Эллиот стоял передо мной. Почти вплотную к проему, и сейчас я лицезрел его спину. *Надеюсь, это спина.*

Я затаил дыхание, гадая, может ли он слышать мое сердцебиение.

Чертовски близко стоит, гад.

— Иди сюда, — хрипло позвала его Кэт.

Он, не проронив ни слова, направился к кровати. По мере его отдаления моим глазам открывалось что-то большее, чем клубок чернильной тьмы. Казалось, фигура Эллиота струится вперед и обретает четкие контуры.

Он замер в нескольких шагах от шкафа.

На глаз я дал бы ему метр восемьдесят роста. Светловолосый, коротко стриженный. Оттопыренные уши, длинная тощая шея, узкие плечи задрапированы черной накидкой.

Он совсем не отвечал моим представлениям о вампирах.

Я-то вообразил себе Эллиота этаким Томом Крузом: хорошо сложенный лощеный красавчик.

Но вот этот вот гоблин?..

Как Кэт вообще?..

Она боялась, вот как. Страх творит чудеса.

Моя ревность растворилась в море холодной ярости к этому сукину сумасброду.

Его плащ скользнул на пол.

Он был наг под ним. Смертельно бледен. И худ.

И это почему-то добавило ему некой статности. Он больше не походил на уродца.

А я вдруг перестал чувствовать себя большим и взрослым.

Я снова стал ребенком, напуганным до полусмерти. Ребенком, верящим в тварей, что шастают во мраке ночи.

Когда Эллиот подошел к кровати, ноги Кэт стали видны по обе стороны от него. До коленей — плавно переходя в бледную вампирову плоть.

— С чего начать? — спросил он. Его голос звучал удивленно. — Такое великолепное пиршество подано одному лишь мне. — Он покачал головой. — О, раздумья, раздумья...

— Начни с чего желаешь, дорогой.

Я ожидал, что он заползет на кровать. Но Эллиот так не поступил. Вместо этого он шагнул вправо и поднял ногу Кэт. Отступив, он открыл мне вновь почти полный обзор.

Неспешно Эллиот притянул Кэт к себе за ногу. Затем принялся тереть ее ступню о свою кожу. Начав от бедра, он неторопливо поднимался все выше и выше, растирая ее пяткой свою мошонку, живот, грудь. Покончив с этим, он склонился, широко раскрыл рот и сунул туда ступню Кэт, будто то был бутерброд. Она наполовину исчезла в его пасти.

Кэт делала вид, что наслаждалась ритуалом. Она стонала, извивалась на простыне, сгибала ногу в колене и снова распрямляла ее. Когда ее колено очутилось на уровне его груди, она выгнулась на матрасе, рывком поднимая бедра навстречу ему. Ее груди содрогались от движений ее тела. Волосы разметались по постели.

Все еще со ступней Кэт во рту, Эллиот принялся массировать ее голени обеими руками.

Я взирал на действие из шкафа, зачарованный и в то же время содрогающийся от отвращения и желания остановить его.

Рано, сдерживал я себя. Нужно выждать, когда он ляжет на кровать.

Все еще удерживая ногу Кэт в районе голени, Эллиот извлек ее ступню изо рта. Она сразу затихла. После того, как он аккуратно опустил ее ногу на матрас, Кэт выпрямилась на простыне.

Все еще сосредоточенный на левой ноге Кэт, Эллиот склонился и быстро сделал что-то с ее лодыжкой... своим *ртом*. Из-за его спины не было видно, что — лишь пятка Кэт, поблескивающая от слюны в свете свечей, плавно вздымалась и опадала между расставленных ног Эллиота.

И пятка эта была вся в крови. Текущей из двух аккуратных дырочек.

Он сделал это. Цапнул Кэт прямо у меня на глазах, а я и не сразу понял, что произошло.

Прямо у меня на глазах.

Что он сейчас придумает?

Хоть я и не видел в данный момент его голову, он, похоже, целовал или облизывал левую ногу Кэт.

Кусал ее?

Что бы там ни происходило, процесс, похоже, сводил ее с ума. Чем выше Эллиот поднимался по ее бедру, тем дурнее она становилась. Мотала головой из стороны в сторону, царапала простыни, выгибалась под немислимым углом, елозила правой ногой — из стороны в сторону, вверх и вниз.

Эллиот добрался до верхней части ее ноги. Причмокнул.

Кэт согнула коленки.

Эллиот очутился меж ее ног, животом на матрасе, задрав задницу на самом краю кровати и свесив свои худые длинные ноги так, что пальцы ног касались ковра на полу.

Разведя руки, он принялся бить Кэт по ягодицам.

Его голова пошла вниз.

— *Да!* — выдохнула она.

Нет!

Просунув скрюченные пальцы в проем, я начал отодвигать створку двери в сторону. Хотелось распахнуть двери настежь, выбежать из шкафа и положить этому всему конец. Но я вынужден был сдерживать себя.

Еще не время. Створка медленно отползала в сторону. Медленно и тихо.

Потому что, как бы там ни было, этот парень *напугал* меня. И я боялся предположить, что будет, если он меня услышит.

Едва откатившаяся створка освободила мне путь, я бочком, готовый запрыгнуть в случае чего обратно, двинулся вперед. Не сводя с них глаз. Кэт извивалась на постели, притворяясь, что действия Эллиота сводят ее с ума.

А может быть, в этом и не было притворства. Не знаю.

Хлюпающие звуки исходили изо рта Эллиота. Руки — на бедрах Кэт, бледные ягодицы сотрясаются, пальцы ног будто бы стремились ввинтиться в пол, дабы удержать хозяина на ровном месте.

Покинув шкаф, я начал красться к кровати.

Они были поглощены друг дружкой.

Рукоятка молотка скользила во взмокшей ладони.

Поначалу мне казалось, что приход Эллиота не так уж и выбил меня из колеи. Лишь теперь я осознал, как сильно дрожу, как чертовски сильно вспотел. Намокшие от пота трусы прилипли к моей заднице.

Я вынул кол из-за пояса.

Кэт воздела голову над матрасом и увидела меня.

— *Да! О да! Не останавливайся!* — закричала она. Опустив руки на затылок Эллиота, она надавила, будто желая расплющить его лицо о свое тело.

Я был почти у его пяток. Еще шаг — и вот уже могу дотронуться до его ног.

Едва я достиг изножья кровати, Кэт разразилась вскриками и воплями.

— *О, да, да! Пей меня! Ах! Пей! Да! Не останавливайся! Высоси меня!* — Ее взгляд остановился на мне, судорожный, дикий, чуть отрешенный. — *Да-а-а-а-а!* — выкрикнула она. — *Высоси меня досуха!*

Мои коленки с матрасом разделяла пара сантиметров, когда я остановился.

Эллиот пил кровь Кэт.

Кэт держала его голову.

Придвинувшись к Эллиоту и согнувшись в пояснице, я занес молоток и направил кол в середину его спины. Не в самый центр — чуть повыше левой лопатки. Под сердце, как я надеялся.

Едва острое коснулось его кожи, я обрушил молоток вниз. Кожа Эллиота лопнула. Его спина приняла в себя добрую половину кола.

Жестокий спазм скрутил его тело.

Еще удар...

Как только я занес молоток с намерением вогнать кол глубже и довершить дело, он отцепился от Кэт и резко рванулся назад, высвобождаясь из ее захвата. Тяжелая стальная головка молотка миновала кол и врезалась ему в спину.

Он оправился быстро, развернулся, взревел.

Он рванулся навстречу мне, распахнувши пасть. Рассмотреть ее на предмет вампирских клыков я даже не пытался — сосредоточился на том, чтоб захватить по ней молотком. И все же мой рассудок удивленно отметил, что лицо Эллиота лишено бровей и ресниц. То была странность; *страшностью* же был его рот. Раскрытый небывало широко, он и впрямь стал именно что *пастью* — слишком широкой для человека.

Пастью, залитой кровью Кэт и усаженной сталью.

Его глазные зубы — и верхние, и нижние — больше напоминали изогнутые, тонкие стальные иглы.

И из этой стальной пасти на меня, замахвающегося молотком, летели брызги крови Кэт.

Он ударил меня по руке с молотком. Оружие отлетело куда-то в сторону, несмотря на все мои попытки его удержать. И вот уже Эллиот совсем близко: плюясь и фыркая кровью мне в лицо, он схватил меня за плечи и толкнул, швырнул, *уложил* меня на пол.

Я крепко приложился спиной и затылком. Следом на меня рухнул этот монстр, едва не придушив ко всем чертям. Его лицо уткнулось мне в плечо.

Задрав голову, он уставился на меня.

Кровь стекала из его рта мне на подбородок, оттуда — на грудь.

Парочка остроумных фразочек так и просилась на язык. *Какие же у тебя большие зубы и Эй, это ты так сильно меня любишь?* Весьма неплохо для последних слов крутого парня — помнить он потом еще долго будет. Да вот только слишком я был напуган, чтоб хоть что-то вымолвить. Да и не сильно хотел, чтоб мои последние слова были в духе какого-нибудь третьесортного кино. Погибать — так с честью. И закрытым ртом.

Оскалившись, он потянулся к моей шее.

Выбросив руку вверх, я остановил его зубы. Они завязли где-то посередине между запястьем и локтем.

Он мотнул головой. Моя рука явно не устраивала его. Он хотел шею. Я попытался насадить руку на его зубы покрепче, но он смекнул помочь себе своими собственными руками, причем очень скоро. Даже с колом в спине он был слишком силен для меня. Пару секунд у него ушло на то, чтобы прижать мои запястья к полу.

Он рванулся к моей шее. Со скоростью пса.

Я боднул его головой в лицо. Попал не совсем туда, куда метил, но он, тем не менее, отдернулся, рыча. Оправившись в мгновение ока, Эллиот предпринял новую попытку вырвать мне глотку.

Надо бы попробовать цапнуть его самого, подумал я. *Одна вот беда — кончится это, скорее всего, тем, что он вырвет мне язык.*

И все равно я рванулся ему навстречу.

Но, прежде чем мы вонзили друг в друга зубы, раздался тяжелый *стук*.

Эллиот содрогнулся, запрокинул голову и завизжал. Я почувствовал, как что-то ткнуло меня в грудь.

Вопль Эллиота сменился захлебывающимся кашлем. Кровь хлынула из его рта. Я еле успел зажмуриться — меня будто обдало струей горячего сиропа. Струей с хорошим таким напором.

Ослепленный, я чувствовал, как Эллиот дрожит и бьется на мне.

С каким-то жалким взвизгом, который скорей пошел бы Кэт, чем взрослому мужчине, Эллиот завалился набок.

Я стер с глаз кровавые потеки.

Первое, что явилось мне пред очи — Кэт, присевшая рядом со мной с обеспокоенным лицом. Ее правая рука покоилась на коленке, все еще сжимая молоток.

— Ты все сделал как надо, — сказала она.

— Могло быть и лучше.

— Все равно, почти вся работа — за тобой, — заверила она меня. — Все, что оставалось — один удар.

— Он меня почти уделал.

Она положила руку мне на грудь, погладила.

— Я бы не позволила ему убить тебя, герой.

Какое-то время я был не в состоянии шелохнуться. Так и лежал на спине, вбирая в себя воздух и стараясь успокоиться. Между нами не было проронено ни слова. Кэт бросила молоток на пол, села по-турецки позади меня и взяла меня за руку.

Я смотрел на нее. Ее это, похоже, не задевало, хоть она и была обнажена, а мой взгляд все время сползал вниз, на холмики ее груди. Она просто держала меня за руку, иногда дружески стискивая ее, иногда улыбаясь мне.

Было классно быть для нее героем.

Только вот рука чертовски болела. Даром что не сильно кровоточила.

Сумев наконец повернуть голову в другую сторону, я посмотрел на Эллиота. Он лежал на спине. Над его левым соском торчало сантиметра три окровавленного острия кола.

Если бы Кэт забила его так далеко, я бы почувствовал и, скорее всего, поранился бы сам. Наверное, когда Эллиот ударился о пол, падая с меня, кол вошел глубже.

На него было страшно смотреть.

С уголков его рта сбегали багровые ручейки.

Я встретился взглядом с Кэт.

— Почему он не обратился в прах? — спросил я.

Она улыбнулась уголком рта.

— А должен?

— Кристофер Ли всегда обращался в прах.

— Может, он еще недостаточно старый.

Я глянул на Эллиота, потом снова на Кэт.

— Тогда, как я понимаю, нам придется избавиться от тела.

— Боюсь, что так, — кивнула она. — Может быть, примешь сначала душ? Об остальном подумаем после.

Я старался не запнуться, вышагивая по ковру к ванне.

Кэт осталась стоять позади.

Мелькнула мысль пригласить ее принять душ вместе. Может, она бы и согласилась. В конце концов, я ее герой. Но я не решился.

Включив в ванне свет, я затворил за собой дверь. Посмотрел на свое отражение в зеркале. Человек-бутерброд: с одной стороны чистый, с другой будто вишневым повидлом вымазан. Кровь, заляпавшая мои волосы, лицо и шею — та, что вытекла на меня из пасти Эллиота — скорее всего, незадолго до полуночи еще текла по венам Кэт. Та, что подсыхала на животе и груди, вытекла из сквозной раны Эллиота. Кровь на правой руке была явно моей. Конечно, так или иначе пару капель от каждого из нас можно было найти где угодно, но — и я был уверен в этом — *большая* часть крови на моем лице принадлежала некогда Кэт.

И это давало мне некое приятное чувство. Я не возражал, чтобы капельки ее крови высыхали у меня на носу, губах и веках. Не утверждаю, что наслаждался бы этим, но что-то было в этом *романтичное*.

Если не утруждать себя размышлениями о том, что кровь эта совершила короткий визит в желудок Эллиота, прежде чем очутиться на моем лице. Потому что тогда всякая романтика быстро улетучивалась.

Я запоздало подумал о СПИДе, но страха не ощутил. Не было никаких поводов подозревать Кэт или Эллиота в том, что они инфицированы. Да и потом, хорошо, что я хотя бы сберег свою плотку. Когда еще секунду назад ты был на волосок от смерти и все же выжил, мало задумываешься о туманном будущем.

После произошедшего я чувствовал себя несколько пришибленно. И в то же время я был очарован, взволнован, почти в эйфории. Я был напуган. Я испытывал отвращение, я дрожал. Все вместе — и сразу. В таком состоянии я счел за подвиг вползти в ванну, пустить воду, задернуть занавеску и кое-как начать мыться.

Горячая вода достигла моей раны на руке, и я застонал. К счастью, боль не осталась надолго. Что до крохотной точечной ранки на груди — она и вовсе не давала о себе знать.

Прошло какое-то время, прежде чем вода, закручивающаяся у моих ног, перестала быть подкрашена розоватым.

Сняв трусы, я отпасовал их к дальнему краю ванны — так, чтобы не заткнули сток. Потом решил осмотреть-таки свою руку. Эллиот славно тяпнул меня, но по-настоящему пропорол кожу только его стальные клыки. Два отверстия с одной стороны руки, два — пониже. Глубокие раны. Пока я мылся, они отзывались болью и — пусть и не обильно — кровоточили.

Время шло. Вскоре я понял, что мокнуть в ванне дальше уже бессмысленно. Все равно рано или поздно придется вернуться в спальню Кэт, убрать беспорядок и как-то распорядится трупом Эллиота.

Я гадал, что же мы с ним сделаем.

И, попутно, не переставал думать о Кэт. Опять *бредил* ею, стоя под горячей струей, намыливаясь и смывая с себя пенные холмы.

Есть одна забавная особенность, когда дело касается меня и Кэт: когда мы вместе, я в

своём уме и воспринимаю ее как обычного человека. Когда нас разделяют, я начинаю чудачествовать. Становлюсь одержим ею.

Наверное, этому есть простое объяснение. Например: я — сумасшедший.

Так или иначе, я жаждал очутиться рядом с ней снова. И что-то не хотелось мне бросать ее одну в комнате с трупом. Потому я скоренько намылил волосы, смыл один раз и положил конец и без того затянувшейся бане.

Обтершись, я наклонился в ванную и подобрал свои трусы. Тряхнул их разок, осмотрел. Большая часть крови смылась, но — не вся. Я все равно надел их. Мокрые, они налезли на меня второй кожей, бесстыдно просвечивая, потому я обернул бедра полотенцем.

Ванная наполнилась теплом и паром. Хотелось выйти на воздух, но надо было еще что-то сделать с моей раненой рукой.

В аптечке сыскались несколько коробочек с пластырем. Вскрыв одну из них, я вытряхнул четыре наклепки, снял бумагу с липучек и заклеил свои укусы.

С коробочкой в руке, я распахнул дверь и вышел в славную прохладную атмосферу спальни.

Свечи все еще горели, но теперь к ним прибавились лампы-близнецы на тумбочках. Их свет сделал комнату светлее.

У изножья кровати Кэт возилась у тела Эллиота. На ней все еще не было никакой одежды — кроме пары туфель из светлой кожи на ногах. Я подошел к ней, рассматривая ее голые ягодицы и спину. Ее кожа поблескивала. Кое-где были видны следы от укусов — все явно застарелые. Иные были почти неразличимы — маленькие точки, чуть темнее всей прочей кожи. Пара там, пара тут. Ранки-близнецы на одном и том же расстоянии друг от друга. Две повыше, две пониже. Не будь свет ламп столь ярким, я, возможно, и не рассмотрел бы их.

— О, ты уже здесь. — Она глянула на меня через плечо и улыбнулась.

— Ты пойдешь в душ? — поинтересовался я.

— Очень скоро. Сам видишь, какой тут бардак. — Она вернулась к своей работе.

— Пластырь нужен?

— Боюсь, ему он уже ни к чему.

— *Для тебя.*

— А. Спасибо, не сейчас.

— У тебя идет кровь?

— Да, но не то чтобы сильно. Меня от так не кусает, как цапнул тебя. Он никогда не пытался убить меня. Только пил кровь и... сам понимаешь... доставлял себе удовольствие.

Я не очень понимал, что Кэт делает с трупом, до тех пор, пока не обошел простертого Эллиота с другой стороны.

Она запихнула ему в рот кондитерский дозатор.

Эту штуку с трубкой, длинной пластиковой емкостью и резиновой грушей на конце. Обычная кухонная принадлежность. Ей можно выдавливать крем на тортики, собирать излишки жира. Я слышал, что иные представительницы прекрасного пола умудрялись оплодотворять себя такими штуками.

Но дозатору в руках Кэт выпала участь выкачивать кровь изо рта Эллиота.

— Что ты делаешь? — спросил я.

— Видишь? — Она извлекла трубку дозатора из его рта, опустила ее в большой стеклянный бокал, зажатый в левой руке, и сдавила желтую грушу. Кровь вытекла внутрь. К

тому моменту, как дозатор опустел, стакан был почти наполовину полон.

— Собираешься выпить?.. — спросил я.

— Просто не хочу, чтобы она расплескалась тут повсюду, когда мы будем выносить его. И без этого проблем хватает. — Выжав дозатор до конца, она снова зачихнула трубку трупу в рот. С сосущим звуком емкость начала заполняться кровью. Увенчалась процедура вязким *хррфф* — звук навряд ли того, что издает трубочка, когда вы пытаетесь достать ею сок с самого дна пакетика.

Кэт спустила кровь в бокал и протянула его мне со словами:

— Вот. Вылей это, пожалуйста.

Я принял бокал из ее рук. Ее пальцы оставили кровавые отпечатки на стекле.

— Куда?

— Мне все равно. Раковина, ванна, туалет... — Она пожала плечами.

— Ладно.

— Можешь взять еще вот это? — Кэт протянула мне дозатор. Я все еще сжимал коробочку с пластырем в одной руке, так что дозатор пришлось опустить в бокал с кровью. — Просто сполосни, — напутствовала она. — Потом я брошу его в посудомоечную машину.

— Хорошо. Сейчас буду.

Кровь неспешно уходила в сливное отверстие. Включив воду погорячее, я промыл бокал и дозатор так тщательно, как только мог. Вроде бы по окончании процедуры они приняли более-менее чистый вид. Оставив их в раковине, я вернулся в спальню.

На пороге уже стояла Кэт, завернутая в черную простыню.

— Брошу ее потом в стирку, — пояснила она.

— Как скажешь.

Она закрылась в ванной.

Я же остался в комнате один.

Пришла идея одеться. Может быть, не самая лучшая. Странно было бы щеголять полной одежкой, в то время как Кэт будет в одних кожаных туфлях. Да и потом, самая грязная часть работ была явно еще впереди.

Так и оставшись в полотенце поверх трусов, я шагнул к кровати. Матрас был упакован в белый пластиковый чехол. Довольно мудрое решение, если тебя регулярно посещает парень вроде Эллиота. Чехол выглядел довольно-таки чистым. Хотя, кое-где кровь сегодня все же просочилась сквозь простыню. Пройтись бы по пятнам щеткой — следа б не осталось.

Я уже было хотел сам их счистить, но, возможно, у Кэт есть свой устоявшийся ритуал ведения хозяйства. Как у многих женщин. Влезешь со своим монастырем в готовый уклад — получишь втык.

Потому я просто присел на краешек матраса и стал ждать ее.

Эллиот так и не обратился в прах.

Возможно, и не собирался.

Я старался не смотреть на него, но замкнутое пространство тому не способствовало.

Он умер с гримасой на лице — губы растянуты, зубы наружу. Что сразу напомнило мне о сбитых кошках. Пару раз встречал на дороге. Кошкам смерть почти все время оставляет какую-нибудь уродливую гримасу.

Вот только кошек со стальными клыками встречать не доводилось.

Кстати, и о *вампирах* со стальными клыками лично я ни разу не слышал. Эллиот, скорее всего, был просто сумасбродом-садистом, пристрастившимся к крови (а *считать* себя

вампиром и быть им — все же две большие разницы, согласитесь), возможно, еще и дантистом. Эти клыки были явно сработаны под заказ. Может быть, он сделал их сам... *чтобы лучше кусать тебя, внученька.*

Мой взгляд переместился к его члену.

Чтобы лучше трахать тебя, внученька!

Мне вдруг захотелось накрыть его чем-нибудь. Я поднялся, поправил сползшее полотенце и пошел к его плащу — тот так и лежал на ковре посреди комнаты.

Похоже, он был сделан из черного атласа, как простыня. Бирок не было. Когда я поднял его, воздух в комнате заставил ткань развеяться. Тем не менее, эта одежда была чем-то более материальным, чем ночная рубашка Кэт. Свет просматривался сквозь плащ, но едва-едва.

Я понес плащ к его обладателю.

— Примерь его, — сказала Кэт у меня за спиной. Она стояла в дверном проеме, с улыбкой склонив голову набок.

— Не любитель плащей, — сказал я в ответ.

На ней все еще были одни лишь туфли. Никаких попыток прикрыть себя.

Кровь Кэт смыла, но раны перевязывать не стала. Я заметил две ранки на ее лобке. От верхних зубов, судя по всему. Другая пара была, видимо, ниже, вне досягаемости взгляда.

Что-то под моим полотенцем определенно ожило. Даже плащ бы меня не спас — он свисал с моей руки вдоль бока. Чтобы с позором не выпасть из ампула хладнокровного война, я развернулся к Кэт спиной и сказал:

— Накрыть его надо. Тряпка — в самый раз.

— Надо ли?

— Ну, он голый.

— Зачем портить хороший плащ? К следующему Хэллоуину вполне сойдет. А труп мы завернем в чехол из-под матраса.

— Вот как. Ладно.

— Мы его хорошенько замотаем — чтоб кровь не подтекала.

— Мудро, — ответил я.

Я отбросил плащ в сторону. Мы с Кэт обступили кровать с двух сторон и принялись стягивать с матраса чехол.

И я продолжал поминутно бросать на нее взгляды. Не только из-за ее наготы — во многом еще потому, что мы стояли теперь близко к свету, что открывал все больше и больше следов от застарелых укусов. На плечах, на руках, на груди. Как и те, что были на ее спине, эти были лишь бледными призраками тех ран, что когда-то были — призраками, готовыми вот-вот исчезнуть.

Меня пугало их количество.

Слишком много.

Особенно — на груди.

Я был чертовски рад, что мы прикончили этого парня. Надо было сделать это еще год назад.

Пока мы высвобождали матрас, с меня свалилось полотенце. Ну и черт с ним — поднимать и повязывать его заново я не стал; все равно б не удержалось. Все равно на мне на хотя бы трусы — качественно больше, чем на Кэт.

Мы расстелили чехол позади головы Эллиота.

— Я — за ноги, — сказала Кэт.

Кивком я одобрил ее выбор. Заступив на пластик чехла, я склонился над Эллиотовой головой. Кэт на другой стороне поддела труп за лодыжки и задрала его ноги вверх.

— Готова? — спросил я.

— Готова.

Я продел руки под мышцы трупа и поднял свой конец.

Для такого худощавого парня Эллиот что-то многовато весил.

Мы не пытались поднять его в воздух целиком. Гусиными шажками мы с Кэт начали отступать назад — Эллиот болтался посередке, почесывая голой задницей ковер. Это нам никак не мешало — но лишь до поры, пока его поясница не прошлась по границе пластикового чехла, задирая ее.

Пришлось-таки потягать тяжести.

Я рванул труп на себя — Кэт пришлось податься ко мне; Эллиот весь затрясся. Пенис болтался колокольным языком туда-сюда. Кэт издала какое-то жалобное хныканье — выглядела она сейчас, как человек, пытающийся катить амбарное колесо по плохой дороге. Взмокла. Поникла. С каждым ее рывком ее груди подпрыгивали.

Я заметил, что по ее лобку потекли капельки крови из вновь открывшихся прокусов.

Мы опустили Эллиота в центр пластиковой подстилки.

Встав прямо, Кэт все же заметила свою проблему. Поникнув, она смахнула кровь рукой — впрочем, лишь размазав.

— Утечка, — пояснила она мне с кривой улыбкой.

Я покраснел. — Хочешь, я найду что-нибудь для перевязки?

— Я и сама справлюсь. И с этим, и с ногой — а то скоро из моих тапок польется. А нам лишний беспорядок ни к чему.

Она сошла с пластика. Вместо ванны она направилась туда, где остались изолента, ножницы и веревка. Оставив последнюю на полу, она подняла ленту и ножницы.

Моток полетел ко мне. Поймал-таки.

— Пожалуйста, не бросай в меня ножницы, — взмолился я.

— Ну ты и цыпа. — Идя обратно ко мне, она спросила: — Не возражаешь, если мы ему лодыжки смотаем? И запястья? Думаю, так его проще тащить будет. Не будет мотаться туда-сюда.

— Не возражаю, — кивнув, ответил я. — Здравая идея.

Она вложила в мою протянутую руку ножницы.

— Я пойду налеплю пару пластырей, потом мы его замотаем и...

— Если хочешь привести себя в порядок сейчас, — сказал я, — беги в душ и ни о чем не думай. С Эллиотом я управлюсь и сам.

С ее лица вроде как сбежала тень.

— Увяжешь его?

— Да запросто. Не вопрос.

— Уф, это будет здорово. Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

— Я постараюсь управиться со всем быстро.

— Торопиться ни к чему. Но к твоему выходу я всяко о нем позабочусь.

— Превосходно. Только смотри, чтобы кол остался там, где он сейчас.

Я улыбнулся. — Это еще зачем?

— Сам знаешь.

— Он может воскреснуть? — выдвинул я предположение.

— *Может*, — протянула она как-то странно.

— Я протестую, — выдал я этаким адвокатским голосом.

Она изогнула бровь.

— Если тебя тянет вытащить из него кол, просто предупреди меня сейчас, чтоб я успела одеться и эвакуировать весь район.

— Ни к чему, — сказал я, склоняясь. — Кол из него никуда не денется, уж поверь. Сейчас я его к нему *прикручу*.

Кэт закрыла дверь ванной — не полностью, оставив пару-тройку сантиметров. Наверное, для отхода горячего, пропаренного воздуха. Может, по еще каким-то причинам.

Впрочем, долго гадать я не стал — у меня в перспективе объявилась работенка.

Корпея над Эллиотом, я вслушивался в звуки из ванной: шум воды, скрежет колец задерживаемой занавески, шепот струек из крана. Разум попытался нарисовать картину — как Кэт выглядит сейчас.

Стоя под теплыми потоками воды.

Не только Эллиот сейчас застыл бесчувственным столбом.

Вода мылом по блестящей коже.

Не я, а кто-то другой обматывал лодыжки Эллиота изоляцией. Не я, а кто-то другой связывал его руки вместе, склонившись над его брюхом.

Опуская пенную мочалку между ног.

Не я, а кто-то другой хоронил пенис Эллиота под широкими полосами ленты.

Втирая шампунь в короткие золотистые волосы.

Не я, а кто-то другой закрыл раззявленный рот Эллиота и его закатившиеся глаза.

Душ все еще не смолкал, когда я пинками кое-как перевел Эллиота в позицию «сидя», оставив со склонившейся к коленям головой. Теперь оставалось покончить с его торсом и руками. Спереди полосы ленты проткнул острый конец кола — сзади же в итоге образовалась туго стянутая выпуклость, этакий уродливый горб. Вскоре кол уже был надежно закреплен. Теперь ему точно было некуда деться из тела самостоятельно — требовалось порядочно усилий со стороны.

Вскоре после того, как затих шум воды в ванной, я опустил Эллиота на пластик, свернул концы и принялся склеивать их.

Вот и все. Труп был запечатан в кокон из белого пластика и серебристо-серой изоляционной ленты.

Держа перед собой выпачканные кровью руки, я присел на краешек кровати дожидаться Кэт. Тихие звуки доносились из ванной — похоже, она возилась с пластырями. Я слышал, как она насвистывает какой-то мотивчик из *Музыкальной Академии* — вроде бы ту самую песенку о «дорогих моему сердцу вещах».

Наконец она вышла.

Полотенца на ней не было. Она выглядела чистенькой и новенькой. Ее короткие волосы были причесаны и уложены.

Ноги — в тапочках, но пластырные наклепки хорошо видны. Окрашены они были под цвет кожи, как и те, что красовались на моей руке, но — не полоски, а круглые, сантиметра два в диаметре, будто специально сделанные для работы с ранками пунктурного характера. Такие же, наверное, были и непосредственно на пятке, но видеть их я, понятное дело, не мог.

Как минимум два — внизу живота. Наверное, другая пара — опять же, вне доступности взгляда.

Два старых прокуса на ее шее не были прикрыты. Они, казалось, приобрели более темный красный оттенок, чем прежде. И другие ее бывшие раны просматривались отчетливее — такое всегда бывает после душа. Возможно, из-за температурного перепада.

Ее тело было *картой* Эллиотовых укусов.

Он побывал почти везде.

Даже на плоском животе — это же как надо было изловчиться! — остались следы его клыков.

— По-моему, тебе больше нужно в душ, — улыбаясь, сказала Кэт.

— Я только руки помою.

Прошлепав в тапках к кровати, она, застыв, уставилась отрешенно на Эллиота. Чуть качнула головой.

— *Чертовски* хорошо вышло, — сказала она.

— Спасибо.

— Тебе спасибо. О Боже, у нас тут, похоже, труп.

— Так точно, это *и есть* труп.

— Лучше бы никому с ним на глаза не попадаться.

— У тебя есть план? — спросил я.

— Жаль, что он не обратился в прах. Я могла бы просто раз-другой пройтись пылесосом.

— Жаль, — согласился я.

— Ну, теперь у нас тут *улика*. Мы ведь его как бы убили.

— Угу.

Слово *улика* Кэт сказала таким забавным голосом, что я с трудом сдержал улыбку. От нее это не укрылось — насупив брови, она развернулась всем телом ко мне.

— Может, идею подбросишь, как с ним быть? — последовал вопрос.

— Солнечный свет, — изрек я.

— Какой еще солнечный свет?

— Придется подождать до утра, — объяснил я. — А там — мы распутаем его и положим на твою лужайку.

— Ох, классно.

— Это работает в фильмах. Прямой солнечный свет падает на вампира, и от него остается только *нуф-ф-ф* и облачко дыма.

— Видала, — кивнула Кэт. — Остается только горстка пепла, которую ветер разносит на все четыре стороны.

— Вот только сдается мне, в реальной жизни это не сработает.

— Тоже так думаю, — сказала она. — Так что, выходит, нам остается только *избавиться* от тела. Похоронить где-нибудь. — Ее взгляд посуровел. — Только не в моем саду. Не хочу, чтобы он, пусть даже убитый, лежал где-нибудь неподалеку. Это будет для меня слишком страшно.

— Да и опасно, чего уж там — добавил я. — Если его случайно найдут, к тебе будет много вопросов. Надо бы его куда-нибудь подальше деть.

— Чем дальше, тем лучше, — подтвердила Кэт.

— Поэтому придется запихнуть его в твой багажник.

— Вот так веселье, — произнесла она на редкость грустным голосом.

После наших непродолжительных обсуждений я возвратился в ванную. Большая часть крови осталась на моих ладонках и лодыжках, хотя, каким-то образом немного попало и на локти, и даже на грудь. Не желая тратить время на мытье сызнова, я просто встал под струю воды и стер мочалкой красные потёки.

Испорченное мочало я захватил с собой в спальню.

Там я застал Кэт, пританцовывающую на одной ноге в попытках натянуть на другую белый носок.

— Почисти-ка нашу мумию, — окликнула она меня.

— Сейчас. Пару секунд.

Держась подальше от лужи крови на ковре, я склонился над завернутым телом Эллиота и принялся счищать со свертка присохший пурпур. Каких-то непомерно больших пятен и мазков не наблюдалось, но и то, что имелось, могло навлечь на нас неприятности. Если уж транспортировать кокон до багажника машины, что само по себе подозрительно, лучше бы ему — просто для *очистки* совести — не быть вымазанном в чем-то красном.

Пока я возился с чисткой, Кэт справилась со вторым носком и теперь надевала черные трусики. После того, как я столько времени наблюдал ее вообще без всего, этот скромный элемент вносил какие-то поистине разительные изменения в восприятие.

Достав из комода белые «моряцкие» шорты, она, прежде чем влезть в них, оглянулась посмотреть, как я справляюсь со своей работой.

— Как думаешь, он не будет протекать? — спросила она.

— Думаю, нет. Если лента выдюжит — точно нет.

— Просто, ни к чему оставлять следы по всему дому. Уже то плохо, что он ковер заляпал, — продолжила она, запуская ногу в штанину шорт. Почти уже надев их, она внезапно остановилась.

— Белые одежды — не самый лучший выбор, м-да, — протянула она, спуская шорты.

— Пожалуй что, — согласился я.

Закинув белые обратно, она извлекла шорты цвета пожарной машины.

— Лучше?

— Если ты хочешь, чтобы пятна крови не были заметны, постарайся найти что-нибудь черное.

Она хмыкнула.

— Черное? Ты вообще знаешь, сколько завтра обещали градусов? Не собираюсь зажарить ноги на солнце. У меня и нет, по-моему, ничего такого цвета.

— Трусы твои черные, — пробурчал я.

— Ну, сравнил. Они же надеваются *под* что-то. Отсюда и название — *нижнее* белье. А в черных брюках я запекусь заживо.

— Что ж, решай сама, — с ухмылкой напутствовал я. — Просто глупо надевать ярко-красные шорты, думая, что на них не будет заметна кровь.

— Да знаю я. Я *женщина*, в конце-то концов. А если учесть еще, что весь последний год ко мне навевался Эллиот — да я чертов мировой *эксперт* по кровавым пятнам.

— Согласен, согласен, — поднял я ладони.

— О! Кажется, я знаю, — повернувшись спиной ко мне, она извлекла из нижнего отделения комода, после небольшого промедления, пару выцветших и подрезанных голубых джинсов. Назвать их штанины *штанинами* было довольно опрометчиво — одни дырки, сквозь которые проглядывали мешочки карманов, да свисающая бахрама. — Вот эти — в самый раз, — сказала она, надевая эти некогда-джинсы. — Никто и не заметит, если на них выступить немного крови.

В этом она явно была права — по нескольким причинам.

В основном, из-за того, как она выглядела в этих рвано-заплатанных обносках —

особенно с неприкрытым верхом. Как этакая обворожительная деревенская леди.

Но еще и потому, что эти останки джинсов были запятнаны широчайшим спектром цветов: бежевым, фиолетовым, ярко-желтым, ржаво-коричневым.

— Я берегу их для малярных работ, — заявила она и постучала пальцем по одному из ржаво-коричневых пятен. — Вот это видишь? Оттенок «красное дерево». Несколько лет назад я красила забор.

— Впечатляет, — заявил я.

Мочало в руке перестало выполнять чистящую функцию, что было, в общем-то, немудрено, потому я поспешил в ванную и выжал его в раковину. Большая часть выжатого была алой. Я прополоскал еще раз и выжал посильнее. Оттенок сменился на розовый. Пришлось полоскать-отжимать до тех пор, пока выходящая вода по крайней мере смотрелась прозрачной. Только потом я вернулся в спальню.

Кэт успела нарядиться в рубашку. Та выглядела только что купленной — ткань грубоватая, не потрепанная ноской, смесь цветов — красного, желтого и синего — бьет по глазам яркостью. Короткие рукава. Незаправленная, рубаха низко свисала, закрывая перед некогда-джинсов.

— Здоровская рубашка, — отметил я.

— Спасибо. — Она принялась заправляться. — Это цветочное безумие — дополнительная маскировка на случай чего.

— Не думаю, что мы сильно замараемся в процессе. — Присев у Эллиотова кокона, я принялся вносить последние штрихи в чистку.

Кэт управилась с рубахой, придав себе теперь довольно-таки опрятный и собранный вид. Правда, одна длинная пола проделалась в одну из обширных дыр в штанине, торча теперь, как ухо покрашенного опиоманом кролика. Кэт либо не заметила, либо ее это никак не волновало.

Одежда скрыла абсолютно все ее раны. Эллиот очевиднейшим образом осторожничал, стараясь кусать ее только в тех местах, что обычно скрыты одеждой.

Мерзкий ублюдок.

Пока Кэт копалась в кладовке, я перевернул замотанное тело на другую сторону. Открывшаяся моим глазам сторона пластикового свертка почти никак не пострадала от пятен крови. Я пару раз прошелся мочалкой сверху вниз.

Кэт взяла себе пару прогулочных туфель из коричневой кожи.

— Выбиваются как-то из мотива «буйство красок», — заметил я.

— Но их будет легко очистить в случае чего. Выбросить, на худой конец. Расходный материал.

Я подбросил мочало — свой расходный материал — в воздух и поймал его.

— Кстати, возьми эту штуку с собой, — сказала Кэт. — Может пригодиться. Чем черт не шутит.

— Хорошо, только дай мне ее выжать еще разок. С нашим свертком вроде как все.

— Действуй, — благословила она, склонившись завязать шнурки.

Забрав в ванную, я еще раз отжал мочалку.

— Вот это мы тоже возьмем, — сказала она, когда я вышел. Метнувшись к кровати, она подцепила с пола мое полотенце. — Много чего нам, похоже, придется взять, — добавила она, забросив трофей на правое плечо и направившись к Эллиоту.

Я пошел следом.

Замерев у тела, она прикрыла губы рукой и кашлянула.

— Нам, возможно, потребуется лопата. И я сейчас принесу снизу веревку. С ней будет сподручнее. Что еще? — глянула она на меня.

— Ну, это зависит от того, куда мы его оттарабаним.

— Есть предложения?

— Для начала, лучше бы вывезти его из Лос-Анджелеса.

Она улыбнулась.

— Очень жаль, что мы не можем сплавить его в родную Трансильванию.

— Мне кажется, лучше и не пытаться его куда-то *сплавлять*.

— Доставить авиапочтой?

— Если бы!.. Ладно, вот что мы, думаю, *должны* сделать — вывезти его куда-нибудь в горы или в пустыню.

— За пределы штата, — добавила она.

— Да, желательно. К примеру, в Аризону или Неваду. Они не так уж и далеко, и что там, что там полно укромных местечек, куда с кондачка и не сунешься.

— Ехать придется всю ночь, — предупредила Кэт. — Ты готов?

— Ох, надеюсь, да.

— Прикорнешь перед тем, как мы выдвинемся? — Она кивнула на кровать.

Спать? В одной комнате с Эллиотом, на ЭТОЙ кровати?

Маловероятно.

— Нет, обойдусь без «прикорнуть», — сказал я ей. — Мы должны отвезти его так далеко, как только получится, до первых лучей солнца. Сверим часы.

На моих было 1:33.

— Да у нас и времени-то не так-то много до рассвета! — воскликнул я.

— У нас что, рассвет — крайняя черта? — спросила она.

— Лучше бы закопать его под покровом ночи. Надежнее — уж точно.

— Всегда есть ночь завтрашнего дня.

— Тоже правда.

— Я кое-что соберу, — сказала она. — На случай, если мы вдруг не управимся за сутки.

Стараясь не выглядеть таким мальцом в рождественский сочельник, я заявил:

— Все мои вещички уже в твоей машине.

Кэт принялась укладывать вещички для нашей поездки. Я же, пробравшись в ее шкаф, добыл свою одежду.

— Как быть с ковром? — спросил я, закончив с нарядами.

— Оставим здесь.

— Может, лучше почистить его до того, как мы отбудем?

Наши взгляды скрестились на кровавом болоте неподалеку от завернутого тела Эллиота.

Кэт покачала головой.

— Тут мы уже ничего не сделаем.

— Но не можем же мы просто оставить всё как есть, — возразил я.

— Конечно, можем. В гости я никого не жду. Когда мы вернемся, я вызову частную мусоровозку и попрошу его вынести.

— Но они же кровь увидят!

— Скажу им, что моя собака взорвалась.

Шутка застала меня врасплох — хохот таки прорвался наружу.

— У тебя что, *есть* собака?

— Как видишь, уже нет. Бедный старый Флоппи. У него были проблемы с газоиспусканием. *Бабах* — и все.

— По-твоему, они в это поверят?

— Они чистильщики, а не полицейские. Они и спрашивать-то не станут, откуда кровь. А даже если спросят — никогда не узнают, какую ерунду я им втююхала. Обычно они и по-английски — ни бельмеса. Просто улыбаются и кивают — этим их поведенческая линия ограничивается. Кивают, улыбаются, и все время твердят: *караццо, караццо*.

— Уповаю на твою правоту, — сказал я, затягивая ремень.

— Я права. Знаю этих парней. Но, если даже он как-то упадет на руки копам, и они установят, что это человеческая кровь, я сострою дурочку. «Знаете, я прихожу домой — а он вот уже весь изгваздан; ну, я его и выбросила... откуда я знаю, *что* произошло, офицер?»

— Может сработать.

— Сработает, сработает. Что они смогут мне вменить — без тела? Даже не смогут сказать наверняка, чья это кровь. Даже не смогут, господи, сказать наверняка, что кто-то вообще умер. Но что-то мне подсказывает, что до такого и не дойдет. Ребята из чистки выбросят ковер — может быть, даже новый подгонят задёшево. Финита ля комедия.

— Есть опыт? — спросил я — просто так, для подначки, — подтягивая носок.

Взгляд Кэт нашел меня. В нем было что-то страшное.

— Увы. В прошлом году, когда мой муж был убит. Тут было *море* крови, но никаких вопросов не последовало. От чистильщиков, по крайней мере.

И я вдруг понял, что и у меня все вопросы снялись. Ее муж был убит *здесь*?

— Мне казалось, он попал в автокатастрофу, — пробормотал я.

Она выглядела чуть сконфуженной теперь.

— Я не говорила такого.

— Я просто предположил...

— Он был убит здесь, в спальне.

— О Боже.

На глаза Кэт вдруг навернулись слезы.

— Можем мы обсудить это позже? — взмолилась она.

— Конечно.

Она смахнула слезы с глаз и шмыгнула носом. Пытаясь улыбаться, произнесла:

— Ты-то думал, у меня уже все — с глаз долой, из сердца вон. В смысле, год прошел... и это если не считать, что Билл был тем еще придурком. — Она повела плечом. — Ладно, я закончу все эти сборы.

Сказав это, она развернулась и пошла к шкафу.

Я влез в кроссовки.

Наблюдая за перемещениями Кэт, я обдумывал, как мы дотащим Эллиота до машины.

Вынести его с парадного входа дома и продефилировать через лужайку к подъездной дорожке — явно плохая идея; Лос-Анджелес никогда не спит. Как и Санта-Моника. Соседи могут выбрать не самое подходящее время для глазенья в окно. Какому-нибудь собачнику может вдруг приспичить выгулять своего мопса. Машина может проехать мимо. И не сбрасывайте со счетов милых детей нашего дивного нового мира — пьяниц, торговцев наркотиками и их клиентов, полоумных любителей ночных прогулок. Никогда не знаешь, при каких обстоятельствах наткнешься на очередного.

И даже если все эти факторы не делают наш план чересчур рискованным, остается вот еще что: машина полицейского патрулирования может ехать по улице — и тут мы такие с замотанным в клеенку трупом. Сомнительно, конечно, но процент вероятности всегда остается, так ведь? По крайней мере, вероятнее встречи с дружинниками или нанятыми местным кооперативом блюстителями нравственности.

— У дома есть черный ход? — справился я у Кэт.

— Найдется, — кивнула она.

— Где?

Меня одарили снисходительной улыбкой.

— В задней части дома, быть может? — предположила она, будто отвечая на загадку.

— Подъезд возможен?

— Конечно. Выход — с кухни. Эллиота придется перетащить туда. А я подгоню машину.

— Может быть, мне это сделать? Ты все равно пока собираешься.

— Подожди минутку. Сделаем все вместе. Все равно я уже, считай, закончила.

— Ладно.

Я стал ждать. Минуты утекали, но я этому особого значения не придавал. У нас все еще есть несколько часов темноты; нет никаких причин спешить сверх меры.

Разум — забавная штука. Какая-то часть моего никак не могла упустить один пунктик: как только мы разберемся с телом, Кэт, скорее всего, просто отправит меня восвояси.

А я хотел отсрочить этот момент на сколь возможно большее *потом*.

Задержки — мои лучшие товарищи, коль скоро риск от них не возрастает.

Я принял из рук Кэт уложенную сумку. Она же вооружилась ключами, моими мочалом и полотенцем, мотком веревки и фонариком из тумбочки.

Я заметил молоток на полу и спешно подобрал его.

— Вот *это* уж точно оставлять здесь не хочу, — заявил.

— Верно. Орудие убийства. Давай его сюда, заверну в полотенце.

— Секундочку. — Я отнес молоток в ванную и отмыл от крови. Потом Кэт замотала его

полотенцем и сделала узел для сподручности.

— А ножницы и лента? — спросила она. Предметы ее волнений валялись на полу у свертка с Эллиотом. — Их берем?

— Может, оставим здесь, пока не будем готовы отъезжать? Просто, на случай.

Порешив на том, мы спустились по лестнице, прошли вглубь дома и оказались на кухне. Там царил темнота; свет мы зажигать не решились. Я подождал внутри, пока Кэт подгоняла машину.

Держа фары выключенными, она медленно подъехала по дорожке и остановилась аккуратно у двери черного хода. Когда двигатель умолк, я вышел на дорожку с сумкой в руке.

Эта часть подъездной выглядела темной и изолированной. Нас и основную дорогу разделяла приличная дистанция. Дом Кэт стоял по одну сторону узкой дорожки, с другой находился забор, выкрашенный под красное дерево, над которым высилась поросль, за которой было проблематично разглядеть даже соседний дом.

Кэт все еще не вышла из машины. Салон внутри был темен.

Из любопытства я заглянул внутрь через заднее окно. Она, приподнявшись на сиденье, что-то вытворяла с лампочкой под крышей.

Когда спустя несколько минут Кэт вышла, та так и не загорелась — хотя должна была, учитывая факт открытия дверей автомобиля.

Кэт, высококлассная преступница.

Мы не стали складывать сумки в багажник: сначала вытащили мою и сунули туда мочалку и завернутый в полотенце молоток, затем поставили все на заднее сиденье, кинув поверх свернутую веревку.

— Где добудем лопату? — прошептал я.

— Пошли.

Она отвела меня в гараж — с фонариком, правда, незажженным, в руке. С лихвой покрывал наши запросы и свет луны, коему не препятствовали тени немногочисленных деревьев.

Дверь гаража не была, похоже, снабжена автоматикой. Впрочем, и закрытой в данный момент не являлась — выйдя вперед Кэт, я без труда поднял ее за край.

Едва мы пробрались внутрь, Кэт включила фонарь. Луч метнулся влево, осветив стену с гвоздями, с которых свисал всевозможный домашний инструментарий, задержался, пошарил туда-сюда — и выхватил отличную лопату с острым краем и уступом. За компанию с ней я прихватил со стены большой и увесистый ледоруб.

— Вдруг пригодится, — объяснил я шепотом Кэт.

— Что-нибудь еще? — откликнулась она.

— Не знаю. Я такими вещами прежде не занимался. — В доступности висели несколько пил и топорик.

В былые деньки — в реальности, не в киношках, — крестьяне наловчились разбираться с вампирами, рубя тем головы с плеч. Я вычитал об этом в одном реферате в высшей школе. Если память мне не изменяла, в рот отсеченной вампирской голове набивали чеснок, а хоронили кровососов на перекрестке дорог.

Что-то мне не хотелось с этим всем связываться.

С лопатой в одной руке и ледорубом в другой, я заявил:

— Этого хватит.

Кэт не стала предлагать топор или пилу.

Похоже, наши сведения о вампирах происходили из разных источников. Она знала о зеркалах, но не о декапитации.

Закрыв дверь, мы пошли обратно. В своем молчании я находил какую-то постыдную провинность. Вроде как солгал, и рта не открыв. Но, упомяни я отсечение головы, пришлось бы взять топор. И, рано или поздно, рубить Эллиотову голову пришлось бы мне. Лучше уж чувство вины, чем *такое*.

Я опустил лопату и ледоруб на пол машины под задними сиденьями. Фонарик Кэт забросила на водительское место. Мы захлопнули заднюю дверь и, оставив багажник открытым, пошли в дом за Эллиотом.

Лежал он там же, где мы его оставили — на полу спальни, укутанный пластиком и обмотанный серебристой изолентой.

Кэт взялась за ноги, я — за плечи. Не очень хватистый материал — постоянно стучался о мои колени головой, выскальзывал и, в конце концов, падал.

Кэт бросила свой конец.

— Давай я попробую.

Я уступил без препираний.

У нее, правда, выходило не лучше моего. После того, как несколько раз Эллиот звучно соприкоснулся с полом, она вынесла вердикт:

— Проклятый чехол. Никак за него не ухватиться получше.

— Понятное дело. Плюс ко всему, этот тип весит тонну.

Кэт на шаг отошла от тела. Покашляла, закусил левый край губы, покачала головой.

— Придется, наверное, волоочь его, — сказала наконец.

— Я могу попробовать вынести его по-пожарному.

— Забросить на плечо?

— Попробовать стоит.

Кэт скорчила гримаску. — Он ужасно тяжелый. Я не хочу, чтобы ты себе повредил что-нибудь.

— Попытка не пытка.

— Только в том случае, если дело не кончится тем, что ты надорвешься или рухнешь с лестницы. Или что-нибудь еще в этом роде.

— Ладно, посмотрим, как пойдет, — сказал я.

Склонившись над Эллиотом, мы усадили его. Присев поближе к нему, я ухватился за его торс, приобнял, приноровился — так, чтобы мое левое плечо при захвате уперлось ему в брюхо.

— Итак, — выдохнул я. — Вира помалу.

Рывком я встал — не без помощи Кэт — на ноги. Верхняя часть Эллиота с силой ткнулась мне в спину.

— АЙ! — взвыл я.

— Что такое?!

— Ч-Ч-ЧЕРТ!

— Что?..

— КОЛ!

Кэт спихнула Эллиота с меня. Труп обрушился на пол, знатно стукнувшись затылком.

А меня повело вперед, и я застыл, упершись в пол руками и коленками.

— У тебя кровь идет, — тихо сказала Кэт.

— Неудивительно, — выдохнул я.

Обойдя меня, она задрала футболку.

— Непохоже, что рана глубокая.

Я оторвал взгляд от пола. Сантиметров пять-шесть кола прорвали пластик — мне было видно окровавленное острие, торчащее из Эллиотовой груди.

— Плохо, если он больше чем на *сантиметр* меня пробил.

— Да тут даже меньше.

— Надеюсь.

— Не двигайся. Я что-нибудь придумаю. — Она побежала куда-то.

Я счел разумным остаться в той же позе. Рана в спине горела. Глубоко, судя по ощущениям, меня не проняло, но, черт побери, кровь шла, и довольно сильно — достаточно сильно, чтобы, стекая по спине, падать каплями на злосчастный ковер, добавляя ему новых красных клякс.

Возвратившись, Кэт села на корточки позади меня и помогла мне снять футболку. Смотав ее в комок, она принялась стирать кровь с моей спины.

— Сильно же тебя, — заметила она.

— Подорвался на собственной петарде, — попытался отшутиться я.

— Болит?

Болело *дьявольски*.

— Немножко, — пробормотал я.

— Я собираюсь прижать рану.

— Давай.

Кэт надавила. Выгнув спину, я сжал зубы и со свистом выдохнул через них.

— Я только подержу так пару минут, — сказала она. — Может, тебе лучше лечь.

Ковер подо мной выглядел чистым, если не считать лужицы собственной крови. Я подался вниз, распрямился, лег лицом на сложенные руки. Кэт прижала майку к ране чуть сильнее.

— Как думаешь, все обойдется? — спросил я.

— Думаю, да. Я перевяжу тебя, и будешь как новенький.

— Какой же дурак, — простонал я. — Даже не *подумал* о том, что из него кол торчит.

— Может, у тебя бы и не вышло подумать.

— В смысле?..

— Месть Эллиота.

Она, может быть, и шутила, но по моему загривку прошел холодок.

Тем не менее, я выдавил улыбку:

— Если это — самое страшное, на что он способен, думаю, мы его переживем.

Кэт довольно долго молчала, просто сидя рядом и прижимая компресс из футболки к ране. В конце концов, она произнесла:

— Я-то думала, этим все и кончится. Нехитрый фокус — забей ему в сердце кол, и все плохое тем и завершится. Но не так-то оно и просто.

— То была просто моя оплошность, — возразил я с пола.

— Я вот в этом не уверена.

— Зато я уверен.

— Может быть, он уже взялся за нас.

— Эллиот?

— Именно.

— Эллиот к этому не имеет никакого отношения. Мне просто стоило быть осторожнее, вот и все.

— Хотелось бы верить, — откликнулась Кэт.

Вскоре Кэт перевязала меня и теплой губкой стерла кровь со спины и боков. Я почти в открытую ловил кайф.

— Садись, — велела она, — посмотрим, не натекло ли спереди.

Я начал приподниматься. По спине пробежал огонь. Вскрикнув, я, тем не менее, твердо про себя решил, что не позволю боли остановить себя. Очутившись на коленках, я почувствовал себя чуть лучше.

Кэт выглядела обеспокоенной.

— Видок у меня, догадываюсь, не очень, — высказался я.

Сидя напротив меня на коленях, Кэт принялась протирать мою грудь губкой. Крови почти не было, но я не протестовал. Кожа зудела после ковра, и губка была отличным избавлением. Да и потом, Кэт печется обо мне — когда еще такое на мою голову перепадет.

— Ну как? Поправишься? — осведомилась Кэт.

— Когда-нибудь — определенно.

— Может, отвезти тебя в больницу скорой помощи?

— Да ну. Все у меня будет в ажуре.

— Может, не будешь таким легкомысленным и позаботишься о себе?

— Позабочусь. Как только сбудем Эллиота — так сразу.

— Если мы все же планируем, как ты говоришь, *сбыть* его этой ночью, придется сыскать тебе новую футболку.

— Что, с моей совсем все плохо?

— Явно видала лучшие времена.

— Черт. Я любил этого хитрого грифа.

— Ладно, я вымочу ее специально для тебя. Пока мы будем в отъезде — высохнет.

— Буду признателен.

— Все равно, придется тебе надеть что-то другое в дорогу. — Встав, она, с губкой в одной руке и комом моей футболки в другой направилась в ванную. Выйдя оттуда, сразу взяла курс на свой шкаф-стену. Откатила в сторону дверь в дальнем левом углу.

— У меня осталось кое-что от Билла, — сказала она, не поворачиваясь.

— Я уж лучше что-нибудь твое надену.

Она смерила меня удивленно-невеселым взглядом из-за плеча.

— Ну, — развел я руками, — у тебя ж наверняка найдется такая бесформенная и безразмерная рубашка, вроде...

— Нет, *такого* у меня нет, — известила она, вновь уделив все внимание недрам шкафа.

— У меня кое-что есть в той сумке, что в машине, — сдался я.

— Как тебе это? — она вынула из шкафа рубашку и тряхнула, расправляя. Походила та на одетую на ней самой — короткие рукава, яркие цвета.

Я соорудил мину.

— Что в ней плохого? — стрельнула она глазами.

— Ничего, в общем-то.

— И я так думаю. Прекрасная рубашка.

Спору нет.

— Что ж, ладно, — сказал я, поднимаясь на ноги.

Кэт поднесла ее мне, зашла за спину, набросила на плечи, помогла продеть руки в рукава. Обойдя, принялась застегивать пуговицы.

— С ней все в полном порядке, — заверила она меня.

— Да я не отрицаю...

— Он не умер в ней, не волнуйся.

— Э-э-э...

— *Билл*. Мой муж. На нем *вообще* ничего не было, когда он умер.

Мне это знать явно было не обязательно.

— Я просто не люблю таскать чужие вещички, — пояснил я.

Особенно — с плеча мужа Кэт, мертвого ли, живого.

Продев последнюю пуговицу в причитающуюся дырку, она произнесла:

— Я ее ему купила. Чувствуешь разницу?

Еще какую.

— Наверное, — протянул я.

Положив руки мне на плечи, она подалась навстречу мне и поцеловала. Мгновенья неги были коротки, но я почувствовал себя, как кактус в пустыне, на который наконец пролился благодатный дождь.

— Готов? — прошептала Кэт.

— К чему?..

— К вот *этому*.

Мы оба повернулись и уставились на Эллиота.

Мой взгляд царापнуло багровое деревянное острие, торчащее из него.

— Может, нам все же лучше просто выволочь его? — предложил я.

Кэт кивнула:

— Лучше — это точно.

Шагнув к замотанному телу, я ухватил Эллиота за лодыжки и, стараясь не обращать внимания на боль в спине, оторвал их от пола и поволок мертвый вес к двери из спальни.

— Не туда, — окликнула меня Кэт. — Тащи ко мне.

Она стояла у дальнего края кровати, и поначалу я решил, будто она хочет, чтобы мы возвратили труп на ложе, что смысла явно не имело. Но она, поняв мое замешательство, отошла чуть подальше — к окну.

Ее огромных размеров кровать и тумбочки-близнецы расположились как раз между двумя окнами. Она прошла к правому, развела шторы в стороны, открыла его настежь и, повернувшись ко мне, улыбнулась.

— Догадайся, что внизу?

— Земля, — выдал я.

— Подъездная дорожка.

Бросив ноги Эллиота, я подбежал к окну и, коль скоро защитного экрана снаружи не было, выглянул наружу.

Узкая бетонная полоса — с машиной Кэт в стороне справа — предстала моим глазам.

Отступив от окна, я кивнул.

— Если хоть кто-нибудь увидит нас из дома напротив...

— Они на три недели укатили в Англию.

— У них там совсем никого? Смотрителей и дворецких нет? Знаешь же этих англоманов.

— Я — их смотритель, — терпеливо пояснила Кэт, — у меня — их ключи. Этим утром я поливала цветы Бетти. Там никого.

— В таком случае окно — хороший выход.

— Было бы здорово, если б я додумалась до этого раньше, чем ты схлопотал немножко кола в спину.

— Я и сам не догнал, — улыбаясь, успокоил ее я.

— Не важно. Если нам удастся выпихнуть его отсюда, не придется мучиться с лестницей. И волочь его через весь дом — тоже. И лишний раз беречь твою рану. Словом, по всем пунктам наша задача упрощается. Нам даже не придется возиться со снятием экрана. Я его сама высадила где-то год назад, когда пыталась от него убежать.

Я вытаращил на нее глаза.

Кэт пожала плечами.

— Ты что, *выпрыгнуть* хотела? — уточнил я.

— Высоковато, по-твоему, для прыжков?

— Не то слово!

— Дело было той ночью, когда он убил Билла.

— *Эллиот убил Билла?*

Прикусив губу и глядя мне прямо в глаза, она, набравшись духу, рассказала мне:

— Да, он это сделал. И да, я хотела прыгнуть из окна, пытаясь от него спастись. Оно было нараспашку, но экран опущен — я врезалась в него на полном ходу. Разбила. Но это меня порядком замедлило — а Эллиоту хватило времени схватить меня и втащить обратно.

— О Боже. Оно ведь, может, и к лучшему, Кэт. Ты ведь могла не пережить падение.

— Не самый плохой исход, — заявила она, отведя взгляд в сторону.

— Боже! — прошептал я.

Мы снова были лицом к лицу.

— Я не из потенциальных самоубийц, просто хотела тогда, чтоб все это побыстрее закончилось — не важно, как. — Она предприняла слабую попытку улыбнуться. — Зато нам сейчас не возиться с этим дурацким экраном. И теперь в окно полечу не я, а Эллиот. Поможем ему?

Слова никак не желали выходить из пересохшей глотки, потому я просто кивнул и, вернувшись к Эллиоту, занялся им. Спина протестовала. Ей вторила прокушенная рука, хотя раны от Эллиотовых клыков были и вполнину не такие болезненные, как та, что красовалась в том месте, куда меня тюкнул кол. Зато боль иногда — хороший способ остаться в здравом уме, что лично мной ценилось высоко, особенно после потока сюрреальных событий, излившегося на мою голову за одну лишь ночь.

Подтащив сверток как можно ближе к окну, я отпустил ноги Эллиота.

— Сбегаю за веревкой.

Кэт сжала мое плечо.

— Не стоит.

— Это займет всего пару...

— Нам не понадобится веревка.

Я посмотрел ей в глаза.

— Ты шутишь.

— Не думаю.

— Боже, — снова вырвалось у меня.

В глазах Кэт плясали лукавые огоньки. Совсем как тогда, когда она еще была подростком, и мы с ней были не разлей вода. Только те огоньки, былые, так часто подмечаемые мной тогда, сулили лишь веселье, невинные забавы. От этих же явно добра ждать не приходилось — взгляд выросшей Кэт был тяжелый, едва ли не *режущий*.

— Что, просто вышвырнем его? — спросил я.

— Быстро и просто, — кивнула она.

— Не скажу, что *ему* будет просто.

Дьявольский огонь покинул ее глаза и затеплился в ее улыбке.

— Он мертв, Сэмми.

— Но мы не можем просто так взять и *выбросить* его.

— Боишься, что он поранится?

— Ну да. Мне кажется, он совсем в негодность придёт.

Качая головой, она тихо рассмеялась.

— Мы собираемся похоронить его, а не продать с молотка. Ему и не надлежит быть в отличном состоянии.

Лот номер такой-то, труп вампира; орудие убийства прилагается, подумал я, но вслух сказал:

— Просто... так не поступают обычно. С телами.

— Но в случае Эллиота, это *замечательный* план действий. — Озорное выражение пропало с ее лица. — Я с ним справлюсь. Спускайся вниз, если хочешь.

И она без шуток взялась за завернутый труп — с мрачной решимостью рестлера. Не проронив ни слова, я присоединился к ней. Кэт не стала меня благодарить, но глянула с благодарностью. Вместе мы поставили Эллиота стоймя.

— Придержи его на секундочку, — сказала Кэт. — Я проверю, чист ли наш фронт.

Пока я сражался за сохранение стоячей позиции Эллиота, она высунулась из окна и окинула взглядом улицу. Зад ее некогда-джинсов был вытерт, но почти не заляпан краской. Пара старых следов укусов виднелась на нижней части ее правой ягодицы — той, что была видна через прореху. Глядя на выцветшие красные точки, осознавая, что там был рот Эллиота, его клыки, я вдруг вспомнил и о других местах, где приложился этот безумный кровосос. Выбросить его из окна больше не казалось плохой идеей.

Кэт обернулась.

— Вроде бы все спокойно.

— Может, нам следует выключить в спальне свет, прежде чем приступим, — сказал я.

— Хорошая идея.

Я остался стоять в обнимку с Эллиотом, а Кэт поспешила выключить все светильники и задуть свечи. Она потушила все — кроме двух свечек. Они были в высоком подсвечнике в изножье кровати.

— Я оставлю их, — сказала она мне. — Нам *понадобится* хоть *какой-то* свет.

— Пойдут, — махнул я рукой.

В комнате было довольно темно, и мне нравилось, как выглядит Кэт в мерцающем свечении.

Она подошла ко мне.

— Если выйдет, пододвинь его поближе к окну. Я приму его на себя и вытолкаю.

— Идет. — Я обнял труп еще крепче. — Будь осторожна, хорошо?

Процесс нашего продвижения больше всего напоминал какой-то странный танец.

Толчок ко мне — провисание — толчок от меня. Этаким маятником мы подобрались почти вплотную... и тут Кэт, принимая сверток к себе, накренилась к разверстому окну явно сильнее, чем следовало.

— Кэт!

Вскрикнув, она отшатнулась с пути, и всем весом — головой вперед — Эллиот полетел в провал окна. Тело ударилось поясницей о подоконник, торс канул в ночь, увлекая за собой ноги. Пластик мелькнул белым пятном в темноте и исчез.

Я остался на месте, Кэт же осторожно выглянула. Мне этого не требовалось — я слышал, как он рухнул оземь. Звук был мягкий, до омерзения *влажный*. И что мне не понравилось — следом раздался еще какой-то щелкающий хруст, будто раскололся кокос.

Кэт столкнулась со мной взглядом и усмехнулась.

— Сработало, — провозгласила она.

Пока я караулил Эллиота у дорожки, Кэт передислоцировала машину с учетом нового положения свертка с телом. Сделала она это тихо, без включенных фар. Увы, с габаритными огнями ничего поделаться было нельзя.

Я следил за улицей. Выжидал, что в любой момент из-за поворота появится патрульная машина, или какой-нибудь собаколюб из местных вывел прогуляться своего старого облезлого Ворчуна. А большой и неопрятный кокон у моих ног вызвал бы подозрения у кого угодно, появившись он сейчас неподалеку. Как минимум из-за того, что кокон имел отчетливые очертания человека, а пластиковый покров был весь в крови. В спальне Кэт я приложил много усилий к тому, чтобы все выглядело прилично, но удар о бетон отправил все мои усилия коту под хвост. Кое-где — пускай несильно, — пластик потрескался. И из трещин текло.

И, в те несколько мгновений, что ушли на подъезд к нам Кэт, кокон был очень хорошо освещен. В дополнение к габаритным огням вспыхнули стоп-сигнальные, бросив красные блики. Я представил себе, как буду объяснять полиции, случись той застать нас, наличие старательно увязанного трупа в двух шагах от себя: *нет, офицер, вы все не так поняли; парня мы, конечно же, убили, но он же был вампир, а вампирам ведь вроде как не предоставляются гражданские права?*

Автомобиль погрузился в темноту.

Пока Кэт выбиралась из салона, я продолжал внимательно следить за улицей.

Распахнулась пасть багажника.

— Давай его сюда, — прошептала она.

Мы уже не пытались тягать его за два конца — этот метод, уже опробованный в доме, действенным себя не зарекомендовал. Вместо этого мы оба разом ухватили его за плечи и усадили.

— Чего это он такой скользкий? — все так же шепотом спросила Кэт.

— Он слегка повредился, когда о землю шмякнулся.

— Хочешь сказать, это *кровь*?

— Возможно.

— Здорово, — пробормотала она. — Клади его обратно.

Мы отпустили Эллиота.

— Может, мне попробовать его заново упаковать? — спросил я.

Кэт издала горлом звук, похожий на рычание.

— Да это кучу времени у нас отнимет... и вся эта упаковка явно не так уж хороша.

Может, просто не стоило бросать с высоты второго этажа.

— Жди здесь, — заявила она. — Я пойду, добуду брезент. И смотри не запачкай кровью одежду. — Видимо, демонстрируя мне, что значит — быть по-настоящему осторожным, она, вытянув руки перед собой и аккуратно вышагивая, скрылась где-то за машиной.

Дальше она продвигалась вдоль стороны дома, и я понял, что цель ее — гараж.

Мы с Эллиотом остались наедине.

Ненадолго — так что вряд ли что-то стрясется в ее отсутствие.

Зря я так подумал: где-то в отдалении возник шум двигателя. Доносясь поначалу слабо, он становился все громче и громче.

— Вот дерьмо, — пробормотал я.

Свет медленно пополз вверх по улице.

Стоя таким тополем на лужайке Кэт, я сам по себе был куда подозрительнее свертка.

Я принялся лихорадочно оглядываться в поисках укрытия. С одной стороны — стена дома, с другой — забор. Машина Кэт выглядела единственным достойным кандидатом на убежище.

Только вот у меня явно нет времени забраться под нее.

Явно нет времени распахнуть дверь и укрыться в салоне.

Запрыгнуть в багажник?

Глянув на лучи от фар приближающейся машины, я понял, что даже на *это* я уже не сподоблюсь.

Чертыхнувшись, я простерся на асфальт подъездной дорожки и попытался убедить себя в том, что стал плоским-плоским.

Не поднимая головы, вслушивался я в шум двигателя. К нему примешивались какие-то шипящие прерывистые помехи и голоса.

Женские голоса.

Говорили в основном какими-то наборами цифр, но иные разбираемые мной слова вроде как имели смысл.

— ...видели мужчину на...

— Два-одиннадцать, в работе.

— Эвклид...

Я задержал дыхание.

Звуки удалялись. Потом пропали вовсе.

Оторвав голову от земли, я поглядел на дорогу. Пустует. Поднявшись и морщась от боли — слабой в прокушенной руке и куда более ощутимой в спине, куда ткнулся кол, — я втиснулся в узкое пространство между автомобилем Кэт и стеной ее дома.

Там я и простоял, незримый с улицы, до тех пор, пока она не принесла брезент.

— В чем дело? — оценив мое положение, спросила она.

— Проезжали копы.

— *Что?*

— Все в порядке, они не остановились. Я притворился дорожным покрытием, меня и не увидели.

— Хорошо, если так. Нам лучше ускориться.

Мы прошли — Кэт впереди, я за ней, — к багажнику. Там я помог ей выпростать брезент из упаковки и застелить им багажное нутро. Кусок был явно великоват — с краев осталось много, в середине образовалась замятие.

Поставив Эллиота на ноги, мы втолкнули его в багажник. Он ушел туда головой вперед и шлепнулся торсом на брезент. Подняв его ноги, мы кое-как пристроили их следом. Выдохнули.

Наш убитый вампир все же уместился.

Свисающие края подстилки мы подоткнули под него.

И захлопнули крышку.

— Та-да-а-а-а! — провозгласила Кэт.

— Миссия выполнена, — прошептал я.

— Никогда не думала, что все будет так трудно. В кино, когда кому-нибудь надо

сбагрить тело, все гораздо проще.

— Ну, в этом-то и вся суть кино. Никогда не доверяй Голливуду.

— Это — однозначно последний раз, когда я убиваю кого-то в своём доме, — сказала она.

Взглянув на Кэт, я различил на ее лице тень улыбки. — Надеюсь, — отозвался я.

— Теперь вернемся и уберем за собой.

— Снова?..

— Снова.

Мы вошли через черный ход на кухню и включили свет. Наши руки были буквально по локоть в крови Эллиота. Кэт каким-то образом посадила себе кляксу на правую щеку. Я нашел ее странно привлекательной в таком виде, но все равно сказал, что она испачкалась. Ее рубашка была, на первый взгляд, незапятнанной, а если что-то и попало на некогда-джинсы, то радужные потеки добротнo скрывали сей факт.

Она вымыла руки в кухонной раковине и вытерлась бумажным полотенцем. Следом за ней привел себя в порядок и я.

— Чистый? — спросил я, едва привел себя в порядок.

— Как новый медяк, — заверила меня Кэт.

— Ты вроде как тоже.

— Тогда пошли.

— Возьмем с собой зонтики, или ограничимся перчатками? — попытался неуклюже пошутить я.

— Зонтиков нет. Как насчет перчаток и фартуков?

— Я фартук не надену.

— А перчатки — неплохая идея, — она открыла шкафчик над мойкой и, после непродолжительных поисков, извлекла две пары желтых резиновых рукавиц. Такие люди надевают иногда для мытья полов, а особо чувствительные к чистящим средствам — и для посуды. Одна пара была даже нераспакована. — То, что нужно, — вынесла вердикт Кэт. — У нас ведь может и не быть возможности вымыть руки там, где мы бросим этого ублюдка.

Прихватив со стола свежий рулон бумажных полотенец, она засунула его под мышку. э

— У меня еще есть влажные салфетки там, в машине. Так что насчет фартуков?

— Пойдем без них, молю. К тому времени, как мы его доставим, он уже, скорее всего, высохнет.

— Ладно, последний раз спрашиваю: что еще мы можем взять?

— А вдруг нам в дороге захочется пить?

— И есть, — добавила она. Протянув рулон полотенец и перчатки мне, она открыла холодильник и глянула внутрь. — «Пепси» пойдет?

— Вполне.

— Есть еще простая вода в бутылке.

— Тоже берем.

— Пиво?

— Не издевайся. Не хватало еще выгружать труп под хмельком.

— Может, залить кофе в термос?

Я покачал головой.

— Нет времени. Нам пора.

— Выходит, ты не станешь просить меня приготовить завтрак?

— Я хотел бы, но, боюсь, не выйдет.

— Ладно, погоди, я прихватю кое-что.

За несколько минут Кэт уложила в сумку шесть банок «Пепси», шесть пластиковых бутылочек с негазированной водой, пачку печенья «Орео», салями, немного сыра и коробку крекеров.

— Этого хватит? — спросила она, по кругу оглядывая кухню.

— Скатерть? — выдвинул я предположение. — Тарелочки?

— Прошу, не умничай.

— Ножи, вилки, ложки?

— Нож! Нож понадобится для салями! — она помчалась к кухонному столу, протянувшему ей навстречу выдвинутый ящик, и выудила нож для стейка — с деревянной ручкой и длинным зазубренным лезвием. Она сунула его острием вперед в сумку.

— Помни, что он здесь, — предупредила она меня. — Не хочу, чтоб ты снова поранился.

— Я буду осторожен.

— Ну что ж, тогда — всё?

— Да, теперь уж точно.

— Славненько. Я забегу кое-куда ненадолго, прежде чем мы отправимся в путь.

Она поспешила в ванную первого этажа — отделенную от кухни только коротким коридором. Когда Кэт вернулась, пришел мой черед. В этой ванне не было зеркал в забавных местах, и запах здесь был приятный и свежий. Облегчившись, я умылся горячей водой с душистым мылом.

В зеркале над раковиной, тем не менее, даже после умывания отражался кто-то со спутанными грязными волосами, мешками под глазами и всклокоченными бакенбардами. Я походил на чокнутого грабителя могил, одевшегося в цивильную рубашу.

Довольствуйся тем, что есть, идиот. Ты грохнул какого-то парня, забив ему в сердце деревянный кол. Скажи спасибо, что на тебе не оранжевая тюремная роба.

Но его, как ни крути, *нужно* было грохнуть, напомнил я себе — чтобы Кэт могла жить дальше. Тот ублюдок больше не будет донимать ее. Не будет заявляться к ней по ночам, чтобы тыкать своими клыками где попало. Не будет сосать ее кровь, как какой-то комар-переросток.

Подделом, думал я, выходя навстречу Кэт в кухню. *Дуракам везёт.*

— Я прихватила спички, — сказала она мне и похлопала по левому карману своей рубашки, что заставило ее грудь подпрыгнуть под яркой, пестрой тканью.

— И зачем нам они?

— Черт его знает. Можно разжечь походный костер, можно спалить родную школу дотла.

— Бесконечное число возможностей, — хмыкнул я.

— Будь готов — это мой девиз! А мы, как думаешь, готовы?

— Наверное.

— Тогда — в путь.

Отправив в продовольственный мешок рулон полотенец и перчатки, я подхватил его. Кэт погасила все света и заперла дом. Когда мы дошли до автомобиля, Кэт открыла заднюю дверь, и я бросил поклажу на пол за передним сиденьем.

Кэт пошла к водительской дверце.

— У тебя есть шланг? — спросил я.

— Шланг?

— Садовый шланг. Такой, чтоб дотянул до дорожки.

— О! Отличная идея. Где-то здесь лежит.

— Я тут только на минуту, можешь уже выезжать.

На деле потребовалось, конечно же, чуть больше времени, чтобы найти шланг, включить его, протянуть к подъездной дорожке и окатить бетон крепкой струей воды. Но оно того явно стоило: когда я закончил, никаких видимых следов крови Эллиота не осталось.

Наконец, я забрался в автомобиль, сел на пассажирское сиденье и захлопнул дверь. Кэт сжала мою коленку.

— Молодчина, — сказала она.

— Рад быть полезным, миледи.

— Я ведь даже не додумалась, что на дорожке останется...

— Две головы всегда лучше, — заверил ее я. — Мы ничего не забудем.

— Пока мы справляемся хорошо.

— Если не брать в расчет все наши раны.

— Но они все заживут, — сказала Кэт. Помолчав, добавила: — Мои всегда заживают.

Убрав руку с моего колена, она повернула ключ зажигания и завела двигатель. Оставив фары выключенными, она неспешно вывела автомобиль задним ходом на основную дорогу.

Никаких других машин поблизости не наблюдалось.

Добравшись до конца квартала, мы включили фары.

— Поехали! — возвестила Кэт.

Люди, путешествующие по фривэям Лос-Анджелеса в полтретьего ночи — почти все либо пьяницы, либо убийцы, либо стражи правопорядка.

Мы, вестимо, подпадаем под вторую категорию.

По крайней мере трассы пустовали, и ехали мы с хорошей скоростью.

Кэт делала где-то пять миль в час сверх дозволенного. Не поинтересовавшись даже у меня, как я к этому отношусь. Мы будто обзавелись собственными Правилами Вождения Автомобиля Поздней Ночью (С Трупом-в-Багажнике).

А что, если подумать? Будешь ехать слишком медленно — копы подумают, что ты пьяный и остановят. Или тебя переедет дальнобойщицкая фура — по ночам они, как правило, носятся не хуже болидов; или в тебя врежется на полной скорости перебравший наркоты ночной гонщик; или в твою машину разрядит ружье какой-нибудь чудак со сдвигом, покинувший свое параноиково гнездо для прогулки вдоль прилежащего участка трассы (а к частной собственности такие люди относятся как-то даже чересчур ревностно). С другой стороны, будешь ехать слишком быстро — могут остановить за превышение скорости. Приходится искать золотую середину — не слишком быстро, но и не слишком медленно.

В общем, лучше просто ездайте как привыкли. Так будет лучше всего.

И не засыпайте за рулем.

С дремотой у меня проблем не было. Мне, конечно, надлежало бы уже несколько часов спать и видеть десятый сон, да и потом, насыщенная выдалась ночька — казалось, *недели* миновали с тех пор, как ко мне постучалась Кэт. Но, с другой стороны, казалось, что прошли считанные минуты. Что я лишь едва-едва начал сближаться с Кэт после стольких лет расставания.

Чувства были смешанные — усталость, очарованность, потерянность, восхищение, тревога. Но спать? Спать точно не хотелось.

Я продолжал отслеживать опасности — гонщиков, автомобили, мечущиеся с одной полосы на другую и обратно, проезжающие мимо машины с необычным числом пассажиров (четверо крепких парней в одном авто — это, знаете ли, *очень* плохой знак) и патрули дорожной полиции.

Когда что-нибудь из этого списка возникало на горизонте, я предупреждал Кэт, и она принимала меры — обычно либо меняла полосу, либо снижала скорость, либо, наоборот, ускорялась, чтоб не накликать бед.

Это здорово прогоняло скуку.

Как только мы спустились с Сепалвида-Пасс на Четыреста пятую северную кольцевую, Кэт сказала:

— У меня в перчаточном отделении лежат карты. Нам, пожалуй, стоит разобраться, куда *конкретно* мы с тобой едем.

— А куда мы *хотим* ехать? — поинтересовался я.

— Аризона? Невада? Что-то из двух. Что поближе, я думаю.

— Аризона, по-моему, ближе на час езды. Но нам придется ехать прямо по улицам. Можно, конечно, рискнуть. — Покопавшись в складнице для перчаток, я вытащил многократно сложенную карту.

— Аризона вся в пустынях, — сказала Кэт, — а я бы на них сильно полагаться не стала.

— Но в пустыне полно мест, где можно спрятать труп так, что никто не найдет. — Почему я так привязался к Аризоне? Невада, будучи подальше, подарит мне больше времени, проведенного вместе с Кэт. — Жарковато, правда. Для этого времени года — вообще погибель. Невада будет к нам добрее. Особенно если мы подадимся в горы.

— Вверх к озеру Тахо? — спросила Кэт. — Мне там нравится.

— Тахо, по-моему, слишком людное место, чтобы избавляться от трупа, — заметил я. — Но мы можем просто отправиться в том направлении. И на нашем пути будет полным-полно подходящих под наше дело местечек.

— Ладно, и как нам туда проехать?

— Где у тебя фонарик?

— Здесь вот. — Она похлопала по консоли между сиденьями.

Отыскав фонарик, я расправил перед собой карту Калифорнии. Та, где-то в ярд общей площадью, включала западные части Невады и Аризоны, что было нам на руку.

Не очень на руку было то, что южная половина Калифорнии, включая нашу локацию, была на одной стороне, а северная — с Тахо — на другой. Приходилось постоянно переворачивать карту туда-сюда, что упиралось в определенные трудности — коль скоро карта занимала почти все свободное пространство передо мной.

В конце концов я умудрился сыскать трассу вниз от озера Тахо к нашей стороне карты, от которой шла ветвь к знакомым территориям.

— Похоже, нам потребуется Триста девяносто пятая, — сказал я. — Свернем на нее и поедем вдоль — она приведет нас прямо к нужному месту.

— Отсюда до нее?..

— Все, что нам потребуется — оставаться на Четыреста пятой до тех пор, пока не уткнемся в Четырнадцатую. Которая чуть повыше Ньювола.

— Где-то у Колдовских Гор?

— Раньше их. Вверх по холму при выезде с долины. Потом — на север, и до тех пор, пока она не перетечет в Триста девяносто пятую чуть повыше Авиабазы Эдвардс и пустыни Мохаве.

— Послушать тебя, так все довольно просто.

— Должно быть, так и есть, — сказал я, убирая фонарик и карту. Бросив взгляд за окно, я не сразу понял, где мы находимся. Определиться удалось только когда мы подъехали к знаку выезда из Девоншира — я сообразил, что мы продвинулись довольно далеко на север вдоль долины — скоро придется взбираться на холмы. Может даже статься, до нужного нам поворота — минут пять езды.

Свет фар впереди нас, но его будто относило куда-то вбок, на соседнюю полосу. Где-то в сотне ярдов впереди нас старый грузовик-пикап с одной разбитой фарой мчал где-то на сорока по «медленной» трассе. Кузов буквально ломился от пассажиров.

— Только взгляни на них, — сказал я Кэт.

Поравнявшись с пикапом, мы смогли получше рассмотреть компанию в кузове. Все — дети, шесть-восемь мальчишек и девчонок самых разных возрастов. Одна из девчушек, по-моему, держала ребенка на руках.

— Не кажется мне, что это — какие-нибудь групповушники, — отозвалась Кэт.

— Будущие групповушники, — поправил я ее.

— Если так долго проживут, — сказала Кэт, покачав головой. — Если их водила и дальше будет мчать в том же духе, они рискуют окончить жизнь, будучи размазанными по

всей дороге.

— Может быть, это семья. Возвращаются с загородного отдыха.

— Чокнутые родители, — пробормотала она.

— Может быть, они из бедноты.

— Беднота — это не повод рисковать жизнью детей вот так вот. *Ничто* не повод.

Когда мы проехали мимо, несколько ребятишек помахали нам рукой. Я отсалютовал в ответ. Кэт на них даже не посмотрела.

Но мы оба глянули на водителя. То был грузный парень с черными усищами, в соломенной шляпе. С ним в кабине теснились еще двое. Водитель ободряюще улыбнулся нам, я ответил на улыбку, и вскоре грузовиковое семейство осталось далеко позади.

— Глупый сукин сын, — пробормотала Кэт.

— Есть немного.

— Ненавижу таких.

— Эй, может быть, стоит легче...

— Он что, не знает, что будет с этими детьми, если он не справится с управлением?

— Ну, он, наверное, уверен, что справится в любом случае.

— Придурок.

Никогда не видел Кэт такой. Склонившись, я положил руку ей на бедро. С совершенно невинной целью — просто показать, что я рядом, и волноваться не стоит. Но к прикосновению к ее коже я определенно готов не был. Пару раз мягко хлопнув ее, я быстро убрал руку.

Она взглянула на меня.

— Кто-то должен заточить колья и открыть охоту на всех глупцов и пофигистов этого мира. Иногда мне кажется, что они хуже Эллиотов. Может быть, они не злые... но вреда от них не меньше.

— Может даже, больше, — согласился я, размышляя, на каком периоде жизни, прошедшей вдали от меня, она выносила такие мысли, и почему говорит об этом всем с таким жаром.

— Жаль, что у нас не так много лесов.

— Не хватит на колья?

— Верно.

Я ответил ей слегка нервной улыбочкой и попытался разрядить обстановку:

— Ты, гляжу, прослушала курс мировосприятия по Владу Цепешу.

Она издала короткий смешок.

— Такая уж я. Компромиссы я оставляю другим. Что до меня — просто предоставьте мне всех этих бестолочей, что гонят во весь опор, когда у них полный багажник детишек. Всех этих в дым пьяных водил. Всех тех, кто подрезает на узкой дороге, а потом еще и средним пальцем из окошка тычет. Всех родителей, что, не уделяя должного внимания своим детям, позволяют им утонуть в бассейне, попасть под машину... дают шанс собакам покусать или маньякам — увести у всех на виду. Ненавижу их всех.

— Как же возлюби-ближнего-своего?

— Я предпочитаю беспокоиться о жертвах ближних своих, — с грустной улыбкой произнесла она. — Прости. Просто есть такие вещи, которых я не выношу ни в какой форме.

— А я вот помню те времена, когда твоей самой большой заботой было получше загореть на солнце.

Снова короткий смешок.

— Сиэтл и загар — вещи несовместимые. Нигде не встречала больше непрекращающиеся дожди. Вот почему я вернулась в Лос-Анджелес, как только выросла.

— И вот он у тебя есть, — сказал я.

— Кто?

— Классный загар.

— Вся пропеклась, — хмыкнула она.

Воспоминание о Кэт, обнаженной на черной простыне, размытым флюидом проплыли через мое сознание. Я покраснел, но она этого, конечно, не могла заметить. И еще у меня что-то снова стало оживленно в штанах. Этого она подавно не углядела бы.

— Эллиот хотел, чтобы я загорела, — объяснила она.

Кто бы не хотел, подумал я.

— Я тоже, — сказала она, — хотела не то чтобы иметь этот загар, просто — загореть. Нежиться нагишом под лучами солнца. Чувствуешь себя такой свободной... и такой *настоящей*. Чувствуешь, как свет касается тебя. Чувствуешь легчайшее дуновение ветра. И даже дождь — в радость. Каждая капля, падающая на кожу, что-то в тебе оживляет, очищает... и это прекрасно, прекраснее, чем что бы то ни было.

— Звучит здорово, согласен.

Она помолчала.

— А потом в моей жизни появился Билл. И все эти волнения. Может, все из-за новостей по телевизору. Может, Билл втянул меня в это. Когда я росла, ты знаешь, ужинать на кухне было хорошей традицией. Мы ели перед телевизором только в очень особых случаях. Но Билл обожал есть в зале и смотреть новости. Он на них всерьез подсел, как мне иногда казалось.

— Чем он зарабатывал на жизнь?

— Он был врач. Педиатр. Хотя, своеобразный педиатр — детей ненавидел.

— Он... ненавидел детей?

— Именно так. Ненавидел детей — но обожал вечерние новости. Иной раз мне казалось — если б телеэфир мог от него родить, он обзавелся бы кучей эфирных детишек.

Зачем ему какие-то эфирные детишки, когда у него с тобой могли быть свои? — подумал я, но вслух ничего не сказал. Прежде чем задавать такие вопросы, лучше узнать чуть побольше.

— Так или иначе, я была вынуждена сидеть с ним и смотреть новости. Дело ведь было не только в ужине. Мне просто деться было некуда. Приходилось сидеть, есть вместе с ним... этакий обязательный час кошмаров перед сном. Ведь они ни о чем не рассказывают в вечерних новостях, кроме смертей и стихийных бедствий.

— И о том, как вредна современная еда, — добавил я.

— *Вся современная еда*, — завершила Кэт.

— Да, похоже, что вся.

— Дело в чем — всего этого я знать не хотела. Но мне это пихали в глотку вместе с едой. И после какой-то порции ты начинаешь понимать... откуда это все. Ужасные вещи случаются с людьми, иной раз — просто из-за того, что им не повезло оказаться не в том месте и не в то время. Но чаще всего — из-за того, что люди не думают. Из-за того, что им наплевать. Понимаешь?

— Еще бы.

— Они, похоже, ни капельки не задумываются о последствиях своих действий.

— С другой стороны, — заметил я, — кому хочется провести жизнь в ожидании того, что вот-вот произойдет худшее из возможного?

— Ты проживешь дольше без пустых надежд. Твои дети — тоже.

— Но какое веселье от такой, пусть даже долгой, жизни?

Кэт пронзила меня взглядом.

— Знаешь вообще, сколько детей умерло из-за того, что их матерям приспичило бросить их и посидеть на телефоне, или сбегать к соседям, или пропустить рюмку-другую в баре?

— Нет, — сознался я.

— Много, — последовал ответ. — А все эти дети, которых похищают педофилы? Одному Богу известно, через какой ад они проходят. Эти звери измываются над ними, насилуют, могут убить в любой момент. И, уж поверь мне, огромный процент этих детей угодил в их грязные лапы по одной простой причине — их легкомысленные *мамочки* не составили себе труда присмотреть за ними получше.

— Или папочки, — завершил я.

— Матери — важнее. Это они их родили. Это они в ответе за безопасность ребенка. Когда что-то плохое происходит — почти всегда виновата женщина, которой было наплевать.

— А как насчет тех ребятишек в грузовике? — спросил я ее. — Ведь это, похоже, их отец был за рулем. И ты сама назвала его глупым сукиным сыном — помнишь?

— Да. И он взаправду — глупый сукин сын. Но мать тех детей — дура, которая позволила себе занять от него детей, хотя делать это явно не следовало. Но, коль скоро *она* их родила, она не должна *никому*, будь то отец или сам Господь Бог, везти их в открытом кузове машины, что мчится на такой скорости по дрянному ночному фривэю.

— Не забывай разбитую фару, — улыбнулся я.

— Если она не может за ними присмотреть как надо, она не должна была их *заводить*. Тупая сука.

Я смотрел на Кэт. Чтобы понять выражение ее лица, требовалось побольше света — но лицо ее было обращено к ветровому стеклу, твердый взгляд устремлен вперед, пальцы твердо сомкнуты на руле. Я почти ощущал ее напряжение... и жар ее ярости.

— Будь у меня дети, — сказала она, — я бы заботилась о них. И они никогда не утонули бы в ванне, не обварились бы, до них бы не добралась чокнутая собака или чокнутый человек. Я была бы с ними. Я бы защитила их.

— Но от всего все равно не убережешься, — сказал я.

— Конечно. Я понимаю. Но почти всегда всему виной — чье-то невнимание. Чья-то глупость и чье-то невнимание, дающие всем бедам зеленый свет.

— Ты и Билл... — я замер на полуслове, не уверенный, стоит ли спрашивать.

— Он не хотел детей. Он их ненавидел. И еще не хотел, чтоб я растолстела.

— Славный парень, — пробормотал я.

— Я *хотела* детей, — сказала она. — И, как бы он не противился, я забеременела. Но совершила ошибку — сама ему все рассказала. Не понимала еще тогда... и потом, я думала, он обрадуется. Дура. Просто дело-то в том, что это был *бего* ребенок. Не от кого-нибудь постороннего. И у тебя бы не было причин ненавидеть его за то, что он шумный или надоедливый, ты бы любил его, потому что он — твой. Вот так я думала. Я — но не Билл.

— Он заставил тебя избавиться от ребенка? — спросил я.

— Он *сам* от него избавился. Сделал мне аборт.

— Твой муж... тебе?

— В нашем же доме. В нашей постели. Он подмешал что-то в мой... то была ночь пятницы, и я сделала ему суп из морепродуктов. Его любимый. Но он подмешал снотворное в мою тарелку, и я отключилась. Потом отнес меня наверх, уложил в кровать, и... пока я была без сознания, он это сделал. Щипцами... или чем-то еще. Когда я очнулась, все уже было кончено. Вся кровать была в крови. Похоже, ей *всегда* суждено быть в крови.

— Боже, — прошептал я.

— Он сказал мне, что смыл ребенка в унитаз.

— Грязный ублюдок...

— Но я-то — та тупая сучка, что выскочила за него. Я — тупая сучка, терпевшая его выходки. Я — тупая сучка, спустившая ему с рук убийство собственного ребенка. Вот как вышло, что я — такой спец по тупым сучкам.

Она еле-еле успела закончить тираду прежде, чем разрыдалась.

— Давай поведу, — предложил я.

По-настоящему мне сейчас хотелось лишь обнять Кэт покрепче. Сделать так, чтобы все горести покинули ее. Но, сидя в смятении на пассажирском сиденье, я имел смелость лишь предложить повести.

Кэт тряхнула головой.

— Я в порядке, — выдавила она сквозь слезы.

— Ты хотя бы видишь, куда мы едем?

— Нормально я все вижу. — Она потеряла один глаз, потом другой.

— Четырнадцатая близко. Нам лучше свернуть.

Она без проблем вывела автомобиль на Четырнадцатую дорогу, несмотря на все еще стоящие в глазах слезы. Прошло еще какое-то время, прежде чем ей удалось с ними окончательно совладать.

— Ух, — вырвалось у нее. — Прости.

— Не за что извиняться.

— Не знаю, что на меня нашло.

— Выговориться захотелось, вот и все.

— Может быть. — Посмотрев на меня, она горько усмехнулась. — Хорошо хоть, что я не додумалась бросить руль.

— Да, вот это нам повезло.

— Я никогда не думала, что... никому никогда не рассказывала обо всем этом... об аборте.

— Ты шутишь.

Кэт покачала головой.

— Никому-никому?

— А кому я могла?..

Я обдумал ее вопрос. Даже родителям не всегда хочется выкладывать такие вещи. Даже самым близким друзьям. Любой в здравом уме, кто узнал бы обо всем, что сделал Билл, отвернулся бы от подонка навсегда.

— Полиции? — предположил я.

— Нет уж, спасибо.

Мы катили сквозь залитую лунным светом ночь. Я ощущал некую торжественность момента — все же меня посветили в ужасную тайну.

Прошло время, прежде чем я сказал:

— То, что он с тобой сделал... он нарушил кучу законов, Кэт. Аборт против воли? Опоение? Незаконная хирургия? Не говоря уже об убийстве ребенка. Его могли заточить в тюрьму на долгие годы.

— Я не хотела, чтобы его посадили, — сказала Кэт. — Я хотела его смерти.

Меня пробрало.

— Боже, — прошептал я.

— Он убил моего ребенка, — тихо произнесла она.

— Он... больше... ничего не?..

— Что ты имеешь в виду?

— Он не... — Я не знал, как получше сформулировать вопрос. Наконец, решился:

— Ты еще можешь иметь детей?

— А, ты об этом. — Она кивнула. — Да. Могу.

— Слава Богу, — сказал я, чувствуя облегчение. Ведь было совершенно ясно, как сильно она хотела ребенка. А у меня ведь еще оставались некоторые надежды — пусть даже скрытые в тумане грядущего, — стать этому ребенку отцом.

— Я прошла комиссию через неделю, чтобы убедиться, что все в порядке. Не хотела, чтобы Билл узнал об этом, потому сама доехала до Сан-Бернардино, зарегистрировалась под вымышленным именем, заплатила наличными... Только потом он проверил счетчик миль на машине и заставил меня рассказать.

— Заставил тебя?

— Всегда заставлял. Я выложила все. Он смеялся.

— Смеялся?!

— Он сказал, что счел бы себя чокнутым, если бы сотворил такое со мной. Сказал, что ждет не дождется, когда сможет вырвать из меня *еще одного* ребенка. По-моему, он конкретно поставил себе такую цель.

У меня не получалось сейчас и слова сказать — я лишь смотрел и с трудом верил собственным ушам. С самого своего появления у моих дверей Кэт стравливала мне одну ужасную историю за другой, и переварить их все было довольно трудно.

По крайней мере, вот так вот сходу.

И, коль скоро вампир Эллиот оказался всамделишным, есть ли у меня причины не верить ей *сейчас*?

— Он что, так и сказал? Что хочет это повторить?

— Не хочешь ли ты сказать, что я выдумываю?

— Нет, но... какой же должна быть больной его голова, чтоб в нее такие мысли приходили?

— Какой же больной, выражаясь твоими словами, должна быть голова, чтобы дать волю рукам на подпой жены и аборт?

Я только и мог, что плечами пожать.

— Так или иначе, — продолжала Кэт, — тогда я и решила убить его. Думала об этом и раньше. Когда только-только очнулась, и он рассказал мне, что сделал. Вот почему я ничего никому не рассказывала. Пусть все думают, что мы счастливы вместе. Я решила поддерживать эту иллюзию столько, сколько получится — чтобы потом никто не нашел мотив, когда Билл... случайно умрет. Но, сам понимаешь... это была мечта, фантазия. Я бы не решилась. Но когда он рассмеялся мне в лицо и сказал, что захочет сделать мне еще одного ребенка на убой... это стало чем-то большим.

Глубоко вздохнув, она бросила на меня короткий взгляд и снова вернулась к дороге.

— Он изнасиловал меня, — сказала она. — Прямо здесь, в машине. На подъездной дорожке. Попросил, чтобы я наклонилась и посмотрела на одометр... чтобы объяснила, где я намотала все те мили, ушедшие на поездку к врачу.

— Прямо на улице?

Она несколько раз коротко и нервно кивнула.

— Было темно?

— Нет. Смеркалось, не более. Летний вечер, каких-то жалких девять часов. Солнце только-только начинало садиться, и света хватало. Если бы было темно, он попытался бы

затащить меня в дом. Он всегда обставлял все так, чтобы видеть меня, когда мы... ну... занимаемся сексом.

— И как на это отреагировали соседи?

— Не думаю, что кто-то нас видел. Машина была с другой стороны дома, у черного хода, а мы были на асфальте перед ней. За забором и все такое... Но мне пришлось стиснуть зубы и молчать. Даже если он приказывал мне что-то говорить, я переходила на шепот. Как бы мне не было больно, я вела себя тихо. Не хотела, чтобы кто-то узнал.

— Ублюдок, — процедил я.

— Он попытался сделать меня беременной заново прямо там, на подъездной дорожке — вот и вся песенка. До того он всегда пользовался контрацептивами. Всегда. Что до меня — «поступай, как знаешь», говорил он. А я никогда не пыталась как-то взять это под контроль. Не было повода. Я хотела ребенка, но Билл всегда носил резинку.

— И как так получилось, что ты забеременела? Самооплодотворение?

— Нет, я бы не смогла такое повернуть. Просто одна из этих проклятых штук протекла, похоже. Такое бывает. Они всегда протекают. Иногда — рвутся прямо внутри. Но тогда, на дорожке, на нем не было презерватива. И он все приговаривал, пока делал это, что ждет-не дождется, когда я снова... вот только он не будет меня опаивать, он сделает все так, что я ничего не пропущу, ни одной минутки, что он покажет мне *кусочки*... вот что он твердил, пока насиловал меня.

Она умолкла. Надолго.

Снаружи лунный свет изливался на взгорья и равнины, служившие некогда местом съемок бесчисленным вестернам — в первые дни Голливуда. Ну, если все эти истории — правда. Я считал, что да. Иные склоны, утесы и расщелья выглядели едва ли не знакомыми. Может быть, именно их я видел в «Одиноком Ковбое» или «Шоу Джин Отри».

Будучи ребенком, я, смотря вестерны, и не подозревал, вообразить себе не мог, что где-то существует такое зло, как то, о котором мне сейчас поведала Кэт.

А ведь уже тогда оно, скорее всего, было.

Я просто не знал.

И не желал бы никому знать.

Кэт нарушила тишину:

— Но у него не вышло. Несмотря на все, я не залетела той ночью.

— Повезло, — сказал я.

— Наверное. И Билл лишился шанса снова покалечить меня. Навсегда — через месяц он уже был мертв.

— Убит Эллиотом, — сказал я.

— Именно так. Убит Эллиотом, — эхом откликнулась она.

— Ты в этом как-то замешана? — догадался я.

— Замешана по уши, — кивнула Кэт. — Я наняла Эллиота.

— Ты шутишь, — поперхнулся я.

— Думаешь?..

— Выходит, мы недавно пробили колом сердце парня, которому ты *заплатила* за убийство мужа?

— Я же не знала, что он вампир. Поначалу.

— Как ты вообще на него вышла?

— Случайно. Я принялась искать наемного убийцу, и... сам понимаешь, смерти Билла

хотелось, а вот угодить в тюрьму — отнюдь. В тюрьмах полным-полно женщин, расквитавшихся с мужьями по-плохому. Я даже маленькое исследование провела. Не важно, как жестоки были к ним мужчины, важно то, что убийство рассматривается как самооборона только в том случае, если все произошло в процессе убийства тебя самой. Только так, и никак иначе. Тебя просто так не оставят, если ты расскажешь слезливую историю о домашнем аборте.

— Но суд присяжных мог бы оправдать тебя.

— Еще бы. В Лос-Анджелесе суд присяжных штука вообще веселая. Тебя могут оправдать, не смотря ни на какие улики, просто из-за твоего цвета кожи, доброго имени... да хоть бы просто потому, что ты симпатяга. Но вдруг я им не понравлюсь? Да и потом, даже пройдя через суд присяжных, я все равно не защищена от года-другого за решеткой. Убийство — дело серьезное.

— Что правда, то правда, — кивнул я.

— Не верю я во все эти разговоры о том, что невиновен ты до тех пор, пока обратное не доказано. Если все так, почему столько людей сидит по ложным обвинениям?

— От противоречий никто не защищен.

— От *вранья* никто не защищен, — поправила Кэт.

— Ох... да, ты права.

— Я не хотела оставлять себя на милость системы. Не из-за убийства человека, сгубившего моего ребенка. В итоге: как лучшим образом избежать ареста за убийство?

— Не совершать его? — предложил я.

— Именно! Найти того, кто сделает это за тебя. Когда ты жертва, в смерти охотника непременно заподозрят тебя. Тебе могут *навязать* убийство, даже если ты взаправду его не совершал. Но если они не смогут доказать факт, то только подозрения им и останутся, а из одних подозрений судебного дела не сварить. *Физически* прикопаться не к чему, ведь стреляла, или резала, или душила не я.

— Звучит логично.

— И я так подумала. Потому и стала искать убийцу.

— И нашла Эллиота.

— Я много кого нашла. Даже пару женщин. Иные сами меня находили. Найди кого-нибудь в парке, или на автостоянке глубокой ночью, установи зрительный контакт, и, обещаю, удивишься, когда поймешь, *кто* подошел к тебе и *кто* с тобой заговорил.

— Убийцы, пьяницы, копы, — произнес я.

— А то. Но это так, цветочки. В общем, гарантировать можно только одно — среди них не будет нормальных законопослушных граждан...

— ...вроде меня, — закончил я за Кэт.

Она обернулась ко мне, и даже в темноте я различил улыбку на ее лице.

— Я вот в тебе не уверена.

— После этой ночи, надо полагать?

— Предположим, ты был нормальным законопослушным гражданином до этой ночи. Хотя, мне казалось, под эту категорию ты никогда не подпадал.

— Правда?

— Ты всегда был мной *одержим*.

Я, даже будучи порядком смущенным ее словами, хохотнул.

— Я всегда пытался скрыть это получше.

— Но все равно было видно.

— Что ж, прости.

— Не извиняйся. Это довольно-таки лестно.

Мне почему-то не пришлось по душе то, как прозвучали ее слова.

— Так или иначе, — продолжала Кэт, — я провела несколько недель в полночных поисках...

— А где был Билл в это время?

— Иногда в загородных командировках. Иногда мотался по каким-то другим бабам, как мне кажется. Иногда — спал в нашей с ним кровати.

— И ты ухитрялась уходить незаметно?

— Бывало.

— Он когда-нибудь ловил тебя?

— Иногда.

— И что он с тобой делал?

— Заставлял говорить.

Я нахмурился.

— Он делал тебе больно?

— Еще как. Он *обожал* делать мне больно.

— И что ты говорила ему?

— Правду.

Я был удивлен.

— Ты говорила ему, что выходишь на поиски наемного убийцы?

— Только так можно было заставить его остановиться.

— И что он?..

— Смеялся, и только. Говорил: *ты что, больше меня не любишь? Хочешь развод — только намекни*. Думаю, все было так лишь потому, что он не верил мне. Он думал, я изменяю ему за его спиной. Люди судят в меру своей испорченности, вот он и проецировал себя на меня. Вообще, все мы по-своему говнисты.

— Выходит, он не верил, что ты взаправду ищешь того, кто с ним бы разделался?

— Я в этом уверена.

— Странные дела.

— Не забывай, он был врачом.

— Какое это имеет значение?

— Все врачи в какой-то степени мнят себя богами. А боги бессмертны. Билл был врач. Потому и верил в свою неприкосновенность. Ни у кого не выйдет убить божество. Божество в принципе не выйдет убить.

Я улыбнулся. Интересная логика.

— Может, оно и к лучшему, что он несколько раз поймал меня, — сказала Кэт. — Иначе я бы перестала искать. Ведь шляться по злачным местам ночью страшно. До дрожи. Так много странных людей. Я всегда боялась, что на меня кто-нибудь кинется. Черт, да на меня кидались, и такое было. Даже не раз. Но, знаешь, что бы мне не угрожало, то было все равно не хуже проделок Билла. Потому и не имело никакого значения, где мне в очередной раз перепадет на орехи. Я бы стерпела. Иной раз поражаешься, как много можешь стерпеть.

Ее слова заставили меня почувствовать себя худо. Ведь с ней могли сделать что угодно. *Я бы стерпела*. Но Кэт ни к чему было терпеть подобное. Она заслуживала прекрасную

жизнь, а не бесконечные кошмары. Мне вдруг захотелось плакать.

И мне было чертовски жаль, что меня не было рядом, чтобы избавить Кэт от всех этих мук. Я бы пылинки с нее сдувал. Хранил бы от всех невзгод.

Если бы только я знал.

— Ты всегда могла обратиться ко мне, — набрался смелости сказать я.

— Я думала об этом. Но не хотела впутать тебя в свои неприятности. Мне нужен был хладнокровный убийца. Ты не такой. И я бы не стала просить тебя убить ради меня... знала, что ты бы не смог отказать.

— И что такого? Билл заслуживал смерти. Я с удовольствием расквитался бы с подонком за тебя.

— Это было бы неправильно. Это бы... очернило тебя.

— Это меня-то? Мистера Чистера?

— Именно. Я хотела, чтобы ты остался таким, какой есть.

— Тогда почему ты обратилась ко мне, когда потребовалось убить Эллиота? Я не жалею, просто...

— Совсем другой случай. Это ведь даже не убийство.

— Еще какое!

— Не правда. Убийство — это когда человека убиваешь. А Эллиот вампир. Поэтому никого ты не убивал.

Будь обстоятельства иными, я бы, наверное, рассмеялся. Но Кэт говорила серьезно. И я чувствовал себя... чтимым, что ли? Меня можно было использовать, как выяснилось, только для благородных дел.

— Кроме того, — сказала она, — вампиры ведь, как принято считать, *уже* мертвы, правильно?

— Эллиот казался вполне себе живым.

— Мне тоже, — призналась она. — Но факт остается фактом. Насколько мертвым он был неважно, важно то, что человеком он не был. Так что его убийство — и не убийство как таковое. Убить Билла — да, другое дело. Потому я и не просила тебя пойти на это.

— Зато мы были бы вместе еще год назад, — сказал я ей.

— Мы вместе сейчас. Вот что важно. — Она нежно сжала мое колено.

И тут незнамо почему у нас лопнула шина. Автомобиль повело.

Ахнув, Кэт судорожно вцепилась в руль.

Машина, вихляя и подпрыгивая, явно горела желанием впечатать нас куда-нибудь посильнее, да так, чтобы мы костей вовек не собрали.

Нам еще крупно повезло с движением. В том плане, что его не было — мы были одни на далеком, залитом лунным светом хайвее.

Сражаясь с рулем, Кэт выровняла ход и сбавила скорость. Развернула машину вправо.

— Нам лучше не сбавлять скорость, — подал я голос.

— Вот как? Может, прислушаешься?

Кэт крутанула руль еще раз. ПАФФ, раздалось откуда-то снизу. А потом — с каждым движением — без перебоя: ПАФФ-ПАФФ-ПАФФ.

Правое переднее колесо, прикинул я. Спустило конкретно.

— Съедем с дороги! Мы же не можем ее прямо *здесь* поменять!

Кэт кивнула.

Мы посмотрели каждый на свою сторону дороги.

Обочины хайвея были диковатые — нагромождения камней, щебня и острых осколочных пород. Ни одного «перешейка» — и даже нет достаточно укатанных ответвлений к бездорожью, на которые можно было бы без риска съехать.

Кэт замедлила ход. Чем тише мы ехали, тем меньше оглушительные ПАФФы били по ушам. — На горизонте чисто, — сказала она. — Может, прямо здесь и сменим? Если быстро управимся...

— У тебя же прибережена запаска, да?

— Угу.

— Но она в багажнике?

— Боюсь, что да.

— А домкрат?

— Там же, — она глянула на меня понуро. — Под Эллиотом.

— Вот этого я и боялся.

— Что нам тогда делать?

— С дороги куда-то съехать — для начала. Правда, и это нам, гляжу, не светит.

— Светит, — вдруг резко сказала Кэт и выкрутила руль вправо.

Дорога в одно мгновение сменилась с ровной на донельзя ухабистую. Хоть Кэт и вела не спеша, грубый ландшафт заставил нас скакать на сиденьях, будто мы вдруг вздумали прокатиться на столетней ржавой карусели. В кресле было никак толком не удержаться — не будь мы пристегнуты, наши головы давно бы уже колотились о лобовое стекло.

Впрочем, крепкий удар головой — это было именно то, чего сейчас мне не хватало; по крайней мере, отвлекся бы от дикой боли в раненой спине. Как я не старался податься вперед подальше и удержаться в таком положении подольше, ухабы резво возвращали меня обратно. Чувство было при этом — будто слишком дружелюбный парняга хлопал меня от души по спине и каждый раз попадал точнехонько по ране от кола.

Но вскоре мы все же выбрались на более-менее ровную территорию.

— Лихо, — выдохнул я.

На лице Кэт даже сквозь падающие тени я различил широкую улыбку.

— Никогда не лезь туда, откуда не сможешь выбраться, — проворчал я.

— Есть, сэр, так точно, сэр!

Я увидел валун прямо по курсу.

— Осторожнее!

Кэт свернула. Автомобиль успешно разминулся с валуном, но потом его занесло в сторону, под гору. Я судорожно вцепился в ручку двери, ожидая, что вот-вот мы перевернемся и рухнем крышей вниз с порядочной высоты. Но вместо этого пейзаж за ветровым стеклом судорожно вильнул куда-то в сторону, и мы, набирая скорость, покатались вниз с холма; ПАФФ-ПАФФ-ПАФФ сопровождало нас весь путь до самого низа.

Фары выхватили впереди серо-коричневый каменистый ландшафт. Камни, редкие сухие кустики, галька, рытвины, кактусы, чахлые деревья и валуны.

Вцепившись в руль, Кэт уворачивалась от крупных камней, то и дело вырастающих на пути. Никто, впрочем, не отменял гальку: зараза звонко колотилась о борта и капот машины, отскакивала, проскальзывала. Я охал каждый раз, когда мой добрая подруга, спинка сиденья, отвечивала мне очередной хлопок по болезной спине.

После нескольких опасных виражей и одного лихого разворота на все триста шестьдесят, Кэт сладила с машиной, заставив ту остановиться.

Шум стих. ПАФФы проседающего на поврежденной шине колеса, стук гравия о днище, визг тормозов — все умолкло.

Тишина.

Кэт погасила фары. Обессиленно выпустила из рук руль и откинулась на сиденье. Выдохнула.

— Ну что ж, с дороги мы убрались, — подвела черту.

— Молодцы какие. — Морщась, я согнулся в пояснице. Повязка на спине была теплая и мокрая, но кровь, судя по ощущениям, из-под нее не вытекала. Наверное, пока от этого спасали впитывающие бинты.

— И еще мы живы, — добавила Кэт.

Я хохотнул.

Мы посидели молча, глядя перед собой. Нас вынесло в самый низ небольшой долины. Впереди — никаких следов цивилизации. Одна лишь луна, куча камней на любой вкус и пики гор.

— Н-да, — протянула тихо Кэт.

— Чего? — повернулся я к ней.

— Знаешь, спустившая шина, по-моему, сейчас *меньшая* из всех наших бед.

— Давай я выйду и прикину ущерб.

Но выбрались в итоге мы вместе. Стараниями Кэт — еще там, в Санта-Монике, — машина осталась темной. Двери мы оставили распахнутыми настежь.

Я оглядел колеса со своей стороны. Шина на переднем, как я и предполагал, превратилась в резиновое решето. Задняя выглядела нормально.

— Слава Богу, — выдохнул я.

— А вдруг где-то еще есть мелкий прокол? — поспешила добавить ложечку дегтя Кэт.

— Давай не будем волноваться о *мелких проколах*, м?

— Хорошая идея.

Она подошла ко мне — поглядеть на спустившую шину.

— Как думаешь, что произошло?

— В толк не возьму.

- Они ведь обычно *так* не спускают?
- Да кто их знает. Она старая, эта шина?
- Ей меньше года. Совсем новенькая. Да и вряд ли накатала так уж много.
- Тогда дело не в ней.
- Как думаешь, ее могли *прострелить*?
- Могли, наверное, — сказал я. — По виду — на то похоже.
- Но вот только машин поблизости не было.
- Нас могли подстрелить издалека. Снайперски. Или мы наехали на что-то острое.
- Я вот что-то ничего такого не заметил.
- Поздно примечать. Мы вряд ли когда-нибудь узнаем. — Она стиснула мое плечо. —

Мы могли наехать на колун.

- Валун?
- *Колун*. Острая деревяшка. Для... убийства вампиров, скажем.
- Я бы не удивился особо, — хмыкнул я.
- Эй! — Кэт ткнула меня локтем в бок.
- Ай! Я ведь просто подыгрывал!
- Тебе не нужно подыгрывать, тебе лучше бы сейчас *разубедить* меня.
- Уф. Прости. О'кей, это был не вампирский кол.
- Спасибо.
- Всегда пожалуйста, обращайтесь.
- Я ведь, пойми, я *шутила*. Понятное дело, это не мог быть *кол*.
- Но это могло быть что-то другое.
- Вражеская пуля, к примеру.
- Да, и она тоже, — кивнул я.

Мы молчали. А надо было что-то делать.

- Все еще думаешь, всему виной случай? — спросила Кэт, нарушая тишину.
- Хм?..
- Сначала тебя тюкнуло колом в спину. Потом с каких-то чертей спустила шина.
- «Эллиоту отмщение, и то воздаст»?
- Все идет наперекосяк с тех самых пор, как мы убили его.
- Те или иные неожиданности всегда возможны, — заметил я. — С другой стороны

посмотреть, мы — те еще счастливики. Никто из нас серьезно не пострадал, и мы даже как-то умудрились не убиться.

— Пока еще, — добавила она.

— И вся проблема с автомобилем — спустившая шина. Очень повезло. Как только я сменю ее, мы продолжим путь.

— Путь — куда?

Я оглянулся через плечо. На простертый фривей. Который не видел, но *знал* — он идет и дальше, вверх. Откуда-то издалека доносился шум двигателя крупной машины, может быть, грузовика.

А вскоре и тусклый свет фар показался из-за холма.

Высоко и далеко.

— Похоже, нам придется найти другую дорогу, — сказал я и нехотя поднялся.

Кэт пошла за мной, к багажнику.

Повязка на спине отяжелела и скользила, но рана сильно не болела. Моей насущной

проблемой пока что была лишь глыба ледяного страха в животе, увеличивающаяся в размерах с каждым шагом к лежбищу Эллиота.

— По крайней мере, нас точно уже не поймают на горяченьком, — сказал я, стараясь хоть как-то приободрить себя.

— Спасибо, что напомнил.

— Всегда пожалуйста.

У багажника Кэт принялась перебирать ключи. Подняв связку к луне, она выбрала один и вставила в замочную скважину багажника. Ключ повернулся с тихим клацающим звуком, и крышка начала медленно подниматься.

Внезапно захотелось отойти подальше, но я сдержался.

Синий пластик подстилки подозрительно захрустел.

Заглянув внутрь, я ожидал увидеть Эллиота на боку, в прикиде мумии — пластиковый чехол от матраса, изолента и все остальное.

Но поднятая крышка заслонила луну, и ничего, кроме черноты, моим глазам не предстало.

— Темно, — произнесла Кэт. — Хочешь, схожу за фонарем?

— Попробуем обойтись так.

— Ладно.

— Я его не вижу.

Кэт помолчала. Потом добавила нервным голосом:

— Все потому что кругом темно, дружище.

— Да знаю я.

— Он ведь никуда не делся?

— Нет, вроде бы.

Склонившись, она окунула обе руки во тьму багажника. Они утонули в ней по самые локти.

Вскрикнув, Кэт вдруг отдернулась.

— Что такое? — выдохнул я.

— Я коснулась его.

— Ну так ты за этим и лезла, разве нет?

— Я *ЕГО* коснулась, Сэм! Не пластика. Его кожи!

Она отступила на шаг, следом — невольно — и я.

Стоило мне положить руку ей на плечо, как она вздрогнула.

— Извини, — поспешно сказал я.

— Уф. Нормально. Ничего страшного.

— Наверное, его тряска так раздела.

— Да... наверное.

— Ничего удивительного, на самом деле.

— И правда, — согласилась она. — Меня и саму чуть из одежды не вытрясло.

Я позволил себе нервный смешок.

— Ну, — она поникла, — не разделась, так расклеилась. — Ее губы тронула печальная улыбка. Я потерял ее плечо сквозь ткань рубашки.

— Ты отлично держишься.

— Я вся на иголках.

— Со мной сейчас дела не лучше обстоят.

— У нас есть на то *право*, черт возьми.

— Святое право, Кэт. Только психи бы не нервничали при таком раскладе.

Какое-то время мы хранили молчание, зачарованно глядя во тьму багажника, моя рука

— на плече Кэт.

— Что же нам делать с шиной? — пробормотала она.

— Сменить, — ответил я, — и дело с концом.

— Как быть с Эллиотом? Мы не сможем менять шину с *ним* в багажнике.

— Я обо всем позабочусь. Правда, фонарик нам все же понадобится.

Она пошла за ним. Мне было неуютно оставаться одному так близко к багажнику — и к его теперешнему постояльцу. Кроме того, я поклялся себе оберегать Кэт, приглядывать за ней. Так что пришлось идти следом. Она уже открыла правую заднюю дверь и нырнула в салон. Мне были видны только ее голые ноги и зад некогда-джинсов. Через несколько секунд она отступила назад, выпрямилась и обернулась. В левой руке у нее был фонарик, в правой — что-то бледное и смятое.

— Думаю, они нам понадобятся, — сказала она, передавая это что-то мне.

— Это...

— Перчатки.

— А. Здорово. Отличная идея.

Вытряхнув их из фабричной упаковки, я тщательно надел их, расправил на пальцах и последовал за Кэт к багажнику. Не дожидаясь моей отмашки, она включила фонарик.

Готов ли был я?

Или следовало сосчитать до трех?

Не знаю.

Да и не важно.

Она включила фонарик, и яркий белый луч ударил внутрь багажника.

Могло быть и хуже, сдается мне.

Но — и так все было достаточно плохо.

Эллиот все еще возлежал на голубой подстилке, но подоткнутые края разметались, и та часть, что должна была укрывать тело, свисала свободно, явно перестав выполнять свою функцию.

Пластиковый чехол с матраса Кэт тоже его больше не укрывал — пропитавшись кровью, сбился под телом в ком.

Эллиот был весь красный. От крови, разумеется, не от смущения. Мертвым вампирам, да и вообще мертвым, вроде как, смущаться ни к чему.

— Да что ж такое? — простонала Кэт.

— Тяжелая поездочка, — сказал я. — А пристегнуться парню не дали.

— Но... Господи.

— Наверное, чехол порвался и его вытряхнуло.

Эллиот скорчился едва ли не в позе эмбриона — его колени подогнулись к самой груди. Выглядела его поза очень странно — даже если брать в расчет сильную тряску и подскоки на ухабах.

— Посвети мне, — сказал я Кэт. — Я с ним управляюсь. — Стянув через голову рубашку, которую мне презентовала Кэт, — не хватало еще, чтобы *и эта* изгваздалась, — я забросил ее на пассажирское сиденье.

Потом выволок тело Эллиота наружу.

Заняло это у меня вряд ли больше двух минут. Но растянулись они, судя по ощущениям, часа на два. Он был скользкий и тяжелый, да и мне еще приходилось всячески изворачиваться, чтобы не схлопотать укол в спину еще раз.

Была во всем и светлая сторона: хоть и встряхнуло труп изрядно, кол из него не вышел — спасибо качественной изолянте. Хоть она и не удержала края свертка вместе, на коже Эллиота сидела крепко. Даже с рук и ног не сползла. Даже с глаз.

А вот со рта... Там она, похоже, ослабла и перекрутилась, оголив левый край губ. Из-под верхней торчал стальной клык, чуть красный. Должно быть, он прокусил сам себе губу, катаясь туда-сюда по дну багажника.

Разболталась и лента на его бедрах. Так что сейчас у нас был шикарнейший — и, несомненно, редкий — вид на вампирские гениталии. Впрочем, луч фонаря Кэт на них не задержался — напротив, метнулся в сторону столь резко, что прочертил серповидную кривую во мраке.

Я вывалил Эллиота на землю. Об кол не поранился, но замарался изрядно. За телом последовала голубая подстилка и чехол от матраса. Кэт показала мне, как поднять «пол» багажника. Под пластиковой панелью открылось секретное отделение с запаской и домкратом.

После волокиты с Эллиотом смена шины казалась легкой задачей на раз плюнуть. Поднять машину не составило труда, как, впрочем и снять остатки того, что недавно было шиной. Света луны вполне хватало. Кэт стояла на мелком подхвате, но изрядно помогала мне уже тем, что просто была рядом.

Момент истины: отжав домкрат, я опустил автомобиль на все колеса.

Новая шина держалась прекрасно.

— Мы снова в строю, — объявил я.

— Слава Богу.

— И каучуковой промышленности. — Я подобрал испорченную шину. — Взгляни-ка.

Кэт направила луч света вниз. Смотреть было особо не на что. Искать первый прокол на этой рванине было сродни поиску ножевого ранения на теле жертвы взрыва.

— Видишь что-нибудь? — все же спросил я.

Свободной от фонарика рукой она провела по свисающей ключьями резине. Я повернул шину другой стороной — для проформы.

— Да от нее мокрого места не осталось, — вынесла вердикт Кэт.

— Это могло быть что угодно, — сказал я.

— Понятное дело. Что дальше?

— Возьмем эту штуку с собой. Но не в багажник. Как насчет задних мест?

— Пойдет.

Я разместил шину и домкрат на полу за водительским сиденьем, поверх ледоруба и лопаты из гаража Кэт, потом вернулся к багажнику. Эллиота не было видно под сгруженным на него ворохом из подстилки и чехла от матраса.

Кэт выключила фонарик.

— Знаешь, — произнесла она, — мы ведь можем похоронить его прямо здесь.

— Можем, — подтвердил я.

Но идея мне не пришлась по душе. Если мы закопаем Эллиота прямо здесь, нашей миссии конец. Никакого долгого вояжа в Невадские горы на пару с Кэт, никакого больше смысла ей быть рядом со мной.

— Я думал, мы вывезем его из штата, — напомнил я.

— Но, сам посуди, местечко подходящее. Мы уже *здесь*, понимаешь? Если избавимся от него тут — не понадобится далеко и долго ехать, да и лишних неприятностей по дороге не наживем. Да и потом, дела пока идут не слишком гладко — а мы ведь всего в часе езды от дома. Неужто ты хочешь, чтобы он был *так* близко?

— Не очень-то. Черт, я бы с радостью отправила его на другую планету, но, сам понимаешь...

— А еще дорога поблизости.

— Угу, так близко, что отсюда едва ли видно, — Кэт оглянулась кругом.

— «Едва ли видно» — это не «совсем не видно». По мне, так тут слишком... публичное, что ли, местечко. Нам надо отвезти его в настоящую, стопроцентную *глушь*. Где шансы на его нахождение приравняются буквально к нулю.

— Звучит разумно.

— И, не забывай, у нас могут возникнуть проблемы с уходом отсюда. Мне кажется, не стоит закапывать Эллиота, прежде чем мы убедимся, что нам не нужен эвакуатор.

— Ты думаешь, нам понадобится?..

— Эвакуация?

— Да.

— Пока не знаю. У тебя же машина не полноприводная?

— Увы. — Кэт покачала головой.

— Даже если бы был полный привод, сомневаюсь, что мы сумели бы выехать тем же путем.

— Но *что-то* же предпринять нужно, Сэм.

— Да, и для начала — уложить Эллиота обратно. Потом — не знаю. Можем попробовать ехать. Можем подождать до утра и посмотреть, как обстоят дела под солнцем.

— Звучит как план, — сказала Кэт.

— Ну, до «плана» этому всему явно далеко.

Надев перчатки, она помогла мне расправить подстилку в багажнике.

— Есть смысл попробовать завернуть его по новой? — спросил я ее.

— Не думаю. Сверток все равно развалится.

И мы без лишней возни сложили чехол и бросили его на середину подстилки.

— Ладно, — сказал я. — Всем шаг назад.

Кэт отступила.

— Хочешь, я посвечу? — спросила она.

— Нет, спасибо.

Под взглядами Кэт и бесстрастной луны высоко в небе, я устроил Эллиота на земле так, чтобы он лежал прямо на спине, ногами к машине. Присев у его головы, я поднял его в сидячее положение, обвил руки вокруг груди, стараясь не попасть на острие кола, и осторожно выпрямился. Подтащив тело поближе, я бросил Эллиота в багажник головой вперед. Он залез только наполовину. Чертыхаясь, я подхватил его снизу, за ноги, ненароком въехав щекой в его голую мертвую задницу. *Черт побери, мертвый вампир надо мной издевается.*

Но длилось это недолго.

И, едва его ноги канули в темноту багажника, Кэт захлопнула крышку.

— Все, — выдохнула она.

— Миссия выполнена. Снова. — Я стянул перчатки.

— Да, и тебя *снова* надо чистить.

Я поплелся за ней к пассажирской стороне машины. На этот раз она вылезла из салона с пачкой влажных салфеток.

Одной рукой держа фонарик, она скомкала несколько прохладных бумажек в ком и принялась очищать мое лицо, грудь и руки. Несколько быстрых взмахов досталось и передку моих джинсов. Я тоненько взвизгнул.

— Не перевозбудись, — предупредила Кэт.

— А ты не делай так.

— У-у-у, брат.

— Или делай.

— Да я с тебя просто кровь счищаю. Как твоя спина?

— Вся кровь на ней — моя, — заверил я, поворачиваясь.

— Высший класс, — протянула Кэт.

— Что, все так плохо?

— Не так, как могло бы быть. Но повязку мы сменим.

Пошарив еще в машине, она обзавелась рулоном бумажных полотенец и аптечку. Заставив меня присесть, она осторожно сняла промокшие бинты с моей спины.

— Отличная лунка, гольфист, — заметила она.

— Я что, отпускал дурацкие шуточки насчет *твоих* ран?

— Мог бы.

— Учту на будущее.

— В любое время, — сказала она. — Чувствуй себя как дома, отыгрывайся на мне как хочешь.

Я рассмеялся.

Кэт молча подержала комок полотенец у раны, подарив мне несколько приятных минут. Потом соорудила новую повязку.

Пока я надевал рубашку, она собрала старую повязку, бумажные полотенца, салфетки и наши рабочие перчатки в пакет.

— Нам они еще могут понадобиться, — заметил я.

— Я ничего не выброшу. Не сейчас. И вообще, *такое* лучше после себя не оставлять.

— Правильно, — сказал я. — Мы убийцы, а не злостные загрязнители окружающей среды.

Она тихо рассмеялась.

— Мы не убийцы, мы... истребители вампиров.

— Да, как Ван Хельсинг. Надеюсь, полиция примет это как оправдание.

— Мы не дадим нас поймать.

— Твои бы слова да Богу в уши.

Смеясь, она повернулась и уложила все принадлежности на пол у ближнего кресла.

— Ну, — сказал я, — пора уже выяснить, можем ли мы отсюда смотаться.

— Вести будешь ты, — предложила Кэт.

— И, если мы застрянем, вся ответственность ляжет на меня?

— Рано или поздно *что-то* на тебя все равно ляжет.

— Хорошая точка зрения — покраснев, выдал я.

Она ткнула меня кулаком в плечо.

— Очень вежливо, — отозвался я. — Прижимать мужика — почему б и нет? Для современной женщины вполне...

Подойдя вплотную ко мне, Кэт просунула руки мне под мышки и потянула на себя. — Почему бы мне не *прижать* тебя вот так вот? — сказала она, и наши губы встретились прежде, чем я, дурашливо улыбаясь, успел спросить ее, не позаимствовала ли она всю эту казавшуюся фантастической ситуацию из какой-нибудь книги Микки Спиллейна. Но вряд ли сейчас было подходящее время и место для начала литературной дискуссии. Так что я просто расслабился... и получал удовольствие.

Прикосновение ее губ украло мое дыхание и едва не повергло наземь.

Не знаю, как долго это длилось. Не знаю, почему так *захватило* меня.

Может быть, всему виной — моя безумная любовь к Кэт.

Все, что я чувствовал — ее руки на моей спине и ее губы вплотную к моим. И еще — ее теплое дыхание. И кончик ее носа.

Мы наконец неловко отстранились друг от друга.

— А поведешь все же ты, — прошептала она.

Мы сели в машину — я у руля, Кэт на место пассажира, — и пристегнулись. Заурчал заводимый двигатель

— Фары потушим, — предупредил я, плавно вжимая педаль газа. Машина подалась вперед, ее снова затрясло на ухабах и камнях, но, путь был хоть и тернист, но терпим. Лунная дорожка, растекшаяся на камнях, была серой, едва ли не пыльной.

А по бокам стелились области тьмы, непроглядные и неприглядные. Я сразу начал раздумывать о том, что может подстергать нас там, но проезда сквозь них все равно было никак не избежать — слишком уж их было много.

— И какой у нас план, все же? — спросила Кэт.

— Едем неспешно и безопасно.

— Куда?

— Куда угодно, лишь бы отсюда. На фривей мне что-то даже попробовать вернуться не хочется. Зато впереди, надеюсь, есть какая-нибудь дорога. Если мы выедем на нее раньше, чем здесь застрянем...

Через несколько секунд, въехав в узкую полосу тени, я понял, что накаркал. Перед машины ухнул вниз, шины ударились обо что-то, потом тяжело отскочили вверх, выбрасывая нас обоих из сидений. Натянувшиеся ремни безопасности отдернули нас назад. Рана в спине снова дала о себе знать. Я ударил по тормозам.

— Эллиот, там, наверное, только что сделал двойное сальто назад, — сказала Кэт.

Я продолжил медленно продвигаться, и тут провалился в очередную яму. Хорошо хоть удалось гладко выбраться.

— Нет, так дальше ехать мы не можем, — сообщил я, глуша мотор. — Если не хотим всю дорогу трястись, как психи и если нам еще дороги шины. Света не хватает.

— Так включи фары.

— Мы будем выделяться не хуже летающей тарелки. Одному Богу известно, кто слетится на наши огоньки.

— Кто-то из нас может идти впереди машины и освещать путь, — предложила Кэт. — Подсвечивать и следить, чтоб дорога была безопасная.

— Неплохая идея, — одобрил я.

Она улыбнулась.

— Не прибедряйся, это *великолепная* идея.

— Согласен, согласен, — замахал я руками. — Что бы ты предпочла — вести или разведывать?

— Разведывать.

— Уверена?

— А, так *ты* хочешь побыть путеводной звездой?

— Не обязательно, просто... просто снаружи ты будешь одна.

Она посмотрела на меня и улыбнулась.

— Думаю, с этим я как-нибудь справлюсь.

— Уверен, справишься. Только будь осторожна, хорошо?

— Хорошо. Постараюсь не упасть в яму и не наступить на гремучую змею.

— Уж постарайся.

— Постараюсь изо всех сил. — Сказав это, она выбралась из машины. Достав из-под сиденья фонарик, она захлопнула дверь и пошла вперед. Встав спиной к бамперу, зажгла фонарик. Пошарив лучом туда-сюда, чтобы получить общее представление об окрестностях, Кэт обратила луч к земле прямо перед собой. Видимо, убедившись в том, что никаких опасностей впереди нет, она потушила свет и поманила меня вперед, за собой.

Не отрывая от нее взгляда, я неспешно тронул автомобиль с места.

Окна машины были все закрыты — все это время они глушили дорожные шумы. Единственной связью с внешним миром была вентиляция. Понимая, что, если вдруг понадобится услышать слова Кэт, я вряд ли смогу, я решил чуть опустить стекло со своей стороны. Автоматического управления не было, все — через старомодные крутящиеся ручки, потому, чтобы открыть и второе окно, пришлось бы тянуться через сиденье пассажира, так что его я пока решил оставить как есть. Моего хватало — вместе с теплым сухим воздухом салон заполнил шорох гравия, идущий снизу, из-под колес.

На малой скорости тряска почти не ощущалась.

Эллиоту явно больше не грозили двойные сальто.

Мне не очень-то хотелось оставаться с ним в машине наедине. Даже беря в расчет то, что он был заперт в багажник и невидим, его присутствие раздражало меня. Удивительно, как много, оказывается, значит чье-то общество, чье-то *живое* присутствие. Когда Кэт была в машине, меня больше волновало то, что нас могут застать с трупом в багажнике, чем сам факт его наличия. Теперь же одна лишь мысль о том, что я с *ним* один посылала отряд мурашек вниз по моей спине. Стараясь направить думы в какое-нибудь другое русло, я сконцентрировался на управлении машиной и на фигуре Кэт впереди. Она почти не пользовалась фонариком — зажигала на несколько секунд и снова гасила, полагаясь на один лишь лунный свет.

Порой я понимал, что дистанция между нами слишком маленькая, и притормаживал. Порой — наоборот, отставал, и приходилось догонять. Натыкаясь на проблемный участок, Кэт махала мне рукой и указывала, с какой стороны объехать. Маршрут был с кучей изгибов и поворотов, но, по крайней мере, мы не стояли на месте.

Двигались к какой-то неведомой цели.

Дорогу — хоть какую-то — мы, конечно, найдем. Рано или поздно.

Наверное.

Крутя руль, я все выжидал, когда же Кэт обернется ко мне и побежит обратно к машине, крича: «Я нашла ее! Она там, впереди!». И я бы смог крикнуть в ответ — «Наконец-то!».

И потому, когда она *в самом деле* развернулась и побежала к машине, я уверился в том, что она заметила дорогу.

Но что-то меня насторожило. Бежала она как-то уж слишком странно. Судорожно подпрыгивая и вихляя из стороны в сторону.

Будто *спасаясь*.

— Воспринимай вещи легче, — пробормотал я себе под нос, хотя какая-то часть сознания уже смирилась с тем, что Кэт явно не спешит сообщить мне какую-то обалденно счастливую весть, она *убегает*.

В последний момент я притормозил. Она рванула на себя дверь, запрыгнула на пассажирское сиденье и от души захлопнула ту за собой. Дышала Кэт тяжело.

— Что стряслось?

— Я кого-то увидела, — выдохнула она.

— *Что?!*

— Там кто-то был!

— В таком-то месте и в такое-то время — люди?

— Черт побери, *да*.

— Где?..

— Там, впереди. Я... о Боже. Он напугал меня до чертиков.

Я прищурился, пытаюсь что-то разглядеть за ветровым стеклом, но не различил ничего помимо успевшей приесться лунно-серой пустыни. Смутные очертания кустов, кактусов и груд камней — но ничего, похожего на человеческий силуэт.

— Что он делал? — спросил я.

— Ничего. Просто стоял.

— Один?

— Да.

— Машины поблизости не было?

Она покачала головой.

— Ничего у него не был. Он просто там *стоял*. Я даже подумала, что это... какое-нибудь дерево Джошуа или кактус странной формы. Понимаешь, он *совсем* не двигался. А когда я посветила на него фонариком, оказалось, у него *лицо*... и... и глаза. Он *смотрел* на меня.

— Сказал что-нибудь?

— Нет. Боже, нет, ничего. Ни звука, ни шороха, просто стоял, смотрел на меня и, похоже... похоже, *лыбился*.

— Ты как-нибудь обратилась к нему?

— Шутишь? Я еле-еле не завопила. Бежала так, что пятки сверкали. Видел бы ты его Он выглядел как... как... как не знаю что!

— Как там местность впереди?

— Что ты собираешься делать?

— Ехать дальше, а что ж еще. Наткнемся на него еще раз — окликнем.

— Может, не стоит?

— Вдруг он поможет нам найти дорогу. Вдруг ему знакомы эти места.

— Я бы не стала с ним связываться. Уж поверь. Он... он какой-то *лунатик*.

— Он точно был впереди?

— Видишь вон ту кучу камней?

Приглядевшись, я понял, о чем она говорит, и кивнул. Глыбы, где-то в пятнадцати метрах от нас, образовывали курган размером с небольшой домишко.

— Он был как раз там. С другой стороны.

— Что-то я там никого не вижу.

— Может быть, он спрятался.

— Ты ведь не видела, как он *вообще* двигался, так ведь? — спросил я.

Она кивнула.

— Так как ты можешь быть уверена, что там не какое-нибудь пугало для ворон?

Она ответила не сразу.

— Если он был, как ты говоришь, *пугалом*, — сказала она наконец, — то в музее мадам Тюссо оно смотрелось бы органичнее, чем здесь. У него *блестели глаза*.

— Ты считаешь, он настоящий. — Вопросительных интонаций в моем голосе не было.

— *Чертовски* уверена, Сэм.

— Так почему же он не шелохнулся даже? Почему не сказал ни слова?

— Я же говорю тебе, он *лунатик*.

— Ты уверена, что он вообще был жив?

Кэт снова долго молчала. Потом сказала:

— Я не знаю. Он *выглядел* как живой. И, по-моему, был жив. Он стоял на своих двоих.

Не привалившись к чему-то. Он *таращился* на меня, как беженец из психушки и скалился этаким крокодильей улыбкой. Я видела не так уж и много мертвых — Билл, да, и Эллиот, конечно же, но сам посуди, как он мог стоять прямо, будучи мертвым? Как он мог *улыбаться*?

— Знаешь, мне кажется, мне стоит туда сходить, — сказал я.

— У меня есть идея получше. Свернем налево. Так мы будем ехать параллельно шоссе.

Может быть, быстрее съездим дорогу.

— Что если этот парень нуждается в помощи? — спросил я.

— Если бы ему нужна была помощь, он окликнул бы меня. А не стоял бы молча столбом.

— Может, с ним что-то не в порядке.

— Подозреваю, с ним что-то *очень сильно* не в порядке. Сэм, я наконец-то вышвырнула из своей жизни Билла и Эллиота, а теперь ты хочешь посадить на свято место какого-то психопата с большой дороги? Боже мой. Сэм, с меня хватит. — Ее голос перешел на крик. — С меня, черт побери, *хватит!*

Этот неожиданный всплеск эмоций потряс меня.

Не говоря более ни слова, я развернул машину влево, и мы неспешно поехали прочь. Без фар, в скупом свете луны катить по такой непредсказуемой тверди было рискованным дельцем, но, если там *взаправду кто-то* был и Кэт не обозначилась, следовало отъехать как можно дальше.

Я чувствовал себя немного виноватым. Может быть, парень попал в какую-то беду и нуждался в нашей помощи. Но сейчас моей самой приоритетной заботой была Кэт.

И, если она хочет уехать, значит, мы уедем.

— Прости, что я истерила, — подала она голос.

— Все в порядке.

— Обычно меня не так-то легко напугать. После Эллиота... и Билла. Такие ребята волей-неволей вырабатывают у тебя иммунитет к страху. — Она поежилась. — У страха много оттенков. Тот тип напугал меня, *ничего не делая*.

— Что ж, я рад, что наткнулась на него ты, а не я.

Она тихо рассмеялась.

— Спасибо огромное-преогромное. — И все же Кэт, опустив стекло со своей стороны, выглянула наружу.

— Его видно? — спросил я.

— Пока — нет. — Спустя минуту, она откинулась на сиденье и подняла стекло. — Я думаю, мы в безопасности.

— И все же, как думаешь, что он там делал? — спросил я.

— Одному Богу ведомо. Может быть, нас ждал.

— Это ты так пытаешься меня напугать?

— Разумеется.

Поворачивая налево, я прекрасно понимал, что вскоре наш путь перекроет холм, торчащий из земли, подобно горбу великана. Надо было как-то его объехать, и потихоньку сворачивать можно было уже сейчас. Взять левее означало уйти на совсем уж дикие территории, где проезд был невозможен в принципе. Потому я и вырулил вправо.

— Что ты делаешь? — забеспокоилась Кэт.

— У нас нет особого выбора.

— Но мы можем наехать на этого психа.

— Мы порядочно разминемся. — Я кивнул вправо.

— Не так уж и «порядочно», — заметила Кэт и приоткрыла окно. Мы выглянули оба.

Холм размером с небольшой домик — тот самый, у которого Кэт наткнулась на незнакомца, — был гораздо ближе к нам, чем я рассчитывал. Трудно было сказать о расстоянии наверняка, особенно в гористой местности глубокой ночью, но вряд ли нас разделяла даже жалкая четверть мили.

Взрослому здоровому мужчине такое расстояние — на пять минут быстрого шага. И на две — бега. Хороший спринтер, полагаю, управился бы вообще за минуту — если не учитывать, что тут как-никак не беговая дорожка, и можно здорово навернуться и пропахать каменистую землю носом.

— Просто смотри в оба, — сказал я, глядя прямо и вперед. — Если бы он захотел нагнать нас, он бы уже...

— О Боже! — вскрикнула Кэт. — Вот он, идет!

Приподнявшись, я бросил взгляд вверх ее головы.

Парень направлялся прямо к нам со стороны, и разделяли нас сейчас метров сорок-пятьдесят, не больше. Выглядел он здоровяком. Шел короткими, но мощными шагами.

— Откуда, черт возьми, он взялся? — простонал я, вдавливая газ.

Машина рванулась вперед — и тут же врезалась в камень с такой силой, что нас вышибло из сидений. Ремни безопасности натянулись. Попытки подать автомобиль задним ходом привели к столкновению с еще одним куском скалы.

— Вот дерьмо, — процедил я, утопив до отказа педаль тормоза.

— Едем! — взмолилась Кэт.

— Нам от него не смыться. Только машину разобьем.

— Но Сэм!..

Парень не сбавлял шагу. За его плечами развевались длинные светлые волосы.

— Ладно, — бросил я. — Выйду к нему. Ты сиди в машине. Может статься, он нам зла не причинит.

— А что если причинит?

— Мы сладили с Эллиотом, так ведь? Справимся и с этим чучелом, если потребуется.

Не выжидая более, я вылез из машины, захлопнув за собой дверь. Незнакомец приближался к нам с другой стороны. Распахнув заднюю дверь, я, нагнувшись, извлек ледоруб. Когда я рванул его на себя, в меня полетела, зацепившись, спущенная шина. Проклятая штукавина стукнулась мне о лодыжку и едва не свалила с ног, но я как-то удержался.

Пинком я захлопнул дверь. Сжимая рукоятку ледоруба двумя руками, я обежал машину. Заслонив спиной дверь со стороны Кэт, я изготовился встретить незнакомца лицом к лицу.

Он уже перешел на легкий бег.

Жалкие пятнадцать метров от меня до него.

— Вам лучше остаться стоять там, где вы сейчас! — крикнул я.

Он покрыл половину дистанции между нами, прежде чем замер. Похоже, он запыхался — но не сильно. Положив руки на бедра, этот тип свесил голову и несколько раз глубоко вздохнул. Его волосы в свете луны казались седыми. Но я видел, как он бежал — и ясно было, что он не так уж и стар. Был он повыше меня на пяток сантиметров и смотрелся силачом. Одет незнакомец был в жакет из дубленой кожи с обилием бахромы, прихваченный у бедер широким кушаком, за который был заткнут охотничий нож. Жакет был длинный и доставал едва ли не до колен своим бахромчатым подолом. Ниже начинались голубые джинсы. Еще ниже — тяжелые ботсы.

— Бу, что за дела? — зычным и каким-то подозрительно жизнерадостным голосом осведомился он. — Ты этой штукой орехов наколоть хочешь? Или по макушке меня хлопнуть решил?

— Понадобится — хлопну.

— Да не понадобится, — отмахнулся он. — Безвредный я. Звать — Снег Снегович. Ну меня так из-за шевелюры кличут, сечешь? — Заведя руку за затылок, он взъерошил белые патлы. Роскошная седина взметнулась к лунному небосводу.

— Что вы от нас хотите? — спросила Кэт из-за моей спины.

— Ничего невозможного, — ответил Снег Снегович.

— Вы к нам бежали, — уточнил я. — Зачем?

— Подбросьте меня, а? Мой «Харлей» подстрелили, прям на ходу.

— *Подстрелили?*

— Ну да. *Подкабакнули* исподтишка.

— Где это случилось? — спросил я.

— Да на Четырнадцатой, с час назад. Какой-то низколобый придурок залепил мне пулю прям в бак.

— Вы уверены? — Снова Кэт.

— Я услышал, как что-то грохнуло, а потом бензин на дорогу потек. Чудом на ходу не запылялся. Стреляли крупняком, зуб даю. Или из AR-15, или из «Рюгера», что верней всего. Пробил в топливке дырку размером с пивную крышку. Вот я и застрял тут.

— Кто-то прострелил нам шину на хайвее, — сказал я. — По крайней мере, мы думаем, что это был прострел.

— Зуб даю, он и был, — заявил Снег Снегович. — Похоже, один и тот же говночист нас подбил.

Как только он это сказал, Кэт открыла дверь и выбралась из салона. Встала за мной.

— Простите, что я так погнала, — сказала она. — Вы меня слегка напугали.

— Что ж, вы меня, признаться, тоже. Вы оба. Я стоял тут, оплакивал своего лихого коня, и тут — машина, кто-то выходит, фонариком светит. Я уж подумал, на меня охоту открыли.

— Вот почему вы мне ничего не сказали, когда я вас заметила?

— Я с мыслишками собирался. Хотел либо деру дать, либо за нож схватиться. Скорее уж первое, честь по чести, чем второе — но тут вы сами побежали, будто вам задок подпалили.

— Хорошо, что побежала, — пробормотала Кэт.

— Ага, и я о чем. Я б ведь сдуру и спутать вас с кем нехорошим мог, а вы ж вон какая красавица, таких еще поискать. Ну вы, выходит, на людей не охотитесь с ружьем.

— С чего вы взяли? — спросил я, чувствуя себя малость на иголках от всех этих разговоров о том, что, спутай этот тип Кэт с кем-то нехорошим, пошел бы на нее с ножом.

— Да с того, что я сразу смекнул, что вы ребята славные, когда она убежала. Будь у вас штурмовая винтовка или что-нибудь эдакое, она б вас просто окликнула, вы б подбежали и грохнули меня. Ну так как насчет подбросить?

— Мы и сами тут застряли, — оправдался я.

— Ну, на три головы — выберемся, я думаю.

— Как быть с вашим байком? — спросила Кэт.

— Покамест здесь оставлю. Надо связаться с моей дружиной. Вернемся сюда и позаботимся обо всем. А пока я буду благодарен, ежели вы меня до города подвезли.

— У нас в машине не очень много свободного места, — сказал я.

Не хотелось мне, чтобы этот тип ехал с нами. Да и не знал я, как к нему относится Кэт.

— Я разгребу заднее сиденье, — подала она голос. — Не можем же мы его просто бросить здесь, — добавила она, явно обращаясь ко мне.

Еще как можем, подумал я.

По-хорошему, не сильно-то мы и заплутали. Хоть и создавалось впечатление, что кругом одна глушь да пустошь, мы находились где-то в полумиле от крупной езжей магистрали. На которой Снегович мог без труда отыскать помощь.

Но, может статься, он, как и мы, сторонился дорожной полиции.

— Я вам и денегат могу подкинуть, ежели надо. На бензинчик, — вновь подал Снегович голос.

— Нет никакой нужды, — покачала головой Кэт.

— Если вы поможете нам вернуться на дорогу, — сказал я, — мы отвезем вас в ближайший город.

— Заметано. — Он шагнул ко мне с протянутой рукой.

Опустив ледоруб, я освободил правую руку для пожатия. Не то, чтобы мне так уж хотелось давать ему лапу. Он был явно не так прост, как хотел себя выставить перед нами, и я ему не доверял. Но и чурбаном или трусом прослыть не хотелось. Так что я пожал его руку — большую, сухую, бугристую на ощупь.

— Меня зовут Сэм.

— А я — Кэтрин, — сказала Кэт.

Кэтрин? Почти никогда она не пользовалась полным именем. Возможно, это вошло у нее в привычку за последние десять лет. Хотя, как мне казалось, она просто не хотела, чтобы этот Снег Снегович звал ее Кэт.

— Возьмете фонарь? — обратился я к нему. — Осветите нам путь. Мы будем ехать следом в машине.

— Так я, выходит, все равно пешком пойду? — хохотнул он.

— Я просвечивала путь до того, как мы наткнулись на вас, — разъяснила Кэт. — Нам нужен кто-то, кто будет идти впереди машины и следить, чтобы проезд был безопасный. У нас не полноприводная машина.

— Да и запаска была всего одна, — добавил я.

Снег Снегович кивнул.

— Вы хотите, чтоб я на трассу вас вывел.

— Именно, — подтвердил я. — Последите, чтобы мы на что-нибудь не напоролись. Мы стараемся избежать больших камней, кочек...

— Усек. Сделаю.

— Нам нужна езжая дорога, чтобы выбраться отсюда, — пояснила Кэт.

— Никаких проблем, ребята, я с вами. Дорогу найду быстро — гремучка два раза жопой тряхнуть не успеет.

Кэт передала Снегу фонарик.

— Не хотите напоследок байк проведать? — спросил я его.

— Бу, уже слинять от меня вздумали? — прищурился Снегович.

— Никак нет.

— Да я *шуткую*, Сэм. — С этим его странным фамильярничанием я начал понимать, почему Кэт избрала наиболее официальный из возможных способ представиться.

Она вернулась в машину и закрыла за собой дверь.

— Можете идти, — сказал я Снегу Снеговичу. — Мы нагоним.

— Есть, сэр. — Он бодро зашагал вперед.

Как только он отошел на безопасное расстояние от нас, я быстро обежал автомобиль, перепрыгнул через спущенную шину и открыл заднюю дверь. Ледоруб я поставил внутрь. Поначалу мне захотелось оставить шину прямо там, где она упала, на земле, но потом я передумал.

Просто потому, что все идет наперекосяк, не стоит идти против того, что, по-твоему,

является правильным. Так что я поднял ее и бросил обратно на пол за задними сиденьями.

Снег Снегович впереди включил фонарик и осветил себе на лицо.

Оказалось, он был красив. Как какая-нибудь кинозвезда. Крепко сбитый, будто набросанный грубыми, но точными штрихами, загорелый и белозубый. Выдающийся подбородок скрывался под седой порослью. Даже беря седину в расчет, ему никак нельзя было дать больше тридцати на вид.

Когда я сел и застегнул ремень безопасности, он театрально воздел руку и развернул фонарик вниз, видимо, пытаясь изобразить софит. Свет упал на него снизу вверх, стек по широким плечам и толстой шее на узкий треугольник бронзовой кожи, выглядывающий из ворота подпоясанной кожаной куртки.

— Чудненько, — пробормотал я.

— Поехали уже, — поторопила Кэт.

Я завел двигатель, приоткрыл окно и крикнул Снеговичу:

— Можно идти!

Снег Снегович подмигнул Кэт, ухмыльнулся мне и размашисто обернулся — в ореоле седых волос и бахромы. Зашагав вперед, он закрутил луч фонаря высоко в небо, потом начал быстро-быстро размахивать перед собой, будто пытаясь что-то написать светом на тьме.

— М-да-а-а-а, — протянула Кэт.

— Ну, — произнес я, — он большой оригинал.

— Не то слово, — сказала она. — *Жуткий* оригинал.

— Я-то думал, ты всерьез захотела помочь ему.

— Я хотела *задобрить* его. Пока, сдается мне, он нам хороший друг — до тех пор, пока мы отсюда не выберемся. Самая большая ошибка, которую мы в данных обстоятельствах можем себе позволить — обозлить на нас этого парня. Если бы мы попытались прогнать его, дело могло принять серьезный оборот.

— Может, и так, — сказал я. — Что ж, я рад слушать, что у вас с ним не любовь с первого взгляда.

— Едва ли. Не тот типаж.

Снег Снегович, прекратив свое баловство с фонариком, повернулся к нам и махнул рукой. Я медленно повел машину ему навстречу.

— По-моему, ты ему нравишься, — сказал я, отчасти подначивая ее, отчасти — беспокоясь при подобной мысли и желая предупредить ее.

— Сильно на это не рассчитывай.

— Что ты хочешь сказать?

— Может, ему нравишься как раз *ты*.

Я скривился.

— Славная мыслишка.

— Никогда не знаешь наверняка, — сказала Кэт. — Посмотри, как он одет. Как кривляется. Не кажется ли тебе?..

— Ну, твоим стараниями я понимаю, что нам лучше обоим быть начеку.

— Не хотела бы я, чтобы *он* меня касался, — сказала Кэт.

— Я тоже желанием не горю, знаешь ли.

— Что ж, не дадим ему распускать руки. Если он полезет ко мне, ты его остановишь. Если он полезет к тебе, я остановлю.

— По рукам, — кивнул я. — Надеюсь, до подобного не дойдет.

— До чего-то уж точно дойдет, поверь моей интуиции.

— В смысле?..

— Может, он и не заинтересован в том, чтобы изнасиловать кого-нибудь из нас, но что-то с ним явно неладно. Ты только взгляни на его видок, Сэм. Мужик не в ладах с законом.

В точности мои мысли, подумал я.

— Может, он вознамерился грабануть нас, — сказала она. — Угнать машину. Может статься, он попробует *убить* нас.

— А может, он просто байкер, которому надо в город, — предположил я, хотя своим словам едва ли верил.

— Я вот не видела никакого мотоцикла.

— В смысле?..

— Когда я первый раз наткнулась на него... когда не уверена была, человек ли он вообще, или странного вида кактус — я хорошенько осмотрела окрестности. Никакого мотоцикла не было, Сэм. Я бы увидела, если бы он был.

— Может, он припрятал его за скалой, — предположил я. — Все же бросать хороший байк на виду рискованно даже в глуши.

— Может быть, и так. Я просто говорю, что не увидела ничего такого.

— Он, к слову, похож на байкера.

— Или на Дэйви Крокетта, короля диких территорий.

— Или на Соколиного Глаза.

— Уж *он-то* байкером не был, — заметила Кэт.

— Как думаешь, откуда у него такие волосы?

— Из шляпы?

— Но при нем нет шляпы, Кэт. Я про...

— Я *пошутила*, Сэм.

— Может, он своего отражения в зеркале испугался.

— Вежливость у тебя в крови, как я погляжу.

— Меня он пугает.

— Хорошо, что он не слышит нас, — сказала Кэт. — А то не ровен час — пришибет за оскорбления.

— Нам лучше не хлопать ушами. Пока еще шанс есть.

— Верно, — Кэт обратила взгляд к топающей впереди фигуре.

— Как тебе это имечко, *Снег Снегович*? — спросил я с улыбкой.

— И ты еще сомневаешься в том, что он гей?

— Может, он просто весельчак по жизни.

Кэт засмеялась. За ней — и я. Смеяться на пару было здорово, да вот только веселье было какое-то нервно-мрачноватое.

Снег Снегович мог быть всего лишь заплутавшим странником, которому надо было в город. Но мы оба знали, что слишком уж много странностей говорят против этого.

— Было бы куда проще, — произнесла Кэт, — если бы наша Белоснежка была Золушкой.

Впереди, перед машиной, в тридцати-сорока шагов, наш следопыт вдруг ни с того ни с сего оглянулся через плечо.

— Шучу-шучу, здоровяк, — пробормотала Кэт.

Будто услышав ее — чего, конечно, быть не могло — он отвернулся и продолжил путь.

Кэт вздохнула.

— Ну и что нам с ним делать? — спросила она.

— Знать не знаю. Ничего, похоже. До тех пор, пока он не станет проблемой.

— Вдруг не станет?

— Надеюсь на это. И на то, что мы — просто парочка параноиков.

— Вот, значит, как ты думаешь, Сэм? Быть параноиком куда легче, чем предусмотрительным человеком.

— Если бы он хотел напасть на нас, Кэт, — ответил я на ее выпад, — он упустил уже сотню-другую хороших шансов.

— У тебя эта штука. Ледоруб.

— Не уверен, что он дает нам большую фору против этого детины.

— Но кто в здравом уме полезет на человека с ледорубом? Он, по крайней мере, осторожничает. Возможно, хочет застать нас врасплох.

— В общем, лучше нам не подставляться, — подвел я черту.

— Когда он подсядет к нам, я дам ему место с тобой. Сама сяду сзади. Если он начнет чудить, я его живу прищучу.

— Чем? — спросил я.

— Где у нас лежит молоток?

Поначалу я и не понял, о *каком* молотке она говорит, потом вспомнил. Конечно же. Та штука, которой мы забивали кол в Эллиота. Она ведь еще завернула ее потом в полотенце.

— Мы ведь положили его в багажник, так? — спросила она.

— Да. По-моему. Слушай, а ведь ты права. Его легко спрятать. Она даже не особо подозрительно выглядит — не то, что нож, ледоруб или топор. Если наш Снеговик вздумает *отморозить* что-нибудь — схлопочет по верхнему снежному кому.

— Но он в *багажнике*.

Тут до меня дошло.

— Я достану, — опередила мои мысли Кэт.

— Но если мы остановим машину...

— Просто продолжай ехать с той же скоростью.

Под рулем болтался черный кожаный чехол с набором ключей, чуть пониже замка зажигания. Опираясь на меня, Кэт потянулась к нему. Ей потребовались обе руки и определенные усилия, но главный ключ все же удалось отцепить от всей остальной связки.

— Ну, с Богом, — пробормотала она.

— Слушай, а прямо отсюда нельзя открыть багажник? Дистанционно...

— Нет. Билл был не фанат электронных штучек. Автоматика для окон, дистанционные ключи от дверей и багажника, управление освещением — это все было не для него. Он ненавидел подобное. Говорил, что привыкая к хитроумной электронике, отвыкаешь контролировать ситуацию.

— Но как было бы славно, — огорченно протянул я.

— Конечно, — кивнула Кэт. — Ты, часом, не видел молоток, пока копался там?

— Нет. Но я и не искал.

— Он должен быть там, — сказала она.

— Завернутый в полотенце, — напомнил я.

— Этой тряпке уже не быть полотенцем.

— Согласен. — *Это теперь улика*, возникла непрощенная мыслишка.

— Поищу под брезентом.

Мы оба устали на Снеговича. Он все еще был довольно далеко впереди. Время от времени он оглядывался, но в основном его внимание было сосредоточено на пути. Фонариком он пользовался редко.

— Мы не хотим, чтобы он что-то заподозрил, — сказала Кэт. — Так что просто продолжай ехать. Я выскочу и...

— На ходу?

— Не волнуйся, я справлюсь.

— Можешь споткнуться и шлепнуться на пятую точку.

— Могу. Но в живых останусь. Скорость-то маленькая. Просто продолжай ехать, пока я обойду машину, открою багажник и достану молоток. Если нам повезет, я вернусь к тебе

раньше, чем он оглянется.

— Не знаю, оправдан ли риск, — сказал я.

— Все будет хорошо, Сэм. Только не остановись и не рвани с места внезапно, и все пройдет как по маслу.

— Хорошо. Только не медли сильно.

— Одна нога здесь, другая там.

Она наклонилась и поцеловала меня в щеку. Выпрямилась. Мы еще раз посмотрели на Снеговича. Он стоял спиной к нам.

— Очень хорошо, — прошептала Кэт. — Не сбавляй скорость.

— Будь осторожен.

— *Adios*. — Она распахнула свою дверь и развернулась в кресле. Придерживая дверь открытой левой рукой, она опустила ноги на землю. Приноровилась.

— Я не буду останавливаться, — предупредил я.

— И не надо.

А я все равно притормозил. Как я мог рисковать Кэт? Мой взгляд впился в спину Снеговича. Он по-прежнему не оборачивался.

Кэт выскочила. Едва ее ноги коснулись земли, я снова тронул машину с места. Обернувшись, я увидел, как она побежала к багажнику. Дверь Кэт аккуратно захлопнула за собой.

Снег Снегович брел где-то впереди, разведывая.

Кэт исчезла в темноте на несколько секунд, затем появилась в зеркале заднего вида. Она легко бежала за автомобилем, чуть наклонившись, ее левая рука лежала на крышке багажника и служила опорой, правую я видеть не мог — но очевидно было, что ей она и пытается открыть багажник.

И явно все не так-то легко.

Неудивительно.

Даже на медленной скорости каменистый ландшафт под колесами давал о себе знать. Все равно, что вдевать нитку в иголку верхом на скачущей лошади.

Я подумывал о том, чтобы притормозить. Краткая остановка даст ей время открыть замок. Но, с другой стороны, она же не ожидает, что я буду тормозить, и, чего доброго, врежется в багажник.

Я закусил губу, наблюдая за ней в зеркало. Чем бы ей помочь?

Скосив взгляд от зеркала, я глянул на Снеговича. Он спускался по пологому склону где-то в тридцати метрах впереди нас, уперев взгляд под ноги. Поначалу его фигура медленно уходила вниз, но, замедлившись, он поднялся снова — плечи его поднялись над краем склона — и посмотрел на нас.

Он делал так и раньше. Проверял, поспеваем ли мы.

Но до того Кэт всегда была на пассажирском сиденье. Рядом со мной.

В машине не горел свет, и дверь она, несмотря на все неудобства, закрыла на совесть — я слышал щелчок. Но вдруг Снег Снегович *мог* сейчас видеть, что со мной ее нет?

Мог ли он увидеть ее *за* автомобилем?

Если он и подметил что-то необычное — виду не подал.

Что, если Кэт распахнет багажник, когда он будет смотреть?

Я глянул в зеркало. Она все еще бежала за машиной. Возможно, даже не подозревая, что наш непрошенный попутчик смотрит сейчас в нашу сторону.

— Не открывай его пока, — прошептал я, прикидывая, могу ли я взять на душу риск — предупредить ее, окрикнув. Но вдруг у нашего снежного парня острый слух?

Мне был ведом лишь один путь предупредить Кэт — ускориться. Но если я сделаю это в неподходящий момент, все кончится тем, что она упадет ничком.

Внезапно она потянулась левой рукой вперед, чуть ускорившись.

Секунду спустя багажник был открыт.

И Снегович не смотрел на нас.

— Сделано, — выдохнул я, прикипев взглядом к его фигуре впереди. *Не оборачивайся, Снеговик. Просто иди вперед. И, что бы не произошло, не оборачивайся. Не смотри на нас. Не на что тут смотреть.*

Ну, если не считать багажной крышки, торчащей к небу.

Которая, к слову, совсем закрыла от меня Кэт.

Я представил, как она бежит следом. Как наощупь пытается найти в темноте багажника сверток с молотком, то и дело натываясь руками на холодный голый труп.

Его ведь, возможно, будет непросто найти.

Возможно, придется ворочать Эллиота.

Молоток мог быть *под* ним. *За* ним. Вне досягаемости.

Возможно, за ним придется лезть — и лезть глубоко.

Крышка багажника оставалась открытой.

Я снова глянул на Снеговича.

— Продолжай идти, — заклинал я его. — Не оборачивайся.

Время шло; крышка все никак не опускалась.

— Закрывай, Кэт. — Нервы были на пределе, и я уже конкретно говорил сам с собой вслух. — Пожалуйста, закрой эту чертову штуку. Возьми молоток и захлопни ее. Или — к черту молоток. Быстрее. Он же сейчас посмотрит!

И он посмотрел.

— Дерьмо! — взвыл я.

Он не только посмотрел. Он обернулся и побежал к нам навстречу.

Я ударил по тормозам. Едва машина замерла, я услышал, как Кэт ахнула, и понял, что все же не стоило так резко останавливаться. Секундой позже машина просела.

Будто в багажник неаккуратно бросили тяжелый чемодан.

— О нет, — простонал я.

Хоть Снег Снегович бежал не сломя голову, расстояние между нами сокращалось с каждым его мощным рывком вперед. Я выключил двигатель. Пытаясь сохранять спокойствие и выглядеть как обычно, я выбрался из машины и захлопнул дверь.

Пока я пытался собраться с мыслями и решить наконец, браться за ледоруб или нет, подоспел наш седовласый детина:

— Нашел нам дорогу! Не шибко хороша, но сойде... — Он замедлил шаг. — Эй, а где Кэти? — Его глаза стрельнули в сторону багажника.

И он направился к нему. Я поспешил следом.

Вмиг оживший луч фонаря застыл на Кэт.

Из нутра багажника торчали ее ноги — все остальное было где-то поверх Эллиота. Пыхтя и барахтаясь, она пыталась восстановить равновесие, и Снег Снегович помог ей весьма радикальным образом, сграбастов за ягодицы и рванув на себя.

— Ай!

— Убери от нее свои лапы, — предупредил я.

Ударив по моим глазам прямым светом, он бросил — почти беззлобно:

— Умолкни.

И осветил багажник. Осветил Эллиота, вытянувшегося на спине, голова в дальнем левом углу, пятки — в крайнем правом. И все было прекрасно видно — и изоленту, и острие кола, торчащее из груди, и чертов член этого мертвого мудака.

Никакого молотка. Кэт так и не успела добыть его — слишком резко я остановил.

— Может, уберешь руки с моей задницы? — подала она голос.

— Ну уж нет. — Снегович поднял ее за бока, без малейшего усилия, словно маленькую девочку, и усадил в багажник поверх Эллиота. В процессе она крепко врезалась головой в нависшую крышку.

— Ай! Пусти меня!

Он отвесил ей пощечину.

Я пошел на него.

Ну и не дошел, чего уж там.

Ибо, грозно наступая с рыком «Ублюдок!», я как-то упустил момент, когда Снег Снегович грациозно развернулся на пятках и сунул свой кулачище мне под дых. И меня согнуло почище бараньего рога. Земля ушла из под ног.

Упав на четвереньки, я попытался вдохнуть. Легкие казались плоскими. Несмотря на почти полную тишину, царившую вокруг, в моих ушах бил набат. Сквозь его громыхание и жалкие звуки от моих попыток подпустить в грудь воздуха, я еле расслышал крик Кэт:

— Сэм! Сэм, ты в порядке?

— Молчи, смерд, — пробасил Снегович.

— От смерда слышу, — огрызнулась она.

Новая пощечина.

— Поешь говна и сдохни, — сказала она. Хоть слова и были резкими, голос ее сильно дрожал. Она плакала.

— В порядке твой Сэм, — сказал ей Снег Снегович. — Я его просто слегонца стукнул сечешь? Пришлось обороняться. Но я ж вполсилы. Так что не бурчи.

— Выпусти меня!

— Я вам вредить не собираюсь. Но придется рассказать мне, что происходит. В смысле, у вас клятый *труп* в багажнике.

Я приподнял голову. Ноги Кэт свисали с края багажника, Снегович навис над ней, перекрывая путь к отступлению.

— Так вы у мамы парочка крутых мокрушников? — спросил он.

— Пусти меня.

— Отвечай, красавица.

— С ним произошел несчастный случай.

— Не похоже, как по мне, на *несчастный случай*. По-моему, в него деревяшку острую заколотили, да так, что насквозь прошла.

— Это кол, — ответила Кэт.

— Кол? Он сам себя насадил на кол?

— Он погиб, устанавливая купол цирка.

— Отличная шутка, — произнес Снегович, отвечивая ей еще одну оплеуху.

— Эй! — крикнул я.

— Заткнись и лежи, где лежишь, а то с вами обоими произойдет несчастный случай. Я требую ответов.

— Будут, — выдохнул я. — Пусти ее.

— Так это *не был* несчастный случай?

— Не был, мать твою!

— Значит, я добыл парочку убийц. Когда вы это сделали?

— Этой ночью, — сказал я.

— Значит, вы сразу погрузили его в багажник и укатили, так? Хотели прикопать где-нибудь незаметно. Да вот только на меня наткнулись.

— Все так, — сказал я ему. Упершись в землю, я встал на колени.

— Не вздумай выкидывать кренделя, — погрозил мне Снегович.

— Я и не думал.

— Вздумаешь — дерьмецо-то я из тебя повышибаю, усек?

Я не стал даже отвечать.

— Теперь кто-нибудь ответьте мне, что вы там хотели провернуть с багажником.

— Ей нужно было кое-что достать, — сказал я.

— Что, например? — Схватив Кэт за ворот рубашки, он встряхнул ее. — Кэти? За каким чертом ты туда полезла?

— Ни за каким.

Он ударил ее явно сильнее, чем прежде. Она ойкнула, ее ноги дернулись.

Я, зарывав, рванулся с места, но Снегович ударил меня фонарем в челюсть. От удара моя голова дернулась назад, и я рухнул навзничь.

— Повторяю вопрос для тех, кто в шлеме: *за каким чертом ты туда полезла?*

— Просто хотела накрыть его! — В ее голосе билось отчаяние. — Дошло? Когда мы меняли шину, с него сполз брезент. Вот и все. Мы... мы просто боялись, что ты... ты посмотришь в багажник и увидишь его.

— Кого вы пытаетесь надуть, салажата?

— Это правда.

— Смени уже пластинку.

— Она правду говорит, — выдавил я, оторвав голову от земли.

Не говоря ни слова, Снег Снегович сунул фонарь в карман своего кожаного жакета и внезапно, подцепив носком ботинка лодыжки Кэт, закинул обе ее ноги в багажник и втолкнул ее саму туда без особых усилий.

— Эй! — Она всплеснула руками и повалилась на Эллиота.

Снегович захлопнул крышку.

В крышку изнутри отчаянно забарабанили.

Вывхватив нож из чехла на бедре, седой громила направился ко мне.

Я попятился.

— Расслабься, — бросил он. — Я не собираюсь тебя мочить.

Пришлось-таки остановиться — чтобы не споткнуться. Он замер в шаге от меня.

— Что тебе нужно? — спросил я.

— Ничего, кроме правды.

— Ладно.

— Что в багажнике? Кроме Кэти и трупешника, в смысле.

— Молоток.

— Она пошла за молотком, так?

— Именно.

— Зачем?

— На случай, если ты выкинешь что-нибудь... этакое.

— Стоп, вы что, *испугались* меня? Двое мокрушников?

— Мы убили того парня, защищаясь. Он напал на нас. Мы боялись, что *ты* можешь поступить так же. Мы подумали... что ты преступник.

Он ухмыльнулся. Его зубы, кипельно-белые, едва ли не светились под бликами луны.

— Я что, похож на преступника?

— Скорее на байкера.

— У вас какие-то предубеждения насчет байкеров?

— Мы просто перестраховывались. В том плане, что мы собирались отвезти тебя на нашей машине, не зная, будешь ли ты нас грабить и убивать сразу или потерпишь, черт тебя дери!

— Ага, и это, по-вашему, повод сделать из меня отбивную, не разбираясь?

— Да *НЕТ* же! Мы не собирались предпринимать ничего такого, пока ты не нападешь на нас. Пожалуйста, выпусти ее из багажника. Она там с *трупом*, Господи Боже.

— Вот мы и подошли к другому вопросу. — Присев на корточки у моих ног, Снег Снегович уперся локтями в колени и погладил острием ножа седые пряди на подбородке, вдруг напомнив отчего-то какого-нибудь античного философа. — Кто он?

— Ты хочешь знать имя?

— Для начала.

— Эллиот.

— Кэти науськала тебя пришить надоевшего муженька?

— Он не был ее мужем.

— Вы с ней долго планировали? Мистер начал мешать романтике?

— Да какой он мистер...

— Наверняка, и по страховке выплату бы вы сграбастали.

— Нет.

— Я видел тот кинчик. Играли Фред МакМюррей и та душенька из «Большой долины».

— Барбара Стэнвик.

— Ага, она самая.

— Ты про «Двойную страховку»?

— Да, да. Он выбросил того изуродованного парня с последнего вагона поезда и...

— Тут совсем другое дело.

— По мне так — то самое.

— Для нас с Кэт это совсем другой фильм, — произнес я.

— Вот как? Позволь спросить, какой же?

— «Дракулу».

Мне не стоило этого говорить, но я не сдержался. С одной стороны, это он завел разговор о фильмах. С другой, мне не нравилась сама идея, что этот Снег Снегович или кто-нибудь еще неверно воспримет причины, по которым мы вынуждены были пойти на убийство. Да и потом, подпустить туману в глаза этому парню не мешало. Пусть поломают голову.

— Эллиот — вампир, — объявил я, так и не дождавшись в его глазах проблеска нужной мысли. — Он нападал на Кэт почти каждую ночь в течение года. Проникал в ее спальню и пил кровь.

— Ну и бред вы мне здесь впариваете.

— Но это правда. Она обратилась ко мне за помощью. Этой ночью я затаился в ее шкафу и дождался его прихода. Когда он показался и начал пить ее кровь, я забил в него кол. Потому что только так можно убить вампира. Берешь осиновый кол и...

— Да знаю я. Все это знаю. Смотрел фильмы. Прорву фильмов. Я люблю вампиров. Тут только одна проблема — фигня это все. Они есть только в фильмах и книгах.

— Я так тоже думал. До того, как увидел этого парня с Кэт. У нее остались следы от укусов. Выпусти ее из багажника и сам посмотри на ее шею. Там следы. От *его* зубов.

Он потряс передо мной ножом.

— Да ты просто хочешь, чтоб я багажник открыл.

— Да, *представь себе*, хочу! Как бы ты себя чувствовал, если б тебя запихнули в тесноту и темноту с голым мертвым парнем за компанию?

— Она это заслужила. Надуть меня вздумала, ишь, масленица.

— Выпусти ее. Пожалуйста. — Я вдруг осознал, что если он запер ее там вместе с ключами на скорую голову, выполнить мою просьбу будет очень непросто.

— Откуда я знаю, что у нее там не припрятана пушка?

— Не припрятана, Снег.

— Тебе легко говорить — не в тебя деревяшку вколотили.

— Кэт полезла за молотком — и даже его не смогла достать из-за этой чертовой туши.

Уж поверь мне, будь у нас *пушка*, мы бы ее в багажнике не держали.

— А, понятно, уже б давно пристрелили меня к чертям собачьим, да?

— Я такого не говорил.

— А я мысли твои читаю. Подымайся.

Пока я отрывал себя от земли, Снегович обошел меня сзади, левой рукой схватил за вихры, правой — прижал нож к горлу. Я проковылял к машине, подталкиваемый его грудью в спину. Мы остановились у багажника.

Оттуда не доносилось ни звука. По какой-то причине Кэт умолкла.

— Мы собираемся тебя выпустить, — громко сказал я.

Снег Снегович стиснул мое плечо с такой силой, что я, закричав, взвился на самые цыпочки.

— Кончай голосить, — шепнул он мне в ухо.

— Ладно, ладно!

— Теперь открывай. — Он позволил мне высвободить руку, но ножа и пальцев из моих волос не убрал.

Замочную скважину скрадывала темнота. Но, опустив руку, я нащупал ключи, оставленные в замке багажника. Проворот — и крышка медленно поднялась на пружинах.

Внутри, казалось, была одна тьма.

— Ты в порядке? — спросил я.

Кэт не ответила.

Сонм ужасных подозрений зародился в моем мозгу, но тут раздался ее голос:

— Сам-то как?

— Уф... нормально.

— А где этот?..

— Прямехонько здесь, — сказал Снег Снегович и потянул меня за волосы, заставив встать прямо. Мы отошли на несколько шагов.

— Будешь со мной шутки шутить, — известил громила, — и я чутка *интубирую* твоего Сэмми.

— Я не буду. Не трогай его, пожалуйста.

— Что ты там делаешь? — спросил он.

— Ничего. Ты сам меня сюда запихнул, если что.

— Что ты там искала?

— Я же уже обьяс... — начал было я, но он резко дернул меня за волосы.

— Ауч!

— Не мучай его! — взвизгнула Кэт.

— Я ему, мать, глотку перережу!

— *Стой!* Я пыталась найти молоток.

— Нашла?

— Нет.

— Нашла что-то другое?

— Нет!

— Пушку?

— *Нет у нас никакой ПУШКИ, идиот!*

Громко вышло. Даже Снегович чуть поежился.

— Что ж, ладно, — произнес он. — На колени, Сэмми-бой.

Он надавил мне на макушку. Как только мои колени стукнулись об землю, он убрал нож от моей глотки, продолжая тягать меня за вихры. С щелчком зажегся фонарик — свет полился внутрь багажника.

— Выходи, красавица. Лучше — с пустыми руками.

Кэт приподнялась. Свет ударил ей в лицо, заставив глаза сиять и сделав бриллиантовыми ручейки подсохших слез на ее щеках. На левой было еще и немного крови — хотя, скорее всего, то была кровь Эллиота.

Забросив одну ногу за край багажника, она выбралась наружу. Протянула навстречу Снеговичу раскрытые ладони. Они тоже кое-где запачкались в крови. Рубашка по меньшей мере выглядела чистой, некогда-джинсам было уже все равно, ее худощавые ноги тоже не пострадали.

— Задирай рубаху, — приказал Снегович.

Рубашка Кэт выбилась из пояса и теперь доставала почти до края некогда-джинсов. Смерив Снеговича понурым взглядом, Кэт растегнула верхнюю пуговицу.

Верзила ухающе засмеялся.

— Да не *сымай* ты ее совсем. Ну, ежели только не хочешь сама. Просто приподними над ремнем.

Пожав плечами, она выполнила его просьбу.

— Медленно повернись, — велел Снегович, светя на нее фонариком. — Так, ладно. А в карманах что?

— Ничего.

— Поди сюда. Рубаху пока держи.

Кэт подошла к нам.

— Сюда. — Снегович ткнул пальцем влево. — Стой спокойно. Я проблем не хочу. — Отпустив мои волосы, он протянул левую руку к Кэт и ощупал ее карманы. Я следил за ним, не отрывая глаз. Но вроде к неожиданным выходкам этот тип пока не был расположен. — Повернись. — Теперь он шарил пальцами по задним карманам некогда-джинсов. — Ладно. Можешь все опустить.

Отступив на пару шажков от Снеговича, Кэт опустила полы рубашки и расправила их.

Седовласый громила постучал фонариком по моему плечу.

— Вставай.

Поднявшись на ноги, я подбежал к Кэт. Она сжала мою руку. Теперь мы оба смотрели на Снеговича.

— Простите, что грубо обошелся, — развел тот руками. — Не каждую ночь мне встречается парочка убийц.

— Мы не убийцы, — сказала Кэт.

— А. Конечно. Пардонте. Мужик в вашем багажнике, он же *вампир*.

Кэт, изогнув бровь, посмотрела на меня.

— Я ему сказал, — сознался я.

— Ну-ка, покажи укусы, — сказал Снег Снегович.

Верхняя пуговица ее рубашки так и осталась расстегнутой. Запустив пальцы за воротник, Кэт оттянула его вниз.

Он подошел вплотную к ней. Осветил ее шею фонариком, склонился и уставился на ту самую пару точечных ран, что этой же ночью она показала в качестве доказательства своих слов мне.

— Ну да, у тебя тут две дырочки. Вижу. Но это, конечно, не значит...

— Посмотри на его зубы, — тихо сказала Кэт, глядя ему в глаза.

Снегович отступил от нас, нагнулся к багажнику и повернул голову Эллиота лицом к себе. Стала видна сползшая полоса изоляции и угол его рта. И сияющий металлический клык, выдающийся вперед — работа какого-то стоматолога-безумца. Острый кончик все еще был утоплен в нижнюю губу Эллиота.

Снег Снегович сорвал полоску с его рта целиком.

И вскрикнул «Эй!», отдернувшись назад, когда нижняя челюсть вампира отвисла, раззявливая пасть на всю ужасную, неправдоподобную ширину.

Мы с Кэт, стоя у него за спиной, чуть в стороне, тоже подпрыгнули и ахнули, когда челюсть Эллиота отвисла. Схватились за руки, как двое потерявшихся малышей.

Луч фонарика Снега Снеговича дико дрожал.

Все четыре клыка Эллиота блестели, как серебро.

Никто из нас не говорил. Думается мне, мы все просто ждали, что эта тварь, прикидывающаяся мертвой, выкинет дальше.

Но он просто лежал, разинув рот.

Через некоторое время наш байкер рискнул нарушить молчание:

— Что за черт?

— Видишь эти клыки? — спросила Кэт.

— В жопу клыки! Гляньте, что он наделал! Он меня едва не цапнул!

— Всему виной липучка, — сказал я.

— Что?

— Липучка с обратной стороны ленты. Ты ее слишком резко снял, вот она и дернула челюсть вниз.

— Да? — Он неуверенно хохотнул. — Да, пожалуй, что так. Конечно. Твоя правда, Сэмми-бой. Подлвили меня. Ха! Дерьмо! Прямо под ваши байки, а? Вы мне начали впаривать всю эту вампирскую муть, да тут еще и труп какого-то мудака из вашего багажника пытается меня цапнуть — разум забавная штука, не так ли?

— Еще какая, — согласился я.

Он сказал «Дерьмо!» еще раз и покачал головой. Затем пробормотал:

— Вашу ж мать. Хватит с него.

Попятившись от багажника, Снег Снегович захлопнул крышку с силой. Провернул ключ в замке и бросил нам связку. Я спрятал ее в карман джинсов.

— Вы хоть теперь верите нам? — спросила Кэт.

— В то, что тебе шею этот урод покусал? Да. Черт побери. Дай-ка глянуть. — Он подошел к Кэт и снова принялся разглядывать раны, куда внимательнее, чем прежде. Покачал головой. — Нет, и что, вот прямо здесь в тебя и впивался? Этими зубищами?

— Увы.

— И пил твою кровь, говоришь?

Кэт кивнула.

— Вот иуда! Было больно?

— Конечно.

— Конечно — не то слово, красавица. Ух. Можно, я коснусь?

— Валяй.

Он переложил фонарик в левую руку, указательным пальцем правой коснулся одной из ранок — осторожно-осторожно, будто нажимая на кнопку дверного звонка, не будучи уверенным, что не ударит током. При первом касании его палец нервно дернулся. Выдохнув, Снегович попробовал еще раз. Помассировал подушечкой пальца одну ранку, затем другую.

— Они давние, — заметил он и отступил на шаг.

— Получены несколько дней назад, — сухо пояснила Кэт.

— Этой ночью он к тебе присасывался?

— Да.

— И где свежие укусы?

Я вспомнил, где именно, и меня бросило в жар.

— На пятке, например, — невозмутимо ответила Кэт.

Ох. Я об этом позабыл.

— Он пил кровь у тебя из *ступни*? — вытаращил глаза Снегович.

— Кровь — она отовсюду кровь, — сказала Кэт. — Ему было без разницы, куда пристраиваться.

— Но *ступни*. — Снег Снегович бросил нервный взгляд в сторону багажника. — Да откуда этот муфлон с прибабахом вообще вылез?

— Понятия не имею, но прибабах у него был тот еще.

— Слишком сильный, чтобы позволять ему и дальше гулять на свободе, — добавил я.

Посмотрев мне в глаза, Снегович кивнул.

— В точку, мужик. Я б и сам его грохнул, предоставься случай.

Кэт протянула ему руку.

— Рада слышать это, дружище, — сказала она.

Улыбаясь, байкер ответил на рукопожатие.

— Отныне, — заверила она его, — можешь звать меня просто Кэт.

— Слушаюсь, мадам. А вы меня кличьте, как заблагорассудится. И простите уж, что я вам по щекам надавал да в багажник запер.

— Что было, то было.

— Не желаете как-нибудь повторить-то, с багажником? Только вместо Дракулы я там лежать буду, живой и теплый, м?

Она засмеялась и покачала головой.

— Пожалуй, я лучше откажусь.

Отпустив руку Кэт, он повернулся ко мне.

— Надеюсь, я тебя не сильно взгрел, — сказал Снегович и протянул руку.

Теплыми чувствами к этому типу я все равно не воспылал. Он кинулся на Кэт — раз. Мои живот и челюсть все еще болели — это два. Ну, хоть не изнасиловал никого из нас — и на этом спасибо. И, конечно же, то, что он теперь не считает нас врагами, многое упрощает.

Не то, чтобы я желал видеть его в рядах наших союзников.

Не доверял я ему.

И предпочел бы, чтобы он от нас отстал.

Но то, что он больше не намерен выколотить из нас последний дух — уже радует.

Когда мы пожимали друг другу руки, я вспомнил, как Кэт говорила о том, что такого, как Снегович, надо постоянно задабривать, и произнес:

— Наш экипаж рад видеть вас на борту.

Перестав от души и с силой трясти и давить мою ладонь, он сказал:

— Нашел нам дорогу. Как раз собирался сказать вам...

— В самом деле? — спросила Кэт. — Не припомню такого.

— Ты была в багажнике, — потупив взгляд, сказал я.

— За это, кстати, я хотела поблагодарить тебя.

— Да знаю я, знаю. Напортачил.

— Думаю, на этот раз я тебя прощу.

— Было больно?

Кэт покачала головой и обратилась к нашему новому другу:

— А вот запирать меня не следовало.

— Хорошая идея — на скорую руку, — ухмыльнулся Снегович.

— Ничего хорошего.

— Знаю, напортачил, — оправдался он, позаимствовав слова у меня. А этого я не очень люблю. — Но я-то думал, вы парочка бывалых отморозков. Хотя, — он хитро прищурился, — вы *и так* пара отморозков. Просто вам посчастливилось убить парня, который на это дело сильно напрашивался. И это хорошо. Чем меньше долбанутых уродов коптят небо, тем лучше. Хотите знать мое мнение? Мочить всех этих психов надо, да и дело с концом.

— Именно такой мыслью я руководствовалась, — заметила Кэт, — когда полезла в багажник за молотком.

Снег Снегович засмеялся, запрокинув голову. Игриво шлепнул ее по руке.

— Ладно, давайте двигаться дальше, — предложил он. — Давай за баранку, Сэм. Дорога прямо по курсу, не шибко хороша, но выбирать нам не из чего.

Подойдя к машине, он открыл правую переднюю дверь и недвусмысленно указала на Кэт. Как только она села, он распахнул заднюю дверь и одним махом забросил свою могучую тушу на заднее сиденье.

Мне ничего не оставалось, кроме как шмыгнуть за руль.

Этого-то мы и не хотели — чтобы Снег Снегович садился позади нас.

Впрочем, шансы были примерно равны при любом раскладе. В конце концов, Снег Снегович был больше и сильнее нас, и у него был нож явно лучше нашего. Наш был обычный, кухонный. Кэт положила его в пищевой мешок, там, на кухне ее дома. И с тех самых пор я его не видел. Хотя, она вспомнила о нем до того, как мы решились достать молоток.

Не то, чтобы это имело хоть какое-то значение — особенно сейчас. Никакого проку от ножа не будет, коль скоро седой верзила сидит за нашими спинами.

Остается уповать на то, что теперь он взаправду наш друг.

Остается уповать...

Мы с Кэт пристегнулись ремнями безопасности. Я медленно поехал в том же направлении, что и раньше. Неподатливый ландшафт сразу же дал о себе знать.

— Не дрова же везешь, — осудил Снегович из-за спины.

— Я и так стараюсь ехать тихо. А впереди ни черта не видно.

— Так включи фары.

— А вот это лишнее. Они нас с головой выда...

— Включи фары, Сэм.

Я включил.

— Никому до нас дела нет, — сказал Снег Снегович.

Фары решили проблему с объездом многих опасных препятствий. Осмелев, я набрал скорость.

— Бу, куда гонишь? — нашему седому другу снова все было не слава Богу. — Дорога от нас не убежит.

— В какую сторону нам ехать, чтобы на нее попасть?

— Левее, чем сейчас.

Пожав плечами, я откорректировал курс аккуратным поворотом руля.

И вскоре свет фар нащупал грунтовую дорогу. Не такую, как обычные американские

грунтовок: две колеи и размытые обочины. Эта была узкой, не сильно шире среднестатистического автомобиля, с канавами, полными грязи, по бокам. Ее, казалось, оставил после себя плуг, который зачем-то протащили через пустыню.

После езды по пересеченной местности эта узкоколейка казалась едва ли не идеально гладкой — несмотря на то, что катилась машина будто по стиральной доске, подскакивая и дребезжа. Устранить все это можно было за счет скорости — имей я мужество выжать все пятьдесят; но ночью, даже с включенными фарами, то была верная погибель. Я придерживался где-то тридцати пяти. Минимум тряски, максимум покрытия расстояния.

— Надеюсь, хоть куда-то мы выедем, — тихо сказала Кэт через некоторое время.

— Дорог, ведущих в никуда, не бывает, — заявил Снег Снегович позади нас.

— Согласен, — заметил я. — Но некоторые ведут в такие места, куда лучше без полного привода носа не совать.

— Его у нас нет, — пояснила Кэт Снеговичу.

— Не доедем так, — Снегович потянулся на сиденье, — доедем иначе. Упрямся в непроходимку — развернемся. Мне все одно, я никуда не спешу. А вы спешите?

— Не особо, — ответил я. — Просто, было бы хорошо выбраться на настоящую трассу, вот и все.

— Как вы собираетесь поступить с Дракулой? — Снегович скосил взгляд за спину.

— Его зовут Эллиот, — поправила Кэт.

— Ну да. Так как вы его сбывать хотите? Могилку вырыть?

— Думаю, да, — сказал я.

— У вас тут лопата, я смотрю.

Кэт обернулась к нему.

— А вы не хотите нам помочь с... раскопками?

— Мне-то с этого что будет?

— Удовольствие от хорошо выполненной работы.

Снегович рассмеялся.

— Я вот что скажу: против работы до седьмого пота ничего не имею, но не за просто так.

— Вы денег хотите? — прямо спросила Кэт.

— Может быть.

Пришло время и мне вставить свои два цента:

— Думаю, мы обойдемся без наемников. Управимся как-нибудь сами.

— Будет намного легче, если мы договоримся с мистером Снеговичем о помощи, — возразила Кэт.

— *Мистер Снегович*, — фыркнул наш байкер. — Круто звучит.

— Будет намного легче, — тщательно подбирая слова, заявил я, — если мы довезем мистера Снеговича до ближайшего города как можно скорее, чтобы он смог позаботиться о своем брошенном мотоцикле.

— Повторяю, я никуда не тороплюсь, — поднял руки Снег Снегович; в его глазах плясали озорные огоньки.

— Мы поняли, — сказал я. — Никаких проблем.

— Все еще хотите отпасовать меня, да?

— Для твоего же блага, — пояснил я. — У нас в багажнике труп. Неужто ты хочешь загреметь вместе с нами, если дорожный патруль остановит нас и заставит поднять крышку?

— Не рискуешь — не кайфуешь.

— Чем раньше ты с нами расстанешься, тем лучше будет для тебя.

— Фигня. Я останусь с вами. Помогу избавиться от трупа. Опыт у меня есть. Но это так между строчек.

Кэт снова обратила взгляд к нему.

— Тебе доводилось избавляться от тел?

— Доводилось, доводится.

— И много ты убил?..

Меня все время интересовал тот же вопрос, но задать его я не решался.

— Ну, чутка, — ответил он.

— Ага, — вздохнул я. — Прекрасно. Мы возьмем серийного убийцу.

Снег Снегович отмахнулся.

— Ни разу. Я с этого дела смак не снимаю. Шлепаю только тех, кто того заслуживает. Были те, кто пытались меня самого пришить, были те, кто надули меня, обставили, ну или вообще как-то из себя вывели. Но! Я никогда не убивал людей, не напрашивавшихся на неприятности.

— Похоже, нам лучше быть с тобой паиньками, — хмыкнул я.

— Ага. — Снегович расплылся в ухмылке.

— Ладно, — вздохнула Кэт. — И каковы же твои рекомендации по избавлению от трупов?

— Правило номер один — никаких саженцев. Копать могилы — пустая трата времени и сил.

— Но мы не хотим, чтобы его кто-то нашел.

— Так и я о чем. Просто сбросьте его в ущелье. Или в старую горняцкую шахту, чтоб уж наверняка. Я, — он гордо потыкал себя в грудь пальцем, — специалист по таким шахтам, а также по пересохшим колодцам, ущельям, пропастям. И, как спец, заявляю — коли вы набрали на такой объектец, вся работа, что останется на вашу долю — бросить жмура вниз. Найдут только ко второму пришествию, да и то вряд ли.

— Если это избавит меня от рытья могилы, — сказал я, — я — только за. Но дело в том, что тебе все равно не стоит зависеть с нами. Твой байк могут найти — ты об этом-то хоть подумал, мистер Снегович? «Харлей» — ценная машина. Попадется на глаза кому-нибудь нечистому на руку — и все, считай, нет у тебя байка.

— Не трясись ты так за это дело.

Если он не беспокоится о том, что мотоцикл уведут, у него, вероятно, его и в помине не было. Как Кэт и подозревала с самого начала.

— Никто не смеет зариться на мой байк, — заявил Снег Снегович.

— Я бы на это особо не рассчитывал.

— Последний парень, спустивший себе с рук такое, до сих пор отдыхает на дне ущелья. Не так уж и далеко отсюда, к слову. Хорошее местечко, чтобы избавиться от Дракулы.

— Эллиота, — тряхнула головой Кэт.

— Старина Брок, — мечтательно протянул Снег Снегович. — Ему, должно быть, скучно там, внизу. Подбросим ему компашку.

— Что ж, — сказал я, — мы ценим советы. И, быть может, подыщем какой-нибудь славный обрыв, с которого можно отправить нашего москита-переростка в последний полет. Но сперва лучше все же довести тебя. Чтобы к утру ты уже уладил все дела. Нет смысла

таскаться с нами и рисковать попасть под раздачу. Ты — не в этом деле.

— Уже давно в нем, — голосом эстрадного юмориста известил он.

— Послушай. — Я решил говорить еще более прямо. — Сдается мне, лучше будет для нас, если ты не будешь знать, где мы оставим тело.

— Брось, — сказал он.

— Прошу прощения?

— Я иду с тобой.

— Но почему.

— Привязался к тебе, допустим. Ты же против не будешь?

Кэт одарила меня выразительным взглядом. В нем перемешались беспокойство и явный посыл в мою сторону: *придержи язык*.

Прежде чем я успел открыть рот, она оглянулась через плечо и сказала:

— Вы можете остаться с нами. Но при одном условии.

— Каком же?

— Как только мы попадем туда, *вы* сбросите Эллиота.

— С чего бы это?

— У Сэма больная спина.

— Ой, бедный Сэм. — Он усмехнулся. — Замануха-то в чем, Кэти?

— *Замануха* в том, мистер Снегович, что после того, как Эллиот коснется дна этого вашего замечательного секретного ущелья, мы без вопросов и с удовольствием доставим вас в город.

— Стервозные условия, Кэт.

— Я — та еще стерва, Снег.

Ее слова изрядно позабавили его — он откинулся на спинку сиденья, хихикая так, будто ничего в жизни смешнее не слышал.

Где-то в сотне ярдов впереди показался торпедообразный силуэт трейлера.

Мы нашли настоящую дорогу.

Отличную мощеную двухполосную дорогу. Никакой тебе тряски, подпрыгиваний, громоханий. Просто хороший, плавный ход.

— Славно едется, — подтвердила мои мысли Кэт. — Вернемся на Четырнадцатую?

— Может быть, — сказал я и, повернув голову, спросил:

— Нам есть смысл возвращаться к Четырнадцатому шоссе, мистер Снегович?

— Есть, и достаточно хороший, — сказал он.

— И где там эта дыра?

— Дыра? Что за дыра?

— *Шахта*. На дне которой лежит этот ваш Брок. Разве не к ней мы едем?

— К ней, родненькой.

— Вы же знаете, как туда проехать?

— Не знал бы — не стал бы тут байки плести.

— Так *где же* она? — начал терять терпение я.

— Не скажу.

Теперь уже к Снеговичу обернулась и Кэт.

— Если вы не скажете нам, где находится это место, как мы должны туда попасть?

— Просто. Я буду говорить Сэмми-бою, когда повернуть. Сэм, мужик? Просто продолжай ехать прямо, пока я не скажу.

— Хорошо, — сказал я.

— Это далеко? — осведомилась Кэт.

— Не шибко. Но и не рукой подать.

— Ладно, — протянула она. — Я просто собиралась вздремнуть.

— Ну так валяй.

Она обратилась ко мне.

— Ты, наверное, ужасно устал.

— Я в порядке. Поспи.

— Если почувствуешь, что совсем вымотался, растолкай меня, и я поведу.

— Заметано, — сказал я, клятвенно обещая себе держаться до последнего.

Кивнув, она чуть подалась вперед и расстегнула ремень безопасности.

— Не могу спать, когда эта штука на мне, — пояснила она. — Надеюсь, ты не понесешь во весь опор, и меня не катапультирует отсюда ко всем чертям.

Я думал было отговорить ее, но, в конце концов, это ее право — пользоваться или не пользоваться ремнем. Кроме того, я ни разу в жизни не разбивал автомобиль, который веду.

Мы, конечно, искушали судьбу. Напрашивались на неприятности на дороге.

Выпугавшись из ремня, она откинулась на сиденье, сложила руки на коленях и закрыла глаза.

— Едем прямо, потом выворачиваем на Четырнадцатую, — сказал Снегович.

— К северу?

— К северу.

Взглянув на Кэт пару минут спустя, я решил, что она, похоже, спит.

Умолк и Снег Снегович. Вскоре с заднего сиденья понесся грубый храп.

Звук этот был музыкой для моих ушей. Этот кошмарный тип хоть на время ушел из

наших жизней, снова оставил нас с Кэт наедине.

Я посмотрел на нее.

Ночь была уже не такой темной, как прежде. Занимался рассвет. И мне было достаточно хорошо видно ее — столь хорошо, что сердце мое снова разбилось.

Сон вернул ее чертам спокойствие, мягкость, невинность — все то, что присуще было той Кэт, с которой я расстался давным-давно. Той, которой все еще было пятнадцать лет.

Хоть она и выросла в шокирующе красивую женщину, умную, сильную и решительную, мне было больно смотреть на нее, ибо теперь я знал, через что ей пришлось пройти. Как же много я пропустил. Как сильно она изменилась. Как *страшно*, что она *так сильно* изменилась.

Мое сердце сгорало.

И, чтобы хоть как-то унять эту ужасную скорбь, я сказал себе, что Кэт так или иначе повзрослела бы. Даже если бы я имел власть над временем, и мы бы с ней смогли остаться пятнадцатилетними навсегда, я бы вряд ли воспользовался таким даром. Да, быть может, мне бы этого страстно хотелось. Но — нет, я бы не позволил себе такое.

Потому что, как бы сильно я не любил ту девочку-подростка, я бы не лишил ее возможности стать взрослой женщиной.

Но, Боже, как же я был сейчас несчастлив. Как я страдал о той, которой лишился. Где наша молодость, наш задор, наше счастье?

Все прошло, и осознание убивало меня.

Но ведь всегда есть воздаяние.

Девочка-подросток стала прекрасной женщиной. Я — стал мужчиной.

И, хоть я ненавидел себя за то, что не смог удержать первую, я *буду* ненавидеть себя не меньше, если упушу и вторую.

Прошое никак не вернуть все равно. Остаются воспоминания, над которыми можно горевать. Но убегать от настоящего — не выход. Надо держаться за него изо всех сил.

Зарождающийся день окрасил кожу Кэт в серые тона. Все еще блуждая в лабиринте сожалений и несбывшихся надежд, я внезапно поймал себя на ужасной мысли: *отпусти руль и пусть это все кончится для нас всех*.

Но я не отпустил руль. Я не сдался. Я сосредоточился на бегущей перед нами полосе Четырнадцатого шоссе.

Хотя мы ехали на север, солнце, восходящее по правую сторону от нас, вскоре коснулось золотистыми лучами и пространства перед нами. Какое-то время свет был едва ли не нестерпимо ярок — но не ярче того сияния, коим одаривала меня спящая Кэт, стоило мне лишь обратить к ней взгляд.

Снег Снегович продолжал храпеть.

Я поглядывал на дорогу достаточно часто, чтобы избежать неприятностей. Я так сильно скучал по ней, так *долго* скучал — и вот она здесь, сидит на соседнем сиденье. Я едва мог поверить в это чудо. В этот странный, но прекрасный сон.

Девушка моей мечты. Так близко, что коснуться — ничего не стоит. Озаренная светом нового дня.

Первый раз за десять лет я видел ее при свете дня.

Я рассматривал ее — спутанную мальчишескую прическу золотистых волос, изгиб левой брови, коль скоро правая половина ее лица была скрыта тенью, тонкие линии в уголке глаза — которым, наверное, когда-нибудь суждено стать морщинами, ее губы, россыпь

веснушек.

Из-за того, что она, склонив голову, чуть сползла на сиденье, перед ее рубашки смялся в несколько волн. Как и любая женская рубашка — или блузка, правильнее сказать? — она была застегнута таким образом, что пуговицы смотрели в мою сторону.

А в пробелы между ними было прекрасно видно, что Кэт не носила лифчик.

Накануне вечером она была передо мной в наряде Евы не меньше часа. Я мог видеть каждый дюйм ее тела. И, вроде бы, странно было с моей стороны придти в такое волнение от взгляда на ее грудь.

Но я не мог оторвать глаз.

Мне было видно не так уж много — но достаточно, чтобы млеть от обескураживающего, поразительного восторга.

Я не мог оторвать глаз.

Я чувствовал себя виноватым. Едва ли не вуайеристом. Дыхание застыло у меня в груди. Всем моим сожалениям о том, что Кэт выросла, пришел конец.

Только настоящее имело значение.

Только этот момент. Только *этот* взгляд.

Только *эта* грудь — грудь цвета меда — взрослой, сногшибательно красивой женщины. Только...

Я с трудом взял себя в руки. Прикипев взглядом к ветровому стеклу, я прищурился от солнца, глубоко вздохнул и попытался думать о чем-нибудь другом.

На наших плечах все еще было много проблем. Снег Снегович на заднем сиденье. Эллиот в багажнике. Все те опасности, которые они нам сулили. Все волнения, связанные с тем, что нам как-то придется от них отделаться.

Но все это было для меня сейчас таким далеким и неважным.

Ты шпионишь за ней, сказал я себе. Ты вторгаешься в ее личную жизнь.

Но она бегала голышом передо мной всю вчерашнюю ночь. Вряд ли она станет возражать против моих взглядов.

(Не рассчитывай на это!)

(она никогда не узнает)

В конце концов, что плохого, спросил я себя. Когда вы видите радугу, лесной ручей, поляну ярких цветов — разве вы стыдите себя за их красоту и за то, что вы осмелились ими любоваться? Разве вы закрываете глаза и твердите себе, что делаете что-то не так? Черт возьми, *нет!* Вы *смотрите*. Вы *наслаждаетесь*. А ежели нет — вы теряете что-то. Вы, как минимум, обманываете себя.

Пользуясь таким оправданием, можно было бы и спустить себе с рук подглядывание за чужой жизнью в окна дома. Всегда есть разделяющая одно и другое грань, и любование грудью Кэт явно лежало по другую сторону от радуги и цветочных полей.

Но я НЕ МОГ не смотреть.

Я вновь повернул голову. Мои глаза снова принялись исследовать разрыв между пуговицами ее рубашки.

Метнулись к дороге на несколько секунд.

Снова — назад.

Ты сошел с ума.

Да, наверное, так и есть: я начинаю бредить. Теперь мне кажется, что одна из пуговиц расстегнулась. Что теперь видна добрая половина ее груди.

Но, позвольте: одна из пуговиц *взаправду* расстегнулась, пока я не смотрел.

Во рту пересохло, в джинсах стало тесно. Учитывая их не самый удобный фасон и то, что я вел машину, не представлялось возможным расстегнуть их или хоть как-то ослабить, поэтому очень скоро мои душевные мучения дополнились мучениями физическими, весьма определенного характера. Сосредоточившись на дороге, я бы не решил проблему — смотреть вперед, конечно, приходилось, но мои зрачки словно магнитом оттягивало обратно, и я так или иначе выкраивал момент.

Сейчас мне было видно так *много*.

О Боже, а вдруг этот Панк Панкович сейчас разделяет со мной это чудное видение? Вдруг его храп — никакая не гарантия? Взгляда в зеркало заднего вида мне было недостаточно — я резво обернулся и посмотрел через плечо.

Он развалился криво на сиденье позади Кэт, свесив подбородок на грудь, седая шевелюра укрыла лицо. Кожанка свободно распахнулась, демонстрируя широкую загорелую грудь в кучеряшках.

Ох, уж к *его-то* груди у меня никакого интереса не было.

Он не видел Кэт — вот и все, что сейчас имело для меня значение.

Метнув взгляд вперед, я убедился, что мы не рискуем съехать с дороги и не собираемся врезаться в легковушку или грузовик.

Никаких других машин, о которых стоило бы беспокоиться.

Снова — к Кэт.

Нет, этого не может быть.

Еще одна пуговица расстегнулась.

Наверное, она ворочилась во сне, и рубашка сбивалась на бок. Теперь была обнажена почти вся ее левая грудь. Ее темно-золотистый сосок у самого края распах. Солнечный свет мягко омывал его.

Хоть в автомобиле и было тепло, на ее коже выступили мурашки.

Они мне понравились.

Понравились ее веснушки. На груди они тоже были. Не так уж и много — не больше полдюжины. Маленькие рыжие пятнышки.

В каком-то роде мне даже понравились ее раны.

Их было *непозволительно* много. Двадцать? Пятьдесят? Они шли вверх и вниз по обеим сторонам груди — уже не сами шрамы, а лишь напоминания. Нужен был очень хороший свет, чтобы различить их все.

Некоторые — поновее остальных, розоватого оттенка, самые старые — побелевшие. Тонкие, разной длины — белые нити-порезы, изогнутые рваные от резцов, но больше всего — точечные, оставленные вампирскими клыками.

Стальными иглами Эллиота.

Этот мудака *присасывался* к ее груди, как какой-то чокнутый младенец-переросток. Пил из нее кровь.

Как же я ненавидал его.

Ненавидел за всю причиненную Кэт боль. За то, что он так долго *пользовался* ею. *Имел* ее.

Как же славно, что мы убили ублюдка.

Но в шрамах, оставленных им, я сейчас не видел ничего уродливого. Наверное, все потому, что они стали ее частью. Как веснушки. Как оттенок глаз.

Они уподобились тайным посланиям, написанных волшебными чернилами — такими, что надпись можно увидеть только тогда, когда правильно падает свет. Я хотел поцеловать их. Каждый изгиб. Каждый рубец.

Ерзая и задыхаясь пуще, чем раньше, я судорожно повернул голову к дороге и попытался успокоиться. В зеркале заднего вида появился торопливо приближающийся грузовик. Я съехал на другую полосу, чтобы освободить ему путь. Фура пронеслась мимо с ревом, в ореоле дыма из выхлопной трубы. Едва она миновала, я перевел взгляд на Кэт.

Мой рот открылся, но я не выдавил ни звука.

Ни стоны, ни удивленного возгласа.

Я даже выдохнуть толком не смог.

Пульс отдавался в уши барабанным боем.

Что, черт побери, происходит?

Рубашка Кэт съехала в сторону, открыв и правую грудь.

Подставив ее яркому солнечному свету.

Снег Снегович все еще храпел. Я взглянул на него. Он не сменил позы.

Дорога под нами была ровная. Никаких ухабов, никаких выбоин.

Она просто ворочается во сне.

(или какой-то мышечный спазм?)

Я повернул голову — и на этот раз подловил нужный момент: Кэт содрогнулась. Волна пробежала вверх по ее телу.

Веки Кэт были смежены, но глаза под ними отчаянно метались туда-сюда.

Ей снится Эллиот, пришло мне в голову из ниоткуда.

Снова дрожь. Губы плотно сжались и побелели. Какие-то внутренние толчки заставляли ходить ходуном ее плечи и обнаженную грудь. Мне показалось, что еще чуть-чуть — и из-под век Кэт хлынут слезы. Но разве люди плачут во сне?

Она свесила голову набок. Правый глаз распахнулся и с пугающей быстротой нашел меня: в его глубине плескался ужас.

— Кэт? — неуверенно позвал я. Мой голос был едва слышим из-за рулад, выводимых Снеговичем.

Она вздрогнула в последний раз, судорожно втянула воздух и резко села. Несколько раз недоуменно моргнула. Искра живой мысли проскочила в ее глазах.

Она опустила взгляд вниз. Ахнула. Ее брови подскочили.

— Эмм... как... как это произошло? — прошептала она.

— Не спрашивай меня, — сказал я.

Тряхнув головой, она поправила рубашку на груди и застегнула пуговицы.

— Прости. — Она вдруг с удивлением посмотрела на меня. — Это же не ты сделал?

— Нет, не я.

— Ох. Хорошо. Наверное, привидения.

— Вероятнее всего.

— Что ж, я хотя бы выпалась. Как дорога?

Непохоже, что твои сны были приятными, подумал я, а вслух сказал:

— Отличная дорога.

— Тебя в сон еще не клонит?

— Нисколечко.

Она улыбнулась и кивнула.

— Рада слышать. Я-то боялась, что ты совсем заскучаешь и уснешь за рулем.

— Нет, Кэт, скучно мне не было.

— Хочешь, я поведу?

— Не стоит. Все в порядке.

— Правда? — Она улыбнулась еще шире.

— Я пока держусь. Можешь спать дальше.

— Не хочется больше, — как-то отстраненно сказала она и, взявшись за ремень безопасности, защелкнула его в замке.

Через некоторое время Снег Снегович громко всхрапнул и проснулся. Закашлялся, прочищая горло, захрипел, заохал, всячески зашумел. Его куртка из дубленой кожи скрипнула, когда он повернулся.

Мы с Кэт молчали.

— Доброе утро, паломники! — громыхнул он наконец.

— Утречка, — тихо отозвался я.

Кэт повернулась в его сторону.

— Спокойно спалось? — поинтересовалась она.

— Не плохо, не плохо. Хорошо везете. У меня прям чувство, что мы не хоронить кого-то едем, а на пикничок выбрались. Такой весь *медово-месячный*. — Он хихикнул. — Где-то под всем этим соусом точно есть салями, хы!

— Крекеры и сыр точно сыщутся, — сообщила Кэт. — Проголодался — добудь их себе сам.

— Это не завтрак для мужика. Какой, черт побери, час? — И, прежде чем мы успели бы ответить, Снегович изрек: — Без четверти восемь, да.

— Ты носишь двое наручных часов, — заметила Кэт.

— Ну да.

— Зачем?

— Глаза-то у меня тоже два, разве нет?

— Получается, на каждый глаз — по циферблату?

— Истинно так, красотка. Так — и никак иначе. Где мы, кстати?

— Где-то на Четырнадцатой, — подал голос я. — Проехали Мохаве с полчаса назад.

— Полчаса назад, говоришь? Понятно. Конкретики, правда, не достает. — Он выглянул в окно. — А, ну вот и конкретика! Это ж Краснокаменный Каньон!

— Красивый, — заметила Кэт. — Почти как Гранд-Каньон.

Она была права. Я не особо обращал внимание на пейзаж до поры, но теперь заметил, что мы проезжали мимо крутых стен каньона — откосов дивного красного камня, столь ярких и живописных в утреннем солнечном свете. Их появление было столь неожиданным, что, казалось, они просто выросли на наших глазах.

— Мы все еще на правильном пути? — спросил я.

— А?

— Мы не проедем мимо ущелья с Броком?

— Не-а.

— Мы не пропустили поворот?

— Нет. Мы ищем стык с трассой 178. Дороги отсюда — на полчаса, не больше.

— Отсюда — куда? — уточнила Кэт.

— До ущелья Брока, очевидно же, — ответил ей в тон Снег Снегович.

— И где же это?

— Как доедем, так сразу увидите. А пока давайте-ка двигать на Сто семьдесят восьмую. Остановимся где-нибудь в Инокеме или Риджкресте, перекусим.

— Кстати, — сказала Кэт, — я умираю от жажды. Там, у тебя, должно быть несколько бутылок с водой. Наверное, на полу. Там, сам понимаешь, все рассыпалось. Не мог бы ты

найти одну и передать мне?

— Ты просишь меня подать воды? — спросил Снег Снегович несколько удивленно.

— Да, ни много, ни мало.

— Хо!

— Хо-хо-хо, — отозвалась Кэт с явным сарказмом в голосе.

— Рад служить, красавица. — Под скрип кожаного жакета Снегович склонился и довольно скоро передал ей пластиковую бутылку. Она поблагодарила его, добавив:

— Можешь и себе взять, если хочешь.

— Не, спасибо. Вода в бутылках — это для богатых жопошников. Не для черни навроде меня.

Мы не нашли с тем, что ответить ему.

Открутив крышку, Кэт повернулась ко мне.

— Будешь?

— Давай сначала ты.

Приложив горлышко к губам, она откинула голову и глотнула воды. Я смотрел, как ходит ее горло. Пока Кэт пила, один маленький ручеек миновал ее губы и скользнул по подбородку вниз, к шее, под ворот рубашки, оставив после себя влажный след.

— Эй, Сэмми-бой, следи за дорогой! — загудел Снегович.

— Прошу прощения. — Я обратил взгляд вперед.

Напившись, Кэт передала бутылку мне. Если верить этикетке, вода бралась из горного источника. Если судить по вкусу — может, и не соврали. Прохладная, с мягким древесным послевкусием. Может быть, на самом деле это была простая лос-анджелесская водопроводная, выстоянная в дубовых бочках. Не знаю. Но было здорово. Я выпил довольно много, прежде чем вернул бутылку Кэт.

— Так все-таки, — закручивая пробку, спросила она у Снеговича, — до этого вашего Ущелья Расходников далеко? Или это государственная тайна?

— Говорю же, недалеко.

— «Недалеко» было и в прошлый раз, а с того раза мы уже хорошо, если не тысячу миль проехали.

— Повторяю, *недалеко*.

— Дай хотя бы подсказку, — сказала Кэт. — Мы туда хотя бы *сегодня* попадем?

— Думаю, да. Если по пути не возникнет проблем.

— Что ж, хорошо, — сказала Кэт.

— Другое дело, что нам, возможно, *и не понадобится* туда тащиться. Лучше дождаться солнышка в зените. А потом дело за малым — багажник пошире откроем, да и все дела.

— С какой стати?.. — голос Кэт прозвучал ошарашенно.

— Ну, там ему и конец придет, говорю.

— Но...

— Он вампир, не так ли?

— Не знаю.

— Бу, вы оба талдычили мне, что он весь такой реальный и неподдельный вампир. Я видел твои укусы, красавица.

— Да, он кусал меня.

— И пил твою кровь, не так ли?

— Именно так.

— Ну, так значит, он вампир?

Она пожала плечами.

— Думаю, да.

— Сэмми! — громыхнул Снегович в мою сторону. Я чуть вздрогнул.

— Да?..

— Ты же мне сказал, что этот тип — натуральный второй Дракула. Так?

— Да, сдается мне, нечто подобное я и сказал.

— Говорил-говорил, я помню. Ты ж мне не лгал?

— Я полагаю, что он мог быть вампиром, — сказал я. — Он, э-э-э, вел себя, как один из них. Он *выглядел*, как один из них. В смысле, эти его клыки... да он даже чем-то похож на Орлока из того старого немого фильма.

— Носферату, — кивнул Снегович. — Видел его. Тот парень был уродливее вашего.

— Ну, так или иначе, — резюмировал я, — мы считали Эллиота настоящим вампиром. Посмотри, как мы убили его. Если бы мы думали, что он не настоящий, мы могли просто застрелить его, задушить или...

— То есть, огнестрел-таки при вас?

Кэт покачала головой.

— Нет у нас никакого *огнестрела*.

— Но Сэм только что сказал...

— Я не имел в виду, что он у нас есть, — попытался объяснить я. — Его у нас нет. Я вот что хотел сказать: мы убили его, используя *кол* — потому что приняли за настоящего вампира.

— Если бы мы думали, что он обычный человек, — добавила Кэт, — мы бы разделались с ним иначе.

— Или бы вообще не тронули, — добавил я.

— Да... конечно, если бы он перестал меня кусать. Мы должны были убить его как раз из-за *вампиризма*, а не просто так, убийства ради.

— Значит, не лгали, — миролюбиво подвел черту Снегович.

— Нет, — ответил я.

— И, по-вашему, парень — истый наследник рода Дракулы.

— Быть может.

— Ну так тогда, — голосом триумфатора возвестил Снег Снегович, — мы выставим его на солнце, и, едва лучи коснутся его — выжгут начисто, до пепла! Разве ж не так?

— Предположительно, — протянул я.

— Так бывает в фильмах, — добавила Кэт. — Он ведь может и не сгореть.

— Это легко проверить.

— Мы не собираемся проверять, — объявил Снегович. — Продержим его в темноте и безопасности до самой ночи.

Мы с Кэт переглянулись. Определенно, ход мыслей нашего попутчика был слишком для нас запутан. *Какой разновидностью чокнутого является этот парень?* — подумал я, читая в глазах Кэт схожую мысль.

— Как скажете, мистер Снегович, — осторожно сказал я. — Дело вот только в том, что до темноты еще часов девять. Многовато для разездов с трупом в багажнике. И, если честно, мне не кажется, что солнечный свет повредит ему.

— Он вредит *всем* вампирам, — обрубил Снегович, — что в книгах, что в фильмах. Уж

я-то знаю, я — фанат.

— Фанат, значит, — буркнула Кэт.

— Заправский! — кивнул Снегович. — Так вот, стоит выставить вампира на солнечный свет — он *бах* и сгорает, что твоя спичка.

Я посмотрел на Кэт, она — на меня. Во взглядах — серьезность. Ни тени улыбок.

— Да, по поводу солнечного света все верно — произнес я. — Но как быть с колом в сердце? Не надлежит ли вампиру рассыпаться в прах, будучи пронзенным?

— Некоторым — да, некоторым — нет.

— Эллиот не рассыпался в прах, — напомнила Кэт.

— Это все оттого, сдается мне, что он был еще не *старым* вампиром. Сколько ему лет-то было?

— Он никогда не говорил мне, — ответила Кэт удивленно. — Вряд ли ему даже сорок есть.

— Ну вот, — кивнул Снегович. — Только по-настоящему *древние* вампиры становятся прахом после смерти. Если им сотни две лет, или больше.

— Звучит логично, — отметил я.

— А молодой вампир останется цел-целехонек.

— Как Эллиот, — тихо произнесла Кэт.

— Именно.

— Теперь все обретает смысл, — сказала она без улыбки.

— Смотрите, — Снегович подался вперед, — в чем вся соль. Они живут чуть ли не вечно, эти вампиры. Думаю, взаправду *вечно*, если их не вычисляют и не убивают, или если они не забывают не лезть на солнце и не добавлять в салат чеснок.

— Более чем вероятно, — согласился я. Кэт бросила на меня растерянный взгляд.

— И они, опять же, не стареют. Возьмем этого вашего Эллиота. Он, вполне возможно, пьет кровь из людей уже полвека или что-то около того. Но на свой возраст он не выглядит. Он застрял на том году, в котором *стал* вампиром.

— Разве он не должен теперь, после смерти, вернуться в истинный возраст? — спросила Кэт.

Снег Снегович ответил не сразу. Судя по всему, он обдумывал парадокс. Наконец, он выдал:

— Поставила ж ты меня в тупик. Не знаю, честно. По фильмам такого не помню.

— Но факт остается фактом: он не постарел.

— Мы еще не видели его при свете дня, — заметил я.

— Вы *не увидите* его при свете дня. Просто выкиньте идею из головы. Вы же так погубите его.

— Мы уже его погубили. Он *мертв*.

— Возможно — да, возможно — нет.

— Не вижу никаких таких возможностей, — сказала Кэт.

— Ты, красавица, сразу видно — не фанат. А ты, Сэм?

— Не из больших, — покачал головой я.

Но я понимал, куда он клонит. И, отчасти, я тоже когда-то фанател. Проводил исследования. За рамками кино и книжек.

В старину кол в тела вампиров вбивался не просто так — их, по сути, *физически* приколачивали ко дну гроба, чтобы удержаться от восстания из могилы и буйства.

— А я имею в виду вот что, — сказал Снегович. — Иная история с вампиром начинается как? Правильно: находят тело и вынимают кол, и что вы думаете? Старый Брюс Ли воскресает с тем же успехом, что и молодой.

— Кристофер Ли, — заметил я.

— А?

— Не Брюс Ли. Кристофер Ли.

— Брюс Ли машет ногами-руками, — пояснила Кэт. — Кристофер Ли пьет кровь.

— А, ну да. Пардон. Попутал. Ну так речь о чем: кол *неубивает* вампира, скорее... сдерживает. Погружает в сон.

— Как отравленное яблоко, — сказала Кэт.

— Что?

— Отравленное яблоко. Я думаю, ты понимаешь, о чем я. Злая ведьма? Кто на свете всех милее? *Белоснежка?*

— КАК ТЫ МЕНЯ НАЗВАЛА? — взревел он.

Его рука взметнулась над сиденьем и врезалась в голову Кэт. Удар был не такой сильный, чтобы причинить много боли — но явно застал ее врасплох. Ее голова отскочила назад, волосы взметнулись, лицо окаменело от шока.

— Ай! — взвизгнула она и вся сжалась.

Крутнувшись на сиденье, я закричал:

— Не трогай ее!

И его ладонь с размаху впечаталась в мое лицо.

— Вот ведь блядские пустоболты, — пробормотал Снегович, откидываясь на свое место.

В машине воцарилось мрачное молчание.

Я хотел выбить все дерьмо из Снеговича. Может, стоило остановиться и попробовать. Но у него был нож, он был больше и крепче. У меня была лишь одна возможность одолеть его — нанести удар исподтишка.

Но если выйдет осечка, он отыграется на Кэт.

А мне не хотелось, чтобы он снова делал ей больно.

Вот что заставляло мою кровь стечь в жилах — он ударил ее за безобидную, в общем-то, шутку.

А до этого — запер в багажнике, отшлепав, как собачонку.

Определенно, я начал замышлять убийство этого типа.

Кэт сидела в своем кресле с низко опущенной головой. Смотрела она куда-то вперед и выглядела глубоко задумавшейся. Время от времени она посматривала в мою сторону. Я не экстрасенс, но мог бы поклясться, что знаю, о чем она думает. *Ты видел, что он сделал со мной? Как нам с ним быть? Этот псих ведь, в конце-концов, убьет нас, если мы ему вдруг окончательно разонравимся.*

Если бы я мог отсылать ей мысли, я бы ответил что-нибудь вроде *не волнуйся, ему не следовало тебя трогать, я что-нибудь придумаю. Как-нибудь позабочусь об этом мудаке. Не стоило ему с нами связываться.*

— Эй, люди, никто не голоден? — спросил он. Прошло где-то двадцать минут после его выходки. Четырнадцатая давно осталась позади, мы ехали по Сто семьдесят восьмой, вниз по главной улице Инокема.

Вопрос Снеговича мы оставили без ответа.

— Бу, салаги. Хватит дуться. Останови-ка здесь, Сэмми-бой. Время подкрепиться.

По правую сторону от нас стояла какая-то забегаловка под названием «Кухня Люси». Я вырулил на стоянку и втиснулся между двумя пикапами.

Едва двигатель заглох, Снег Снегович протянул ко мне руку.

— Гони ключ.

Я отдал ему связку.

— Все ключи, умник.

— У меня других нет, — огрызнулся я, выворачивая карманы.

— Боишься, что мы уедем без тебя? — спросила Кэт.

— Нет. Уже нет.

— Знаешь, о таких вещах можно не беспокоиться, если не распускать без повода руки.

Он засмеялся.

— Пошли жрать.

Я открывал дверь, когда Кэт обернулась и сказала:

— Не передашь мне сумочку? Она, наверное, там, на полу.

Снег Снегович поднял за ремешок коричневый кожаный ридикюль.

Которое я видел первый раз в жизни.

Если память мне не изменяла, Кэт заявила ко мне вчерашним вечером буквально без всего, уж точно — без такой вот штуковины. Женщины обычно с ними не расстаются. Но, когда у вашей двери появляется давно любимая подруга из детства, одетая в один лишь

шелковый халат, вы в последнюю очередь зададите себе вопрос вроде *где же ее бумажник?* или *а чего это при ней нет сумочки?*

Я не мог припомнить, чтобы она клала ее в машину специально. Не видел ее ни в спальне, ни на кухне, ни где-либо еще.

Выходит, сумочка все это время лежала на заднем сиденье в автомобиле. Или на полу.

Факт есть факт: теперь она был в руках Снеговича.

— Это? — спросил он, протягивая ей.

— Спасибо.

Мы все вылезли из машины. Кэт повесила сумочку на плечо и поспешила через парковку вперед меня и Снега.

— Обожди, — окликнул он ее.

— Я просто не хочу снова попасть под раздачу, — оглянувшись, бросила она.

— Очень смешно, — пробормотал Снегович.

Мы дошли до дверей в «Кухню Люси». Я потянулся к ручке, но Снегович, выпростав свою лапищу, просто толкнул дверь вперед. Придержав ее, он изрек:

— Не буяньте там, лады? Помните — *вы* убили Эллиота. Не я. Я просто парень, у которого сломался байк, и вы, славные ребята, взяли меня в попутчики.

Что ж, это было правдой, которую глупо отрицать.

— Мы знаем, — сказал я ему.

— Так мы войдем ли нет? — поторопила Кэт. — Мне нужно в уборную.

— Не вопрос. Сэмми-бой, — он указал на меня, — ты остаешься со мной.

Мы ввалились в забегаловку. Официантка сказала, что занять можно любой столик. Я со Снеговичем отправился на поиски подходящего, Кэт пошла по своим делам. Не смотря на то, что посетителей было довольно много, со столиком проблем не возникло. Мы сели друг напротив друга.

Когда официантка — с меню и кофейником — дошла до нас, я сказал ей, что нас будет трое. На стол легло меню, следом живенько выстроились три чашечки, до краев наполненные ароматным кофе.

— Ей не стоит тянуть время, — пробормотал Снег Снегович.

— Кому?

— Сам-то как думаешь?

— Официантке?

Он не удивился моим словам.

— Кэт, — бросил он.

— Ты что, боишься, что она позвонит в полицию? Убежит?

— Не знаю. Я ей просто не доверяю, вот и все.

— Может, не стоило ее бить?

— Отвали.

— Это не способ подружиться.

— У меня уже есть полный комплект друзей, Сэмми-бой. Вакантных мест нет — мне хватает. И, уж поверь, среди них нет богатеньких жопошников-сосунков вроде вас.

— *Богатенькие сосунки?* Складно стелешь, Снег. Только вот я слишком беден, чтобы зваться богачом, и достаточно стар, чтобы ты не называл меня сосунком.

— Сколько тебе лет?

— Двадцать шесть.

— Бу. Сосунок, как есть. Я тебя чуть ли не вдвое старше.

— Без дураков? — с неподдельным удивлением спросил я. — А сколько тебе?

— Под пятьдесят.

— Ну дела. Ты действительно молодо выглядишь для своих лет. Если, конечно, не брать в расчет волосы.

— У тебя какие-то претензии к моим волосам?

— Никаких. Они просто седые. Будто снегом занесло.

Вскоре вернулась Кэт. Присев рядом со мной, она принялась греть ладони о чашку кофе.

— Заждались уже, — буркнул Снегович.

Мы принялись разглядывать меню. Вернулась официантка — записать наши заказы. Первым определился Снегович — он, видимо, знакомый с заведением, заказал себе «особый бомбардирский», и поначалу я только хлопал глазами, пытаюсь понять, что он имеет в виду. Только потом до меня дошло, что это комплексный завтрак, окрещенный так, должно быть, в честь военно-морской базы неподалеку, за Чайна-Лейк. Состоял «особый бомбардирский», как потом выяснилось, из апельсинового сока, трех яиц, сардельки, картофельных оладий, тоста и джема. После Снеговича заказывал я, попросив себе непримечательный английский завтрак из бекона, глазуньи и хлеба. Кэт ограничилась рогаликом со сливочным сыром и пирожком с сосиской.

— Что, и все? — спросил ее Снег Снегович.

— Мне хватит.

— Я плачу, так что бери все, что душа пожелает.

— Я так и сделала, — сказала она. — Спасибо.

Как только официантка отбыла, Кэт, нахмурившись, спросила его:

— Ты что, собираешься платить за нас за всех?

— Разумеется, — он прищурился. — А ты, наверное, думаешь, что я себе такое позволить не могу?

— С чего бы мне такое думать? Я ведь тебя не знаю совсем. Вдруг ты Говард Хьюз собственной персоной.

— Хьюз умер, — подал я голос.

Она чуть улыбнулась.

— Может быть, то был не он на том борту из Акапулько в Хьюстон. Они ведь так и не смогли толком опознать тело. — Кэт перевела взгляд на Снега Снеговича. — Что ж, если вы *взаправду* Говард Хьюз, ваши выходки можно понять. Но, прошу, будьте посписходительнее. Мы ведь вывезли вас из пустыни.

— Да-да, — кивнул я.

— Спасли вам жизнь, мистер Хьюз.

— Ага, — снова согласился я. — Ты мог там умереть.

— Заткнитесь, чуваки, — Снег Снегович стукнул ладонью по столу. — Я — *не* Говард Хьюз. А вот кто *вы* такие, понятно и так.

— И кто же мы? — спросила Кэт и сделала маленький глоток из чашки.

Подавшись вперед, Снег Снегович процедил:

— Вы просто парочка блядских яйцеголовых богатеньких детишек.

На его лицо напозла недобрая ухмылка.

Кэт медленно поставила чашку на стол. Твердо встретив его взгляд, она произнесла:

— Я уж точно больше не «детиска», но спасибо за комплимент, мистер Снег.

— Ему под пятьдесят, — сказал ей я.

Она расплылась в улыбке.

— Осень жизни, пора увядания.

Бодрый оскал Снеговича быстренько осыпался.

Покачав головой, он заметил:

— Ты играешь с огнем, девчонка.

— Да ладно тебе, — сказал я. — Ты же не собираешься лупцевать нас прямо тут, на глазах у всех? Общественное место, как-никак.

Снегович, отодвинув свой стул, встал.

— Мне надо отлить, — оповестил он. — Ты, Сэм, пойдешь со мной.

Я нехотя начал вставать, но Кэт положила руку на мое колено и заявила:

— Думаю, ты справишься без него. Он останется со мной.

— Держи карман шире.

— А что не так? — громко спросила она. — Тебе что, *подержать* нужно? Направить в нужное русло? Или ты сам уборную найти не в состоянии?

Снегович, вздрогнув, затравленно обшарил все кругом глазами, словно боясь, что кто-то услышал слова Кэт. Сказанное ею я нашел чертовски забавным — в отличие от разухабистых гробовых хохм нашего, ад его забери, попугчика.

Впрочем, ситуация, как ни крути, к смеху не располагала.

Кэт рисковала.

Снег Снегович не рискнет нападать на нас в забитой народом забегаловке, но наш завтрак не будет длиться вечно.

— Вперед, мистер Снегович, — тихо, но отчетливо произнесла она. — Вы же знаете, где здесь мужской туалет?

— Найду как-нибудь, — пробормотал он, отводя взгляд.

— Мимо кассы и прямо...

— Усек, усек.

— Мы не начнем есть без тебя.

Он кивнул. Его рот скривился в болезненной ухмылке.

— Ладно. Хорошо. Увидимся позже, — произнес он и, развернувшись, решительно зашагал прочь. Его седые вихры и бахрома жакета мели воздух.

Едва он скрылся из виду, Кэт убрала руку с моего колена.

Я посмотрел ей в глаза.

— Я тебя спасла, — сказала она.

— Спасибо. Тут только две проблемы. Первая — он нас убьет. Вторая — нам надо уходить.

— Касательно первой: пусть сначала поймает. Касательно второй...

— У нас все равно нет ключей от машины, — махнул рукой я.

Она запустила пальцы в левый нагрудный карман рубашки и вытащила белую пластиковую карту — размером с кредитку, но потолще. В ее середине был вырез в форме ключа.

— Смотри, что я нашла в бумажнике.

— Это...

— Аварийный ключ для нерадивых водителей. Подарок автосалона.

— От *нашей* машины?

— А от чьей же еще, Сэм?

— Рабочий? — прошептал я, не веря удаче.

— А вот это мы узнаем только в деле. Думаю, медлить не стоит. — Она отодвинула стул. — Ну как, готов? Или предпочтешь остаться и разделить прекрасный завтрак с нашим Холодным Сердцем?

— Черт побери, пошли. — Облизнув пересохшие губы, я рывком поднялся с места.

Я выхватил из кармана бумажник. Снегович не заготовил деньги заранее — может быть, он солгал, что заплатит за нас, — и потому я бросил десять долларов на стол и поспешил следом за Кэт. Она уверенно шагала через зал, придерживая рукой сумочку от болтанки.

Похоже, никто на нас не обращал внимания.

Даже официантки, обслуживавшей нас, не было видно.

Кассир был занят с очередным клиентом.

Кэт боком миновала стойку, бросив мимолетный взгляд в сторону двери в уборную — внутри предбанник пустовал, — и махнула мне рукой. Дверь нам придержал полный мужчина в очках. С улыбками мы поблагодарили его и выскользнули наружу.

Мимоходом оглянувшись в последний раз, я с ужасом заметил, что дверь со знаком ДЛЯ МУЖЧИН начала открываться. Не дожидаясь появления выходящего, я рванул вперед, из полумрака забегаловки к солнечному свету.

Кэт была уже на полпути к своей машине. За пару секунд я нагнал ее. Остановившись у водительской дверцы, Кэт склонилась к замку. Много доверия к ее пластиковому ключу я не питал, но дверь вдруг распахнулась. Мигом запрыгнув на свое место, она потянулась к пассажирской двери, чтобы разблокировать ее для меня. Я взялся за ручку и дернул.

— Стоп, стоп, *стоп!* — вдруг вскрикнула она.

Я затравленно обернулся.

Но Снег Снегович не бежал навстречу. Его нигде не было видно.

Кэт что-то искала в перчаточном отделении.

— Есть! — выпалила она.

Я вскочил в салон и запер дверь.

Она, победно помахав в воздухе запасной связкой, сунула ключ в замок зажигания и повернула. Двигатель взревел.

— Он не идет за нами?

— Пока нет.

Потянув рычаг передач на себя, Кэт вдавила газ. Мы лихим разворотом выбрались с парковки, взметнув из-под колес фонтан гравия и пыли и рванулись с места.

Когда мы проезжали мимо входа в «Кухню Люси», дверь распахнулась. Наружу вывалился высокий тощий парень в ковбойском прикиде и сдвинул шляпу набекрень.

Потом и он, и забегаловка остались позади.

Через несколько секунд мы были на шоссе.

— Мы сделали это! — завопила Кэт и дико захохотала.

— Конечно, сделали!

— Боже мой, я не могу в это поверить! Сработало! Мы действительно *сделали* это! Да! — Она схватила меня за руку. — А ты, ты — веришь? Никогда бы не подумала... он ведь даже не побежал за нами!

— Сам с трудом верю! — отозвался я.

— Боже, я так боялась, что он выйдет!

— Представить не могу, с чем он так долго возился.

— Так уж и не можешь? — Она рассмеялась.

— Большой же у парня мочевого пузырь.

— А мозг, как бы он не бахвалился, — маленький. Не додумался поискать запасные ключи.

— Их мало кто носит с собой.

— *Мало кто* — это всегда про меня.

— За это ты мне и нравишься.

Кэт смущенно улыбнулась и выпустила мою руку, ухватившись за руль. Глубоко вздохнула.

— Свободны, — повторила она. Бросила взгляд в зеркало заднего вида, чуть снизила скорость. — Ищи-свищи теперь, *мистер* Снегович.

— Думаю, он сейчас рвет и мечет.

— Может быть. Тот еще псих.

— Больше — по отношению к тебе.

— *К нам, Сэм,* — покачала головой Кэт. — Тебе перепало от него не меньше, чем мне. И одному Богу известно, что бы было, если бы я отпустила тебя с ним в туалет. Почему-то мне кажется, что ничем хорошим бы твой поход не кончился.

— Ты его превосходно отшила.

— Спасибо. Только теперь нам надо разобраться с тем, куда мы все-таки едем.

— Мы направлялись к Триста девяносто пятой, — припомнил я. — Хотели взять на север, к озеру Тахо.

— Отсюда мы как-нибудь можем туда проехать?

— Я не уверен. — Я полез за картой. — Мы же на Сто семьдесят восьмом?

— Да.

Развернув карту Калифорнии, я начал искать метку 178 и Инокем.

— Мы могли бы просто развернуться, полагаю, — сказала Кэт, — и приехать туда, откуда начали. Тогда, правда, придется проехать мимо того заведения еще раз. Я не уверена, что стоит так рисковать. Ну как, нашел?..

— Эм... да, кажется, мы вот здесь. Недалеко от Риджкреста. После него идет Трона, потом... Долина Смерти.

— *Долина Смерти?* Боже мой. Снегович хотел привести нас туда?

— Похоже на то.

— Здорово.

— Наверное, именно там он утилизировал того беднягу Брока.

— Наверное, и нас он планировал *утилизировать* там же.

— Ну, теперь уже не выйдет, — твердо сказал я.

Мы въехали в Риджкрест.

Пролегая через город, дорога обернулась Чайна-Лейк-Бульваром и начала как-то странно вихлять и ветвиться. Оставаться на Сто семьдесят восьмой стало все труднее. Наконец, на одном из крутых поворотов влево, мы снова очутились в пустыне.

По обе стороны от нас не было ничего, кроме изобилия иссушенных солнцем песков и высившихся то тут, то там пыльных кактусов. На низких склонах гор я приметил руины, оставшиеся от каких-то старых лачуг и пару покосившихся вышек с ограждениями над заброшенными шахтами.

— А знаешь, — сказала вдруг ни с того ни с сего Кэт, — я ведь не возражала против того, чтобы Снегович шел с нами. Он, конечно, странноватый тип, жуткий... но, как бы сказать, *отвратным* он мне не казался. Но, видит Бог, парню нужно учиться манерам.

Сдерживать себя не умеет совершенно, а вот это я ненавижу.

— Я так разозлился на его выходки, что хотел убить.

— Ну, повторяюсь, повезло еще, что он не убил *нас*. Хотя, моменты просветления у него бывают.

— Ага. Ведет себя почти по-человечески.

— И, конечно же, было бы не лишним, если бы он подсказал нам, где получше припрятать Эллиота, согласен?

— Уверен, у нас не будет никаких проблем с поиском места, — ответил я. — Тут кругом полно старых шахт.

— Но он знал *по-настоящему* хорошее место.

— Тогда, быть может, вернемся к «Кухне Люси» и посмотрим, там ли он еще?

— Нет, думаю, не стоит.

— Тогда, может быть, вернемся на Четырнадцатую? Мы же не хотим колесить по Долине Смерти. — Я еще раз взглянул на карту. — Эта Сто семьдесят восьмая — она навряд ли кольцевой в обход Триста девяносто пятой — там, к западу. Еще недавно мы собирались как раз *туда*.

— Есть где срезать?

— Да, в пятидесяти или шестидесяти милях отсюда, у самого въезда в Долину Смерти. Но все эти трассы к западу... довольно извилистые. Не знаю, может быть, и правда, будет лучше, если мы развернемся и попробуем выехать на Четырнадцатую.

— Давай я посмотрю. — Бросив взгляд в зеркало заднего вида, она начала притормаживать.

Оглянувшись через плечо, я увидел пару многоколесных фур вдалеке — и больше ничего. Трасса была хорошая, широкая.

— Вроде как все спокойно, — доложил я.

Кэт свернула на обочину и остановилась.

Я протянул ей карту.

— Погоди. — Теперь ее взгляд был прикован к боковому зеркальцу. — Пусть проедут.

Поначалу я не понял, о ком она говорит. Фуры, приблизившись, прогрохотали мимо — от каждого их движения наша скромная легковушка, казалось, вздрагивала. Даже у меня в груди что-то сжималось — я будто стоял на концерте хэви-металл-группы слишком близко к динамикам-усилителям.

Проехали фуры, и за ними обнаружился еще один маленький транспортный хвостик. *Вот ведь не сидится туристам*, подумал я, запоздало осознав, что для машин желающих подивиться на Долину Смерти, *эти* автомобили как-то уж очень странно выкрашены.

А потом я понял, что это были *не* туристы.

Это были машины дорожного патруля.

— Ой-ой-ой, — вырвалось у Кэт.

— Может, все же взглянешь, *дорогая?* — громко сказал я и сунул ей карту прямо под нос. Развернувшись, та закрыла добрую половину ветрового стекла.

Патруль пронесся мимо.

— Они не остановились? — пробубнила Кэт из-за карты.

— Сейчас... погоди... нет. Нет, они едут дальше.

— Уф-ф-ф.

Она опустила край карты и проводила удаляющиеся патрульные машины взглядом. Я

же, обернувшись, убедился, что дорога за нами опустела.

— Смотри на карту, — велел я Кэт. — Я сейчас вернусь.

Она одарила меня хмурой улыбкой.

— Не напорись на змейку, ковбой.

— Постараюсь. — Я вылез из машины.

Шоссе наше, образно говоря, пролегало аккуратно посреди нигде. Пустыня. Горы вдалеке. И больше ничего. Я спешно подался на обочину и, аккуратно ступая по осыпающемуся песку, пошел вниз. Обогнул пару чахлах кустиков. Где-то внизу, похоже, лежало русло пересохшей реки.

Отойдя на порядочное расстояние от машины, я расстегнул джинсы и начал поливать мертвые пески.

Ощущения — самые положительные. Стоишь под солнышком, омываемый со спины легким бризом, и облегчаешься.

Идилию испортил звук мотора.

Все в порядке, сказал я себе. *Отсюда меня не видно.*

Ветерок доносил звук ко мне откуда-то справа. С востока. Со стороны Риджкреста, Инокема и... «Кухни Люси».

О Боже, пусть это будет не Снег Снегович.

Шансы на это были малы. *Относительно* малы.

Я попытался унять свой фонтан, но проблема была в том, что я только начал.

Автомобиль замедлился. Захрустел гравий под шинами, зашипел выхлоп.

Останавливается. Совсем рядом.

Я вдруг понял, что это, скорее всего, был дорожный патруль. Офицер, наверное, изменил свое мнение о нас, решил, что мы, наверное, нуждаемся в помощи и, в конце концов, повернул и вернулся.

Это, конечно, лучший вариант, чем Снегович.

Но не *сильно-то* и лучший.

Я услышал, как хлопнула дверь автомобиля.

Аккуратно попятившись спиной вперед к обочине и стараясь не обмочить при этом ботинки, я оглянулся. Автомобиля не было видно. Никого не было видно.

В конце концов я закончил и благополучно застегнул молнию на джинсах. Что ж, теперь меня не повяжут за эксгибиционизм по отношению к пустынным лисам. Сделав пару шагов вверх, я увидел остановившуюся машину.

Мое предположение о дорожном патруле оказалось в корне неверным.

Замерший в нескольких ярдах позади машины Кэт допотопный серый фургон с тупоносым капотом понуро посверкивал запыленными окнами, тянувшимися по бокам. Через лобовое стекло мне были видны два пустых передних сиденья. То, что было за ними, скрывалось за занавесью. Как выяснилось, и боковые окна были зашторены — все как одно. То, что творилось в задней части фургона, увидеть было никак нельзя.

И водителя что-то не наблюдалось.

Впрочем, это наверняка был Снег Снегович. Угнавший фургон со сточнки «Кухни Люси» и настигший нас.

Но где же он?

Считанные секунды назад я слышал, как кто-то хлопнул дверью.

Дверь машины Кэт с моей стороны все еще была открыта — так ее оставил я. Мне не

было видно, сидит ли Кэт на своем месте, или уже нет. Фургон казался наглухо законопаченным.

Кто хлопнул дверью?

Где Снегович?

Вряд ли Кэт осталась бы спокойно сидеть в машине, завидев седого детину. Она либо попыталась бы убежать, либо — что вероятнее — переехать его.

Оттуда, где я стоял, нельзя было увидеть, что творится с другой стороны машины. Коли на то пошло, я мог видеть только переднюю треть второго борта.

Я поднялся немного выше.

Признаков жизни у фургона по-прежнему не наблюдалось.

Я всматривался в пространство между колесами нашей машины и землей.

И заметил пару ног на другой стороне.

Я знал, что Снег Снегович был обут в черные мотоциклетные ботсы, а Кэт — в коричневые кроссовки из кожи с высоким верхом.

Эти же ноги были в босоножках.

Я начал осторожно обходить машину справа. Заглянул в оставленную распахнутой дверь. Кэт по-прежнему сидела за рулем, повернув голову к окну.

Она говорила с какой-то молодой женщиной.

Та, похоже, заметив меня, что-то сказала Кэт.

Та обернулась и громко обратилась ко мне:

— Быстрее сюда! У нас, похоже, проблемы.

Чувствуя слабую дрожь в коленках, я поднялся выше. Оглянулся. Никаких следов Снеговича.

Может быть, «проблемы» не имеют ничего общего с ним.

Едва я ступил на дорогу, мимо промчался здоровенный «Петербилт». Женщина, стоявшая у двери со стороны Кэт, выпрямилась и прижалась к борту машины, явно опасаясь, что машина может проехать прямо по ней. Секунду спустя мы смотрели друг другу в глаза через крышу.

Ей вряд ли было больше восемнадцати.

Она плакала. У нее были глаза необычного бледно-голубого цвета, с потрескавшимися сосудами, припухшие от слез. Симпатичная, но черты слишком заостренные: выдающиеся скулы, запавшие щеки, резко очерченный подбородок. Она попыталась улыбнуться мне, но улыбка быстро сползла с ее лица, уступив место страдальческому выражению. Ветер, поднятый проезжавшим «Петербилтом», ухватил ее за длинные волосы и беспорядочно разбросал их по сторонам. Часть упала ей на лицо, скрыв новые сорвавшиеся слезы.

Ее плечи были голыми. Виднелись лишь бретельки платья.

— Садись, Сэм! — поторопила меня Кэт.

Я взобрался на пассажирское сиденье и хлопнул дверью.

— Пегги Томпсон, — представила мне Кэт незнакомку.

Пегги склонилась к окну. Она была одета в сарафан почти такого же бледно-голубого цвета, как и ее глаза. Будь ее грудь больше, носить подобное на людях было бы несколько рискованно, но Пегги была плоской, как мальчишка.

— Привет, Сэм, — сказала она.

— Здравствуй, Пегги.

Она всхлипнула и вытерла глаза. У нее были длинные пальцы и костлявые запястья.

Мне редко доводилось видеть столь болезненно худых девчонок. У Пегги были либо нелады с обменов веществ, либо она всерьез готовилась стать супермоделью.

— Почему бы тебе не рассказать Сэму то же, что и мне? — обратилась к ней Кэт.

— Ох... он... он украл моего младшего брата. Они сейчас в моем фургоне. Он и Донни. У него этот ужасный нож. Он говорит, что вы оба должны делать все, что он прикажет, или Донни... ох... или он убьет его.

Кэт посмотрела на меня и мрачно произнесла:

— Снег Снегович. Он напал на них на стоянке.

— Снег Снегович? — переспросила Пегги.

— Он так себя называет, — пояснила Кэт. — Из-за седины.

— Как так вышло? — спросил я Пегги.

— Мы собирались пойти позавтракать. Я и Донни. Он ведь еще совсем маленький. — Ее подбородок задрожал, свежие слезы заструились по щекам. — Ему всего-то *двенадцать*. Пожалуйста, помогите нам!

Кэт кивнула, но вслух ничего не сказала.

— Ты пойдешь со мной, — продолжала Пегги. — Так он мне сказал. Я поведу фургон, а он будет держать Донни. Он сказал, что если я попытаюсь сопротивляться, или резко остановлюсь, или еще что-то... он... он отрубит голову Донни и... и б-б-бросит ее в окно. А

потом убьет и меня. — Какое-то время она лишь плакала и терла глаза, не в силах выдавить и слова. — Вы... вы избавите нас от него? Пожалуйста. Я даже не знаю, почему...

— Это наша вина, — сказала Кэт. — Мы сделаем все, что он потребует.

— З-зачем он так поступил?

— Я не знаю. Мы взяли его попутчиком, потом попытались от него избавиться. По-моему, он сумасшедший.

— Как у нас дела с бензином? — спросил я.

— Чуть меньше половины бака. — Обернувшись к Пегги, Кэт сказала:

— Пойди и скажи Снеговичу, что у нас еле-еле полбака бензина. Мы не сможем проехать больше ста миль без заправки. Как у тебя дела с топливом?

— П-п-полный бак. Мы заправились в Инокеме прямо перед з-завтраком. Потом я пошла мыть руки... — Она снова зашлась в рыданиях. — Почему, почему мы все время попадаем в беды?

— Просто не везет, — выдал я. Кэт ткнула меня локтем в бок.

— Мы никогда никого...

За нами взвыл клаксон.

— Он хочет, чтобы я пошла назад, — прошептала Пегги.

— Скажи ему, что у нас плохо с горючим, — напомнил я.

— И еще скажи, что мы сделаем все, что он прикажет, — добавила Кэт.

— Хорошо. Ох. Спастьб. Спасибо вам большое. Я сейчас.

— Будь осторожна, — напутствовала Кэт. И вдруг выпалила: — Нет, постой!

— Он разозлится, если...

— Скажи ему, что мы сожалеем о том, что произошло в «Кухне Люси»! Нет нужды вам страдать из-за нас! Скажи, мы больше не доставим ему неприятностей. Ладно? Мы подождем здесь, он может прийти и ехать дальше с нами. Мы отвезем его туда, куда он хочет, хоть на край света. Передай ему.

— Мне к-кажется, он вам не поверит...

Взвыл клаксон. Пегги вздрогнула, будто ее ударили.

— Передай ему, — повторила Кэт.

— Хорошо, но...

— Иди!

Пегги еще раз вздрогнула, кивнула, посмотрела на дорогу и неровными шагами пошла к фургону. Я провожал ее взглядом. Из-под ее сандалий взлетали фонтанчики пыли. Ноги, казалось, бесконечно поднимались к краю сарафана, трепещущего на ветру. Прямые светлые волосы свисали почти до талии.

Я искал глазами Снеговича, но солнце било прямо по лобовому стеклу фургона, лишая меня всякой возможности увидеть его.

Дойдя до фургона, Пегги замерла и открыла дверь водителя. Не став подниматься внутрь, она начала говорить. Потом надолго умолкла, будто слушая, изредка кивая. Наконец, она повернулась к нам и покачала головой.

— Он не пошел на сделку, — выдохнула Кэт.

— Еще бы, — пробормотал я.

— Интересно, согласится ли он на обмен заложниками?

— Сомневаюсь.

Пегги забралась в фургон, дверь захлопнулась за ней. Кэт, чертыхнувшись, принялась

отстегивать ремень безопасности.

— Эй! — Я схватил ее за правую руку.

Она распахнула дверь.

— Отпусти, Сэм.

— Нет! Ты шутишь?

— Из-за меня они влипли!

— Но ты им сейчас ничем не поможешь!

— Пусти меня! — Она вырвалась.

Пришлось ловить ее за волосы.

— Ай! — вскрикнула она. — Черт побери! Прекрати, Сэм! Отпусти меня!

Фургон пришел в движение.

— Дерьмо! — заорала Кэт и обмякла. — Ладно. О'кей. Отпусти меня уже. Они уезжают

Дай я хоть дверь закрою.

Хоть я и был готов к хитростям с ее стороны, я все же выпустил ее. Она схватилась за ручку двери и захлопнула ее. Потом, не утруждая себя застегиванием ремня безопасности, вдавила газ. Мы быстро набрали скорость на шоссе и считанные мгновения спустя сократили разрыв между нами и фургоном Пегги до минимума.

Кэт бросила на меня быстрый сердитый взгляд.

— Прости, — выдавил я.

— Если бы не ты, он бы уже отпустил их.

— Не факт! Сама подумай. Он напал на них, украл их фургон. Они теперь знают его в лицо. Могут свидетельствовать против него. Они обречены, Кэт. Он не станет просто так, за милую душу, высаживать их на ближайшей автостоянке. Живыми — уж точно.

— Я бы сказала ему, что стану его заложником, и они бы поехали с тобой. — Она снова пронзила меня взглядом. — *Это* могло сработать, как думаешь?

— Могло бы, — признал я. — Уверен, он бы не упустил возможности наложить на тебя лапу.

— Лучше на меня, чем на тех детей.

— Позволь не согласиться.

Когда она снова посмотрела на меня, недовольство ушло из ее глаз.

— Прости. Я знаю, ты не хочешь потерять меня снова.

— Уж поверь, — буркнул я.

— В любом случае, сейчас уже слишком поздно выдвигать ему условия.

— И слава Богу, — сказал я. — Он мог оставить у себя всех троих. Или оставил бы тебя а их убил. Как только он получит тебя — перестанет нуждаться в них.

Она кивнула.

— Так что, по-твоему, мы должны делать?

— Не знаю, Кэт.

— Развернемся и бросим их?

— Нет.

— Уверена, он не погонится за нами. На этом старом фургоне у него нет никаких шансов нагнать нас.

— Не будет шансов и у Пегги с братом.

— Значит, тебя они все-таки волнуют.

— Конечно.

Кэт улыбнулась мне.

— Просто признай: ты хочешь спасти их, но не хочешь, чтобы я пострадала в процессе.

Правильно?

— Правильнее некуда.

— И как нам совершить такой подвиг?

— Бог знает.

— Знает, но не говорит.

— Думаю, нам нужен план, — сказал я.

— Я постараюсь придумать один. А вот тебе лучше отдохнуть.

Хорошая идея. Давненько я не спал.

— Ты же не потеряешь их из виду? И не будешь что-то предпринимать без меня? — уточнил я.

— Если дело примет новый оборот, я растормошу тебя, уж будь покоен.

— Хорошо. — Я ослабил ремень безопасности, но расстегивать не стал. Уложив руки на колени, я откинулся на сиденье, опустил голову и закрыл глаза. Хотя я и чувствовал себя усталым и ошеломленным, хоть мой рассудок и был погружен в туманный хаос — я сомневался, что сон придет. Слишком уж я нервничал для того, чтобы хотя бы задремать.

И слишком тяжело было на душе.

А ведь как все просто начиналось. Пусть странно, но просто. Я должен был устроить засаду в доме Кэт и убить вампира, достававшего ее.

В этом я преуспел. Не без помощи с ее стороны.

Колом в сердце Эллиота должны были закончиться — в значительной степени — все наши проблемы и невзгоды

Вместо этого: спущенное колесо, дикая поездка под гору, мужик, называющий себя дурацким именем Снег Снегович. Вместо одного странного Эллиота, уложенного в багажник и мертвого, мы получили еще одного странного байкера, живого и на заднем сиденье. Живого и *опасного*.

И вот теперь ко всей комедии положений добавились еще и двое заложников.

Было трое, стало шестеро.

События окончательно и бесповоротно вышли из-под нашего контроля.

Сидя с закрытыми глазами, я искал способ спасти нас от катастрофы. Не только Кэт и себя — мы в любой момент могли развернуться и умчаться прочь. Но Пегги и Донни из-за нас пропали бы. В чем мы нуждались — так это в плане, предусматривающем сохранность и нашу, и их.

План.

Великий План.

Реальной проблемой, сказал я себе, был Донни.

Я представил себе Снеговича в фургоне. Его нож — у горла Донни. Но я не знал, как выглядел двенадцатилетний паренек, и мое воображение заменило его на сестру. Пегги плакала и корчилась в тисках Снеговича.

Вместо того, чтобы перерезать ей горло, он одну за другой срезал бретельки ее сарафана. Как только он упал с ее груди, она превратилась в Кэт.

В то время, как Снег Снегович схватился за Кэт сзади, Эллиот воскрес из мертвых и, стоя на коленях перед ней, стащил сарафан вниз. Голая, она металась меж двух огней.

Появлению Эллиота я едва ли удивился. Он щеголял ужасной зияющей раной в груди.

— *Оставьте ее, вы, оба!* — закричал я и побежал к ним.

В левой руке я сжимал кол, в правой — молоток.

Им было наплевать на меня.

Я бежал так быстро, как только мог. Но они были слишком далеко.

Нет, нет, НЕТ!

Эллиот запустил клыки в ее промежность.

Снег Снегович перерезал ей горло.

Я завопил и проснулся, взмокший и задыхающийся. Следом за пробуждением — в пассажирском кресле, в машине Кэт — пришло дикое облегчение.

— Плохой сон? — спросила она.

— Чертовски плохой.

Осмотревшись, я вдруг почувствовал, что сменял один кошмар на другой.

Асфальт под колесами был почему-то красный и вел нас за фургоном Пегги через трющобы пустынного промышленного городка — выглядывшего безнадежно заброшенным и воняющего, как сам Ад.

Пейзаж напоминал лунный. Бесплодные пустыри, простершиеся, казалось, на многие километры, перемежающиеся покосившимися строениями. Где-то впереди две трубы отрывали в небо вонючую гарь.

В воздухе пахло миллионом разбитых тухлых яиц.

Мы будто плыли сквозь грязную прошлогоднюю метель.

То тут, то там виднелись фургоны на колесах — будто прибывшие, чтобы забрать последних из оставшихся в живых после какой-то кошмарной техногенной катастрофы.

Но людей нигде не было.

— Добро пожаловать в Трону, — возвестила Кэт. Голос ее звучал невнятно — рулила она одной рукой, тыльной стороной другой прикрывая нос и рот.

— Что, черт возьми, у них тут произошло? — потрясенный, спросил я.

— Химический завод.

— Люди здесь *живут?!*

— Не знаю, большая часть города выглядит заброшенной. — Кэт убрала руку ото рта и засмеялась. Пальцем она тыкала куда-то за окно, вправо.

Мимо нас проплыла лачуга — если судить по планировке, какой-то клуб — выглядевшая старой и донельзя мрачной.

И заброшенной еще в прошлом веке.

Знак на крыше сообщал: ЯХТ-КЛУБ ПЕРЕСОХШЕГО ОЗЕРА. Над буквами были т красочных, в натуральную величину, фигурки, изображавшие грифов.

— Надо же, кто-то здесь сохранил чувство юмора, — пробормотал Кэт.

— А как иначе? — сказала Кэт и снова захихикала.

— Не хочешь больше спать? — спросила она.

— Нет, не сейчас. Как я могу спать, когда мы проезжаем пригород Ада?

— Может быть, проветримся? Машина и так уже раскалилась добела.

— Как же я счастлив, что твой муж верил в вентиляцию, — хмыкнул я.

— Ну, у него были свои пунктики. — Кэт передвинула рычаг под рулем, и воздух хлынул через несколько вентилях внутри салона. Поначалу — теплый, но вскоре нас окутала прохлада.

— Прелестно, — сообщил я. И правда, сделалось полегче. Если не обращать внимание на гниющий парфюм местной химической промышленности.

— Интересно, как у них с кондиционером.

— Ты про Пегги и остальных? Сомневаюсь, что он работает — даже если имеется. Этот фургон больше похож на выдавшую виды мусоровозку.

— Там, внутри, наверное, не сладко, — произнесла Кэт.

— И ты все еще не хочешь поблагодарить меня за то, что я тебя удержал?

Она скосила глаза в мою сторону.

— Давай не будем об этом.

— О'кей. — Мы помолчали немного.

— Иные люди притягивают к себе неприятности, — сказала Кэт вдруг.

— Пегги и ее братец?

— Именно что. Где, черт возьми, их родители? Сколько ей — семнадцать, восемнадцать? И она разъезжает на каком-то разваливающемся на ходу динозавре по проклятой Богом глуши с двенадцатилетним братом? Боже мой. Какого черта?..

— Она что-нибудь сказала насчет родителей? — поинтересовался я.

— Нет, только про то, что Донни — это все, что у нее осталось.

— Выходит, родители больше не с ними. Так или иначе.

— Надеюсь, у них *чертовски* уважительная причина. Потому что если нет — выходит, они просто бросили детей. Я чувствую себя, как распоследнее дерьмо, из-за того что по моей вине они напоролась на Снеговича. Но начнем с того, что им вообще не стоило там быть. Им стоило быть *дома*.

— Сдается мне, они уже и так там, — ответил я.

— Живут в фургоне?

— Я не особо удивлюсь.

— Их родителям лучше бы быть мертвыми...

— Может, так и есть.

— ...потому что это *единственная* уважительная причина. — В ее глазах полыхнуло было пламя. — Но даже если так, все равно эти дети не заслуживают такой участи.

— Может быть, нам удастся их спасти, — сказал я.

— Мы *обязаны* их спасти, — сказала Кэт.

— Я обдумывал возможности. Решения пока не нашел, но главную проблему, думается мне, выделил. Донни.

— Донни? Ты уверен, что главная проблема — не Снегович?

— Один раз мы уже оставили его с носом, согласна? По-настоящему мы сейчас здесь

только из-за Донни.

— А как же Пегги?

— Она могла сесть к нам в машину, и мы все были бы в относительной безопасности.

Но с Донни все сложнее.

Кэт кивнула.

— Вижу, куда ты клонишь. Снегович — хозяин положения только из-за того, что удерживает Донни в фургоне.

— Он может убить паренька, и никто и глазом моргнуть не успеет, — продолжил я. — И мы бы никак ему не смогли помешать. Я, по крайней мере, не знаю — как.

— Значит, — подвела черту Кэт, — мы должны разделить Донни со Снеговичем.

— Для начала.

— Как?

— Не знаю, — сознался я. — Пока что мы можем только идти на поводу у Снеговича и ждать, когда нам предоставится шанс.

— Что ему *вообще* нужно? — спросила Кэт и обратилась глазами ко мне. По ее лицу я понял, что у нее самой уже есть одна хорошая идея касательно ответа на свой же вопрос.

— Он хочет, чтобы мы следовали за ним беспрекословно, — сказал я.

— Зачем? Куда мы направляемся?

— К ущелью Брока, надо полагать.

— Для?..

— Для того, чтобы избавиться от Эллиота.

— Так *он* говорит. Корчит из себя бескорыстного помощника. — Нарочито грубоватым голосом, подражая Снеговичу, Кэт проговорила: — *Эй, ребяташки, не утруждайте себя рытьем могилы для этого парня, просто бросьте его в пропасть. Я спец по пропастям, помогу вам все обстряпать.* — Перейдя обратно на нормальный тон, она добавила: — Все это ерунда. У него есть какая-то другая причина беспокоиться о том, что мы сделаем с телом Эллиота.

— Мне казалось, что он просто ищет возможность остаться с нами так долго, как только получится.

— Ты, может быть, и прав, — сказала Кэт. — Может быть, он заинтересован закрутить с одним из нас волнующий походный роман. Но мне кажется, *Эллиот* — вот его *истинный* интерес. Помнишь, он сказал, что не позволит нам открывать багажник до темноты? Почему?..

— Потому что солнечный свет уничтожает вампиров, — продолжил я ее мысль, обретающую неприглядную, но очевиднейшую логику. — В фильмах.

— Правильно.

— И мистер Снегович, похоже, полагает, что кол не убивает вампира — только обезвреживает.

— Так точно, — сказала Кэт. — Временная мера.

— Получается, его план — дождаться темноты, освободить Эллиота из багажника и вытащить кол. Зачем, спрашивается? Все просто — у него, по его собственному признанию, *фаната* вампиров, появилась редчайшая возможность пообщаться с настоящим, всамделишным, *живым* вампиром.

— Именно так, — кивнула Кэт. — Он полагает, что Эллиот воскреснет. Но остается вопрос, зачем ему пробуждать вампира?

— Элементарно, моя дорогая Кэтрин.

— Угу. Элементарно, если ты — придурок.

— Он не придурок, — покачал головой я. — Он прекрасно понимает, чего хочет. Ему скоро перевалит за пятьдесят, а жить он хочет вечно.

— Только придурок будет верить в то, что живой вампир пойдет с тобой на такую дурацкую сделку.

— Но, — запротестовал я, — в фильмах это работает.

— А что *не работает* в фильмах?

— Уверен, вы запоете по-другому, юная леди, если мистер Снегович вытащит кол, и Эллиот *действительно* пробудится.

— *Запою по-другому?* Господи, да я просто обделаюсь на месте.

— Это будет некрасиво и излишне, — улыбаясь, заметил я.

— Не думаю, что это произойдет.

— Потому что ты чемпион по сдерживанию себя в трудные минуты?

— Нет, не поэтому, — ответила Кэт. — Сейчас мы для него — такая служба доставки Эллиота. Но, как только мы прибудем туда, куда он хочет, надобность в нас отпадет. Вдруг мы как-то помешаем его гениальному плану? Прежде чем открыть багажник, он однозначно убьет нас, Сэм. Так что нам даже шанса не перепадет увидеть, как он извлекает из него кол.

Вот опять все идет к тому, что нас прихлопнут, невесело подумал я и сказал серьезно:

— Значит, мы должны остановить его.

— Думаешь, у нас получится?

— С Эллиотом все получилось.

— Да, — согласилась Кэт, — но на нашей стороне был фактор неожиданности.

— Ты светлая голова, — заверил я ее. — Ты обязательно что-нибудь придумаешь.

— Мне бы твою уверенность, — вздохнула она. — Насчет Донни ты прав. Он — ключевой момент. Надо как-то вывести его из-под контроля Снеговича.

Правый задний поворотник фургона заморгал. Мое нутро сжалось.

— Куда это он?..

— Не знаю... а! Заправочная станция. Самое время.

Мгновения спустя я и сам ее увидел: большая, старая, очевидно, не принадлежащая какой-либо крупной заправочной сети. На самых задворках Троны. Деревянная вывеска на шпакетинах сообщала: СЧАСТЛИВЧИК: ЗАКУСКА & ЗАПРАВКА.

— Мы и вправду счастливички, коль скоро он так печется о нас, — хмыкнула Кэт.

— Мы можем как-то использовать остановку, — сказал я ей.

— Не уверена. Не хотела бы застрять здесь. Люблю, когда есть пространство для отходного маневра.

Едва мы поравнялись с «Счастливичком», поняли, что, несмотря на всю допотопность и ветхость, местечко явно оживленное. В ряд выстроились восемь колонок, все занятые; в очередь выстроилось несколько машин, в том числе пикапы и фургоны, ожидающих очереди. Снаружи была парковочная зона, и свободных мест на ней почти не было. Хозяева стальных коней, видимо, прохлаждались в забегаловке.

— Жизнь кипит, — заметил я.

Фургон замедлил ход; Кэт пришлось ударить по тормозам, чтобы не врезаться. Он свернул вправо, к «Счастливичку», мы плавно повторили маневр.

— Как думаешь, он разрешит нам забежать перекусить? — спросила Кэт.

— Не стал бы рассчитывать, но, сама знаешь, душа Белоснежки — потемки.

Мы обменялись понимающими ухмылками.

Кэт сосредоточилась на маневрировании между сгрудившимися машинами. Пару раз мы чудом избежали столкновения. Наконец, мы, не оцарапавшись и никого не задев, все же аккуратно встали за фургоном Пегги — третьим в очереди к одной из колонок.

Кэт заглушила двигатель и опустила окно со своей стороны.

— Ненадолго, — утешила меня она.

Несмотря на то, что мы все еще были в адской Троне, прежнего смрада в этой части города не ощущалось. Вскоре я последовал примеру Кэт. В кабину ворвался теплый ветер. Воздух пах парами бензина. Когда-то мне казалось, что запах — не из приятных, но в это беспокойное утро я понял, что он мне едва ли не нравится. Всяко лучше яичной вони химзавода. Да и ненароком напомнило мне о детстве — о длительных поездках с моими родителями куда-нибудь на отдых за город. Пахло волнующей неизвестностью. Приключениями.

— Какая славная могла бы быть поездочка, — протянул я.

— Чем тебе *эта* не нравится?

— Как-то мало напоминает отдых.

— Да, жалко, конечно, — кивнула Кэт. — Если бы два наших веселых друга куда-нибудь делись...

— Снег Снегович и Эллиот?

— Они самые.

— Давай не будем спешить с Эллиотом, — сказал я.

— Что ты имеешь в виду?

— Он — это единственная причина, по которой я здесь.

Совершенно неожиданно для меня Кэт, улыбнувшись, положила голову мне на плечо.

— Уж поверь, я бы с радостью отделалась от него и оставила бы тебя.

— Спасибо. — Я был тронут.

Эх, выбраться бы живыми из этой заварушки.

— А вот и Пегги, — Кэт выпрямилась на сиденье и посмотрела вперед.

Девушка шла, как-то неестественно выпрямившись, будто проглотив аршин. Губы сжаты в плотную полоску. На глазах — темные очки.

Остановившись у окна Кэт, она вцепилась пальцами в раму. Дышала она почему-то тяжело. Хотя, быть может, это просто накладывался шум машин кругом.

— Ты в порядке? — спросила Кэт.

— Он... он нас... нам... навредил, — выдавила она.

— О Боже.

— Кто за рулем? — спросил я.

— Я. Но он... он все равно это делает со мной. Я просто сижу и терплю. Он делает все... все, что хочет. Он связал Донни руки за спиной. — Она дышала тяжело и часто. — Это ужасно. Он раздел его и... — В ее глазах плескался ужас. — Мы не можем ему помешать. Ничего не можем сделать. Он говорит, что убьет нас, если мы доставим ему неприятности. Я... я не хочу умирать.

— Все будет в порядке, — сказала Кэт. — Не падай духом.

Губы Пегги дрожали.

— Он сделал тебе больно?

— Да.

— Тебе очень плохо?

Она кивнула, потом покачала головой.

— Т-терпимо, но... он вытворяет ужасные вещи. Боже мой, он болен.

— Болен?

— Вот здесь, — она приложила ладонь ко лбу. — Он чокнутый.

— Мы вытащим тебя из всего этого, — пообещала Кэт. — Поверь. И тебя, и Донни. Все будет в порядке.

— Ничего уже не б-б-будет в порядке.

— Держись. Он отправил тебя сюда не просто так?

Пегги всхлипнула, вытерла нос.

— Он... он говорит, что *вам* нужно заправить обе машины. Вам, не Сэму. Сэм должен остаться внутри. Он говорит, что вы заплатите.

— Ладно, — сказала Кэт. — Без проблем.

— И он хочет, чтобы вы... ох... *накормили* его. Чтобы я сходила за едой. Он говорит, что вы испортили ему завтрак.

— Испортили, не спорим. Пусть угощается. Возьми все, что захочешь, с заднего сиденья.

— Мне очень жаль, — сказала Пегги.

— Не стоит, Пегги.

Она подошла к двери, потом покачала головой. Возможно, ее напугал вид ледоруба и искореженной шины.

— Проще обойти с другой стороны, — сказал я ей.

Пегги обошла автомобиль с моей стороны и открыла заднюю дверь. Присев на колени, она принялась собирать еду с заднего сиденья и пола. Из-за тряски много чего высыпалось из пакета.

— Бери все, что хочешь, — сказала ей Кэт. — Обязательно захвати «Пепси».

— Но я же не могу оставить вас совсем без...

— Бери. Весь мешок. Все с нами будет хорошо. Когда вы с Донни ели в последний раз?

— Вчера вечером. Перехватили пару бутербродов.

— И это все?

— У нас не так много денег.

— Где твои родители?

— Бросили нас.

— *Бросили?* — в голосе Кэт звучал неподдельный ужас.

— Ну, папа сидит в тюрьме за убийство. Мама повесилась три недели назад.

— Боже, — пробормотала Кэт. — И?..

— Вот так мы с Донни и оказались на большой дороге.

Взвыл клаксон.

— Тебе лучше идти. Очередь продвигается, — заметила Кэт.

Поминутно оглядываясь, Пегги начала пятиться к фургону, прижимая продуктовый мешок к груди. Тот порвался с одной стороны, но она держала крепко, так, чтобы ничего не выпало.

— Вернись к нам, если он разрешит, — напутствовала Кэт.

— Конечно. Спасибо. — Пегги закрыла дверь коленом и поспешила вперед. Через пару

секунд после того, как она скрылась за фургоном, я услышал, как хлопнула дверь. Как только первая машина в очереди отъехала, старый дом на колесах продвинулся вперед; мы подкатили следом.

— Бедные дети, — пробормотала Кэт. — А я-то думала, мне нелегко пришлось.

— Тебе пришлось нелегко, Кэт. Глупо отрицать.

Она пожала плечами. Будто и не было никаких чокнутых мужей и вампиров.

— Теперь этот Снегович не отстанет от них.

Крутнувшись на месте, я бросил взгляд на задние сиденья.

— По крайней мере, голодать они не будут. Кстати, мы — тоже.

— Разве она взяла не все?

— Остались крекеры и плавленый сыр. И две бутылки воды.

— Я ведь сказала, что она может взять все.

— Наверное, сжалилась над нами.

— Можешь достать?..

— На полу. Придется выйти.

— Надеюсь, он не отрежет голову Донни из-за нас.

— Надеюсь. — Крякнув, я распахнул дверь, вылез и добыл остатки наших припасов.

Вернувшись на место, я надорвал упаковку с крекерами.

— Как насчет ножа?

— Не понадобится. Пегги забрала салями.

— Я знаю. Но где нож?

— Я его там не увидел.

Секунду спустя мы с Кэт переглянулись.

— Должно быть, она взяла его, — почти хором вырвалось у нас.

Мы еще чуть-чуть сдали назад, и Кэт вышла. Проскользнув перед носом нашей машины, очутилась у правого борта фургона и сняла крышку с горловины топливного бака.

Едва горячее полилось внутрь, я перелез на водительское место — Кэт теперь было видно хуже, а вот по левому борту фургона открывался прекрасный вид. На дверь. Но не на того, кто за ней — Пегги я не заметил.

Вскоре фургон отъехал от бензоколонки, и Кэт махнула мне, чтоб я подъехал поближе. Аккуратно подогнав машину, я выключил двигатель. Теперь, стараниями Кэт, заправлялись уже мы. Оставив насос работать, она заглянула в салон через приопущенное стекло со стороны пассажира.

— Мне нужно забежать внутрь, заплатить, — сказала она. — Есть какие-нибудь свежие идеи, что еще полезного можно сделать, пока я там буду?

— Наверде «вызвать дорожную полицию»?

— Ну, что-то вроде того.

— Нет, не стоит.

— Да и мне что-то не хочется.

— Кончится тем, что Донни умрет.

— Мне тоже не кажется, что копы смогут нам помочь.

— Слушай, тут же вроде есть оружейный магазин?..

— Ты с ума сошел? Думаешь, нам просто так с прилавка отпустят парочку стволов?

Скорее рак на горе свистнет.

— Ладно, посмотри, не удастся ли что-нибудь приспособить по ходу дела.

— Эй, глянь-ка.

Болтая с Кэт, я упустил момент отъезда фургона. Теперь он стоял в дальнем краю парковки.

— Господи, — выдохнул я, — он съезжает с катушек все крепче. Нас ведь даже отсюда не видно.

— Ему оно надо — видеть нас? Он же знает, что мы не рискнем выкинуть фортель. Уж теперь-то, Сэм, у него хороший залог — наши порядочность и человеколюбие.

Насос бензоколонки умолк — бак наполнился.

— Тебе подкинуть? — спросил я. — У меня есть немножко наличными.

— Прибереги, они нам еще могут пригодиться. Рассчитаюсь по кредитке. — И она побежала к главному входу в «Счастливики».

И вот уже — скрылась внутри. Я принялся напряженно ждать.

Прошло несколько минут, и нервишки мои стали пошаливать. Мои глаза не отлипали от фургона. Надеюсь, наш убудочный снежный друг тоже нервничает. Главное — чтоб не злился. Хотя я его и не видел, утверждать, что *мы* ему не видны с моей стороны было опрометчиво — ведь всегда можно повернуть зеркало заднего вида на какой-нибудь хитрый угол. Конечно же, он нас видел. Возможно — гадал, чего мы там так долго возимся.

Я почти уже изготовился к тому, что вот-вот он выбежит из фургона, красный от ярости. Но потом понял — такому не бывать. Ему придется тащить за собой Донни или Пегги — чтобы заложники не улизнули. А при свете дня он вряд ли решится насильно тащить за собой двенадцатилетнего мальчишку (которого придется как минимум развязать и одеть).

Тем паче — девчонку, что ему в дочки годится. Фактически, Снег Снегович был *заперт* в фургоне.

Мы были в безопасности.

Ну, в относительной безопасности, в весьма и весьма относительной.

Но все же не думалось мне, что он выполнит угрозу и расправится с Донни. Не здесь, не сейчас. Не разозлившись на медлительную Кэт. Он мог быть и психом, и чурбаном в определенного рода вещах, но в то же время он был хитер.

Хитер в достаточной мере, чтобы понять, что заложники ему *нужны*. С ними он мог вертеть нами как угодно. Стоит ему убить Донни — пиши пропало. Да и над Пегги у него больше не будет должного контроля — то есть, прощай, личный водитель и девочка на побегушках.

А уж если он убьет и Пегги, *нас* подонку будет уже не остановить.

Я надеялся — ужасно, конечно! — что Снег Снегович сочтет, что издеваться над ребятами будет не так весело, если они оба будут мертвы. Надеюсь, на убийство он пойдет только в самом последнем случае.

Кэт наконец-то вышла из «Счастливица». В одной руке она несла упаковку пива на двенадцать банок, другой прижимала к груди большой бумажный пакет.

Протянув руку над креслом, я открыл ей дверь.

Она запрыгнула внутрь вместе с пакетом. Я завел двигатель. Из кондиционера вновь заструилась прохлада. Едва дверь захлопнулась, я нажал на педаль газа.

— Прости, что задержалась. — Она подняла окошко своей дверцы. Я последовал ее примеру.

— Заставила же ты меня поволноваться.

— Боялся, что Страх Страхович выбежит и отделает тебя по полной?

— Да нет. Он же не может выйти из фургона без ребят. До меня только дошло.

— До меня тоже — недавно. Прямо в магазине. Потому я и подумала — нечего торопиться. Что бы он нам сделал?

— Ничего, похоже.

— Вот именно, ничего. Стиснул зубы и стерпел. Ладно, проехали.

Фургон впереди нас покинул свое парковочное место и развернулся к выезду. Я заметил Пегги за рулем. Пассажирское сиденье рядом с ней, похоже, пустовало.

Снег Снегович, видимо, укрылся внутри, с Донни.

— Я еще кое-что понял — ни Пегги, ни Донни он не убьет. Только перед лицом крайней необходимости.

Кэт кивнула, соглашаясь.

— Убить их и удержать нас одновременно он не сможет. Рано или поздно придется отпустить их. И нас, кстати, тоже.

Я проследовал за фургоном на дорогу. Набрал скорость и оставив городок Трону позади, я спросил:

— Ну, и чем ты в итоге снарядилась?

— На снайперскую винтовку не рассчитывай. Шанса не была.

— Понимаю. И все же?

— Море пива, Сэмми! До заката далеко, а веселиться как-то надо. Кто знает, вдруг Снег захочет конфисковать его у нас. Напьется в хлам, тут-то мы его тепленьким и возьмем.

— Неплохо бы.

— Все равно в магазине не было чего-то достаточно... опасного.

— А вот это уже плохо.

— Колбаску печеную будешь?

— А то!

Запустив руку в пакет, она вытянула весьма аппетитный тубик подрумяненного мяса, запаянный в пластиковую обертку. Вцепившись в пластик зубами, Кэт разорвала его до половины и протянула мне.

Колбаска плюнула мне жиром в горло, едва я от души надкусил ее, и я чуть не закашлялся — но все равно, на вкус было здорово. Мясо явно сдобрили какими-то баварскими травами.

— Фкуфно, — поделился я ощущениями с Кэт.

— Я таких несколько штук взяла. Одному Богу известно, когда нам выпадет шанс поесть нормально. — Она заглянула в сумку. — Всякие шоколадные штуки брать не стала. Слишком жарко, растечется.

— И то верно.

— Зато я взяла крендельки! И орешки.

— То что надо к пиву!

— Еще чипсы, две пачки печенюшек — одни сырны, другие малиновые. Бутылки воды... и освежитель воздуха.

— Зачем? Ликвидировать последствия сильного испуга?

— Очень смешно, Сэм. Это лучшее, что тянет на оружие. Можно брызнуть в глаза — дрянь едкая. Еще я слышала, если распылить ее над горящей зажигалкой, выйдет элементарный огнемет. Так что зажигалок я тоже набрала. — Зарывшись рукой в пакет, она пошарила где-то у самого дна и вытащила две штуки. — Вот, одну тебе, одну — мне. Бери.

Прижав печеную колбаску зубами, я высвободил правую руку, взял себе одну зажигалку и опустил ее в нагрудный кармашек. Кэт сунула оставшуюся в карман своих некогда-джинсов.

— Еще я разжилась жидкостью для заправки зажигалок. Продавец меня долго-долго от нее отговаривал. Говорил, эти зажигалки все равно работают только до тех пор, пока в них есть горючка, и заправить их по-новой у меня ну никак не выйдет. Советовал потратить деньги на парочку дополнительных. Как будто ему есть какое-то дело до моих покупок!

— Выходит, в конце концов — продал-таки?

— Я пригрозила ему. Тобой.

— Что?

Она кивнула и вдруг мило улыбнулась.

— Я сказала: «Просто продайте мне эту штуку, лады? Это — моему приятелю. Вон он там, в машине снаружи, ждет меня. Может, его позвать, чтобы вас уверить?» Он поглядел, куда я показала, и увидел тебя за рулем — ну, и потом сказал: «Не стоит, мэм».

— Я что, пригодился еще раз?

— Ага. Я чуть не назвала тебя своим мужем, да вспомнила, что кольца не ношу. — Она протянула навстречу мне пальцы левой руки. — Наверное, бедняга просто хотел приударить за мной. Возомнил себя таким подарком Божьим для глупой дамочки, которая думает, что копеечные зажигалки можно использовать вечно. Надо было рассказать ему правду.

— Какую правду? Что он не подарок? Что ты — не глупая дамочка?

— Да нет же. Надо было сказать ему, зачем мне *в принципе* зажигалки, вот.

— Растопить немного Снега? — пошутил я.

— В точку.

— Что ж, попадись он нам теперь — дадим ему жару!

— Прибереги силы для дела, а не для слов, Сэм. Я вот еще что взяла, — в этот раз ее рука выловила в пакете штопор.

— Ты что, вином запаслась?

— Нет. Есть еще такая штучка, — следом из пакета появилась старомодная открывашка пивных банок образца «церковный ключик».

— Кэт, сейчас на всех банках — специальные колечки.

— Я знаю.

— Продавец объяснил?

— Нет, смолчал по этому поводу. Даже странно.

— Этим мы будем обороняться от Снеговича? — спросил я.

— У них не было ножей. В открытой продаже, по меньшей мере. Зато эти штуки легко спрятать. Хотя бы в рукаве. Что возьмешь?

— Что дашь, — снял я с себя право выбора.

— Как скажешь. Я возьму штопор.

Она передала церковный ключик мне. Вещица была простая, дешево сработанная — десять сантиметров легкой стали в длину, где-то два — в ширину, один конец — для пробивки старых пивных крышек, другой — для отжима вневременных консервных. Не слишком-то и много вреда таким можно было нанести. По-моему, даже меньше вреда, чем штопором.

Пока я рулил одной рукой и держал ключик другой, Кэт открыла перчаточницу и бросила штопор туда.

— Тебе, значит, он пока не нужен?

— Если вдруг понадобится — буду точно знать, где взять.

— Хочешь, чтобы я положил церковный ключик туда же?

— Церковный ключик?

— Ну, вот это. Так его называют.

— Надо же, впервые слышу. Но почему?..

— Никогда не понимал, честно. Может, так ее называли те, кто ищут божью милость на дне бутылки. Не знаю, почему их вообще еще выпускают. Как я уже сказал, на банках сейчас есть колечки.

— Не на всех, — покачала головой Кэт. — Эти штуки продолжают выпускать на крайний случай. А наш случай — крайний, будь уверен.

— Ну, может быть, поэтому его называют «церковным ключиком»...

— Почему бы не спрятать его в носок? — предложила Кэт.

— Я тут вести машину пытаюсь!

— Хорошо, давай я спрячу.

— Попробуй, — я перебросил ключик Кэт. — Не отрежь мне им ногу, идет?

Смеяться вместе с Кэт было здорово. А еще более здорово было чувствовать ее аккуратные прикосновения. Она проделала все очень аккуратно — ключик не оцарапал меня острым концом.

— Так будет удобнее доставать его, — пояснила Кэт. — Сразу — боевой стороной к врагу. — Она похлопала меня по слегка дрожащему колену. — Теперь ты опасен.

— Все равно, — деланно-ворчливым голосом заметил я, — пока что самое страшное наше оружие — пиво.

— А как же лопата и ледоруб? Молоток в багажнике?

— И домкрат на заднем сиденье, — добавил я.

— Прости, что?

Тут нас обоих пробрало. Наши взгляды встретились.

— Домкрат... — пробормотал я.

— О, Боже, — выдохнула Кэт.

Домкрат, металлическая дура где-то полметра в длину, пружинный свинчиваемый механизм — и увесистая рукоятка-монтажка. Я ведь им пользовался не далее, чем прошлой ночью — когда менял шину. Потом сгрузил на заднее сиденье вместе с испорченной предшественницей новехонькой запаски.

Сгрузил — и начисто забыл.

— Ты положил его туда, когда закончил с шиной, — сказала Кэт.

— Да. Так я и сделал.

— Бог мой, — сказала она. — Я ведь и не подумала...

— Я и сам не подумал. Вот только сейчас... Не знаю, какой черт меня дернул вспомнить. Сама посуди! Все это время у нас была тяжелая железка на заднем сиденье — и мы ее ни разу не взяли в расчет!

— Не пришлось бы за молотком выходить, — сокрушенно добавила Кэт.

— Да, может быть, не пришлось бы.

— Никаких «может быть». Знай я, что у нас есть домкрат — осталась бы в машине... и никогда бы не полезла в багажник. И Снегович *никогда* бы не узнал про Эллиота. *Ничего* бы с нами не случилось.

— Да, многое бы пошло иначе, — аккуратно заметил я.

— Как мы могли позабыть про домкрат?!

— Ну, — пожал плечами я, — он был не на виду, когда нам пришлось задуматься об оружии.

— Молоток тоже был, уж прости, далеко не на виду.

— Но его-то мы уже использовали как оружие! А домкрат просто помог мне со сменой шины.

— Все равно нам следовало иметь его в виду, — тряхнула она головой.

— Я знаю, Кэт. Я знаю. Сам не верю, что так все вышло.

— Это все наше проклятие.

— Проклятие мертвого вампира? — улыбнулся я.

— Я не из тех, — тщательно выбирая слова, проговорила Кэт, — *совсем* не из тех, кто дрожит над приметами, но сейчас... это все слишком *двинуто*, Сэм. Это — попросту ненормально. Мы прокляты.

Кэт заглянула в проем между сиденьями.

— Что-то не видно твоего домкрата, — сообщила она. — Ты его, часом, не позабыл там, на дороге?

— Нет, точно нет. Мы его просто завалили. Может, конечно, его Пегги уволокла.

— Не носи чепухи, Сэм. За спину бы она его не спрятала. Упустили бы мы — не упустил бы Снегович. Ей ведь с ее одежкой *вообще ничего* не спрятать.

— Куда же она тогда дела нож?

— В вырез? — предположила Кэт.

— А спереди он при этом, по-твоему, не выпадет?

— Ты же видел, как она прижимала сумку к груди.

— Может, в нее-то она его и спрятала.

— Домкрат?

— Нож, — поправил я.

— Нет, если она успела пораскинуть мозгами. Сумку-то сразу придется отдать Снеговичу. Будь я на ее месте — и в ее сарафане — я бы спрятала нож в вырез... или за резинку трусов. Впрочем, опять же, ей бы и это не удалось...

Я вопросительно изогнул бровь.

— На ней их нет.

— Откуда ты так уверена?!

— Я наблюдательна.

— Я тоже мух не ловлю, но *такого* как-то не заметил.

— Мне выпал хороший шанс, Сэм. Я видела, как она забирается в фургон, а платье у нее не из длинных. — Кэт подмигнула мне. — И лифчика нет. Не говори мне, что *этого* не заметил.

— Да, заметил, — проворчал я, — и то, только потому, что из-под ее простыни не торчат бретельки.

— У нее под, пользуясь твоей терминологией, *простыней*, нет вообще ничего. Когда она наклонилась, передавая пакет, я прекрасно все увидела — от пяток до ножек и выше. Жаль, что ты упустил. Правда, смотреть там особо не на что.

Я поджал губы.

— Тебе не стыдно вот так вот... сейчас?..

Кэт хитро улыбнулась.

— Я знаю, это не совсем правильно. Расслабься.

— С чего ты вообще взяла, что меня волнует, что у нее там под...

— Ты ведь парень. Парни пекутся о таких вещах.

— Она не в моем вкусе.

— Эй, Сэм, не строй из себя невинную овечку! Уж как ты на меня глядел всю прошлую ночь...

— Но ты-то — в моем вкусе! — в моем голосе прорезалось отчаяние.

Кэт внезапно стала тихая и серьезная. Она уставилась на меня. Я главным образом держал взгляд на дороге, но к ней так или иначе оборачивался каждые несколько секунд. И тут Кэт наклонилась и обвила руку вокруг моей шеи. Она притянула меня поближе к себе и,

прошептал «Мой хороший парень», — дыхание ее щекотало мне щеку, — поцеловала меня. И еще раз. Рука ее нежно легла на мою грудь.

Я развернулся к ней, желая отыскать своими губами ее.

— Нет-нет-нет, — с легкой улыбкой она отстранилась. — Лучше следи за дорогой. Если мы будем целоваться за рулем, мы непременно вляпаемся. Не забывай, у нас над макушками — проклятие Эллиота.

— Я бы рискнул, — прошептал я — прекрасно при этом понимая, что сейчас для подобных рисков самое худшее время. Покинув пределы Троны, довольно-таки равнинные, мы попали на дорогу, карабкающуюся на вершину горного хребта — с обеих сторон по скалистому обрыву. Стоит заложить неверный поворот — и полет с немалой высоты на недружелюбные камни обеспечен.

Кэт смотрела на меня со своего места.

А во мне угасали последние робкие надежды на поцелуй.

Но вдруг она сказала:

— Хорошо. Только... недолго.

Наши губы встретились удивительно быстро. Мои — пересохшие и ее — мягкие и теплые. Я почувствовал, как *е е* дыхание чудесным образом встречается с моим — и сливается в одно.

Когда мой язык очутился за ее зубами, ее рука нежно прижалась к передку моих джинсов. А там уже было тесновато.

Мой выдох обернулся стоном.

Она убрала и губы, и руку. Наши глаза все еще разделяли считанные сантиметры.

— Спасибо, что напомнил, что нужно взять домкрат, — вдруг сказала Кэт.

Сперва я ничего не понял, замет густо покраснел и уставился на дорогу. С дорогой пока что все было в порядке. Менее скалистым пейзаж не стал, но, по моим прикидкам, мы были уже почти на самой вершине перевала.

Кэт подарила мне еще один, уже больше дружеский, поцелуй в щеку, и принялась перелезть через свое сиденье — в заднюю часть машины. Такие трюки легко проделывать детям, но мы с ней для этого были уже явно староваты. Ей пришлось всячески извиваться, вжиматься лопатками в потолок, пытаясь при этом протащить ноги в проем. Скосив глаза в зеркало заднего вида, я имел стыдливое удовольствие созерцать ее бедра. Впрочем, удовольствие продлилось недолго — в следующую секунду Кэт заехала мне ляжкой по уху.

Только после этого она наконец-то протиснулась назад.

— Фух, — послышалось с задних сидений. — Было весело.

Чтобы разобрать скопившийся завал, ей потребовалось время. Сосредоточившись на дороге, я не смотрел, что она там вытворяла. Периодически что-то ударялось об пол, один раз — довольно звонко — о стекло. Наконец, возмущенные «уф!» и «пф!» Кэт смолкли, и она прошептала:

— Попался, мудацье! Ха!

— Поздравляю, — произнес я.

— Правило «лучше поздно, чем никогда» не всегда обязательно срабатывает.

— Ладно, ладно. Хорошо уже то, что мы его не посеяли.

— Не заставляй меня плакать. Вспомни мы о нем вчерашней ночью... Сейчас двое людей находятся на волосок от смерти из-за того, что я полезла за молотком, который нам, оказывается, и не требовался.

— Пока никто не умер, — заметил я.

Не считая Эллиота и твоего мужа, Билла, добавил про себя. Но, справедливости ради, они отбыли в мир иной прежде, чем возникла (не-) надобность полезть в багажник.

— Пока — да, — пробормотала Кэт. — Я не знаю, как, черт возьми, мы собираемся выпутаться из этого дельца так, чтобы *хоть кто-то* при этом не умер.

— Поживем — увидим, — сказал я.

— Я, наверное, сейчас схлопочу хороший шанс умереть, когда начну протискиваться обратно к тебе.

— О, мой Бог, — пробормотал я, вжимаясь в сиденье.

Перевал вдруг остался позади — и мы будто выехали из туннеля, вырубленного в скале: на нас навалилась громада синего, безбрежного неба. Под нами — далеко-далеко под нами — раскинулась пустынная долина. Фургон был уже на пути вниз — на кривом и узком двухполосном съезде.

— Ух ты! — протянула Кэт из-за спины.

— Лучше сиди, где сидишь, — предупредил я ее.

Дорога выглядела крутой и опасной. Искривленные дуги скалистых обрывов поддерживали дорогу с правой — нашей — стороны; где-то там, внизу, было дно дола. По левую же сторону холм продолжал вздыматься вверх.

Один неаккуратный поворот равен одному долгому свободному падению. Нехитрая арифметика.

Мне не хотелось ехать здесь. Было сильнейшее желание остановиться и развернуться в другую сторону.

Но спуск уже начался.

А на нем места для поворотного маневра просто не осталось. Любой резкий поворот там грозил падением с обрыва.

Мы не могли отступить. Пойти на попятную значило предать Пегги и Донни.

— Будь осторожен, — сказала Кэт.

— Я постараюсь.

— Боже правый.

— Потому-то эти края и прозвали Долиной Смерти, Кэт.

— Подходяще.

Хоть в салоне и работал всю кондиционер, рулевая колонка была вся в мокрых пятнах от моих рук. Да что там темнить — и сам я весь был мокрый, как распоследний лягушонок.

— Не люблю высоту, — пробормотал я.

— Я переносу нормально, — сказала Кэт. — А вот резкие спуски — терпеть не могу.

Стоило ей сказать это, автомобиль заложил кривую быстрее, чем требовалось, и наши шины противно завизжали.

— О-о-ой, — протянула Кэт.

Я принялся топтать педали тормозов, чтобы замедлить наше движение вниз на особо крутых участках. Фургон впереди катился легко и непринужденно, забирая то в одну сторону, то в другую — ничего похожего на наши урывочные маневры.

— Пегги, видать, брала уроки вождения по нестандартной местности, — заметил я. — Если это она сейчас за рулем...

— Если у нее получается — и у нас получится.

— У местных-то оно явно полегче выходит.

— Над ними не висит проклятие мертвого вампира. Слышишь, Эллиот? — повисила Кэт голос. — Если нас подбросит на ухабе и багажник откроется, тебе придется познакомиться с солнцем Долины Смерти. Понял, ублюдок клыкастый? Мы подскочим — ты соришь.

Мы обменялись взглядами и улыбнулись.

Дорога неожиданно выровнялась.

Мы добрались до дна.

Я сделал глубокий вдох. И выдохнул.

— Не так уж и плохо мы справились, — сказала Кэт.

— Просто спуск не такой уж и большой. На самом деле, это было ужасно.

На обступила пустыня. Не сильно холмистая — подъемы и овраги встречались, но больше нам не грозила опасность, съехавши не туда, разбиться вдребезги. Ближайшие горы были в нескольких милях левее. Какие-то холмики виднелись и справа, но были они такими далекими и маленькими, что смешно было и думать.

— Вот теперь — можешь лезть вперед, — разрешил я Кэт.

— Сейчас. Тебе здесь точно больше ничего не нужно?

— Думаю, нет.

— Есть что-то стоящее в этом твоём походном мешке?

Я попытался вспомнить, что туда упаковал. Память на сотрудничество идти отказывалась. Отберите у моего сна хоть полчаса — и я уже готов расклеиться; мой котелок не варит так, как надо.

— Посмотри, если хочешь, — сказал наконец я.

— Есть там что-нибудь боевое?

— Да ну. Нет. Сменная одежда, туалетные принадлежности...

— Бритва есть?

— Есть, но она не опасная. Штопор и церковный ключик — и те пострашнее будут.

— Ладно. Я лезу к тебе. Попытаюсь, по крайней мере, пролезть. — Высунувшись в проем между сиденьями, она прислонила свою добычу к приборной доске.

— Вот это я понимаю, — одобрительно кивнул я.

Сняв с домкрата пружинный механизм — толку в ближнем бою от него все равно бы не было, — Кэт оставила внушительный упорный рычаг и по совместительству монтировку. Черную, кривую, тяжелую железную палку с утолщениями.

Сняв правую руку с руля, я взвесил инструмент.

— Этой штукой можно убить, — сообщил я.

— Бери ее себе. Пока сунь куда-нибудь под сиденье.

— Лучше сюда. — Переложив железяку в левую руку, я загнал ее в зазор между дверью и сиденьем, затем отпустил. Она глухо стукнулась об пол.

— Ладно. Я иду, — предупредила Кэт, кладя руки на верхнюю часть спинки моего сиденья. — Когда я была ребенком, я проделывала такой трюк не раз. Было так просто. А вот теперь... м-да, возраст.

— Дело не в возрасте, — покачал головой я. — Дело в габаритах. Ты теперь больше, чем привыкла быть.

— Ну и дела. Спасибо, чего уж там.

— Мой любимый размер...

— Не подмазывайся.

— ...прекрасный для чего угодно, но только не для смены мест на полном ходу.

— Так ты хочешь, чтобы я осталась здесь?

— У меня есть план получше. Я приторможу. Ты сможешь выйти и зайти нормально.

— Снегович не взбеленится?

— Мы уложимся в пять секунд. Донни это вряд ли навредит.

Парень все равно обречен, подсказал мой внутренний пораженец.

Ну уж нет, ответил я ему. *Мы что-нибудь придумаем. Мы его спасем.*

То была, впрочем, скорее робкая надежда, чем убежденная вера.

Я посмотрел в зеркальце. Шоссе за нами пустовало.

— Готова? — спросил я.

— Еще бы.

Я ударил по тормозам. Поскольку скорость наша упала резко, машину повело по гравию. Я вдавил педаль сильнее. Прямо в развороте Кэт распахнула заднюю дверь и выпрыгнула. Чудом удержавшись на ногах, она грациозно отпрыгнула от надвигающегося борта автомобиля, дернула за ручку передней двери и юркнула внутрь. Выровнявшись, я дал по газам, и мы поехали дальше.

— Как по маслу! — выдохнула Кэт. Фургон мы уже почти нагнали.

— Снежная Жопа, небось, и не заметил, как мы остановились.

— Даже если заметил, — отмахнулся я, — что с того? Мы же никуда от него не делись.

И не денемся уже.

Кэт наклонилась к сумке и достала банку пива.

— Я возьму одну, — заявила она. — А ты?

— А я за рулем.

— Одна банка пива не выключит тебе мозги.

— Все равно это против правил.

— Как и убийство.

— Ты же говорила, разделаться с вампиром — не убийство.

Хитрая улыбка снова расцвела на губах Кэт.

— Так кто у нас верит в вампиров?

— Снег Снегович, например.

— Но не полицейское управление. В глазах закона мы спланировали и совершили убийство. — Она достала еще банку. — Не дай мне напиться в одиночку. Это не поджентльменски.

— Мне до джентльмена — как до луны пешком.

— И все равно, ты очень хороший, Сэм. Мой хороший парень. — Она разом открыла обе банки и протянула одну мне.

— Ты меня искушаешь. — Вздохнув, я принял подношение.

— Можешь не брать. Никто не держит тебя на прицеле.

— Эх, вот было бы у нас что-то, из чего имеет смысл целиться...

— Чем богаты — тем и рады.

— Что ж, за нас, — сказал я.

Мы мягко стукнулись пивными банками.

Перед первым плотком, я обшарил глазами окрестности — на предмет машин дорожного патруля. Такой уж я тип — страховщик-перестраховщик. В повседневной жизни я старался нарушать как можно меньше правил и совсем не нарушать законов.

Но, после убийства какого-то незнакомого мне парня, следует, наверное, пересмотреть приоритеты.

Впрочем, со мной этот фокус не проходил. Прихлебывая пива, я *все равно* чувствовал себя виноватым.

Банка приятно холодила руку. Пиво было холодное. Там, в «Счастливишке», оно точно лежало в холодильнике. Конечно, оно хоть сколько-то, да набралось тепла там, на полу, но кондиционер сберег его от перегрева. На вкус пиво было крепкое и добротное сваренное.

Я глянул на Кэт. Она отняла банку от губ и улыбнулась мне.

— Как, хорошо идет?

— Просто замечательно.

— Согласна. — Она сделала еще несколько глотков. — Не поверишь, как жарко снаружи. В фургоне ребятам явно не сладко.

— От жары? Или от Снега?

— Ух, надеюсь, пока — только от жары. Может, впрочем, и у них есть кондишка.

— Нет ее у них. Они держат окна открытыми. В кабине, по крайней мере.

— Тогда плохи дела. Снаружи печет, как в Аду, а ведь еще только утро. Еще несколько часов и... — Кэт покачала головой. — Что ж, мы им пока ничем помочь не можем, — признала она, — зато можем немного развлечь себя. Как насчет сырных печенюх?

— А сыр в них какой? Чеддар или рокфор?

— Сыр в них синтетический. Ароматизатор.

— У-у-у, так это мой любимый сорт!

— Мой тоже!

Мы обменялись ухмылками.

А фургон вдруг начал подмигивать нам задним габаритным огнем.

— К чему бы это? — пробормотал я.

Кэт подалась вперед, потом — чуть вправо.

— Дорога не ветвится, — сообщила она.

Все еще мигая поворотником, фургон начал замедляться. Я сбавил скорость, чтобы ненароком в него не врезаться. Шли мы оба теперь где-то на двадцати милях в час. Как я мог судить по заднему виду, за нами никто не ехал.

— Возможно, у них неполадки, — сказала Кэт.

— Или неприятности, — предположил я, отпивая из банки. — Дай-ка мне печеньца.

Кэт протянула мне открытую пачку, и я, аккуратно зажав пивную банку меж колен, взял себе две штуки. Каким бы синтетическим не был сыр, на вкус было очень даже ничего.

Фургон качнулся вправо, из-под его колес полетели гравий и пыль.

— Они выезжают на грунтовку! — воскликнула Кэт. — В пустыню!

— Мы тоже, — я вывернул руль и съехал с гладкого тротуара.

Тут же мы попали в облако пыли из-под фургонных колес, и видимость мгновенно упала до нуля. Впечатление было такое, будто мы едем сквозь желтый туман. Сухой запах пыли вторгся в наш автомобиль через решетки кондиционера.

Пришлось снова замедлять ход, и с грехом пополам я все же нашел участок дорог с более-менее ясным воздухом. Теперь мы шли на безопасном расстоянии от фургона и его стремительно увеличивавшегося пыльного шлейфа — чуть поодаль и сбоку.

Кстати, за нами хвост стелился не хуже.

С пивом пришлось обращаться еще аккуратнее — автомобиль подбрасывало и заносило на грубой дороге, но не так сильно, впрочем, как могло бы. Мы шли не очень быстро — между десятью и пятнадцатью милями в час. Ускорение грозило бы нам неприятностями — грунтовка вся состояла из неожиданных кочек, ухабов и выбоин.

— Этот придурок хоть знает, куда едет? — поинтересовалась Кэт, аккуратно отпивая из трясущейся в руке банки. — Или он впервые увидел эту паршивую имитацию дороги и решил ее опробовать?

— Похоже что он специально искал ее.

— Может, она идет к ущелью, куда он скинул Брока.

— Куда бы она не шла, часто по ней не проезжают.

— С чего ты взял? Нет, она, конечно, довольно ухабистая и все дела...

— ...но даже самую ухабистую грунтовку рано или поздно укатывают так, что борозды от шин становятся, фактически, разделителями колеи, — заметил я. — Здесь же такого и близко нет. По ней проходят от силы пяток раз в год. Куда бы она нас не привела, местечки там безлюдные.

Мы отпили еще немного пива.

— Не будь у нас столько проблем, — заметила Кэт, облизывая крошки печенья с пальцев, — это была бы поездочка в духе Монти Пайтона. Весело и безопасно.

— Этот тип, Снег Снегович... в нем что-то есть от персонажей Пайтона.

— Да ну. Он кошмарен. Если б только мы могли о нем забыть...

— Я — уже забывал, — заметил я. — Когда мы целовались.

— Отвлекаться хорошо тогда, — назидательно сообщила мне Кэт, — когда точно

знаешь, что через пять секунд тебе не придется втаскивать себя волоком в отвратительнейшую рутину.

— Во всем есть свои плюсы, — пожал плечами я.

— Не знала, что ты такой философ.

— Платон — мое второе имя.

— Платон? Тот парень, что сам себя казнил, приняв яд?

— Да, то был либо Платон, либо Сократ, не помню точно.

— Выпить яду ты всегда успеешь, философ. Пей пиво.

— Если не возражаешь — выпью.

Я допил свой остаток, пока Кэт отщипывала от дюжинной упаковки на полу новые две банки и открывала их на прежний лихой манер — сразу две разом. Забрав у меня пустышку, она аккуратно сплющила ее и бросила под задние сиденья. Новая, приятно холодная банка легла мне в руку.

— Спасибо, — поблагодарил я.

— Еще печенью будешь?

— Несомненно. Почему бы и нет?

— Наслаждайся, — она помахала у меня над ухом пачкой. — Кто знает, что нас ждет дальше.

— Ущелье Брока, надо полагать.

— Да, и, боюсь, до него уже недолго.

— Вполне может быть, — уклончиво ответил я.

— Зачем ему вообще тащить нас в такую глухомань? Он ведь планирует возродить Эллиота, а не отправить в полет со скалы.

— Полет со скалы, — сказал я, чувствуя, как невольно холодеют внутренности, — запланирован для нас, Кэт.

— А, ну, может быть, и так. Ешь печеньюхи, пиво глуши — скоро тебя псих спихнет со скалы.

Мы смеялись. Нервозненько так, но смеялись.

Наверное, всему виной пиво. А может, и не только пиво. Может, конечно, показаться странным с моей стороны заявлять такое, но, черт побери, мы взаправду хорошо проводили время. У нас был настоящий автопикник. Мы с комфортом ехали по краю (по крайней мере, близко к тем краям), куда тысячи людей приезжали каждый год забавы ради, отдохнуть и развеяться. И разве не так называется этот новый, популярный вид отдыха — *бездорожничанье*? Идеально подходит под наш случай. Мы *бездорожничали*. Углублялись в самое сердце пустыни.

Что касается меня — моим пассажиром сейчас была моя единственная в жизни возлюбленная, более красивая, чем когда-либо, более загадочная, чем когда-либо... чего еще я мог пожелать?

С небольшими допущениями, это был *лучший* день моей жизни.

Наверное, и для Кэт это был прекрасный день. Знаю, я — не подарок, но у нас с ней вроде как наладились доверительные (и даже чуть больше, чем просто доверительные!) отношения. Но что куда важнее для нее самой — она наконец избавилась от Эллиота, который избавил ее от Билла. Впервые за долгие годы она была свободна от жестокости своих мужа и вампира.

И, по крайней мере — пока, она была свободна от безумных выходок Снега Снеговича.

Он не мог навредить ей сейчас. Он был заперт в фургоне.

Фактически, если бы мы действительно хотели убежать, мы могли бы просто развернуться и поехать в обратную сторону.

Мы не были заложниками ситуации.

В некотором смысле, мы были здесь с чисто добровольческой миссией — спасти заложников Снеговича.

У нас не было четкого плана действий, но я был уверен, что мы его рано или поздно придумаем и найдем приемлемый способ вытащить всех — нас, Пегги, Донни — целыми и невредимыми из этой заварушки. Да, я только надеялся. Надеялся, что так все и будет.

А пока что мы догоняли комету-фургон по ее пыльному следу, совсем как старикан Галлей некогда. У нас были пиво и сырны крекеры, и мы отпускали шуточки о наших невзгодах. Чем плохо такое времяпрепровождение?

Хотел бы я, чтобы так мы ехали вечно.

Когда моя банка опустела, я с улыбкой передал ее Кэт. Та небрежно бросила ее через плечо.

— Еще одну?

— Нет, лучше не надо.

— И я не буду. Не хочу напиться до бессознанки. Хочу остаться в боевой готовности.

— И то верно, — хохотнул я.

Кэт, захихикав, хлопнула меня по ноге.

— В ближайшем ущелье намечается Снегопад. Бюро погоды Сэма и Кэт гарантирует. Хочешь печенья?

— Я бы рад, да на диете.

— Зачем? Ты и так хорош. Ты даже больше, чем просто хорош.

— О, спасибо. Ты, кстати, тоже.

Она бросила свою пустую банку назад, затем аккуратно завернула края вскрытой пачки печенья и нагнулась, чтобы спрятать ее в пакет.

Я уличил момент и положил ей руку на спину. Ее рубашка была влажная. Тепло тела легко пробивалось через ткань. Легонько проведя пальцами вдоль ее хребта, я поднялся выше, к шее, аккуратно сжал плечо. Она вроде бы не возражала. Может быть, хотелось бы мне верить, ей было даже приятно чувствовать мою руку на плече.

Вот только когда мой робкий массаж перешел чуть ниже, к ее шее, она вдруг вздрогнула, ахнула и прикусила губу.

Я отдернул руку.

Сев неестественно прямо, Кэт оттянула воротник рубашки вниз и прижала руку к левой стороне шеи.

Меж ее пальцев потекла кровь.

Из пары отверстий от клыков Эллиота. Тех самых, что она показывала мне на пороге дома вчерашним вечером. Тех самых, что она показывала Снеговичу — чтобы доказать, что наша история о вампире не выдумка.

Я, видимо, разбередил их.

— Черт, — я мысленно отвесил себе подзатыльник. — Прости, Кэт. Я криворукий.

Она повернулась ко мне. В самых краешках ее глаз выступили маленькие слезинки, но, видимо, первая боль уже прошла.

— Все в порядке, — сказала она.

— Я забыл о твоих ранах.

Она усмехнулась и вытерла глаза.

— Я и сама забыла. — Уголок ее рта скользнул вверх. — А ты взял и напомнил.

— Я... мне... так стыдно.

— Забудь. Поначалу все было здорово. Ты просто всегда держи в уме, что я — использованный товар.

Использованный товар.

От ее слов мне сделалось дурно. Пусть даже Кэт попробовала отшутиться, все равно — ужасно было слышать, как она говорит такое о себе.

— Никакой ты не «использованный товар», — сказал я.

— Использованный-использованный. — Запустив руку в перчаточницу, она извлекла пару бумажных салфеток, припасенных там, и приложила к ранке. На белой поверхности тут же выступили две влажные красные точки. — Причем попользовать успели и душу, и тело.

— Но сломить не смогли ни то, ни другое, — добавил я.

Она улыбнулась немного печально и сказала:

— Да, верно, *еще* не сломанный. Но подожди, Снег Снегович еще успеет на мне отыграться этим вечером.

— Я ему не позволю.

— «Я не уйду покорно в сумрак смерти...» — произнесла она.

Я пристально посмотрел на нее, удивленный.

— Конечно же, не уйдешь. Откуда эти слова?

Она глянула на меня в ответ.

— Неужели ты забыл? Это же Дилан Томас! Тот поэт-валлиец, стихами которого ты забрасывал меня в то наше последнее лето. Помнишь, как мы декламировали «Папоротниковый холм» хором полупустой парковке?..

— Бог мой, — вырвалось у меня. Я не вспоминал о том лете долгое время. Вспоминая те прекрасные деньки, я всегда ввергал себя в чернейшую печаль, потому и избегал этих воспоминаний всячески — чтобы в один день они не свели меня с ума окончательно и не довели до ручки.

— Хотя, не только Томаса я помню с тех времен. Были другие потрясные стихи, — сказала тихо Кэт. — Как насчет вот этого? «В темноте, где-то рядом, тебя ощущаю, и в ветвистых туннелях несущих кровь вен...»

— Что-то знакомое.

— Еще бы не знакомое.

Тут меня осенило.

— Это что, я написал?

— А ты как думаешь?

— И ты... помнишь? Все это время?..

— Оно было у меня в альбоме. Да и не только оно. Много других.

— Ты их *сохранила*?

— Конечно. А это... Я всегда его любила. Знала наизусть — задолго до того, как в мою жизнь влез этот Эллиот. А потом... просто подумай, ты написал мне это чертовски эротичное стихотворение, когда мне было шестнадцать — со мной в роли вампира, — а потом, одним днем, на меня напал *настоящий* вампир. Странно все это. И как-то... жутковато, если хочешь знать мое мнение. Когда он присасывался ко мне... я не могла не

вспоминать. «И укусы твои кровь вскипать заставляют, побежденный — отринуть готов даже боль ради той, что испить моей жизни желает, ради той, что, впиваясь, мне дарит любовь».

Покрасневший до кончиков ушей, я выдавил улыбку.

— На слух — довольно неплохо.

— Ты помнишь название?

Я пожал плечами и предположил:

— «Цапни Меня Посильней»?

Она посмотрела на меня так, что мне сразу стало стыдно за свой идиотский юмор.

— Прости, — пробормотал я.

— Оно называлось «Невеста-Смерть».

— О...

— Это стихотворение... оно меня *преследовало* все время, что приходилось сносить набеги Эллиота. Оно заставляло меня воображать, что, будь я вампиром, я бы возвратила подонку сторицей... и какая-то часть меня утешалась. Наверное, именно поэтому вчерашней ночью я пришла к тебе, а не к кому-то еще. Твое стихотворение стало *частью* меня. Будто бы через все невзгоды со мной проходил ты.

— Если бы... — только и смог сказать я.

— Если бы?..

— Если бы я смог пройти через все с тобой.

Она выглядела немного озадаченной.

— Я имею в виду, будь я рядом — я бы смог спасти тебя.

— Спасти меня от Эллиота?

— Да!

— Ты спас.

— Но мог бы спасти гораздо раньше.

— Хуже, чем мне причиталось, я не получила, — сказала Кэт. — Когда ты решаешься на подобное... убить кого-то в отместку, пусть даже очень плохого человека... все заканчивается тем, что ты расплачиваешься. И плата страшна. Таковы правила.

— Ты пережила бы все это снова? — спросил я.

— Ты, наверное, шутишь. Конечно же, нет.

— Что бы ты тогда сделала по-другому?

— Зная все то, что знаю сейчас? О, я бы *все* сделала по-другому. Для начала — не вышла бы замуж за Билла. Это — первопричина. Если бы я не вышла за него замуж, всего этого не случилось бы. Я возьму еще пива. Ты будешь?..

— Конечно, почему бы и нет?

Она наклонилась за двумя новыми банками.

— Как думаешь, ничего, если мы будем под легким хмельком? Время просохнуть до того, как Снегович перейдет к активным действиям у нас, в принципе, будет.

— Ну да. Он же ждет темноты, — сказал я.

— Если мы поняли его правильно. — Она открыла банки. — Мы ведь правильно его поняли, Сэм?

Она вручила одну банку мне. Я поблагодарил ее и сделал глоток. Пиво все еще хранило приятную прохладцу.

— А вот не поручусь, — сказал я. — Он такой странный тип. Просто никто же всерьез не верит в вампирское бессмертие и во все эти сказки...

— Но Снег Снегович верит.

— Да что взять с парня, которого зовут как персонажа какой-то детской сказки?

Кэт усмехнулась.

— Только при нем подобное не ляпни. Я уже попыталась подколоть его на тему Белоснежки и отравленного яблочка. Получила оплеуху ни за что ни про что. У него хороший, тренированный удар. — Она произнесла это таким голосом, будто озвучивала какой-то любопытный факт. — Бедные ребята. — Она покачала головой, поднесла банку ко рту и отпила. — Не нужно нам было убегать от него тогда. Что бы он с ними не сотворил, это все ляжет на наши плечи. На *мои*, чего уж там. Они сейчас платят за мою дурость.

Желая хоть чуть-чуть отвлечь ее от незавидной судьбы Пегги и Донни, я спросил:

— Так что же было ошибкой номер два?

— Ну, коль скоро ошибка номер один — свести судьбы с Биллом, — сказала она, отхлебывая еще пива, — ошибкой номер два будем считать договор с Эллиотом. Хотя, если судить с более морализаторской позиции, ошибка номер два — *задумать* начать подыскивать наемного убийцу для расправы с мужем. Я ведь могла просто развестись с ним, так ведь? Но он убил моего ребенка. Это был личный счет. — Ее голос стал странным. — Он просто *оторвал* часть меня и смыл в унитаз. — Она повернулась ко мне, и я увидел, что глаза ее полны слез от края до края. — Когда кто-то убивает твоего ребенка, нельзя просто так это оставить.

— Да, — сказал я. — И ты не оставила.

— Я не думаю... — Она всхлипнула, потом сделала глубокий вдох. Утерла глаза, сделала еще глоток. — Я не думаю, что совершила ошибку. Билл был подонком. У меня не было выбора. А когда нет выбора, нельзя сказать — *ошиблась*. Ошибку нужно признавать, когда было, из чего выбрать... и выбран был худший вариант. Так что настоящая ошибка номер два — это Эллиот. — Она пожала плечами и содрогнулась, будто от отвращения. —

Кто бы мог подумать, что он — вампир? Я ведь даже не верила в вампиров... ну, тогда... раньше.

— Мало кто в них верит, — отметил я.

— Ну, вот Снег Снегович — верит.

— Таких, как он, немного. Нам просто повезло наткнуться именно на него.

— *Повезло*, говоришь? — спросила она с мрачным, отрывистым смешком. — Что-то не вижу я особой удачи.

— Да, думаю, это тоже часть Проклятия Мертвого Вампира.

— Похоже на то. Эллиот продолжает мстить нам за свою смерть. — Оглянувшись через плечо, она нахмурилась и крикнула: — Эй, Эллиот! Дай нам передышку, а? Большой урод!

Наши глаза встретились, и с ее губ слетел еще один сухой смешок.

— Прости. У меня уже немного крыша едет.

— Не бери в голову.

— На чем я там остановилась? Ах да. Вторая ошибка. Правильно. Знаешь, а я ведь даже не думала, что история с намеренным убийцей будет иметь какое-то продолжение. Думала, это как в магазин сходить... платишь деньги за услугу, услуга оказывается, все. А продолжение вон какое оказалось. Лежит сейчас, мать его так, в нашем багажнике. Ни за что бы не наняла его, если б знала, что он вампир.

— Почему ты наняла именно его? — спросил я. — Неужто *клыков* не заметила?

— Кстати, о клыках. Их *не было* у него во рту, когда мы встретились. И вообще, он производил впечатление неплохого парня. Да, он выглядел жутковато... как какой-нибудь злодей немого кино. Ты сам его видел.

— Ага. Вылитый граф Орлок.

— Вот и верь потом словам про книгу, которую по обложке не судят.

— Тут просто иной случай.

— Ну да ладно. Он был вежлив со мной.

— Где ты нашла его?

— Он нашел меня. На побережье Санта-Моники, около двух часов ночи.

Мне потребовалось минутка, чтобы осознать ее слова. Сначала я подумал, что ослышался.

— Побережье Санта-Моники? Два часа? Ты рехнулась? Кто там только не ошивается по ночам! Тебя могли саму убить!

— Забавно, что ты сказал, — она одарила меня грустным взглядом. — Той ночью меня *почти* убили. Я набрела на какую-то подвыпившую компанию... их было трое.

— Какого черта ты забыла ночью у моря?

— А ты как думаешь? Я искала кого-нибудь, кто согласился бы убить Билла за деньги. А если тебе нужен кто-то, кто согласится, тебе дорога не в городской совет. А туда, где все эти странные люди обретаются.

— Но, Бог мой...

— Ты будешь слушать дальше? Ты уверен, что *хочешь* услышать?..

— Да. Прости. Продолжай.

— В общем, я столкнулась с троицей не вполне адекватных парней на берегу. Едва их заприметила — сразу поняла: жди беды. Попробовала убежать... почти удалось. Когда нужно, я — прекрасная бегунья. Но один из них был чертовски быстроног. В средней школе, наверное, был чемпионом по бегу. А один из них еще и запустил в меня чем-то. Смешно, но,

по-моему, это был *бумеранг* — можешь поверить? Ну, в общем, я упала... они избили меня... потом изнасиловали.

Она выпила еще немного пива, затем вздохнула и уставилась отсутствующим взглядом куда-то вперед, за ветровое стекло. Молчала несколько минут, будто вспоминая.

— Потом они ушли. Унесли с собой мой кошелек и мою одежду. Все, что только у меня тогда с собой было. Я лежала на холодном песке и истекала кровью. Мне досталось так сильно, что я едва могла двигаться. Как доберусь до дому — вообще не представляла.

— Как далеко был твой автомобиль? — спросил я.

— Дома. Я шла пешком. До побережья от моего дома каких-то две-три мили. Я полагала, что у меня будет больше шансов встретить потенциального убийцу, если я буду идти пешком. Но после того, что произошло... я еле-еле могла шевелиться, и я была совсем голая. И не хотелось мне, чтобы кто-то видел меня в таком виде. Уж точно не полицейские, которые непременно подобрали бы меня. Я не знала, что делать. Я плакала навзрыд.

— Понятное дело, — тихо сказал я.

— Я вообще много плачу.

— У тебя на то много причин.

— Да нет, я просто размазня. — Она попробовала улыбнуться. — Так или иначе, я лила слезы в три ручья и ползла по песку, когда Эллиот нашел меня.

— А что *он-то* делал там в такой час?

— Не знаю, наверное, ждал у моря погоды. На меня он набрасываться не стал. Может, уже высосал кого-то досуха в ту ночь. Кто знает? Сначала я его испугалась. По нему сразу было видно — тип непростой. Я уже почти была готова к тому, что он начнет там же, где те три товарища бросили, а потом, скорее всего, убьет меня. Но нет, он показал себя с лучшей стороны. Первое, что он сделал — снял свой плащ и завернул меня в него.

— На нем уже тогда был плащ?

— На нем он был *всегда*.

— А под плащом-то хоть что-то было?

— Еще бы. Черный вечерний костюм. — Она улыбнулась. — Ночка была не из теплых.

— Я просто подумал — мало ли, вдруг он все время в плаще на голое тело щеголял.

— Нет, только в доме. И, может быть, в жару. Я не задавала ему много вопросов. Тогда я думала, что он просто этакий мрачный маргинал — полуночник, слишком уродливый для дневного света. В общем, за плащ я была ему благодарна. Стылый песок — не лучшее ложе, а если еще учесть, что на мне ничего не было... да, хочешь не хочешь, а научишься так ценить солнечные деньки.

— Может, выключим кондиционер? — спросил я. Только сейчас до меня дошло, что я дрожу и весь покрыт мурашками. Впрочем, вряд ли тому виной были волны прохлады, подпускаемой умной автоматикой в салон.

— Нет, не стоит, — ответила Кэт. — Если мы его выключим, мы зажаримся тут. — Она приложилась к банке еще раз. — Вот так я и повстречала Эллиота. Он стал моим спасителем. Было бы куда лучше, появись он раньше... но, по крайней мере, мне не пришлось топтать домой голой, избитой и вымазанной в крови и песке. Он обернул меня в плащ и отнес к своей машине.

— У него была машина?

— Да, катафалк.

— Ох.

— Впечатляет, да?

— Не так уж чтобы. Я удивлен, что он не полетел с тобой до дома.

— На крыльях летучей мыши? Ну, тогда бы я точно что-то заподозрила.

— Катафалк недостаточно подозрителен?

— Он сказал, что работает в похоронной кампании. Этого мне хватило. Я просто хотела вернуться домой, и благодарила своего ангела-хранителя за то, что подослал мне Эллиота. Он вел себя по-джентльменски. Не откалывал шуточек. Подвез к дому и проводил до самой двери.

— Где был Билл все это время?

— В Сан-Франциско, на конвенте врачей. То была ночь субботы, и до понедельника он возвращаться домой не собирался. Так что...

— Как ты попала в дом? Он же был заперт?

— Да, но в гараже есть ключ-близнец. Я послала Эллиота за ним и уселась ждать на крыльце.

— Мне просто любопытно. Люблю подробности.

— В тебе живет писатель.

— Наверное. Так что случилось потом, когда ты вышла?

— Я заперлась в ванной где-то на час. — Странно посмотрев на меня, она добавила: — Мне, знаешь ли, по душе принимать долгие ванны после избиений и изнасилований. Просто потому что это не то, что нужно делать. Нужно звонить в полицию, они забирают тебя для сбора улик, кто-то скоблит тебя в поисках семени, прочесывает лобковые волосы, если они у тебя есть. Я прошла через такое однажды и не хотела повторять. В том-то и суть — я знаю, что не должна мыться, но все равно это делаю. Так же и той ночью... утром. Было уже около трех часов утра.

— Эллиот ушел?

— Нет, он ждал. — Повея плечом и посмотрев на меня с полустесненной усмешкой, она сказала: — Он был в ванной со мной.

— Пока ты мылась?

— Да. Я была не против. Я уже была голой, когда он нашел меня. Он был хорошим, не пытался на меня наброситься. Я все еще была напугана всем произошедшим и не отошла от боли. Потому и решила — ничего плохого в том, что он составит мне компанию. К тому же он был настолько уродлив, что мне было его жаль. Вряд ли ему часто выпадал шанс... ну... сам понимаешь. И я была рада, что кто-то есть неподалеку.

— Сколь обходительно для него.

— Отнесись к этому попроще, Сэм.

— Что ж, знаешь ли...

— Может быть, тебе лучше обо всем этом не знать.

— Нет! Нет. Я послушаю. Но... просто... — я тряхнул головой.

— Надеюсь, ты ему не завидуешь? Для этого просто нет причин.

— Знаю, — сказал я.

И солгал.

Конечно же, я завидовал. Ведь это он нашел Кэт той ночью. Он завернул ее в свой плащ и отнес к машине. Он берег ее покой, пока она мылась.

И это было, черт побери, не все.

— Мы ничего такого не делали... Я принимала ванну, он сидел на крышке унитаза. Мы

разговаривали. Он был... очень участлив со мной. Был обеспокоен. Мы очень долго с ним говорили. После ванны мы спустились в гостиную, я сделала нам коктейли и мы продолжили.

— Что...

— Я была в его плаще. Он дал мне его после ванной, и...

— Я хотел спросить, что вы пили. — Солгал я. Как раз то, что на ней было надето, волновало меня больше всего.

— А, — улыбнулась она. — Мартини с водкой.

Ее ответ меня удивил.

— Он пил спиртное?

— Три бокала на душу.

— Вампиры что, *выпивают*?

— Он — да. Я не подозревала в нем вампира.

— А кем он, по-твоему, был? Джеймсом Бондом?

— Ага. Очень уродливым Бондом. Галантный... обходительный... участливый. Мы продолжали говорить в основном обо мне. Про себя он рассказывал крайне уклончиво.

— Причины-то были, — хмыкнул я.

— Да, как выяснилось. Но под конец я рассказала ему все. Началось с того, почему я была на пляже поздней ночью. Я тоже старалась отвечать загадками... сам понимаешь, до него я никому не выбалтывала, что ищу киллера. Да и потом, могла ли я ему до конца доверять? Нет, не могла. Но, повторяюсь, мы говорили долго... и я сама выпила бокал другой... и все-таки сказала ему. Сказала, что ищу того, кто согласится убить моего мужа. Он посмотрел мне прямо в глаза, взял за руку и спросил: «Почему вы вдруг возжелали смерти благоверного?» Да, вот так цветисто он выразался... и я ему все-все выложила.

— Даже про аборт?

— Нет. Нет, *о таком* я рассказать не могла. Наверное, следовало бы, но... — Она покачала головой. — Слишком больно было об этом говорить. Я сказала ему, что Билл постоянно изменяет мне с кем попало, и я боюсь подхватить от него СПИД. И еще — что он меня жестоко избивает. В общем-то, неправды я не сказала. Эллиот поверил мне. Внимал каждому слову, и что-то в его взгляде менялось. Его мой рассказ буквально *заворожил*. Он, можно сказать, на крючок попался... ну, я и поднажала. Повела пару... семейных историй. О том, что Билл со мной делал. В основном это все были извращения, издевательства... с кровавыми подробностями. Эллиот, слушая, почти не дышал и начал выглядеть страшновато. А я и думать не думала о вампирах... самое страшное, что я могла разглядеть в нем — пассивного садиста, которому нравятся подобные истории. Ну я и подумала — почему бы не предложить *ему* разделаться с Биллом.

— Значит, ты и во мне видишь пассивного садиста? Поэтому меня выбрала?..

— Нет, в тебе я вижу парня, который был мной одержим.

— Всяко лучше.

Ее банка опустела, и она бросила ее за спину. Я допивал свою.

— Мне даже не пришлось просить Эллиота. Мы сидели на диване, в моей гостиной. Он пил третий бокал мартини. Я только закончила рассказывать ему, как Билл вырезал мне на годице свои инициалы, когда...

— Билл... вырезал?..

— Ну да. Это еще не самое плохое, что он себе с рук спускал. Вырезал скальпелем... во

время нашего медового месяца.

— *Медового месяца?!*

— Наш брак, увы, сразу показал свои коготки.

— О Боже.

— В общем, у Эллиота буквально *слюна закапала*, когда я ему это рассказала. Стоило бы обратить на это внимание, да? Потом он выпалил: «Я убью его для вас! Я отрублю мерзавцу и распутнику его больную голову!» И... он это сделал. *Именно это*. Буквально.

— Мы не хотели, чтобы убийство выглядело запланированным, — сказала Кэт. — Мне *нужно* было хоть какое-то алиби. Чтобы полиция ни к чему не смогла прикопаться. Поэтому нападение на Билла нужно было обставить таким образом, будто и для меня это — полнейшая неожиданность.

— Держу пари, то была твоя идея, — сказал я.

— Верно, моя. — Ее улыбка казалась немного грустной. — Я у мамы хитрая.

Я опустошил свою пивную банку и бросил через плечо. Она звякнула обо что-то — не то о рукоятку лопаты, не то об ледоруб. Звук заставил меня чуть вздрогнуть.

— Идея состояла в том, что мне нужно было в итоге тоже стать жертвой. Как и Биллу. Разница лишь в том, что я бы потом уцелела, а Билл бы — нет.

— Думаешь, копы не прочуюли бы?..

— Несомненно, попробовали бы. Иногда люди обстрипывают подобные дельца. Стреляют себе в ногу, или даже отрезают себе палец-другой, и все в таком духе, а потом заявляют, что на них кто-то напал. Для распутывания таких хитроумных дел и существует детективная работа. Но я подумала, что если мне крепко достанется от Эллиота, они ничего не заподозрят. Это я ему и объяснила. Что мне тоже придется как-то... *повредиться*. Он сказал: «Не беспокойтесь, леди, я позабочусь и об этом». Да... позаботился. — Она помрачнела. — В другую часть плана входило ожидание. До того, пока я не оправлюсь от нападения на берегу. Нельзя было, чтобы копы подумали, что Билл был из тех парней, что души не чают в избиениях женушек. Это дало бы мне мотив убить его, так? Потому я предложила Эллиоту договориться по телефону о подходящем времени. Он сказал, что телефон — способ ненадежный, звонки отслеживаются, и вообще, лучше нам с ним не иметь вообще никаких контактов до окончания дела. Куда удобнее ему будет просто следить за мной и *самому* подгадать момент. Звучало жутковато. Но я согласилась. В чем-то это было даже лучше. Нападение застигло бы меня врасплох в той же степени, что и Билла.

— Боже. И оно?..

— Оно *застигло*, уж будь уверен. Прошло что-то около трех недель. Случилось это ночью. В то время, когда я меньше всего ожидала. Боже, как сейчас помню... мы с Биллом поехали в ресторан в Беверли-Хиллз. Был мой день рождения. Эллиота я и в мыслях не держала. Когда мы вернулись домой, мы пили шампанское в гостиной комнате — ушла целая бутылка. И Билл вручил мне подарок на день рождения. Длинную ночную рубашку. Прозрачную, конечно же. И красивую. Он повел меня в спальню и заставил ее надеть. Потом включил музыку и сказал мне взобраться на кровать и танцевать для него. Его не интересовал танец *со* мной. Он хотел, чтобы я была одна. Как стриптизерша. Я не хотела, но... он настаивал, и, пойми, он умел убеждать, умел добиваться именно того, что нужно ему. Если бы я отказалась, он бы на мне отыгрался. Потому я и поднялась на кровать. И начала танцевать для него. Чувствовала себя законченной душой... поначалу. Но потом я вдруг... поймала волну всего происходящего, что ли. Я вдруг отстранилась от *своего* взгляда на ситуацию и поставила себя на место Билла. И увидела себя со стороны... как будто Саломею, исполняющую Танец Семи Вуалей. И, черт меня побери, если это *незаводило*. Меня, его... и Эллиота, как оказывается. Он заперся в шкафу и смотрел.

Совсем как я прошлой ночью.

Только вот на место истязателя Кэт встал он сам, а на место палача истязателя встал я.

— Я не знала, что он был там, — продолжала тем временем Кэт. — Понятия не имела. Я, смешно сказать, даже не знала, был ли Билл в комнате. Было темно, и мой собственный танец меня же загипнотизировал. И вдруг Билл вышел из мрака и подошел к кровати. Голый. Я ведь почти никогда не видела его раздевающимся, знаешь? Каждый раз он просто выскакивал из темноты, без одежды, и плюхался рядом со мной. И в этот раз мне это не понравилось. Он *нарушил порядок*. Пустил коту под хвост всю мою иллюзию... как пускал коту под хвост *все* в моей жизни до этого. И поэтому я перестала танцевать и лягнула его. Он так и покотился с кровати. Рухнул на пол так, что стекла звякнули. Большого вреда я ему не нанесла... он почти сразу поднялся на локтях и улыбнулся мне. Своей *плохой улыбкой*. От которой добра не жди. И сказал мне: «Иди-ка сюда».

Она помолчала.

— И у него дико *стояло*. Вот что было ужасно. Я закричала. Но дыхания не доставало. Уж конечно, меня бы не хватило тогда на то, чтобы сказать ему, как я сожалею, что все так вышло, и что я никогда больше так не сделаю, и что он должен пощадить меня хотя бы в мой день рождения... нет, все, что получалось — сдавленно кричать и плакать. Ужасно. Не хотела бы я, чтобы ты меня *такой* видел, Сэм.

— Лучше бы я видел! — тряхнул я головой. — Лучше бы я был там, Кэт, потому что я бы смог тебе *помочь*!

— Да, конечно, — кивнула она. — Ты бы *помог*, а не отсиживался бы тихо в шкафу, наблюдая... как Эллиот. Ну не шутка ли? Он даже пальцем не пошевелил, чтобы мне помочь. Билл все твердил, как заевшая пластинка — «иди сюда, иди сюда». А я так и замерла, как камень. Тогда он сам взлез на кровать. Я вжалась спиной в стену. И он схватил меня за горло. Принялся душить, улыбаясь, как идиот. Другой рукой он разорвал ночнушку... я не могла сопротивляться, не могла даже дышать, куда там — кричать или умолять его! Все, что оставалось — стоять и терпеть. Терпеть его удары... его щипки... и его вонючий член внутри себя. И эту его проклятую улыбку! — Слезы вновь показались на ее глазах. Мое сердце *разрывалось*. — А Эллиот! Он просто сидел в шкафу и *смотрел*! Вот уж кому было хорошо, наверное! Когда Билл со мной закончил, я уже просто не могла *стоять* прямо. Но он меня заставлял. Прижимал, пока я не выпрямлялась. И вдруг... когда он кончал в очередной раз... у него вдруг не стало головы. — Кэт слотнула. — Я не заметила, как Эллиот вышел. И до сих пор не знаю, как у него выходило так здорово скрываться. Это было ужасно. Билл тыкался в меня, и вдруг его голова слетела с плеч. Упала на пол, стукнулась, подпрыгнула, как... как... *мяч*. Вот она у него еще была — а вот вместо нее уже кровавый фонтан. И эта кровь... она ударила меня по лицу, словно влажная тряпка. Потекла у меня по плечам. По груди. Потом на стене остался мой силуэт. Портрет, черт его возьми... произведение искусства. «Женщина-невидимка в ореоле крови», художник — Эллиот «Долбанутый» Вампир. — Она выдавила улыбку, но то была страшная, пробирающая до дрожи улыбка человека на грани срыва. — Знаешь, *чем* этот маньяк это сделал? Гребаным *мечом*. Вроде тех, что носят всякие Рыцари Круглого Стола в фильмах. Боже. — Кэт крепко зажмурилась и покачала головой. — Его пасть была широко открыта. Язык вывалился. И *клыки* были при нем. Одет он был в плащ... под ним был голый. Он был *дьявольски* возбужден. Я стояла, придавленная безголовым Биллом, застывшая от ужаса, и тут этот псих взмахнул мечом и *разрубил Билла надвое до пояса*. Только тогда вся эта куча упала...

растеклась... и я, я упала на *это* сверху. — Она помотала головой. — Боже, Сэм, я *не могу*.

Она сделала несколько быстрых, глубоких вдохов и уставилась куда-то вперед, за ветровое стекло. Я продолжал вести, придерживаясь дистанции между нами и фургоном, чтобы пыль из-под его колес не мешала обзору.

Вскоре я начал думать, когда же мы все-таки остановимся.

По грунтовке мы катили уже довольно долго.

Теперь, когда Кэт замолчала, я осознал, что выпитое пиво потихоньку начинает давить на мочево́й пузырь. Может, Кэт чувствовала сейчас то же самое, но признаться не решалась.

И вдруг она заговорила снова:

— О том, что произошло после того, как он располовинил Билла... не знаю, смогу ли рассказать. Слишком... слишком ужасно.

— Куда уж ужасней, — пробормотал я.

— Если бы я... только *подумала* бы об этом... — Она снова покачала головой, снова глубоко вздохнула. — Вот тогда я поняла, чем на самом деле являлся Эллиот. Он сбросил меня с остатков Билла... и то, что он начал с ними вытворять... я просто смотрела. Сказался шок, понимаешь. Просто смотрела... но потом до меня дошло. И я вскочила и побежала к окну. Хотела выпрыгнуть. Но тот защитный экран, он мне помешал. Я тебе о нем ведь уже говорила...

— Да. Я помню.

— Эллиот втащил меня обратно в комнату. Швырнул на пол. Рядом с головой Билла. — Она бросила взгляд за окно дверцы и сказала: — Потом Эллиот принялся за меня. По-своему. По-вампи́рски. После его выходок я на две недели загремела в больницу. — Обратив взгляд ко мне, она выдавила еще одну измученную улыбку. — Во всем этом был лишь один позитивный момент: полицейские даже попробовать не стали подозревать меня... или как-то еще обвинять. Нарочно пройти через то, что прошла я? *Конечно же*, они отмели эту версию. Потому что она была попросту *нереальной*. Не стали подозревать ни потом... ни просто даже для того, чтобы не остаться один на один с «глухарем». Мой план увенчался успехом: они сошлись на том, что нас с Биллом атаковал какой-то ну совсем уж безумный маньяк.

— Они ведь были правы, — тихо добавил я.

— Конечно. Так или иначе, они долго вели расследование, но ни на одного подозреваемого не вышли. И об Эллиоте так и не узнали. Где-то через неделю после того, как я выписалась, он заявился ко мне домой.

— За деньгами? — спросил я.

— Нет. Я заплатила ему вперед — в ту же ночь, когда мы сговорились.

— В ночь, когда он нашел тебя на побережье?

— В ту самую. У меня были припрятаны кое-какие сбережения. Десять тысяч наличными. Я отдала ему их — так что не было у него резона приходить ко мне снова.

— Ты заплатила всю сумму вперед?

— Так было надежнее.

— Он ведь мог просто ободрать тебя, как липку.

— Лучше бы он так и сделал.

— Да, — сказал я, помолчав. — Лучше бы. Точно.

— Билл был плох, но Эллиот был хуже. Много хуже. Знаешь, что он сделал в первый свой, скажем так, *неофициальный* визит ко мне? Принес подарок. Черную прозрачную ночнушку. Совсем как Билл. Потом он заставил меня обрядиться в нее, залезть на кровать и

танцевать.

— Серьезно?

— Серьезнее некуда. Не очень-то мне этого хотелось... но я видела Эллиота в действии.

И попросту *боялась* его разозлить.

— Понимаю.

— Он хотел все *переиграть*, — сказала Кэт с содроганием. — Со мной в роли меня и собой в роли Билла. И мы переиграли... но в самый критический момент, когда он прижал меня к стене, он вошел в меня не только... снизу. Он вцепился мне в шею клыками.

Насиловал. Ипил кровь.

Одновременно.

— Он пришел и следующей ночью... и следующей. И много раз — после. Остальное ты знаешь. Бывали времена, когда он исчезал из моей жизни... давал мне чуть-чуть оправиться, надо полагать. Но потом — появлялся снова. Длилось это год... а мне казалось — тысячу лет. И то, что он делал... не просто какие-то жестокие выходки, нет. Иной раз это были попросту *дьявольские* выходки, другого слова не подберу. Даже рассказать толком, боюсь, не выйдет... о всем том, что он со мной делал и что *заставлял* меня делать. Иногда он откуда-то приводил других. Незнакомцев. Бывало — охотников, бывало — жертв. Жертвы всегда кончали плохо. Иногда он принуждал меня... ну... *довершать* за него.

— И ты?.. — Я округлил глаза.

— А что мне оставалось делать? Выбора не было... да и мало живого после него оставалось. Это был скорее акт милосердия. — Она помолчала. — Сэм, можно мне выйти по делам? Все это пиво... я сейчас лопну.

— Я тоже, — признался я. — Притормозим?

— Посигналь Снеговичу для начала. Пусть не думает, что мы что-то против него затеваем.

— Право слово... — сказал я и несколько раз погудел клаксоном.

Сбросив скорость, я просигналил еще раз и остановил машину. Впереди остановился и фургон. Шлейф пыли от него приплыл навстречу нам, влекомый бризом.

Поскольку нас гнали страх перед Снеговичем и боязнь за жизнь его заложников, в пустыню мы решили не отбегать и пожертвовать приватностью.

Снаружи было ошеломляюще жарко. Жара буквально давила на макушки. Заставляла одежду съеживаться и липнуть к телу.

Я управился за две минуты и вскоре уже сидел в автомобиле, захлопнув свою дверь. Кэт потребовалось больше времени. Казалось, что *много* больше — из-за того, что даже мощный кондиционер не мог конкурировать с палящим зноем пустыни, заползающим в салон через открытую дверь. Наконец, дверь за Кэт закрылась.

— Та еще духовка, — выдохнула она.

— Я заметил.

— Боже святой.

Я чуть проехал вперед, но фургон остался стоять на месте.

Не шелохнулся даже.

— И что теперь? — спросила Кэт.

— Не знаю, — отозвался я.

Подъехав еще чуть-чуть поближе, я остановил машину в нескольких метрах от задника колесного реликта Пегги. Посмотрел на Кэт. В ее глазах отчетливо читалось волнение.

У меня на душе тоже начали скрести кошки. Я ждал плохих новостей.

Дверь фургона с водительской стороны распахнулось.

Пегги прыгнула на землю — ее платье взметнулось у колен, и, как бы она его не придерживала, даже мне стало ясно, что Кэт не соврала мне тогда — на ней под ним совсем ничего не было.

Ветер прижал подол сарафана к тощим ногам Пегги, разбросал ее волосы. Прикрыв глаза рукой и приопустив голову, она зашагала к нам.

Я поставил машину на тормоза и опустил стекло со своей стороны.

Склонившись навстречу мне, Пегги оперлась рукой о борт машины, но тут же ойкнула и отдернулась, будто ненароком прислонившись к раскаленной печке. Встав прямо, она отошла на несколько неровных шажков и согнулась в коленках — так, чтобы ее лицо было на одном уровне с моим.

Темные очки все еще были на ней, и глаз ее мне было не видно. В целом кожа ее лица, невзирая на долгое пребывание под солнцем, выглядела болезненно-бледной. Пряди волос прилипли к ее мокрому лбу и щекам. Верх ее сарафана тоже промок. Пегги выглядела изнуренной и несчастной.

— Что случилось? — спросила ее Кэт, выглянув через мое плечо.

— Он хочет обменяться, — сказала Пегги.

— В смысле — обменяться? — спросил я.

— Меня — на Кэт.

Мое сердце убежало в пятки.

— Мне придется ехать с вами, — видимо, не встретив понимания на моем лице, терпеливо растолковала Пегги. — А Кэт будет в фургоне, с ним и с Донни.

— Какой смысл?..

— Я не знаю! Он просто *так* вдруг захотел!

— Что он хочет с ней сделать?

— Он не говорил.

— Я пойду, — коротко сказала Кэт.

Я придержал ее.

— Нет, не пойдешь. Сиди и не двигайся.

— Она *должна*, — наседала Пегги. — Он убьет Донни, если вы не слушаетесь!

— Я и правда должна, Сэм, — произнесла Кэт. — Это все моя вина.

— Нет. Ты что, не понимаешь, что тебя ждет? Он будет пытаться тебя!

— Меня прежде уже пытали.

— Но меня с тобой не было.

— Я буду в порядке, — ее рука легла на ручку двери.

Я успел ее перехватить — у самого запястья.

— Нет, — твердо произнес я.

— Сэм, не будь...

— Нет. Ни в коем случае. В фургон ты не пойдешь — это *не обсуждается*.

— Он отрежет голову Донни, — захныкала Пегги.

— Иди и скажи ему — пусть хоть на потолок залезет, но Кэт ему не видать.

— Сэм, отпусти меня, — дернулась Кэт.

— Не могу.

Она внимательно посмотрела мне в глаза. Ее собственный взгляд был довольно-таки странным. Вроде бы — и сердитый, и подозрительный... но в то же время благодарный.

— Я *должна* пойти с ним на уступки, — проговорила Кэт.

— Не должна. — Я повернулся к Пегги. — Вернись в фургон и скажи ему, что Кэт останется здесь. Если он хочет сменить водителя, он может взять меня. Я разрешаю ему поменять тебя на меня, но не на Кэт.

В глазах Пегги плескалось неверие. Она вцепилась в свои спутанные волосы.

— Вы что, хотите, чтобы моего брата убили?!

— Он не станет убивать Донни, — покачал головой я. — Ты сама подумай! Донни — это его основной рычаг давления на всех нас! Так что вернись и скажи Снеговичу, что он может взять меня, если хочет, но Кэт ему не видать, как своих ушей!

Слезы заструились из-под темных очков Пегги на ее бледные щеки.

— Какой же вы прогнивший собственник и трус! — наградила меня она.

— Пегги, успокойся, — воззвала к ней Кэт.

— Но так и есть!

— Ты брала наш нож? — спросила вдруг Кэт. Столь резкая смена темы даже меня застала врасплох.

— Эм? — Глаза Пегги метнулись в ее сторону.

— Нож, который был у нас на заднем сиденье. Вы забрали его вместе с?..

Она сняла темные очки. Утерла запястьем слезы. Фыркнула.

— Даже если так, то что?

— Это, я так понимаю, «да», — пробормотал я.

— Ты взяла его, чтобы порезать салями, или?..

— Это уже мое дело!..

— ...или для того, чтобы воткнуть его Снегу в спину?

— Быть может.

— Так чего ты ждешь? — спросил я.

— Я не могу так... Он такой здоровый. Если не застать его врасплох... — Она тряхнула головой. — Я жду хорошего шанса, но... но... просто не могу. Я не знаю, смогу ли я... это ужасно, и... и если у меня не выйдет, он убьет и меня, и братика.

— Где сейчас нож?

— Под моим местом.

— Под сиденьем водителя?

— Да. Я приспособила его там, пока он не смотрел.

— Пока он не смотрел, ты должна была *приспособить* его ему в шею, — бросил я.

— Успокойся, Сэм, — Кэт положила мне руку на плечо.

— Она хочет спасти брата, но боится убить этого придурка!

— Не нам винить ее. Снег Снегович — тот еще тип. Он не будет подставляться поглупому. Кинься она на него с ножом, он бы его отобрал, и... неизвестно, чем бы это для нее кончилось.

Взвыл клаксон фургона.

— Мы слишком долго возимся, — нервно сказала Пегги. — Выходите, Кэт, вам...

— Она *никуда* не выйдет! — отрезал я, не ослабляя захвата на запястье Кэт. — Иди и скажи Снеговичу об этом. Он может поменять меня на тебя. Но не на Кэт. И напомни, что пока что наше сотрудничество было весьма хрупким, но взаимным. Мы могли развернуться и уехать. Все, что нас держит — наше желание спасти тебя и Донни. Передай ему это. И добавь, что мы уедем, если он начнет кобениться. Фургончик у вас, видит Бог, не вчера с конвейера сошел. От такой рухляди мы сумеем оторваться, так ему и передай.

— Кэт, помогите мне, пожалуйста, — решила Пегги обратиться напрямую, поняв, что со мной каши не сварить.

— Я хотела бы, — и, хоть Кэт и сказала так, попытки вырваться из моей хватки она не предприняла. — Скажи этому типу, Сэм меня не...

Клаксон завопил, как резанный. На этот раз он выдал где-то пять-шесть протяжных воплей подряд. Снег Снегович терял терпение.

— Лучше поторопись, — посоветовал я Пегги.

В глазах девушки полыхнул огонь.

— О, как же я вас ненавижу. Грязный собственник.

— Шевели ножками.

Гордо вскинув голову, она развернулась и пошла к фургону.

— Ну и дела, Сэм. Слышал, как она выражается? *Грязный собственник*. — Слабая тень улыбки скользнула по губам Кэт. — Не хочешь себе такую интересную попутчицу?

— Не хочу.

— Теперь-то ты меня отпустишь?

— Обещаешь не убежать?

— Да. Эй, даже на минуту не вздумай втемяшить в голову, что я *хочу* пойти к этому головорезу.

— В мыслях не было. — Однако, даже когда я осторожно выпустил ее запястье и она продолжила сидеть смирно, осталось у меня некое предубеждение, согласно которому Кэт, возможно, *желала* пересесть к Снеговичу... может быть, даже бессознательно — ведь, в конце концов, именно она подбила меня на побег от него, но кто знает, вдруг, после всех издевательств, выпавших на ее долю от мужа, от Эллиота, от трех косых ублюдков на пляже,

у нее выработалась этакая противоестественная *привязанность* к откровенно порочным мужчинам?

К ней ведь, выходит, буквально *липнут* благоприятные обстоятельства для избиений, унижений и изнасилований.

Но не винить же ее в этом!

Я перестал об этом думать, когда Пегги дошла до открытой двери фургона. Встав перед ней, она не стала подниматься в кабину, а заговорила с кем-то внутри. Слов было не расслышать — внутри шумели двигатель и кондиционер, снаружи завывал ветер.

— Он, кажется, не собирается принимать наши условия, — сказала Кэт.

Пегги отчаянно, будто дирижер, жестикулировала. Что бы Снегович не отвечал, ей это явно было не по душе. Она даже указала на меня и повертела пальцем у виска. Видимо, и это не произвело впечатления на седого бандита. Тогда, встряхнув головой, она прижала одну руку к груди и вытянула другую, будто на свадьбе перед церковным алтарем.

— Она спрашивает его, — пояснила Кэт.

Внезапно, Пегги широко раскинула руки и крикнула:

— НЕТ!

Даже мне было прекрасно слышно.

Звук этот царапнул по моему сердцу.

Смешно и как-то по-мультяшному подпрыгнув, Пегги влетела в кабину фургона. Секунду все, что мы могли видеть — ее барахтающиеся в воздухе ноги; похоже, на ступеньку она приземлилась коленками. Потом что-то резко *выбросило* ее из кабины, будто кто-то, кто был внутри, пнул ее ногой. Звучно шлепнувшись о дорогу, Пегги дернулась — и так и осталась лежать, разбросав руки. Над ее телом взметнулись облачка рунтовой пыли.

Ветер унес их.

Картина застыла — из фургона так никто и не вышел, Пегги распласталась по земле.

— Знаешь, вот что ты мне ни говори, а я все же пойду, — сказала Кэт. — Что-то мне это все не нравится. — Она открыла свою дверь.

Я дернулся навстречу, но опоздал — пальцы ухватили только краешек ее рубашки. Она без труда вырвалась и побежала.

Пегги наконец-то зашевелилась. Попробовала приподняться на локтях.

Я распахнул дверь. Пока я выбирался, Кэт, с поднятыми руками, будто сдаваясь, уже была на полпути к распахнутой дверце.

— Я согласна, Снег! — кричала она на бегу. — Я иду! Оставь ребенка в покое!

До дверцы оставались считанные шаги.

Метнувшись обратно за руль, я, отчаявшись, снял машину с тормозов, рванул на себя рычаг передач и вдавил педаль газа. Взревел двигатель, тонко завизжали шины. Автомобиль рванулся вперед, будто пущенный из пушки. Кэт уже была одной ногой в фургоне.

Потом — повернула голову. Ее глаза распахнулись широко-широко. Губы удивленно округлились.

Кэт еле-еле успела спрыгнуть, когда я протаранил тылы фургона.

Руки мои согнулись, и лоб едва-едва не повстречался с рулем.

Но краем глаза я успел увидеть, как Кэт отбегает прочь, размахивая руками и пытаясь не упасть.

Нога моя прилипла к педали. Я уверенно пахал вперед.

И не остановился до тех пор, пока не поравнялся с Пегги и Кэт. Наша машина замерла,

но фургон продолжал катиться. Видимо, у Снеговича сейчас были проблемы с тем, чтобы добраться до тормоза.

Поставив машину на аварийное торможение, я распахнул дверь и выскочил.

Пегги была уже на ногах, прижав руки ко рту и тараща глаза из-под съехавших темных очков то на меня, то на фургон. Бретелька сарафана сползла с ее плеча, и несчастная простыня держалась на честном слове. Грудь оголилась до половины — настолько маленькая, что, наверное, стоило бы Пегги завести руки за спину, она бы мало отличалась от груди среднестатистического парня ее возраста. Кэт стояла чуть поодаль, на грязевом холме, и глаза ее были явно прикованы к фургону.

Я повернулся.

Фургон ошалело мигал поворотником — один умудрился уцелеть после моего безумного тарана. Взвыв перегруженным мотором, он сделал рывок вперед. Чихнул вонючим черным дымом. Еще рывок. Мне казалось, что уж теперь-то он точно далеко не уедет. Но — еще рывок — и наш с Кэт автомобиль, просев на рессорах, выпростался из развороченного фургона зада.

Из погнутой и наполовину свернутой выхлопной трубы, кашляя, повалил дым. И фургон рванул вперед. От нас.

— Он уезжает! — завопила Пегги. — Нет! Пожалуйста, стойте!

Выбрасывая из-под колес фонтанчики гравия и кашляя на все лады, фургон покатил вперед, постепенно набирая скорость.

— Стойте! — прокричала Пегги ему в след, и, придерживая рукой сползающий сарафан, побежала следом.

Не проронив ни слова, Кэт снялась со своей позиции на кочке — и вмиг нагнала ее.

Я, совершенно сбитый с толку, стоял столбом и смотрел, как Кэт запрыгивает Пегги на спину, обхватывает ее поясицу ногами и валит на землю.

Переплетясь в совершенно невозможной позе, они покатались по пыли и камням. Сандалии слетели с ног Пегги. Следом в дорожную грязь полетели очки.

Фургон знай себе ехал.

Одержав кратковременную победу и высвободившись из захвата Кэт, Пегги, лоя ртом воздух, отплеываясь и хныча, побежала вперед. Кэт стриганула ногами в воздухе и ловко подсекла ее — девчонка упала плашмя, и мгновения спустя Кэт уже сидела на ней верхом, заломив руки за спину.

Пегги, явно выдохшись, оставила попытки освободиться. В результате стычки с Кэт, ее простыня лишилась обеих бретелек — и теперь она была голой почти до талии. Светлоголубое платье собралось складками где-то у пояса — там, где ее прижала Кэт. Ноги неестественно раскинулись, все в ссадинах, царапинах, кровоподтеках и пыли.

Деликатно отведя глаза, я пошел вперед.

А фургон вдруг остановился. Прямо на повороте дороги, где-то в двух сотнях ярдов от нас.

— Слезьте с меня, — задыхаясь, простонала Пегги.

Кэт не слезла. Вдавлив Пегги в грязь еще сильнее, она кивнула мне.

— Он остановился.

— Потерять нас не хочет, — предположил я.

— Еще бы.

— Он что, взаправду остановился? — Пегги задергалась под Кэт пуце прежнего. — Пустите! Пустите меня! Черт бы вас побрал, вы, ведьма!

— Захлопнись, солнышко, — мягким голосом посоветовала Кэт.

— *Да вы сдурели? У него мой брат!!!*

— Скажи спасибо, что не ты. Лежи смирно, и я отпущу тебя. — Не дожидаясь ее ответа, Кэт выпустила запястья девушки, встала с нее и выпрямилась.

Пегги перекатилась на бок, поспешно лоя сползающие с груди остатки сарафана. Смерив нас угрюмым взглядом, она пробормотала:

— Подонки.

— Нам очень жаль, — сказал я.

— Да шли бы вы...

— Смотри сама туда не сходи. — Кэт отвернулась от Пегги и обратила взгляд ко мне. — Думаю, ее мы оставим у себя.

— Вот еще! — сразу вспыхнула Пегги. — У вас нет права!

— Зачем спускать Снеговичу с рук двух заложников? — не обращая внимания, продолжала Кэт. — У него и так есть Донни. Мы можем попробовать с ним договориться и спасти парня. Но Пегги у нас, по крайней мере, *уже* есть. С ней он уже ничего не сможет сделать.

— Да и связиста у него больше нет, — напомнил я.

— Именно! Придется говорить с нами в открытую. С глазу на глаз. Чем более личной будет наша следующая с ним встреча, тем лучше.

— Он убьет Донни! — подала голос Пегги.

— Не факт, — сказал я ей. — Он мог бы убить его еще тогда, когда с ним была ты. Но теперь Донни — все, что у него есть в принципе.

— Надо поскорее от него отделаться, — нахмурившись, сказала Кэт.

Мы смерили дорогу взглядом.

Фургон стоял на месте. Снег, наверное, следил за нами из кабины.

Кэт посмотрела на Пегги.

— Мне очень жаль, что я так грубо с тобой поступила. Просто ну никак нельзя было позволить тебе вернуться к этому психу. Может, оно и к лучшему. Неизвестно, что бы он с тобой сделал. Ему хватило только узнать, что мы отказываемся играть в его дурацкие игры — и он уже пнул тебя, как собачонку.

Глаза Пегги внезапно наполнились слезами, и она выболтала:

— Он сказал, что собирается отрезать ухо Донни!

— Заметное улучшение ситуации, — отметил я. — До этого он хотел отрезать ему всю голову.

Шутка осталась без благодарной аудитории.

— Он не будет резать ему ухо, — сказала Кэт Пегги. Та тряхнула головой.

— Он собирался заставить меня принести ухо вам — чтобы вы выполнили его условия. Я должна была помешать ему, но он... он меня ударил. Теперь... теперь он точно это с-с-с-сделает.

— Он просто хотел тебя припугнуть, — сказала Кэт.

— Да ничего не *просто!*

— Я примерно представляю, что у этого чудика в голове. Донни, надо полагать, симпатичный парнишка?

— Д-да.

— Снегович сохранит его таким как можно дольше. Он не будет отрезать ему уши. Он не станет его уродовать. Можете рассчитывать на мое слово. Подобных Снегу я знаю.

Знаешь слишком хорошо, чем нужно, с горечью подумал я, вспоминая все ее шрамы. Ни один из них не затрагивал лицо — тут Кэт, конечно, рассудила верно. Вслух я, конечно, ничего не сказал — не при и без того издерганной Пегги же, в самом деле.

— Мы хотим, чтобы ты поехала с нами, — сказала Кэт. — Идет? Это для твоего же блага, Пег. С нами ты в безопасности.

Она мигнула как-то странно — сначала одним, затем другим глазом, — потом хмыкнула. Слезы оставляли дорожки в грязи на ее лице. Текло и из носа. Она наверняка вытерла бы лицо — но руки были заняты сдерживанием сарафана от окончательного сползания.

— Сядем в автомобиль и нагоним фургон.

— Как я пойду — вот так вот? — невольно она попыталась развести руками, и сарафан упал ниже груди. Покраснев, она поймала его где-то у живота и вернула на место.

— Сэм? — Кэт повернулась ко мне. — Знаешь, там, на заднем сиденье есть веревка. Сбегай-ка за ней.

Я кивнул и потопал к автомобилю. После кратковременного поиска, я достал моток с пола за водительским местом, под спустившей шиной и лопатой. Повесив его на руку, я осторожно попятился, не спуская глаз с фургона — Снег в любой момент мог развернуться и попробовать взять тараном *меня*.

Но допотопная машина стояла там же, где остановилась. У самого поворота.

— Вот веревка, — я кинул моток Кэт. — Зачем она тебе, кстати?..

— Эй! — Глаза Пегги распахнулись, она попятилась, но Кэт быстро поймала ее за локоть. Я заметил, что девушка успела сунуть ноги в сандалии. — Не надо, пожалуйста! Я не убегу, только не надо связывать меня!

— Сэм? Вокруг талии, пожалуйста. — Кэт притянула упирающуюся Пегги к себе. — Стой смиренно и делай, как говорят.

— Вот еще!

Когда я заступил Пегги за спину, Кэт тихо произнесла:

— Больше я не хочу возить тебя по пыли, имей это в виду.

Я обвил конец веревки вокруг талии Пегги и поймал его свободной рукой. Даже при том, что веревка едва коснулась ее, она вздрогнула — но не предприняла никаких попыток вырваться. Наверное, потому, что обе руки ее были заняты придерживанием сарафана.

— Я не собираюсь убегать, — принялась клясться она.

— Посмотрим, — коротко сказала Кэт, затем присела и принялась расшнуровывать левый ботинок.

В то время, как я конструировал изящный бантообразный узел на талии Пегги, Кэт вытянула шнурки из своих спортивных ботс. Свободно провисшие языки шлепались о ее ноги, треплемые ветром. Когда дело было сделано, Кэт подошла к Пегги и подвязала шнурками порвавшиеся бретельки. Результат выглядел в высшей степени кустарно, но, по крайней мере, сарафан больше не падал.

Я одним глазком поглядывал за фургоном. Тот не двигался.

— Дай мне конец веревки, — сказала Кэт.

Я вручил его ей.

— Иди и садись вперед. Мы с Пегги будем сзади.

На том и порешили. Кэт усадила нашу новую попутчицу на дальнее сиденье, сама, с катушкой в руках, села следом. Излишек намотала себе на руку.

— Возьмите мои очки, — Пегги шмыгнула носом и указала подбородком куда-то вниз.

— Какие очки? — спросила Кэт, но я сообразил быстрее. Подбежав к месту недавней схватки, я поднял солнцезащитные очки неуказанной марки из грязи. Уцелели они, похоже, чудом. Я протер стеклышки подолом и аккуратно передал их Пегги.

— Они тебе, наверное, дороги, — заметил я, когда она с величайшей осторожностью водрузила их на нос.

Слова мои, похоже, прошли мимо ее ушей.

После того, как мы захлопнули все двери, Пегги заметила:

— У вас тут хоть воздух есть.

— Да, путешествуем с комфортом, — усмехнулась Кэт.

Я тронул машину с места. Наш перед выглядел не очень после тарана, но то, чего я внутренне боялся, не произошло — мотор послушно взревел, и мы поехали без каких-либо проблем. Похоже, все, чем наш конек отделался — чисто косметическими повреждениями.

— Наш кондиционер сломался, — вздохнула Пегги.

— Там, в фургоне, наверное, ужасно жарко, — сказал я.

Она смерила меня кислым взглядом.

— Не смертельно. Лучше бы мне быть там, чем тут.

— Разве Снег не издевался над вами? — спросил я.

— Что с того?

— Ты, вообще-то, плакала нам по этому поводу. Еще недавно. На бензозаправочной станции. А теперь что?

— А теперь идите к черту, вот что!

Кэт резко натянула веревку, пережимая Пегги талию.

— Ай! — Она подскочила на месте. — Что вы делаете?

— Будь повежливее, — сказала ей Кэт тем же самым спокойным голосом, что вошел у нее в обиход последнее время. — Мы тебя на секундочку спасли. Я не прошу тебя целовать нам задницы, но элементарная вежливость — это не так уж и много, правда ведь?

— Мне нужно к Донни!

— Нам всем нужно к Донни, — сказала Кэт. — Но чтоб к нему попасть, придется позаботиться о Снеге.

Я убавил газ, так как мы теперь подошли почти вплотную к разбитому задку фургона. Снега я не видел. Наверное, поганец затаился в кабине и ждал нас.

Динозавр на колесах не сдвинулся с места.

Я притормозил в паре ярдов от него.

— Чего он там теперь-то копается? — хмыкнула Кэт.

— Что бы там не стряслось, — ответил я, — выйти и сказать нам об этом он не может.

— Надеюсь, он не собирается отсиживаться там и ждать второго пришествия.

— Посмотрите, что вы сделали с моей машиной, — пристыдила нас тем временем Пегги.

Тараном я снес едва ли не весь левый край. Металлическая лестнка, закрепленная сзади, погнулась и лишилась пары-тройки ступенек у самого основания.

— Мне очень жаль, — сказал я.

— «Мне очень жаль», — передразнила она. — М-да!

— Я починю его тебе.

— Если мы спасем твоего брата, — добавила Кэт, — даже я буду в доле, не сомневайся.

Клаксон фургона хрипло вякнул.

Я подал ответный звуковой сигнал.

Кэт захихикала.

— Вот вы придурки, — покачала головой Пегги.

— Давай посмотрим, что он предпримет, — хмыкнула Кэт.

— А что он вообще может предпринять? — в тон ей отозвался я.

— Ну, не знаю, пар разве что выпустить.

— Думаете, это смешно? — изогнула Пегги бровь.

— Это — психологическая борьба, — объяснила Кэт. — Если его вывести из себя, он начнет дурить и ошибаться по-крупному.

Я посигналил Снеговичу еще несколько раз.

Из водительского окошка показалась рука. Крепкая, мускулистая, мужская рука. Показалась она почти по плечо — голая. Видимо, Снег снял свою стильную кожанку.

— Он высунул из окна руку, — сообщил я Кэт и Пегги, которым с их мест видеть левый борт фургона было затруднительно. — А сейчас показывает нам средний палец.

— Мило, — сказала Кэт.

Я улыбнулся, но сам руку не вытащил и жест не вернул.

— Мы щекочем ему нервишки, — подалась вперед Кэт.

— Если он сделает что-нибудь с Донни...

— Все будет в порядке, Пег.

Снег втянул руку внутрь, и фургон начал двигаться.

— Так-то! — выкрикнула Кэт, словно празднуя личную победу. Я обернулся и дал ей «пять».

— Не знаю, с каких коврижек вы оба такие счастливые, — сухо сообщила Пегги.

— Я вот лично счастлив, что он не выбежал и не попер на нас, — объяснил я.

— А я счастлива, что он не бросил на дорогу кусок твоего брата, — добавила Кэт.

— Очень смешно! — вспыхнула Пегги.

— Эй, Кэт, — встал на сторону нашей попутчицы я. — Ты же говорила, что ничего подобного он делать не станет, так?

— Да, я, выходит, была права.

— Но полной уверенности у тебя не было, так?

— Чисто теоретически: я могла ошибиться.

— Да хватит уже ломать комедию! — встряла Пегги. — Что смешного?

— Мы смеемся над опасностью, — изрекла Кэт.

— Мы плюем в глаза неприятностям, — добавил я.

— Психи вы несчастные, — сообщила Пегги.

— А знаешь, что? — спросила у нее Кэт. — Пятьдесят процентов нашей миссии — позади. Мы все еще здесь из-за того, что нужно спасти тебя и Донни. Тебя мы уже спасли, без каких-либо потерь. Так что основания радоваться у нас все же есть. Предлагаю выпить пива. Будешь?

— Ей еще по возрасту нельзя, — указал я.

— Кого сейчас волнует?

— Не знаю, — пожал я плечами. — Мы сейчас спаиваем несовершеннолетнюю, так-то.

— Для меня сейчас важнее выпить его все, пока оно еще не вскипело от жары.

Я посмотрел на Пегги. Она отвернулась к окну, поджав губы, и мне вдруг стало неловко. Она не питала к нам теплых чувств, но на то у нее было полное право: ее брат по нашей вине все еще пребывал в лапах Снега Снеговича, и для него это все могло кончиться смертью.

— Достань-ка нам три баночки, — попросила ее Кэт.

Пегги молча склонилась, достала одну, смерила задумчивым взглядом, словно видела нечто подобное впервые.

— Теперь, когда ты с нами, — сказал я, — Снеговичу придется самому вести фургон. Он сейчас за рулем.

— Логично, — убийственным тоном ответила Пегги.

— Да, весьма. А еще логично вот что: за рулем он не сможет издеваться над Донни. Вести машину и пытаться при этом кого-то — непростое дело.

— По крайней мере, — добавила Кэт, — сильно навредить в таком положении нельзя.

— Да, наверное, вы правы. — Она передала банку Кэт, наклонилась за следующей.

— Спасибо.

Ответа не последовало.

— По моим предположениям, — взял слово я, — он привязал Донни к пассажирскому сиденью. Чтобы он не убежал и не смог помешать ему вести машину.

Пегги открыла вторую банку и протянула ее мне, пробормотав: «На».

Я поблагодарил ее.

В ответ она выдала тихим и очень утомленным голосом:

— Донни он запихнул в задки фургона. Обмотал пояс вокруг ног. Чтобы он не брыкался.

Пояс. Все наши пожитки — как раз там, в задней части. Если ему вздумается связать или как-то еще обездвигить Донни, у него не будет недостатка в подручных средствах. Но ему не придется связывать его вообще, если он мертв.

— Если кто мертв? — уточнила Кэт.

— Донни.

— Донни не мертв.

— Как вы можете знать?..

— Мы знаем, — ответил я за Кэт.

— По крайней мере мы думаем, что знаем, — ответила Кэт лично.

— Если он убьет Донни, — сказал я, — он упустит шанс на вечную жизнь. И далеко не в христианском смысле.

— Вы опять несете какую-то чушь, — нахмурилась Пегги. — Что на этот раз?

— Снег Снегович мечтает стать вампиром, — сказала Кэт. — И без нас ему эту мечту не осуществить. У нас в багажнике — залог его вечной молодости.

Пегги подозрительно посмотрела на банку пива в руке, потом все же открыла и осторожно поднесла к губам. Отпила. Скорчила гримаску.

— Ужасно, — поделилась она ощущениями.

— Не пей, — пожал плечами я. — Нам больше достанется.

— И что, *этой вот* ерундой люди заливают себе глаза? Пиво что, *всё* на вкус *такое*?

— Пожалуй, почти всё.

Она все же сделала еще один неуверенный глоток, потом выдала:

— Значит, вы опять пытаетесь мне голову задурить.

— Каким же образом? — осведомилась Кэт.

— *Вампирами*. Ага, сейчас!

— Никаких «ага, сейчас», солнышко, — сказала Кэт. — Снег Снегович хочет стать вампиром. Честное пионерское.

— Старовата ты для «честного пионерского», — подколот я ее.

— Честное индейское, — поправилась она.

— А «индейское» звучит неполиткорректно.

— Слово *коренного американца*, Сэм, не юродствуй.

— Вот, уже лучше! — расплылся в улыбке я.

— Итак, — подытожила Кэт, — честное слово, именно этого он желает. Стать вампиром и не стареть.

— Вы серьезно? Вы *вампирами* меня надуть пытаетесь?

— А ты что, не веришь в вампиров? — спросил я ее.

— В вампиров? В Дракулу, в Салимов Удел... что там еще, Энн Райс, «Интервью с вампиром»? В фильме еще Брэд Питт играл. — Теперь даже Пегги улыбалась.

— Ну да, я про этих ребят, — кивнула Кэт. — Ты, выходит, знаешь.

Улыбка Пегги сжалась в угрюмую кривую полосу.

— Да *все* об этой фантастической галиматье знают. Я что, по-вашему, в каменном веке родилась? И да, я в них — *не* верю.

— В этом их сила, — произнесла Кэт.

— Это кто сказал? — поинтересовался я. — Ван Хельсинг?

— Это я сказала. Только что.

— Эй, — запротестовал я, — это не твоя находка, зуб даю.

— Никто не верит в вампиров, — вмешалась Пегги.

— Мы верим, — сказал я.

— Отчасти, — добавила Кэт.

— И *уж точно* в них верит Снег Снегович.

— Так сильно верит, что планирует *стать* одним из них, — объяснила Кэт. — Именно поэтому он за нами гоняется. Вся проблема-то, собственно, в том, что ему известно: как минимум один вампир лежит у нас в багажнике?

— Что-что у вас в багажнике? — переспросила Пегги.

— Вампир, — сказал я.

— Вампир, значит. Всамделишный.

— Мертвый.

— Ну, вот этого утверждать наверняка нельзя, — заметила Кэт. — В теории вампиры *уже* мертвы. Они не-мертвы в принципе. Но наш, скажем так, выведен из строя.

— Да, колом в сердце, — кивнул я. — Мы пришили кровососа прошлой ночью.

— Вы оба просто выжили из ума.

— У нас просто выдался жесткий денек, — оправдался я.

— Жесткий денек после жесткой ночи, — подтвердила Кэт.

— Угу. Мало спали...

— Зато выпили немного пива.

— А по-моему, многовато, — скептически протянула Пегги.

— Да нет, в самый раз, — я отхлебнул из банки. — Отсюда наш, скажем так, *иррационально бодрый* настрой. — Я хохотнул, покачал головой. — Хотя, думаю, тут дело не в пиве, тут дело в нашем отчаянии.

— В точку, — кивнула Кэт. — Этот вампир изрядно поиграл на наших нервишках. Мы бодримся, чтобы с ума не сойти.

— Да вы уже и так с ума все походили.

— Не спеши с выводами, — сказал я. — Просто перевозбудились.

Склонив голову, Пегги мрачно посмотрела на меня.

— Значит, у вас там, в багажнике, труп?

— Увы, — сказала Кэт. Через зеркало заднего вида я увидел, как она сделала большой глоток из банки, потом вытерла губы тыльной стороной ладони. Глубоко вздохнув, продолжила: — Где-то год назад ко мне привязался этот парень, по имени Эллиот. И он оказался вампиром.

— В самом деле, — в голосе Пегги было много иронии и никаких вопросительных интонаций.

Проигнорировав ее, Кэт рассказывала дальше:

— Я никогда не видела, чтоб он превращался в летучую мышь или что-то в этом духе... я даже его возраста не знаю. Возможно, он был просто по-настоящему жуткий, нестандартный маньяк, ловивший кайф от укусов и питья крови. Вот что он со мной проделывал. Кусал — и пил. Глянь вот сюда. — Кэт приспустила рубашку с левого плеча и повернулась к Пегги боком, чтобы было видно ранки на шее. Моими стараниями они выглядели новыми. Проколы перестали кровоточить, но кожа вокруг них была красная и припухшая.

Пегги приспустила темные очки и сузила глаза. Внимательно оглядела шею Кэт. Цыкнула зубом.

— Ерунда, — последовал вердикт.

— Это не ерунда, — возразил я.

— Никакими зубами таких не сделать.

— У него зубы — особые, — объяснила Кэт. — Как иглы. Из стали.

— Вот как?

— Ну, стальные только клыки. Его глазные зубы. Это даже не столько зубы, сколько насадки. Он может снимать их и надевать, когда заблагорассудится.

— Мы можем показать ей все, — сказал я Кэт.

— Нет, не открывая багажник — никак. А багажник открывать нельзя.

— Почему? — спросила Пегги, явно сбитая с толку.

— Солнце, — сказала Кэт. — Вещь, губительная для вампиров.

— О. Ах, да. Поняла.

— Мы откроем его после наступления темноты, — сказал я. — Вот тогда-то ты все сама увидишь.

— Вдруг эти штуки — грим? — усомнилась Пегги.

— Коснись, — сказала Кэт и наклонилась к ней.

Пегги, переложив пивную банку в левую руку, зависла над шеей Кэт. Из-за неудобной позы платье на ее груди смялось, придав той какой-то более-менее женственный объем; впрочем, иллюзия рассеялась, когда девушка выпростала руку и аккуратно приложила палец к одной из ранок.

— Ух ты, — выдала она наконец. — Настоящие.

— Ну вот, видишь? — спросила Кэт.

— Они болят?

— Не то, чтобы сильно. Не будут болеть, если не надавить.

Пегги коснулась еще раз, чуть аккуратнее, чем в прошлый раз.

— Это он сделал? Тот, кого вы убили, парень из багажника?

— Да. Эллиот. Они не такие свежие, какими кажутся, кстати. Просто случайно... заново открылись. Не так давно.

Пегги покивала.

— Хорошо, значит, если парень в багажнике — вампир, и он сделал вот это вот с вами, как вы тогда не мертвы?

— Он не хотел, чтобы я умерла.

— Но он пил кровь, не так ли?..

— Недостаточно, чтобы убить меня.

— О, какая же все-таки чушь, — покачала головой Пегги.

— Снег Снегович так не думает, — напомнил о себе я.

— И это плохо, — подвела черту Кэт, выпрямляясь. — Если бы он, как и ты, считал все это чушью, мы бы так сильно не влипли. У него пунктик на вампирское кино. Он его попросту пересмотрел. А теперь думает, что заполучил шанс стать бессмертным.

— Или, по крайней мере, *долговечным*, — добавил я.

— Его план заключается в том, чтобы вытащить кол, вернуть Эллиота к жизни и уговорить посвятить его в вампиры.

— Только сумасшедший в такое...

— Он и есть сумасшедший, разве не ясно? — сказали мы с Кэт едва ли не хором.

— Я знаю, — тщательно подбирая слова, начала Пегги, — есть люди, которые верят во всю ту чепуху, что несут по телевидению, но чтобы верить в *такое*?

— И тем не менее, — произнесла Кэт. — Он достаточно безумен, чтобы поверить.

— Но он не сможет ничего сделать до темноты, — сказал я Пегги. — Если мы откроем багажник раньше, чем солнце сядет, Эллиот сгорит дотла.

— Если полагаться на кино, опять же, — уточнила Кэт.

— А Снег именно на него и полагается. Он, похоже, верит во *всю* чепуху про вампиров. Которая сама по себе довольно расплывчата и полна противоречий. Взять хотя бы истории про крест...

— У тебя, кстати, есть крест? — спросила Кэт Пегги.

— Он сейчас не на мне.

— Но крест не *всегда* спасает, — продолжил я. — Все зависит от фильма. Или от

книги...

— Этот громила умеет читать? — хмыкнула Пегги.

— ...в общем, зависит *от вампира*, вот что я хочу сказать. Наткнешься на упыря-иудея

— и хрен тебе чем твоё распятие поможет.

Кэт засмеялась.

— Или на атеистичного вампира, — добавил я. — Да на любого, который — нехристь.

— Я все равно полагалась на крест до последнего, — тихо сказала Кэт.

— Ты... пробовала? — удивленно спросил я.

— О, да.

— На Эллиоте?

— На нём, родимом. Я повесила на шею золотой крестик на цепочке после первого же его визита. После больницы.

— Что вы делали в больнице? — спросила Пегги.

Кэт нашла мой взгляд в зеркале заднего вида и сказала:

— Я попала в небольшую автокатастрофу. Она ко всей этой чертовщине никакого отношения не имела. Так или иначе, Эллиот напал на меня впервые спустя приблизительно неделю после того, как я выписалась из больницы. На следующий день я купила крестик. Едва могла встать с кровати — настолько было плохо, — но собрала волю в кулак и сходила. Вас атакует вампир? Запаситесь крестом. Это — одно из основных правил.

— Как насчет чеснока? — спросил я.

— И его взяла. По-моему, впервые в жизни. Тьму чеснока. Знаете, что мне сказала девчонка на кассе? Усмехнулась и спросила: «Неприятности с вампирами?». Она думала, это смешно. Я сыграла в дурочку и сказала: «Нет, бойфренд — итальянец».

— А святая вода?

— Брала в расчет и ее, но — воду труднее достать. Не было у меня тогда настроения идти в церковь и выпрашивать. Тем более — сливать тайком. Кроме того, у меня и так были крест и чеснок. Если бы они сработали, мне бы не понадобилась святая вода.

— Вы что, *взаправду* это все купили? — спросила Пегги. — Крест и чеснок?..

— Да, Пегги.

— Чистое безумие.

— Что было дальше? — спросил я.

— Я развесила чеснок у двери в спальню, на окнах. Повесила на шею крестик. Когда Эллиот прибыл... Я услышала, как открывается дверь. В моей комнате было темно. Свечей я тогда еще не зажигала, весь свет шел из прихожей... Он был в своем плаще. И в руке у него покачивалась связка моего чеснока. Он держал ее у груди... и вдруг начал *бросаться* чесноком в меня. Как теннисными мячиками.

— Великий Боже, — пробормотал я.

— Он хорошо целился. И хорошо бросал. Я закрывала лицо, но он в него и не метил. Не знаю, как ему вообще меня было видно — может, отсвет... не знаю. Но он наставил мне порядочно синяков. Потом, когда чеснок кончился, он включил свет и вошел в спальню. Улыбался, но глаза были злые-злые. Подбежал ко мне так быстро, что плащ за спиной взметнулся. Назвал меня глупой гребаной сукой. Схватил меня за ноги и потянул на себя. И тогда — увидел крестик. — Кэт перевела дыхание. — Он крикнул: «О, думаете, вы — самая тут умная?» Сдернул меня на пол, я ударилась головой... и стал держать в воздухе. За ноги. И, о Боже, он меня *тряс*. Как куклу. Я поначалу даже не понимала, что он хочет сделать.

Думала сначала — просто как-то изошренно убить. Я бы сняла ее, пойми чуть пораньше... крест. Цепочку. Но и тогда бы он вряд ли перестал. Ему такие фокусы нравились. В общем, да, он пытался *стряхнуть* с меня крестик. Цепочка, понятное дело, просто повисла у меня за ушами. Тогда он начал меня раскачивать. Обхватил меня за лодыжки и стал кружиться на одном месте. Этаким прием из фигурного катания... Я боялась, что врежусь головой либо в кровать, либо в шкаф... но в конце концов цепочка порвалась. Отлетела. И попала в зеркало у кровати. Оно треснуло. Может, поэтому мне так не везет последнее время...

— По *его* вине оно разбилось, — сказал я. — Это *ему* должно не везти.

— Но крестик-то был мой.

— Может быть, неудача поделилась между вами двумя.

— Три с половиной несчастливых года на каждого?

— Или все семь лет, но несчастья мелкие. Вполсилы.

— Да кого, черт побери, волнует — семь или не семь? — не выдержала Пегги. — Что случилось *после* того, как зеркало треснуло? Эллиот запустил вами в шкаф?

— Нет, — покачала головой Кэт.

— Что тогда?

— Он начал *кусать* меня. Пока кружил.

— Как он мог вас кусать, если вы были?..

— Вопрос — не *как*, вопрос — *где*.

— И где же?..

Сквозь облако пыли перед нами я различил загоревшийся тормозной сигнал.

— Всем — внимание, — объявил я.

Грунтовая дорога продолжала постепенно загибаться влево, но фургон, не спеша войти в поворот, притормаживал. Я ослабил нажим на газ. Моя нога замерла над тормозной педалью.

Пегги устремила взгляд вперед.

Кэт подалась ко мне, выглянула в проем между сидений.

— Как думаешь, зачем он тормозит теперь?

— Знал бы прикуп — жил бы в Майами.

Фургон свернул налево и загрохотал по грубой плоскости пустыни. Никакого намека на дорогу там, где он сейчас ехал, не было. Справедливости ради стоит заметить, что и особых препятствий передвижению там не было тоже. Редкие невысокие барханы, кактусы, полынь. Ничего такого опасного.

Я свернул с дороги и последовал за фургоном.

Машину подбросило.

— Полегче, — попросила Кэт.

Я убрал ногу с газа, и болтанка уменьшилась вместе со скоростью.

— Что-то мне подсказывает, что мы почти у цели, — тихо сказала она.

Да, похоже, Кэт была права. Что-то такое и я чувствовал. Неприятные холодок и тяжесть в животе.

— Ай-яй-яй, — вырвалось у меня чуть попозже, когда дорога под колесами настолько испортилась, что держать автомобиль ровно стало очень и очень непросто. С пивом мы закончили — Пегги так и не допила свое, — и я мог спокойно вертеть баранку обеими руками. Хотя в салоне машины и было прохладно чаяниями кондиционера, руль в моих руках был скользким, а рубашка от подмышек и до самой талии была пропитана потом.

— Нормально едем, — приободрила меня Кэт. Она наклонилась вперед, чтобы видеть через ветровое стекло, и сжимала спинку сиденья обеими руками. Отражение ее лица в зеркале заднего вида тряслось так сильно, что превратилось в смазанное пятно.

Пегги пристегнулась.

Мы попытались въехать на склон около горной гряды. Я изрядно опасался того, что мы могли вдруг начать скользить вниз — и тормоза не помогли бы нам остановиться.

— Все будет хорошо, — будто прочитав мои мысли, заверила Кэт.

— Очень сомневаюсь, — ответил я.

— Везде, где проедет он, проедем и мы.

Снегович в фургоне забрался повыше нас — и все еще поднимался.

Я глянул на Пегги.

— Ты уверена, что у фургона не полный привод?

— Уверена.

Нас чуть-чуть повело вбок.

— Это плохо! — успел выдавить я, прежде чем дыхание сперло.

— Куда мы карабкаемся? — спросила Пегги.

— Туда же, куда и он, — бросил я, кое-как выравниваясь.

— Возможно — к ущелью Брока, — сказала Кэт.

— Что там такого, в этом ущелье?

— В него Снегович сбросил одного насолившего ему типа, — объяснила Кэт.

— Брока, — подал голос я. — Парня, угнавшего его «Харлей». ДА, ЧЕРТ ПОБЕРИ! — Над нами фургон вдруг вышел на ровную поверхность — и поехал вперед. — Я думаю, мы справимся! — И верно, несколько секунд спустя перед нашего автомобиля выволочся на узкую колею, вихлявшую между двумя крутыми, высокими скалами. Фургон только-только начинал по ней путь.

— Как Снег вообще нашел это место? — выдохнула Кэт.

— Может, он был на короткой ноге с доком Холидеем и Санденс-Кидом, — попробовал неуклюже пошутить я.

Мы поехали вслед за фургоном. Скалы слева и справа бросали на нас тени, казавшиеся более темными, чем, собственно, им даже полагалось быть. Мне казалось, будто я вел машину по дну глубокого грота, только никакой реки здесь не наблюдалось — одна только грязь и куски породы.

Казалось, путь длился уже очень долго. А солнца впереди не проступало. Конечно, эти скалы не могли тянуться вечно. Так что, быть может, уже очень скоро мы выедем из этого туннеля тьмы в просторы света.

И остановимся.

Мы должны были бы остановиться в ближайшее время; мы поднимались в горы, и

местный ландшафт и так уже позволил нам зайти достаточно далеко. Рано или поздно он же нас и остановит.

Может быть, где-то на другой стороне прохода...

Тут мне стало страшно думать об остановке.

Все с нами было хорошо, пока мы двигались. Ничего плохого с нами не случилось, пока мы двигались.

В общем-то, до наступления темноты мы могли остановиться где угодно — и вряд ли, опять же, сильно рисковали бы. Но, так или иначе, место нашей остановки будет сценой для розыгрыша последнего акта.

Акта, которого я страшился больше всего.

— Мы, кстати, в хорошем положении для всяких маленьких хитростей, — сказала Кэт. — За нами ему сейчас почти невозможно уследить. Пейзаж не способствует.

Я чуть замедлил ход машины.

— И какую хитрость ты предлагаешь нам провернуть?

— Я сама еще не знаю. Есть идеи?

— Ты у нас — кладезь идей.

— Ну, кто-то может выйти из машины. Я, к примеру.

— И зачем?

— Можно подкрасться к нему, когда мы остановимся. Он-то будет думать, что мы все еще в машине. Я бы застала его врасплох.

— Вы хотите, чтобы Донни убили? — спросила Пегги.

— Я хочу его спасти. Вот и все.

— Но мы не знаем, как это все выстрелит, — сказал я. — И не знаем, что Сней предпримет, когда мы остановимся. У тебя не получится подкрасться к нему незамеченной. И что, если он-таки заметит, что тебя нет в машине?

— Я не знаю, — сказала Кэт.

— Он убьет Донни, вот что, — нашла Пегги с ответом.

— Да не станет он его убивать, — отрезал я.

— Нам все-таки стоит что-то предпринять, — гнула свое Кэт.

— Но не здесь.

И не тебе, добавил я про себя. *Я не хочу рисковать тобой ради Донни. Пусть даже ты думаешь, что это все — только твоя вина.*

— Кэт, мы должны подождать до тех пор, пока он не определится с остановкой, — принялся убеждать ее я.

— Похоже, мы уже почти на месте.

— Откуда такая уверенность? Что, если ты не сможешь нас потом нагнать? Заблудишься здесь?

— Дело в том, — произнесла Кэт, — что тут — прекрасное место для какого-нибудь маленького обмана. Тут такая темень кругом.

— Давай тогда развернемся — и поедem назад.

— Только попробуйте, — вспыхнула Пегги, — и я вас прихлопну!

— Эй! — выкрикнула Кэт в самое ухо Пегги. Девушка вздрогнула, как от пощечины. — Будешь нам угрожать — и мы *точно* развернемся.

Подбородок Пегги задрожал.

— Ладно, Сэм, едь дальше, — сказала Кэт. — Я не могу ничего придумать. А Пегги, сам

видишь, помочь не хочет.

Но сейчас я был даже благодарен нашей попутчице. Да, Кэт была права — если и вести со Снегом двойную игру, то только здесь; можно было бы перепрятать молоток, спрятать меня в багажнике вместо Эллиота... но что, если наш конечный пункт не так уж и близок? Что, если, проехав этот грот насквозь, Снег продолжит путь в неизвестность?

— Подожди, — вдруг сказала Кэт.

— Что такое? — Я снова притормозил.

Фургон впереди поехал по кривой, скрывшись из вида.

— А что, если мы бросим здесь Эллиота?

— Что?..

— Да! Почему бы и нет! — Ее голос звучал приглушенно и взволновано. — Вот так-то мы и ухватим Снега за нос! Он ведь даже не будет знать, что мы сделали это, пока сам не полезет в багажник. Глядь — а там и нет вампира его мечты! Он от злости лопнет!

— И всех нас поубивает, — заметила Пегги.

— Он не станет убивать никого из нас до самого конца. А конец наступит только тогда, когда он заполучит Эллиота.

— Но Эллиота-то уже не будет! — пожаловалась Пегги. — Вы не можете открыть багажник до темноты, иначе солнце спалит его. Разве не так?

— И что? — сказал я. — К тому времени, как Снег об этом узнает, никакой *разницы* уже не будет.

— Здесь, к тому же, довольно темно, — отметила Кэт. — Может статься, Эллиот будет в порядке.

Настолько, насколько труп вообще может быть «в порядке», подумал я. Но не сказал вслух. Сейчас точно было не время для шуточек.

Мы не спеша доехали до того поворота, где я в последний раз заметил фургон. Он вновь попал в наше поле зрения — шел он где-то в трех сотнях метров впереди нас. Не более, чем неясный силуэт во мраке. Дорога сделала еще один изгиб — и вскоре пропал и он.

Я остановил машину.

— За дело.

Кэт вдруг хлопнула себя по лбу.

— У Снеговича ведь есть ключ от багажника. Нам придется пользоваться той пластиковой поделкой.

— Она же еще у тебя?

— Да, но не факт, что сработает как надо.

— На дверях она сработала.

— Просто я бы не сильно полагалось на кусочек пластика.

— Но попробовать стоит?

— Определенно. Пегги, ты сидишь на месте. — Она натянула веревку, и девушка ойкнула.

Я расстегнул свой ремень безопасности.

— Держи, — Кэт подалась вперед и сунула мне в руку пластиковый ключ. — Бери его и открывай багажник. Я сейчас выйду. И выключи двигатель! И заberi ключ. Мы же не хотим, чтобы Пегги угнала нашу машину.

— Я бы не стала... — начала девушка.

— Рада это слышать, — оборвала ее Кэт.

Сжимая в одной руке связку зажигания, в другой — пластиковый ключ, я поспешил наружу.

Жара встретила меня крайне негостеприимно. Я снова успел позабыть, что снаружи было такое лихо. Даже в тени ущелья было *очень* жарко по сравнению с кондиционируемым нутром машины.

— Боже, — пробормотал я, переводя дыхание.

Подбежав к багажнику, я запихнул в карман джинсов ключи зажигания и аккуратно вогнал пластиковый ключик-универсал в прорезь багажного замка.

Он вошел — пускай не гладко, но все же.

Повернулся — с трудом.

Раздался щелчок, и крышка багажника распахнулась.

К этому времени подоспела и Кэт. Встала рядом со мной.

— Бог ты мой, — вырвалось у нее.

— Угу, — безрадостно добавил я, не зная наверняка, о чем она — о жаре, о видке трупа или о самой задумке бросить его здесь.

Эллиот не сильно изменился с тех пор, как я в последний раз смотрел на него. Все такой же отвратительный. Все такой же тощий труп уныло-синюшного цвета.

Он лежал на боку, лицом к нам. Запястья и лодыжки обмотаны лентой. Колени согнуты. Под ним — белый пластиковый наматрасник с постели Кэт. А под наматрасником — синий брезент. Серебристого цвета кусок ленты на его глазах все еще держался, а нашлепку со рта снял прошлой ночью Снегович — и потому мертвый вампир встретил нас широко разинутой пастью, будто даже сейчас готовый отцапать от нас по хорошему куску.

Кровь на его обнаженном теле засохла и приобрела в тенях темно-фиолетовый окрас — фиолетовый, переходящий в чернильный.

— Не трогай его, — сказал я. — Я сам обо всем позабочусь. Подержи лучше вот это. — Я стащил с себя рубашку так быстро, как только мог, и протянул ей, добавив: — Хватит с меня кровавых потеков, которые потом не отстирать.

Нырнув в багажник, я ухватил Эллиота под бока.

Сделал это грубо и быстро, не думая о том, что смотрюсь в высшей степени трогательно в обнимку с трупом, не обращая внимания на мерзкое ощущение от контакта с его кожей, сосредоточившись лишь на одном — чтобы все прошло быстро.

Кряхтя, я поднял его, перевернул и швырнул наземь. Он приземлился с тяжелым глухим стуком. Прокатился немного и в итоге распластался на спине. Да так и остался лежать — голый мертвый маньяк с заклеенными глазами, в молчаливом вопле раззявивший пасть на небо.

Я увидел острие кола, торчащее из ленты, обматывавшей его грудь.

Увидел его член, похожий на дохлого червя.

Чувствуя себя не очень хорошо, я быстро отвернулся и положил руку на крышку багажника.

— Не закрывай его, — сказала Кэт. — Иди и заводи машину. Я пока поищу молоток.

— У нас есть монтировка.

— Но и молотком было бы неплохо припасть. Если не смогу найти быстро — вернусь.

— Заметано.

— Рубашку я пока подержу, — бросила она мне вслед. — Чтоб ты ее совсем не

промочил.

— Как скажешь.

Доля разумного тут, определенно, была. Пока двери были открыты, жара была беспощадна. Зато потом мне пришлось бы сидеть перед работающим кондиционером в мокрой насквозь рубашке. Простыть вдобавок ко всем бедам мне не хотелось.

Выловив связку из кармана джинсов, я сунул ключ в замок зажигания. Автомобиль завелся нормально.

Фургон не было видно.

Автомобиль чуть просел на рессорах — видимо, Кэт, оперлась на дно багажника. В зеркало заднего вида мне не было видно ничего, кроме поднятой крышки. Боковые зеркала тоже ничем особо не помогли. Даже труп Эллиота в них не наблюдался.

Вот и хорошо. Глаза б мои его никогда не видели.

— Что она делает? — спросила Пегги.

— Ищет что-то. — Мне не хотелось ей ничего объяснять.

— Где ваша рубашка?

— У нее.

Интересно, волнуется ли Снегович, куда мы запропастились? Быть может, он уже едет назад?

— На вас кровь, — тихо сказала Пегги.

— Она — не моя. Она — *его*, — я кивнул за спину.

— Смотрится ужасно.

— Представь себе, я знаю.

Господи, Кэт, да закрой ты уже эту крышку.

С чем можно там так долго возиться?

— Вы можете сделать что-нибудь с этой веревкой? — спросила Пегги.

— А что с ней не так?

— Мне в ней плохо.

Я едва ли глянул на Пегги хоть раз, когда вернулся в машину — заметил только, что она все еще была на месте, и только. Теперь пришлось повернуться и посмотреть, в чем там проблема.

Она сидела, закинув руки за голову.

Кэт привязала ее к месту.

После того, как я ушел открывать багажник, Кэт, видимо, продела веревку через спинку сиденья Пегги, и собрала в узел на груди девушки, вдобавок пропустив один конец через завязку на талии. И, для пущей уверенности, что Пегги никуда не денется, Кэт взяла оставшийся моток с собой, прихлопнув свисающий свободно конец дверью.

Простыня-платье Пегги пошло складками в тех местах, где его перетянула веревка, и подобралось так, что едва ли теперь закрывало колени. Ноги Пегги плотно сжала, чтобы я не глазел туда, куда глазеть, по ее мнению, не следовало.

Хотя, руки-то у нее были свободны. Натянула бы обратно на коленки — да и дело с концом.

Я решил не брать в голову. Мотивы Пегги меня не волновали. Они, вероятно, были в любом случае необъяснимы.

— Она меня передавливает, — пожаловалась Пегги. — Сделайте хоть *вы* что-нибудь.

— Нет, я ничего не могу сделать, — откестился я. — Подожди, вот сейчас вернется

Кэт и...

— Вы оба *ненавидите* меня.

— Нет, это не так.

Багажник резко захлопнулся.

Пегги ахнула от неожиданности.

Глянув через плечо, я увидел Кэт, бегущую вдоль борта автомобиля. Я сунул руку в проем между сидений и ухватился за натянутую веревку. Пошла она туго и не без труда, но, когда дверь открылась, оказалось, что втягивать Кэт внутрь нет необходимости. Никто за ней не гнался.

Усевшись, она продемонстрировала мне молоток.

— Нашла, — коротко бросив, Кэт захлопнула за собой дверь.

Я решил больше не медлить — и так мы простояли тут слишком долго. Стоило двери хлопнуть, я нажал на газ. Машина рванула с места и уверенно начала набирать скорость.

Бросив прощальный взгляд в зеркало, я увидел, как тело Эллиота поглотил мрак.

Пегги, пыхтя, пыталась обеими руками ослабить веревку поперек талии.

— Ну как мы, сильно оторвались? — поинтересовалась Кэт.

— Порядочно. — Приукрашивать правду не было никакого смысла.

— Поверить не могу, что нашла молоток.

— Он что, куда-то завалился?

— Ага. В самый угол. Но от меня просто так не спрятаться.

— Да сделайте вы уже что-нибудь с этой веревкой, — процедила Пегги.

— Прости, я не могла рисковать, — сказала ей Кэт. — Можешь развязать ее. Только не надо пытаться ею нас удушить, или что-нибудь в этом духе.

Я вписал машину в следующий поворот. Темнота неотступно следовала за нами.

Фургон не показался.

— Черт, мы *слишком* сильно оторвались.

— Не беспокойся, — отмахнулась Кэт. — Готова биться об заклад — он вернется. Если спросит, почему мы затормозили — скажем, что Пегги нужно было выбежать по-мелкому.

— Очень смешно, — пропыхтела Пегги, выныривая из узла головой вперед — будто снимая рубашку.

И тут я задался вопросом, а что случилось с *моей* рубашкой. Кэт вернулась в машину с молотком в одной руке и веревкой в другой.

— Где моя одежда? — спросил я ее.

— Здесь же.

Я взглянул на Кэт. Она возилась с упаковкой влажных салфеток. Рубашки моей как-то не наблюдалось. Сбитый с толку, я даже посмотрел на приборную доску — вдруг она как-то успела ее туда навесить.

— Где — здесь? — спросил я, когда убедился, что и перед моим носом рубашка не висит.

— Ты смотришь прямо на нее.

— ?..

— Она на мне, дурень.

Приглядевшись, я все понял. Конечно же. Она напялила мою рубашку поверх своей. С их яркими, пестрыми узорами они были настолько похожи, что смешались в единое целое.

Окончательно высвободившись из пут, Пегги бросила скомканную веревку на пол.

— Спасибо, что не помогли, — бросила она.

— Не за что, — в тон ей ответила Кэт. Пачка влажных салфеток наконец подалась ее напору и открылась; приятный лимонный запах наполнил салон.

— Тебе не жарко в двух сразу? — поинтересовался я.

Кэт в зеркале улыбнулась.

— Терпимо.

— Крепкий же ты орешек.

— Такая уж я. Мне просто нужны были *обе* свободные руки. Можешь забрать теперь. Уверена, обойдусь и одной.

— Я лучше сначала от крови почишусь.

— Да и мне не помешает, — пробормотала она. — В багажнике — та еще жуть.

— Не торопись, я пока обхожусь нормально, — махнул рукой я.

Еще один поворот дороги. По-прежнему — никакого фургона впереди. Хотя темень чуть разбавилась. У следующего витка наш грот, как оказалось, кончался. В пятидесяти ярдах от нас начинался столб света, казалось, вонзающийся прямо в небосвод. Мне даже пришлось зажмуриться и отвернуться.

— М-да, — протянула Кэт.

— Нервничаешь? — По голосу было очевидно, что да.

— Чувствую себя как перед дверью кабинета директора.

— Тебя что, вызывали к директору хоть раз?

— А то как же! Я спихнула парня с перекладины.

— Ты... сделала... что?

— Он сам напросился!

— Рад это слышать.

— Он наступил на пальцы моей подружке. Ее звали Ардет. Она карабкалась по перекладинам ниже его, и он *специально* наступил ей на пальцы. Наступил сильно. Думал, что это весело, но Ардет чуть не упала. И я его спихнула. Он крепко поцеловал землю... и, как бы меня потом не ругали, я все равно не испытывала угрызений совести. Думала — поделом ему.

Мы улыбнулись друг другу через зеркало. Мое настроение приподнялось. Ненадолго, впрочем — анекдот закончился, а перспектива красочней не стала.

— Сколько тебе тогда было лет?..

— Девять или десять.

— Крепкий орешек уже тогда.

— Уж поверь. Я тогда жила по темным законам. Око за око, зуб за зуб. Но поход к директору испортил мне крови. Мне пришлось ждать у его кабинета где-то с полчаса... и к тому времени, как меня вызвали, я еле-еле ноги переставляла. Тогда он вышел сам, прикрикнул на меня, и я обмочила себе штаны.

— Буэ! — скривилась Пегги.

— Бывает в жизни и такое, — пожалала плечами Кэт.

— Только сейчас так не сделай, — сказал я.

Мы оба рассмеялись. Пегги смолчала. Она сидела, положив руки на плотно сжатые колени, выпрямив спину едва ли не по-королевски. За темными очками не было видно глаз, отчего создавалось жутковатое впечатление, что на лице девушки — две черные запавшие дыры.

И вот мы выехали из тьмы грота в ослепительный свет дня.

— Наконец-то, — выдохнула Кэт.

Ослепленный, я остановил машину.

— Куда он делся? — выпалила Пегги.

— Он должен быть где-то неподалеку, — ответила ей Кэт.

— Дай-ка мне пару салфеточек, — попросил я.

Упаковка шлепнулась мне на колени. Вытянув из нее комок влажных тряпочек, я принялся обтирать кровь Эллиота с груди и живота, потом — с рук. К тому времени, как я закончил, мои глаза потихоньку привыкли к солнцу.

Нас все еще окружали крутые отвесы скал, но они больше не закрывали нам небо. Перед нами раскинулся простор раскаленных песков и камней. Пустыня была достаточно прибитой

— проехать можно было. Однако то тут, то там из песка торчали валуны самых разных размеров. Иные — по пояс взрослому человеку, иные — большие, как холодильники. Попадались даже такие, что могли дать фору автомобилю или грузовику. Ну и парочка таких, что и вовсе были со средний деревенский домик.

За такими вполне можно было незаметно припарковать фургон. Что Снегович вполне мог сделать.

Кэт подала мне наш мусорный мешок, и я бросил в него салфетки.

— Готов к выходной рубашке? — усмехнулась она.

— Как моя спина? — спросил я и наклонился, опершись грудью о рулевую колонку.

— Что с вами случилось? — спросила Пегги.

— Да ничего особенного, кольшком игрался.

— Выглядит нормально, — сообщила Кэт.

— Бинт что-то весь мокрый, как по ощущениям.

Чья-то рука легонько надавила на бинт. Чья — я, конечно, видеть не мог, но скорее всего, то была рука Кэт.

— Просто пот. Кровь не выступает.

— Здорово! Спасибо. — Я откинулся на спинку, забросил руки на баранку и посмотрел вперед.

— Чем это вас? — Дотошный интерес Пегги к подобным вещам удивлял меня все больше и больше.

— Кольшком. Острой палкой, я не шучу. И куда этот Снег спрятался?

— Может, просто поедем — и он покажется? — предложила Кэт.

— Хорошо, *как* поедем?

— Вперед и прямо, разумеется. Рубашку-то вернуть?

— Было бы неплохо.

Пока она снимала ее через голову, ее собственная, первая, рубашка задралась едва ли не до груди, обнажив живот; что-то мягко стукнуло меня по уху — отлетела одна из пуговиц воротника. За ней последовала еще одна — по тому же месту.

— Прекратить обстрел, — проворчал я, уклоняясь.

— Прости, не думала, что ее будет так трудно снять, — Кэт передала мне мою многострадальную одежду с заднего места. — Надевалась она проще. Она тебе точно нужна?

— А что?

— Ну, просто, будь я на твоем месте, — Кэт хитро подмигнула, — я не стала бы ее надевать. Только если ты замерз...

— Ну, уж я-то всяко не замерз.

— Может, окончим эти игры с переодеваниями, — вспыхнула вновь Пегги, — и поедем? У него мой *брат*, когда это до вас уже дойдет!

— Вежливость — несомненная добродетель, — предупредила ее Кэт.

— Вы что, опять начинаете?..

— Снегович от нас никуда не убежит, — заметил я.

— Да он *уже* убежал! Его теперь еще сыскать надо!

— Он *сам* нас сыщет, — убежденно сказала Кэт. — Мы — его *приз*. Вернее, Эллиот. Он не позволит себе его упустить.

Я сложил рубашку пополам и набросил на приборную доску.

— Ничего не произойдет до наступления темноты. Так или иначе.

Сказав это, я тронул автомобиль место. Мы поползли вперед.

— Спасибо, — пробормотала Пегги.

— К вашим услугам, — улыбнулся я.

Даже хорошо, что ее глаза были скрыты затемненными стеклами. Держу пари, добрым ее ответный взгляд не был.

— Кто-нибудь хочет еще пива? — спросила Кэт.

— Там только три банки осталось. Может, прибережем их? Нужно было купить больше, когда был шанс.

— А мне кажется, самое время их приговорить. И да, возьми мы больше, оно бы просто испортилось в дороге. Пегги ведь все равно не будет. Ты же не будешь, Пегги?

— Даже не подумаю, — последовал ответ.

— Что ж, по полторы банки на нос — идет, Сэм?

— Точно не хочешь оставить про запас?

— Они только сильнее нагреются. И кто знает, вдруг Снегович отнимет их у нас раньше. Жизнь — странная штука. Никогда не знаешь, какая банка пива станет для тебя последней.

Она улыбнулась мне в зеркало заднего вида.

Я улыбнулся в ответ.

— Давай их сюда.

— Пегги? Не будешь так добра?..

Девушка молча нагнулась и опустила руку между колен. Я продолжал искать глазами фургон в пустыне. Ни слева, ни справа, нигде его не было. Никаких следов от шин. Никакого пылевого шлейфа.

Беспокоясь, что Снегович может обогнуть нас и пойти на таран сзади, я постреливал взглядом в боковые зеркала.

Сами мы, кстати, не оставляли такого уж заметного пылевого облака. Твердь под колесами была рассыпчато-каменистой.

Пегги потрясла у меня над ухом открытой пивной банкой.

— Спасибо.

— Кто-нибудь хочет перекусить? — спросила Кэт, забирая свою банку. — Пег? Там много чего, в этом пакете. Чипсы, крендельки, орехи, печенье, печеные колбаски. Сама посмотри и выбери, что хочется. А тебе достать чего, Сэм?

— Мне как-то без разницы. Я сейчас не очень-то и голоден.

— Смотри не отощай так.

— Вы, обе, решите там сами. Что-нибудь к пиву. Но, пожалуйста, не печенье.

— Пег? Что ты хочешь? Я знаю, ты хочешь вернуть брата. Тебе не нужно это говорить вслух. Возьми что-нибудь...

— Мне все равно.

— Всем все равно. Ладно. Выберу я, но потом не жалуйтесь. Как насчет орешков?

Пегги подцепила пачку соленых орехов и передала Кэт.

— Спасибо, солнышко.

Надорвав пакетик, Кэт наполнила весь салон по-летнему теплым, приятным ароматом жареных орешков.

— Угощайтесь, товарищи, — сказала она, вытянув руку в проем.

Зажав пивную банку коленями и высвободив одну руку, я потянулся к пакету и

запустил в него пальцы.

И тут в нас врезался фургон.

Орехи посыпались по полу. Я вжал тормоза до отказа и, вцепившись в руль, рванул его вправо, пытаясь увести машину как можно дальше от стремительно приближающейся угрозы.

Снег Снегович подкараулил нас.

Устроил засаду.

Он, надо полагать, рассчитывал на то, что мы будем ехать именно здесь. А может, он просто хорошо маневрировал между скалами — и выбрал себе отличную позицию для внезапной атаки.

И, как я и предполагал, произошло все в тот момент, когда мы проезжали мимо огромных домообразных валунов.

Прекрасное укрытие.

Нам никуда было не деться. Имейся у меня время резко сдать назад, я бы попробовал этот маневр, но атака была столь неожиданной, что я не успел даже затормозить.

Внезапно фургон заспешил назад, обогнул нас справа, прижался к краю домообразного обломка скалы — и, плюнув дымом, помчался прямо на нас, в лобовую атаку.

Кто-то закричал: «Черт!»

Думаю, то была Кэт.

За несколько секунд до столкновения в моей голове промчался вихрь мыслей.

Одна из них была предельно емка и проста: *искупление*. Я протаранил фургон. Теперь фургон таранил меня. Око за око.

Отплатили мы, кстати, сполна. Я так и не смог сильно уклониться, и врезался Снегович в нас добротнo — всем передом.

И никто из нас не был толком пристегнут.

Фургон отбросил нас к валуну, который и остановил наше движение. Замечательный финальный аккорд — удар о здоровенную каменюку. Хотя, кто знает, что было бы, не окажись она там — нас слегка развернуло, и основной удар бампера фургона принял левый борт.

В физических вопросах я не спец, но, сдаётся мне, не застопори нас этот камушек (и не разверни чуть-чуть), удар пришелся бы в самую середину машины, и мы бы все уже были мертвы.

Никогда бы не подумал, что буду благодарен куску скалы.

Спустя полсекунды после того, как меня крепко приложило об рулевую колонку, раздался скрежет сминаемого металла и бьющегося стекла. На нас будто наехал локомотив. Удар пришелся под таким углом, что автомобиль погнуло и отбросило назад. Меня вышибло с места водителя и ударило головой о дверь. Тогда-то я и решил, что мы уже все — покойники.

Потом все замерло.

И ненадолго затихло.

Потом кто-то позади меня застонал. Кэт? Неужели она была еще жива?

Неужели я был еще жив? Едва ли возможно.

По крайней мере, я был в сознании. Но вряд ли мог двигаться. Ощущение было такое, будто над моим телом поработала команда дровосеков.

Автомобиль начал потрескивать, пощелкивать, звякать, шипеть и чем-то протекать, словно какие-то механические паразиты принялись грызть его изнутри. Металл скрипел так, будто какая-то невидимая сила все еще продолжала вжимать его в камень.

Двигатель заглох.

Возможно, именно на это Снегович и рассчитывал.

Может, именно этого он и хотел — лишить нас средства передвижения.

Кстати, а мы не загоримся? — задался я вопросом.

Что-то текло. Может быть, хладагент. А может — топливо из разбитого бака. Я не чувял специфического запаха бензина, но проблема была в том, что в тот момент я, судя по всему, ничего не чувял. Обоняние будто отключили.

Лучше нам поскорее отсюда выбраться.

Так я думал — но шелохнуться не мог.

Послышался пыхтящий рев двигателя. Явно не нашего — то был фургон. Мне хватило места — и сил — на поворот головы. Краем глаза я видел, что фургон отъезжает от нас. Бампер был весь смят, но внутри проклятая развалюха явно сильно не пострадала.

Снегович подсек нас *сбоку* — и это тоже была часть плана. Он не хотел вывести из строя последнюю машину на ходу.

Сплющил нас в лепешку — и уезжает.

Возможно, он, большой фанат кинематографа, и сам боялся того, что наши обломки взлетят на воздух. Потому — отъезжал на безопасное расстояние.

Впрочем, далеко от нас он не делся. Отъехал футов на двадцать — и встал.

Скосив глаза — голова двигаться дальше отказалась, — я глянул на Пегги. Ее швырнуло в проход, ее левая рука висела между моими ногами, голова была где-то в районе моего живота. Все остальное было видно плохо — мешал и неудачнейший из возможных угол обзора, и кровь, затекающая мне в глаз.

Пегги не двигалась.

— Сэм? — Меня не позвали откуда-то сзади; просто мое имя органично вплелось в очередной стон.

— Кэт?

— Ты в порядке? — спросила она.

— Не знаю. А ты?

— Вроде жива.

— Насчет Пегги я не уверен.

— Она мертва?

— Я не знаю.

— Позови ее!

— Пегги?..

Я задержал дыхание, прислушиваясь. Ответа, если честно, я и не ожидал услышать. Его и не последовало.

Зато кто-то тяжело шагал к нам.

Мог это быть только один человек. Я бросил взгляд за расколотое ветровое стекло. Ну да, все верно.

Снег Снегович шел походкой триумфатора от угла фургона к нам. На нем по-прежнему были мотоциклетные сапоги и джинсы, но выше пояса он был гол. По мощному, рельефному торсу, обтянутому смугло-загорелой кожей, бежал пот. Охотничий нож покоился в ножнах на бедре.

— Снег идет, — предупредил я. Прозвучало до смешного абсурдно.

— Вот дерьмо, — пробормотала Кэт.

— Прикинемся мертвыми?

— Проще простого.

Я закрыл глаза.

И стал слушать звук его шагов. Снегович надвигался с неотвратимостью судьбы. Злого рока.

Снежный гость.

До этого мы еще могли как-то от него улизнуть, но теперь не стоило даже и пытаться. Пытаться что-то изменить стоило, быть может, вчера вечером... а Кэт могла столько раз поступить иначе *до того*, как наша передряга вообще началась. Но, как известно, если бы да кабы... С пути, на котором мы были сейчас, свернуть было нельзя.

Я ведь совсем не порицал Кэт.

Я любил ее. Если бы она не впуталась в передрягу с Эллиотом, она никогда бы не вернулась в мою жизнь. Я был счастлив быть с ней рядом. Даже сейчас.

В разбитом вдребезги автомобиле.

Только бы нас не так сильно сплющило.

Да, многое могло пойти иначе — с самой последней полночи.

Но пошло именно так, как пошло.

И сейчас мы были целиком и полностью в милости Снеговича.

Моя дверь распахнулась, и я начал выпадать. Снегович поймал меня и толкнул в другую сторону, так что рухнул я за спиной Пегги.

— В чем дело, сосунки? — взревел седой бандит. Голос его был, как всегда, кошмарно бордым. — Никогда не попадали в автокатастрофу?

Он что-то делал в салоне, прямо надо мной, и я никак не мог понять, что именно.

— А вот и монтировочка! — провозгласил Снег, и я понял, с чем он там возился. — Классная монтировочка! Хотели мне черепушку раскроить, сосунки?

Пинком вернув мои ноги на место, он захлопнул дверь с моей стороны.

Насвистывая, он отошел куда-то в сторону. Через несколько мгновений что-то лязгнуло неподалеку. Наверное, он бросил монтировку.

Распахнулась задняя дверь.

— Приветик, Кэт, — пробасил Снег. — Несладко пришлось, да? — Он усмехнулся. — О, черт, да вы только гляньте на все это пивцо! — Следующие полминуты эфир занимал его залиvistый хохот. — Неудивительно, что вас так расхерачило, пьянчужки вы несчастные!

Там, сзади, было что-то около десяти пустых банок пива. Я слышал, как они стучаются друг о друга. Тихий фоновый шум.

Хоть я и не видел ничего, звуки подсказывали мне, что Снегович доставал наши ледоруб и лопату с заднего сиденья. От машины он ушел вместе с ними. Поравнялся с распахнутой дверцей фургона и зашвырнул их внутрь. Первой ушла лопата, вторым — ледоруб. Приземлился он с тяжелым лязгом.

— Ну, что тут у нас еще? — провозгласил он, вернувшись к останкам нашей машины. — Посмотрим, посмотрим. — Тихо перезвякивали банки, пока он рылся внутри. — Ага! Молоточек. Тот самый. Тоже пригодится. Чего у вас только нет! — Снегович хохотнул.

В задней части салона он рылся еще довольно долго, забирая все, что находил интересным. Болтал он много, задавал нам вопросы, но ответов от нас явно не ждал. Спустя некоторое время он вылез.

Я открыл глаза — посмотреть на него.

Впервые я заметил белый дым и пар, поднимающийся от нашего автомобиля. Взвиваясь прядями из-под капота, он относился ветром в сторону и рассеивался. Ничто не указывало на пожар, так что я сосредоточился на Снеге.

Сложив добытое за фургоном — я различил веревку, ботинки Кэт, молоток и две наших походных сумки, — он вновь направился к нам.

— Возвращается, — предупредил я Кэт.

— Да что б его... — пробормотала она.

На этот раз Снегович открыл пассажирскую дверцу.

— Привет, девчушка. Хм. Только посмотри, во что ты превратилась. Ладно, что у нас здесь?

Сквозь смеженные веки я смотрел, как он наклоняется и подбирает что-то с пола у ног Пегги. Что бы он там не нашел, все это было сгружено им в мешок из «Счастливики». Закончив с обыском пола, он открыл перчаточницу. Выгреб что-то оттуда. Пошел прочь.

С моей позиции был виден правый борт фургона. Снегович нес награбленное к

пассажира двери. Открыв ее пошире ногой, он запрыгнул внутрь.

— Он в фургоне, — отрапортовал я. — Загружает наши вещи внутрь.

— Что он взял?

— Не знаю. По-моему, все, что только смог.

— У меня тут почти ничего не осталось. Подонок. Даже ботинки с меня снял. Оставил нам домкрат без упора и...

— Он вышел.

— Опять идет к нам? — простонала Кэт.

— Нет... похоже, нет.

Вместо того, чтобы вернуться к нашей машине, он обошел фургон и поднял с земли наши сумки. Снова скрылся где-то в кабине.

— Продолжает затариваться за наш счет, — сказал я.

— Боже. Что потом?..

— Не знаю, Кэт.

Ситуация и так уже приняла веселый оборот: Снегович разбил нашу машину, забрал почти все, что мы могли бы съесть, выпить или использовать в качестве оружия, и, вдобавок ко всему, похоже, убил Пегги.

— Надо дать ему понять, что мы еще в строю, Кэт, — сказал я. — Он грабит нас, потому что думает, что мы не можем дать отпор.

— Не глупи, Сэм.

— Что такого глупого я?..

— Мы сейчас хоть как-то сможем ему помешать? Он добьет нас в два счета.

— И то верно.

— Скорее всего, он считает нас *уже* мертвыми. Потому и хапает.

— И что же нам делать?

— Что делать, что делать. Сухари сушить, — пробурчала Кэт.

При других обстоятельствах я, возможно, посмеялся бы над шуткой. Но слишком уж безрадостная сложилась ситуация. И я все еще боялся, что Снегович напоследок решит повеселиться над нашими трупами и, допустим, бросить спичку в натекший бензин. Или забрать наши пальцы в качестве трофея. Он мог сделать с нами все, что заблагорассудится — мы с ним бороться были не в состоянии, а спасти нас в этой глуши было явно некому.

Я не мог ни засмеяться, ни улыбнуться, но Кэт сделала так, что я чувствовал себя менее ужасно. *Сушить сухари*. Да мы и так уже сушеные по самое не горюй. Интересно, улыбнулась ли она сама, ляпнув это.

— Он с тебя обувь снял? — спросила она.

— Нет.

— А с меня так снял.

— Я видел.

— То есть, церковный ключик все еще при тебе.

— Если моя нога при мне, то — да. — С трудом сконцентрировавшись, я пошевелил правой ногой. Вроде бы на месте. Были неприятные ощущения — но никакой сильной боли. Вращая пяткой туда-сюда, я почувствовал, как открывашка впиалась в лодыжку — там, под носком.

— Да, он при мне, — сообщил я.

— Очень хорошо. А зажигалка?

— Прости, что?

— *Зажигалка*. Ты клал ее в карман рубашки.

— Прости, вот до рубашки мне сейчас никак не добраться, — сказал я. — По-моему, она под Пегги.

— Моя зажигалка — при мне.

— Наши шансы растут.

— А заправка для них?..

— Они — одноразового использования, дурная ты голова.

— Ха-ха-ха.

— Он, наверное, забрал ее. — Я вздохнул. — И освежитель воздуха. Но — не могу сказать наверняка. Может быть, он их упустил. А упустить он мог их, только если они скатились сюда, вниз. Я вот не думаю, что сейчас смогу проверить... да, только не сейчас.

— Что он делает? — спросила Кэт.

— Все еще возится в фургоне.

— Поскорее бы уехал.

— Он не уедет, — сказал я. — До темноты.

— Уехал бы, если б заглянул в багажник.

— В багажник он тоже до темноты не заглянет.

— Он ведь мог раскрыться, когда он протаранил нас.

— Похоже, не раскрылся.

— Снегович пошел на нехилый риск.

— Да, — сказал я, — но риск, как видишь, окупился. Мы выведены из игры.

— Можно сказать и так.

С ворчанием и кашлем двигатель фургона ожил. Серый дым с хлюпающим звуком повалил из выхлопной трубы.

— Он что, заводит фургон? — спросила Кэт.

— Да.

— О Боже, надеюсь, ему не захочется проехаться по нашим костям на прощание.

— Нет, он поворачивает направо. И... и, Кэт, он *уезжает*.

— Что? Какого черта?..

— Не знаю.

Моя голова отчаянно ныла. Солнечный свет бил по глазам. Лучше от этого не становилось.

Подняв Пегги за руку, я отодвинул ее от себя и сел. Несмотря на то, что иглы боли вонзались в меня то тут, то там, в целом мое тело функционировало нормально.

— Эй, что ты делаешь? — зашипела Кэт.

— Хочу выбраться.

— Он поймет, что мы не мертвы!

— Его тут нет, — отметил я.

— Но он вернется.

— Да. И, думается мне, мы его не одурачили. Так ли, иначе ли — оставаться нам тут нельзя.

Пегги никак не хотела сесть прямо. Она упала на меня пару раз, прежде чем я привалил ее к погнутой пассажирской двери. Ее руки свисали безвольно, волосы упали на лицо.

В ее волосах было полно осколков стекла. Солнце играло в них веселыми бликами. Макушка девушки была в крови. Крови вообще было много. Капельки падали с подбородка ей на платье, алые цветки расцветали на груди. Шнурки, которыми Кэт подвязала ее сарафан, из белых стали бордовыми. По ногам Пегги тоже сбегали красные ручейки.

— Она жива? — тихо спросила Кэт.

— Я не знаю.

— Попробуй узнать.

— Да. — Я устался на ее грудь, пытаюсь понять, вздымается ли она — хоть чуть-чуть. Учитывая, что мое зрение еще не совсем пришло в норму после аварии, задача попалась не из легких. Пришлось повернуться, наклониться и прижать левую руку к бледной коже девушки — чуть повыше выреза. Даже со скидкой на то, что меня немного трясло, сомнений не оставалось — грудь Пегги слабо поднималась вверх и вниз.

— Она дышит, — заключил я.

— Слава Богу, — выдохнула Кэт.

Все еще держа руку на груди Пегги, я выглянул в проем между сиденьями — и впервые с момента аварии увидел Кэт.

— Привет, — сказала она.

— Привет.

Она развалилась на заднем сиденье, задрав голову кверху — левая нога на спущенной шине, правая, согнутая в коленке, подвернута и покоится на полу. Руки вытянулись по швам — ладони на бедрах, рубашка, полностью расстегнутая, широко распахнулась до середины

грудь. Правый подол подвернулся, открывая половину живота.

Если бы не кровь, можно было бы подумать, что Кэт устроилась прикорнуть.

Выглядело так, будто кто-то втер ей горсть земляники в губы, щеки, шею. Может быть, кровь размазала она — пальцы были все красные.

— Из носа натекло, — пояснила она.

— Это все?

— А тебе мало?

— Нет! Боже мой! Тебе повезло.

— Повезло? С натяжкой. Но, знаешь, задние сиденья всегда безопаснее. Я шлепнулась поперек Пегги и скатилась на пол. Там и лежала, когда Снегович подошел. Руки, ноги разбросала. Черт, я, наверное, *выглядела* мертвой. По мне будто стадо антилоп пробежалось... но, в целом, ничего ужасного, один лишь расквашенный нос. И, наверное, синяки вскоре поспеют. А ты как? У тебя порез на лбу.

— Вряд ли им обошлось, — поморщился я. — Вроде, все работает, хотя... вот тут вроде шишка. — Я коснулся левой стороны головы — и верно, обнаружил вздутие размером где-то с половинку теннисного мяча между ухом и лбом. Волосы в той области были липкие и затвердевшие на ощупь. Коснувшись макушки, я вздрогнул — под пальцами было что-то податливое и мокнущее. Видимо, порез.

— Думаю, ничего страшного со мной не случилось, — сказал я.

Пока я ощупывал голову, Кэт пыталась сесть. Давалось ей это нелегко. Со стонами и зубным скрежетом. Рубашка соскользнула с ее правого плеча, и, несмотря на все свои шишки, я залюбовался открывшимся видом, вновь на миг отринув боль и все риски, связанные с делом, в которое мы впутались.

Заметив мой взгляд, она поправила блузку, но с пуговицами возиться не стала. Поворочавшись туда-сюда, она выглянула в окно — первый раз после аварии, до этого-то она лежала сильно ниже.

— Что-то я его нигде не вижу, — сказала она.

— Он непременно прикатит обратно.

— Да, пожалуй.

— И мы обязаны выбраться отсюда, прежде чем он появится, — сказал я ей.

— Проверь, работает ли двигатель.

Я был абсолютно уверен, что машине уже не суждено завестись, но на всякий случай несколько раз повернул ключ зажигания в замке. Что-то под капотом щелкнуло, потом бахнуло, потом умолкло на веки вечные.

— Понятно. Не продолжай, — махнула рукой Кэт.

— Хорошо, уехать нам не удастся. Но тут полно хороших мест для укрытий.

— А как быть с Пегги?

Я пожал плечами.

— Ладно, дай я на нее посмотрю, — сказала Кэт.

Вцепившись в спинки сидений обеими руками, она подтянулась вперед.

— Ты уверен, что она жива?

— Да. Я чувствовал, как она дышит.

— Пегги! — крикнула Кэт девушке в самое ухо.

Та даже не шелохнулась.

— Она в сильной отключке, — кивнула Кэт. — Попробуй ее потормозить.

Я ухватился за костлявое плечо девушки и пару раз встряхнул. Ее голова безвольно болталась. В сознание она не пришла.

— Ладно, ущипни ее.

Щипки дались мне нелегко — пальцы вымокли в крови. Но мне удалось поймать немного кожи между большим и указательным пальцами и хорошенько закрутить.

Пегги не реагировала.

— Ее нужно отвезти в больницу, — сказала Кэт.

— До ближайшей больницы — как до Луны пешком.

— Что нам с ней делать?

— Что нам с *собой* делать, а?

— У тебя есть план? — поинтересовалась Кэт.

— Перво-наперво — выберемся из этой душегубки. — Не так уж много времени минуло с тех пор, как авария угробила двигатель и кондиционер, но в салон уже успел накалиться.

— Мы зажаримся заживо, если останемся здесь.

— По крайней мере, у нас есть тень. Может быть, если мы откроем окна...

— Думаю, лучше все же выйти. Ты точно в порядке?

— Точно. Как сам?

— Сносно. Можем попробовать вскарабкаться на какую-нибудь скалу и затаиться. Так, чтоб Снегович не нашел нас.

— Почему он ушел? Куда поехал?

— Кто знает? Но он все еще думает, что у нас Эллиот припрятан в багажнике, так что он вернется, рано или поздно. Так вот, если он нас не найдет, он... ну... не сможет нам *навредить*.

— Да, для битья у него останется только Донни, — заметила Кэт с горечью в голосе. — Мы, как и прежде — в одной упряжке. Ну, нашу-то упряжку перевернули... и, черт побери, здесь жарче, чем в аду, давай хотя бы окна откроем! — Она откинулась назад, на свое место.

— Давай, может, выберемся и спрячемся? — напомнил с надеждой в голосе я, но просьбу выполнил. Стекло с моей стороны не разбилось, хоть, чаяниями Снеговича, я крепко приложился об него головой. Опустилось оно без проблем — даже ручка не заклинила после аварии. — Мы ведь даже не знаем, жив ли До...

— Черт!

— Что такое? — Я чуть вздрогнул.

— Я не могу... не могу опустить стекло до упора. Что-то мешает.

Я оглянулся через левое плечо. Шея протестующе хрустнула. Кривясь от боли, я перевалился на плечо и посмотрел в ее сторону. Действительно, окно опустилось едва ли наполовину. Поначалу я ломал голову, что пошло не так — но вскоре до меня все дошло.

— Так и должно быть. Это конструкционное решение.

— Зачем, черт возьми?..

— Ради безопасности детей, посаженных на задние сиденья. Если им придет в голову опустить стекло, они не смогут выпасть на дорогу на полном ходу.

— Кому такое в голову пришло?

— Правительству.

— Да чтоб их!..

Я с трудом сдержал улыбку.

— Кэт, они просто пекутся о безопасности.

— Я вот сейчас точно здесь испекусь.

— Но дети...

— За детьми должны следить родители.

— Родители бывают заняты, отвлечены...

— Да чепуха это все! Ребенок — первое всего. А окна, открывающиеся только наполовину — это либо чьи-то комплексы, либо чья-то дурная голова.

— Может быть, и так. — Я все-таки расплылся в улыбке.

— Не знала, что тут так все устроено. Бьюсь об заклад, что и Билл не знал. Знал бы — не купил бы эту дурацкую машину вовсе.

— Все ради детей, Кэт.

— Я просто хочу *подышать*.

— Придется *потерпеть*. — Я отвернулся. — Так на чем я остановился: мы волнуемся за Донни, при том — не знаем, жив ли он еще... мы ведь даже не знаем наверняка, *есть* ли Донни.

— Конечно, есть.

— Ты его хоть раз видела?

— Нет. Но зачем Пегги выдумывать?

Я подумал над ее вопросом, затем — предположил:

— Ради Снеговича?

— Зачем ей подыгрывать этому громиле?

— Кто знает?

— Нет, не может такого быть. Кстати, второе окно тоже?..

— Да. Только на половину. Оба задних пассажирских окна так работают.

— О, *великолепно*.

Я выглянул в проем. Кэт ползла через соседнее сиденье к дверце напротив. Рубашка ее снова задралась, обнажая гладкую кожу на животе. Опершись о локоть, Кэт принялась дергать за ручку, опускающую стекло — с каждым рывком ее груди подпрыгивали, — но та, похоже, заела. В конце концов что-то щелкнуло, ручка резко прошла весь свой ход, стекло наполовину опустилось, а Кэт, потеряв равновесие, ойкнула и шлепнулась прямо на грудь.

— Вот дерьмо, — процедила она.

— А ветерок неплохой, — заметил я, подставляя лицо. — Даром что теплый.

— Открой и свое оставшееся, — попросила Кэт. — Оно-то хоть откроется нормально?

— Да, тем, кому разрешено сидеть впереди, разрешено и рисковать головой, высовываясь в окошко.

— Вот радость-то.

Перегнувшись через Пегги, я нащупал ручку. Мой локоть пару раз бесцеремонно пересчитал выступающие ребра девушки — поза была не из удобных, — но все же мне удалось справиться с окном.

— У Билла были свои хорошие стороны, — вдруг сказала Кэт.

— Какие же?

— Он, по крайней мере, выбрал машину не из сильно автоматизированных. Если бы после аварии вся автоматика накрылась, мы бы эти окна даже наполовину не смогли бы опустить.

— Старый способ — самый верный, согласен, — сказал я.

— Прогресс убивает, — провозгласила Кэт.

— А правительство подает ему патроны.

— Это откуда?

— Не знаю. Какая-то крылатая фразочка. — Потоки разогретого зноем воздуха обдавали мне лицо, грудь и голые плечи. Было *очень* жарко — но все лучше, чем прежде.

— Явно не твоя.

— А я на нее и не претендую.

Я глянул на Кэт. Она развалилась на заднем сиденье, подогнув поудобнее ноги, невольно напомнив мне о старых днях — когда мы, молодые и бесшабашные, бегали в кинотеатр. Вот там она сидела так же. По-королевски. И был приятный запах попкорна, и вся жизнь была впереди, и никаких извращенцев-мужей, вампиров и седых чокнутых байкеров нам тогда еще не светило. И не было всех этих шрамов... всех этих крошечных бледных вмятин и рубцов на теле Кэт.

Она терла щеку — засохшая кровь сходила темной пленкой. Ветер трепал ей волосы на макушке, бросал пряди на лоб. В глазах Кэт отражалось ясное голубое небо.

— Не так уж и плохо сидим, — заметила она.

— Но в укрытии было бы безопасней, — напомнил я.

— Здесь зато есть тень.

— Снегович может нас из нее выволочь.

— Если мы не пойдем против него в открытую — рано или поздно, — Донни лишится всех шансов. — Кэт прищурилась. — Ты ведь всерьез не думаешь, что Пегги его просто выдумала.

— Я не знаю. Но — что в этом невозможного? Мы знаем о нем только с ее слов. Не подозрительно ли, что за все время мы даже мельком не увидели парнишку?

— Смысл Пегги лгать нам?

— Снегович мог заплатить ей.

— Это безумие.

— Не такое уж и безумие, если подумать. Он мог помахать у нее перед носом деньгами... *солидными* деньгами, быть может. Вдруг он не угнал фургон, а *нанял* — вместе с личным водителем?

— Если ты говоришь правду, девчонка наврала нам с три короба.

— Вполне возможно!

— Но все же — вряд ли.

— Кто знает? — сказал я. — Когда мы улизнули от Снега, ему нужно было быстренько нас нагнать, пока далеко не ушли. Решать вопрос с транспортом ему пришлось в дефиците времени. Тут-то он и наткнулся на Пегги. На стоянке. Мог пригрозить ей, а мог и любовно договориться. Пойми, Снег Снегович ведь даже не подозревал поначалу, пока нас нагонял, что ему *понадобится* еще один человек. Хоть кто-то. Он нуждался в заложнике. Иначе нечем было нас прищучить. Нечем было заставить плясать под его дудку. Конечно, можно было просто преследовать нас какое-то время, но...

— Но мы бы оторвались.

— Именно! Наша машина всяко побыстрее будет. Но сама машина ничего не стоит, важен водитель. На порядочности которого можно сыграть. Вот он и придумал маленького несчастного Донни.

Кэт нахмурилась.

— Не знаю, не знаю. Что-то мне не кажется, что Снегович столь богат на выдумку.

— Возможно, ему подсказала Пегги.

— Тогда она — тот еще планировщик. И неплохая актриса вдобавок. Шанс наткнуться на такую мозговитую девчонку на автозаправке Троны...

— Близок к нулю, но что, если Снеговичу повезло? И что, если Донни не существует?

— Тогда они нас крепко поймали на пару.

Я обратился к пассажирскому месту и уставился на Пегги. Она все еще безвольно сидела у двери с опущенной головой, но кровь больше не капала с ее подбородка. Теперь, когда ясный взгляд вернулся ко мне, я отчетливо видел, как ее грудь вздымалась и опадала.

— Скорей бы она пришла в себя, — сказал я. — Тогда мы бы попробовали узнать правду.

— Я почти уверена, что мы ее и так знаем.

Поворачиваясь так, чтоб видеть Кэт снова, я сказал:

— С Донни или без Донни, нам здесь оставаться нельзя. Укрыться в скалах безопаснее.

— Как быть с Пегги? Мы что, бросим ее здесь?

— Забрать ее мы не сможем, если она не придет в себя.

— Но перенести...

— Мы не знаем, насколько сильны ее травмы. Лучше даже не пытаться.

— Значит, просто оставим в машине?

— Не думаю, что ей будет здесь худо — с открытыми-то окнами. Наш уход ничего принципиально не меняет. Что с нами, что без нас — ей все одно.

— Да, твоя правда.

— И ее шансы выжить растут, если мы вернемся к ней, разобравшись со Снеговичем. Потому что если Снегович разберется с нами, ни для нее, ни для Донни не остается...

— Если Донни существует, — криво улыбнувшись, перебила Кэт.

— Да. Ты улавливаешь суть.

Моя рубашка нашлась под приборной доской. Я взял ее, встряхнул, расправляя, и проверил карман.

— Зажигалка на месте.

— Что ж, значит, либо мы сожжем мир, либо мир сожжет нас.

— Все у нас будет хорошо, — сказал я и надел рубашку. Ощущения были — будто я залез в тепловой мешок. Но без рубашки, надо полагать, солнце пропечет меня еще сильнее. Так что я без промедлений застегнулся на пару-тройку пуговиц.

— Ну как, готова? — спросил я Кэт.

Она кивнула.

— Ну тогда — погнали.

Мы вышли по разные борта машины, оба — пригнувшись, оба — не спеша. Жара пустыни встретила нас подобно опаляющему дыханию лесного пожара.

— Оставим двери открытыми? — предложила Кэт, перекрикивая ветер. — У Пэгги будет больше воздуха!

Я кивнул, оставил свою дверь открытой, более того — пошел к задней двери на своей стороне и открыл ее. Ручка изрядно накалилась — почти как сковородка на плите. Подув на пальцы, я пошел к багажнику.

Посмотрел на закрытую крышку.

— Даже не верится, что *его* там нет, — сказала Кэт.

— Да. *Хорошо*, что он не там.

Прихрамывая, она зашагала ко мне. Ветер разбрасывал волосы Кэт, приобретшие в сиянии солнца цвет соломы, в стороны и раздувал ее рубашку, подобно парусу. Кэт успела даже загореть, а от капелек пота ее кожа блестела, как умасленная. Беговые бутсы канули, но белые носки на ней все еще были.

— Точно не хочешь остаться в машине? — спросила она.

— Если мы там останемся, нам несдобровать. Так что — нет, не хочу.

— Просто я сейчас, по-моему, загорюсь.

— По тебе не скажешь.

Она усмехнулась.

— В этом-то и беда.

— Как твои пятки?

— Прижариваются помаленьку.

— Сейчас я добуду тебе босоножки Пегги. Она в них не нуждается.

— Она в них *будет* нуждаться, Сэм, когда придет в себя.

— Когда и если... Тебе они сейчас нужнее.

Кэт покривила губы, будто не одобряя идею, но протестовать не стала.

Я быстренько обошел ее. Ручка пассажирской дверцы встретила меня болезненным солнечным бликом — прямо по глазам — и я, отвернувшись в сторону, пробормотал ругательство.

— Я открою, — отодвинула меня Кэт. — А ты лови Пегги. Мы же не хотим ее вышвырнуть из машины, надеюсь? Только немного обворуем.

Все еще хлопая глазами, я присел у двери и вытянул руки. Кэт попробовала ручку пальцем, обернула руку в подол рубашки как в перчатку и распахнула дверь. Я поймал Пегги аккуратно под ребра и запихнул обратно в салон, хоть она и всячески старалась выпасть головой вниз на горячий песок.

Ее платье задралось совсем уж безбожно — до самых бедер. И да, босоножек на ее ногах как-то не наблюдалось.

Я присел на корточки у открытой двери. Участок пола под сиденьем Пегги, погруженный в тень, казался какой-то непроглядной Сумеречной Зоной — после слепящего света солнца. Не доверяя глазам, я запустил внутрь руку. Босоножек там не было. Ворсистое покрытие было теплым и влажным — может, от пролитого пива, а может, от пролитой крови. Все, что я мог нашарить — остатки пивной упаковки, разбросанные гайки,

рассыпавшиеся орехи и мятые жестянки.

— Разве ее тапки не там? — спросила Кэт.

— Наверное, слетели после столкновения.

Рука наткнулась на одну целую жестянку, правда, лежащую на боку. Я все же поднял ее и потряс — на всякий случай. Пустая, а как иначе.

— Может, Снегович их стырил.

— Я вот их у него не заметил. Может, он бросил их в сумку.

— Что он вообще нам оставил?

— Немногое. И — ничего стоящего. Хотя... погоди! Один есть! — я ухватил босоножку и бросил ее через плечо. Кэт поймала.

— Спасибо.

— Если здесь одна, где-то должна быть и вторая.

И я нашел ее — еще раз внимательно обшарив целлофановый ком, служивший некогда пивной упаковкой. Схватив находку, я медленно встал, кряхтя от напряжения и болей во всем теле. Солнечный свет жестоко ударил по глазам еще разок, и пришлось вдобавок крепко зажмуриться.

— Ее темных очков там нет? — спросила Кэт.

Я покачал головой.

— А ведь они бы тебегодились. Попробуй сыскать.

— Ну... — Пожав плечами, я обернулся. Кэт положила руку мне на плечо, чтобы не упасть, нагнулась и сунула правую ногу во второй тапочек Пегги. Левую она уже обула.

— Дай-ка я поищу, — сказала она.

Я уступил ей дорогу, и она, сторбившись, нырнула в салон. Как и я, вслепую принялась шарить по полу.

— Орешков хочешь? — поинтересовалась она.

— Нет, спасибо.

— А они ведь хорошие, — добавила она, помолчав немного. — Вымокли малость только.

— На пол уронив еду, не тяни ее ко рту, на полу — микробы, а от них хворобы, — выдал я назидательно.

— То, что быстро мы подняли — то, считай, и не роняли, — парировала Кэт. — Ну да, *быстро* — это не про наш случай... и, черт, они все в крови Пегги. Не будем вампирствовать, ты прав.

— От соленого пить потянет, — хмыкнул я.

— Опять же, согласна. А очков тут нет.

— Обойдусь, Кэт, пошли.

Распрямившись, Кэт бросила последний взгляд на Пегги, поправила ей платье и хлопнула по ноге.

— Держись, девчонка, — сказала она тихо. — Хорошо? С тобой все будет в порядке. — Она отступила, повернулась ко мне. — Как думаешь, эту дверь тоже оставить?

— Не стоит, пожалуй. Если она резко очнется или будет ворочаться — выпадет, как пить дать.

Кивнув, Кэт захлопнула дверь.

Мы зашагали прочь от машины. Я шел первым, прокладывая путь. Впрочем, быстро обнаружилось, что Кэт не спешит следовать мне шаг в шаг. Она, вроде как, запутывала след

— вытаптывая извилистые маршруты в нескольких ярдах от меня. И это тоже была хорошая работа, и я был благодарен ей за нее — ведь ей-то не меньше досталось в аварии, чем мне, а жара кругом стояла нещадная и каждый шаг давался с трудом.

Мой мозг, казалось, пульсировал. Шея болела. Руки болели тоже. Спина задревенела. Ныли мышцы ног — хоть бы не свело. Во рту было сухо, но по телу градом стекал пот. Капли со лба попадали в глаза, и приходилось смаргивать через раз. Одежда прилипла к телу второй кожей.

Мне на спину будто повесили второго меня.

И вряд ли Кэт было сейчас лучше. Но она делала все, чтобы Снегович не вышел на нас, если ему вздумается сюда вернуться.

Вдобавок ко всему, путь по бугристому подъему давался ей куда лучше, чем мне. И совсем скоро она порядочно меня опережала.

Делая передышку, я смотрел, как она перескакивает с одного валуна на другой, повыше, размахивая руками для равновесия и придерживая рубашку, треплемуую ветром. Убедившись, что не свалится через секунду, она, присев на каменный выступ, сначала искала следующую безопасную позицию, потом — посмотрела на меня сверху.

— Не поспеваешь? — крикнула она.

— Все нормально! Я нагоню.

— Ты в порядке?

— В порядке настолько, насколько позволяет недавняя автокатастрофа.

— Главное — не упади.

— Постараюсь.

— Я подожду тебя здесь.

Замерев на краю скалы, она положила руки на бедра и стала выжидать моего восхождения. Я потихоньку вскарабкивался следом, но — довольно медленно. В конце концов, мы удалились уже на достаточно безопасное расстояние от автомобиля. Если Снегович вдруг нагрянет сюда, он доберется до нас нескоро.

Впрочем, боли не были единственной причиной, по которой я не спешил. Я наслаждался видом — он все же был хорош. И потому взбирался я медленно, поднимаясь все ближе и ближе к Кэт и наслаждаясь, как классно выглядит она там, наверху — руки на поясе, большие пальцы — в шлевках забрызганных краской некогда-джинсов, рубашка полощется на ветру.

Даже со своих жалких позиций я вдруг возжелал стать великим художником, занять холст, краски и все время этого мира, и запечатлеть Кэт, задумчиво стоящей на валуне посреди опаленной жарким солнцем пустыни.

Эх, да был бы у меня хотя бы фотоаппарат...

Но, хоть и фотоаппарата у меня не было, разочарование вдруг покинуло меня — я понял, что ум мой *навсегда* сохранит эту картину, и образ этот будет принадлежать лишь мне. То будет мой личный, тайный образ, который никто никогда не увидит и не возжелает украсть, который никогда не будет разрушен огнем или водой, который останется только со мной — и на всю жизнь.

Поднявшись поближе, я заметил, что, несмотря на сильный ветер, ее кожа блестела от пота. Будучи уже совсем близко, я увидел слой сухой пыли на ее ногах. Ручейки пота стекали по ее лицу, по шее и груди.

Добавить все эти подробности в картину, сделал я мысленную пометку. Не забыть

этот шрам на скуле... старый шрам. Он ведь был у нее еще тогда, когда мы с ней были подростками.

Кэт отошла на пару шагов назад, освобождая мне место для последнего маневра. И все равно я наткнулся на нее, подбрасывая тело наверх, на последнюю высоту. Она поймала меня за плечи, не дав скатиться обратно. Сердце стучало у меня в ушах, я хватал ртом воздух. Все лицо было залито потом. Он жег мне глаза.

— Ты в порядке? — спросила Кэт.

Я кивнул. Она убрала руки. Подолом задравшейся рубашки я обтер лицо.

— Мы уже почти там, — сказала она.

— Почти где?

— А ты посмотри. — Повернувшись, она подошла к вертикальной стене скалы, высотой ей до плеч.

— Вуаля! — сказала Кэт, забросив руку на скалу.

— Тень! — дошло до меня.

— Именно.

— Так это... здорово!

— Кто пойдет первым? — спросила она.

— Если пойдешь ты, — ответил я, — я тебя подтолкну.

Она ухмыльнулась.

— Думаешь, мне *нужен* твой толчок?

— Наверное, нет. Но я буду рад пособить.

— Точно будешь? — Она улыбнулась. — Ну смотри.

Поставив ладони лодочкой, я встал вплотную к скалистой стенке. Кэт, поставив ногу на получившуюся ступеньку, ухватила руками за вершину выступа и подтянулась вверх. Отползя от края и встав, она обернулась ко мне.

— Ты справишься? Или нужно слезть и подтолкнуть?

— Можешь просто смотреть и восхищаться моей ловкостью.

— Ладно. — Она улыбнулась, согнулась в талии и принялась отряхивать песок и пыль с колен. Я, залюбовавшись, полез вверх не сразу. Зато потом мне довольно ловко удалось забросить колено на край — боль поначалу была, но быстро ушла, — и вот я уже лежу на выступе. Как до меня, правда, впоследствии дошло — меньшей половиной тела. Засучив руками, я попытался за что-то ухватиться, чувствуя, что ноги неуклонно сползают назад и влекут за собой торс, но тут Кэт метнулась вперед, обхватила меня обеими руками и потащила на себя, назад к безопасности.

— Все хорошо, — сказала она, поглаживая мой затылок. — Вот теперь у нас точно все хорошо, Сэм. Снегович нас здесь не найдет. А если найдет — что ж, пока он будет лезть сюда, мы завалим его камнями так, что не двинется.

— Кэт и Сэм снова в деле, — слабо улыбнулся я.

Через некоторое время я, лежащий пластом на горячем камне, нашел силы поднять голову. Кэт сидела на корточках передо мной.

— Тебе лучше? — спросила она.

— Да. Еще чуть-чуть — и буду в полном ажуре.

— Сможешь встать?

— Смогу, надеюсь. — И смог-таки. Подлыгаясь на руках и коленях, не без помощи Кэт — но смог.

Мы стояли в тени. И смотрели вниз.

Фургона нигде не наблюдалось.

Наша машина осталась довольно далеко внизу, но — достаточно близко, чтобы мы могли ее ясно видеть. В принципе, наверное, столь же хорошо видно автомобиль, припаркованный во дворе, с крыши пятиэтажки. С поправкой лишь на то, что наш угол уклона был довольно-таки крут.

Через окно пассажирской двери я мог видеть правую ногу Пегги, но — не ее саму. Очевидно, она по-прежнему лежала где-то там, на водительском месте.

— Не похоже, что Пегги очнулась, — заметил я.

— Мы можем проверять ее — раз в час. Если она придет в себя, нам, возможно, придется изменить планы.

— Еще бы.

Мне потребовалось несколько минут, чтобы окинуть взглядом весь ландшафт. Самый пустынный, к слову, ландшафт из всех мною виденных. Одни только пески, сухостой и камня. Кактусы и низкий кустарник — то тут, то там. И скалистые наносы, из которых наш казался самым большим... ну, до тех пор, пока нам не предоставился шанс глянуть с высоты.

И — какие-то развалины у подножия обрыва, примерно в полумиле по правую сторону от нас.

— Глянь только, — обратил я внимание.

— Я вижу.

А видели мы сейчас группку старых лачуг с жестяными крышами и упавший остов деревянной водонапорной башни. Было еще что-то вроде бойни с пристройками, конюшня, окруженная корытами с водой... что-то еще. Понять назначение всего остального было с такого расстояния трудно.

А из-за угла одной лачуги с краю торчал перед машины — фары, матовый хромированный бамер, решетка радиатора, серые полосы на капоте и видимом борту.

— Это автомобиль? — спросила Кэт. — Там, справа, видишь?..

— Вижу.

— И?..

— Это либо легковушка, либо небольшой грузовик.

— Это не фургон?

— Нет, — сказал я. — Но, судя по этой решетке, тачка — из пятидесятих годов родом. Древность. Возможно, она там уже лет десять коротает.

— Жалко, что отсюда не видно шины, — сказала Кэт.

— Я вот лично сомневаюсь, что они у нее вообще есть, — хмыкнул я. — На таких машинах уже никто не ездит, Кэт.

— Старики — ездят.

— Старикам тут не место, Кэт. Там все уже явно давно и основательно заброшено.

— Да, так — на первый взгляд, но наверняка все равно сказать нельзя. Вдруг там живет старый старатель...

— Сомнительно. Но шахта, думаю, наверняка где-то там есть.

— Темная, прохладная шахта, — протянула Кэт.

— Которую искать и искать, — напомнил я.

Мы оба стояли на выступе, прикрывая руками глаза от солнца и ветра и щурясь вдаль. Я

искал спуск в шахту на склонах, подпиравших руины. Кэт, думаю, высматривала то же, что и я. Но — ничего подобного, похоже, там не было.

— Вот куда Снегович пошел, — вдруг выпалила она. — Присмотрись, там можно увидеть следы шин. Они вроде как... исчезают и появляются.

Я, сколько не вглядывался, ничего не углядел.

Кэт указала пальцем — и пояснила, где смотреть. Я, наконец, увидел следы от шин. Они то появлялись, то пропали — все верно. А сразу за тем местом, где мы потерпели крушение, две параллельные линии резко разворачивались и тянулись в сторону горняцких руин.

Их путь было трудно отследить. Где-то их прерывала скалистая порода, и, не ломая глаз, нельзя было сосредоточиться и поймать ту точку, где они начинались снова. В общем, они то и дело ускользали из виду.

Но даже учитывая все это, было ясно — до разрушенных лачуг Снегович все-таки доехал.

— Он все еще там? — спросила Кэт.

— Я не вижу фургон.

— Но смотри, обратного следа нет. Он *должен* быть все еще там. Может, припарковался за одним из домиков.

— Может, он просто едет назад другим путем.

— Каким? Тут все видно.

— Может, он уже успел заехать нам в тылы.

Кэт хмуро посмотрела на меня.

— Тогда где фургон?

— Я не знаю. Я ведь не отрицаю — он *может быть* там, в руинах. Но с тем же успехом — и где-то еще, в совсем другом месте. Может, он вообще нарезает круги.

— Веселая мыслишка.

Мы оба повернули головы и бросили взгляд вниз, к нашему автомобилю — и выше.

Никаких признаков фургона.

— Ладно, хватить торчать на солнце, — сказала Кэт.

Мы засели в укромном уголке — скалистые стены обступили нас с трех сторон. Уклон давал нам хорошую тень — размером почти с машину Кэт. Солнечный свет подпекал границы нашего укрытия, и горячий ветер бросал в нас горсти песка, но в целом мы хорошо устроились.

— Здорово, — пробормотал я.

— Неплохо, — сказала Кэт. — Совсем неплохо. Жаль, конечно, что машина отсюда не видна.

— Никуда она не денется.

— А Пегги?

— Я выйду посмотреть, как она, чуть-чуть попозже.

— Я и сама могу.

— Куда спешить?

— Я не спешу, но Снегович... ладно, ты прав.

— Конечно, я прав. Расслабься и наслаждайся тенью.

— Жарковато здесь для такого. Тебе бы, кстати, не помешало бы снять рубашку и дать мне привести тебя в порядок, а то ты совсем у меня замарашка.

— Правда? — Я начал расстегивать рубашку.

— Правда. Ты как будто ловил яблоки зубами в тазу с кровью.

— Я думал, пот все смыл.

— «Размазал» — вот правильное слово.

Я отдал рубашку Кэт. Вытряхнув из кармана зажигалку и положив рядом, она сложила ее наподобие тряпки и стала обтирать ею мое лицо. Неспешно и нежно. Хотя, каждый раз, когда она приближалась к ране над бровью, я весь внутри сжимался.

Наклонившись поближе, она оглядела ранение.

— Кровоточит немного. Может, тебе лучше лечь.

Я покорно опустился на спину. Полежать, к слову, давно хотелось — да вот только шанс не представлялся. Жаль, конечно, что ложе попалась из жестковатых. Камешки впились в кожу у раны, оставленной колом.

— Тьфу ты, — проворчал я. — Повязка со спины слетела.

Вспомнив про укусы на руке, я посмотрел — и понял, что только две наклепки из четырех уцелели. На нижней стороне руки пластыри еще держались, но где-то по дороге я потерял остальные два. Ранки, впрочем, не кровили.

— Сядь, — сказала Кэт.

Я сел и наклонился вперед.

— Да, отпала.

— Наверное, где-то по пути сюда. Я потел, как гиппопотам. И два пластыря с руки отклеились. Не знаю, когда успели.

— А есть разница? Кровь уже не идет.

— Это хорошо, — согласился я, — но мне бы следовало слезть вниз и поискать остатки повязки со спины. Она большая.

— Забудь про нее, — сказала Кэт.

— А если Снегович ее найдет?

— То — что случится? Когда он увидит, что нас нет в машине, он поймет, что мы подались в скалы. Куда нам еще деваться. Ему не нужна будет повязка, чтобы понять, где мы — прятаться тут больше негде. А теперь приляг, пожалуйста. Я еще не закончила.

Я откинулся на спину снова.

Кэт села по-турецки у моего плеча, склонилась надо мной и правой рукой продолжила обтирать мое лицо. Наверное, хотела, чтобы на мне не осталось ни капельки крови. Прервавшись ненадолго, она обмотала указательный палец тканью моей рубашки, поспешила и убрала потеки с моих век и уголков губ. Так обычно делают матери, вычищая чад от шоколадных разводов.

— Вот теперь — славно, — пробормотала она.

Расправив рубашку, она прикусила краешек подола и разорвала спереди до самого ворота. Орудая быстро и умело, она превратила мою многострадальную одежду в ворох широких лоскутков с обтрепанными концами.

— Хорошая была рубашка, — вздохнул я.

— Уж прости, но в ее гибели не я виновата. Ты ее всю кровью заляпал.

Сделав из клочка что-то вроде заплатки, она мягко прижала ее к ране над бровью и прихватила длинной полоской потоньше.

— Носи с честью, — объявила она.

— Белую рубашку можно надеть два раза. Потом она становится серой и ее еще долго можно носить. С честью, — ухмыльнулся я.

Кэт рассмеялась.

— Все время я тебя чищу, — покачивая головой, она переключилась на мои грудь и живот. — Забавно, правда?

— Я просто такой монументальный человечиче.

— Смотри, как бы твой монумент Снегом не завалило. — Кэт улыбнулась, но — как-то вяло и коротко. Потом — посерьезнела. — Мне очень жаль, что я впутала тебя в это, Сэм.

— А мне не жаль. Это факт.

— Я и думать не думала, что все пойдет так далеко. — Она посмотрела мне прямо в глаза. — Я думала, мы убьем Эллиота, свалим его где-нибудь в глуши, и этим все кончится. Как я только могла знать... что все будет *вот так вот* плохо.

— Кэт, *слава Богу*, что ты меня вытащила.

— Но я не должна была!

— Ты не понимаешь. Для меня все как-то даже *слишком* хорошо... До прошлой ночи я думал, что никогда не увижу тебя снова. Я почти смирился. И тут... вдруг... такой необычный шанс вновь оказаться с тобой...

— Ты так говоришь, будто быть со мной — невесть какое счастье.

— Ты — то *единственное* счастье, что имеет для меня значение.

Сказавши, я мигом осознал, как дешево и патетично это все, наверное, прозвучало. Но слово — не воробей. Да и после всего того, что мы с ней прошли, был ли мне смысл скрывать это от нее?

— Боже, Сэм, — сказала Кэт чуть дрогнувшим голосом. Прикрыла глаза рукой. — Почему я не вернулась к тебе *сама*?

— Наверное, не могла.

— Вот еще. — Она всхлипнула, смахнула слезы. — Ты был такой славный парень. А я просто оставила тебя за спиной.

— Твои родители переезжали.

— Да разве это оправдание? Да и потом... тогда мне казалось, что ты не тот парень, который мне нужен.

— Какого же парня тебе хотелось?

— Какого-нибудь озабоченного садиста, очевидно же. — Она положила руку мне на грудь и засмеялась, но смех больше напоминал сдавленные рыдания. — Жаль, что ты этого тогда не понял, правда? *Забудь про поэзию и заставь меня кричать.* Ох.

— Если б я только знал... — хмыкнул я.

— Правильно говорят — нормальные герои всегда идут в обход.

— Но теперь-то я с тобой.

— Правильно. Со мной. — Она спустила руку мне на талию и принялась вытаскивать мой ремень из джинсов.

— Надеюсь, ты не хочешь, чтобы я тебя пороть им начал, — поморщился я. — Не думаю, что сподоблюсь на что-то такое. Как-никак — в аварии побывал, потом на гору лез...

— Тебе не придется меня пороть.

Она расстегнула «молнию». Мое сердце вдруг запрыгало в груди тяжелее, чем прежде.

— Тебе будет намного удобнее без них, — сказала она.

— Ну... наверное, — пожал я плечами. — В них довольно-таки жарко, да.

Выпрямив ноги, она отползла от меня. Все еще лежа на спине, я оторвал голову от земли и посмотрел ей вслед. Став на колени у моих ног, она стянула с меня ботинки. Потом принялась стаскивать джинсы за штанины.

Я еле успел придержать трусы — которым через несколько секунд суждено было стать единственным предметом одежды, что еще оставался на мне. Ну, если не считать носков и пары пластырьков.

Сложив мои джинсы на манер «конверта» из прачечной, Кэт подложила их мне под голову — на манер подушки.

— Лежи здесь, — наказала она. — Я отойду ненадолго.

— Куда?

— Хочу глянуть, как там обстановка внизу.

Я подумал было попросить ее об осторожности — Снегович мог быть неподалеку. Нам было сейчас совсем ни к чему попадаться ему на глаза. Но уж Кэт-то знала все оттенки опасности, так что и предупреждать было вроде как и ни к чему. Не проронив ни слова, я просто смотрел ей вслед.

Ступив в яркий солнечный свет, Кэт сделала несколько аккуратных шажков, потом замерла. Ветер столь сильно взметнул ее рубашку, что на мгновение мне стала видна ее голая спина. На руках и коленях она проползла оставшийся путь к краю и минуту-две глядела вниз. Вернувшись в тень ползком, она распрямилась, отряхнула песок с покрасневших коленок и пошла ко мне.

— Никаких изменений.

— Жалко, что мы не знаем, где сейчас Снегович.

— Хорошо уже то, что он не здесь. — Она сняла босоножки, села у моего изголовья и скрестила ноги. Наши взгляды встретились.

— Ну, так каков наш план, Сэм? — чуть улыбнувшись, спросила она.

— Я не знаю.

— Придумай что-нибудь.

— Трудно думать, когда на тебе нет штанов.

— Да, и шапочку академика ты, я так понимаю, не захватил. Разве мать не предупредила тебя о таких вещах?

— Конечно, предупредила, но, будь на мне шапочка академика все это время, Снегович убил бы меня сразу. А так — завалилась у меня одна, в походной сумке.

— А ее-то Снегович забрал. Без шуток.

— Да. Я помню.

— Теперь и умников толком не скорчить.

— Увы.

— Ладно, все же: что мы тут делать будем?

— Отдыхать, наверное. Пока этот чертов солнцепек не уймется.

— Резонно.

— Будем лежать тише воды, ниже травы, и смотреть, как там будут дальше события развиваться. Может быть, нам повезет, и до темноты Снегович нас не обнаружит.

— Что тогда? — спросила Кэт.

— Хороший вопрос. Спустимся тихонько вниз, наверное. И разберемся с ним.

— *Разберемся с ним?..*

— Он же вернется, чтобы вытянуть кол из Эллиота.

— Да, наверняка, как только солнце сядет. — Кэт кивнула. — Вот только Эллиота в багажнике уже нет.

— Придется импровизировать. Выдумывать по ходу дела. Как-то ведь надо вывести Снеговича из игры и отобрать у него фургон.

— Не забудь про спасение Донни.

— Ну разумеется, Донни. Мошка в сетях паука. Если он вообще существует.

— Он существует, — сказала Кэт. — Было бы в какой-то мере *неплохо*, если бы его не было, но, держу пари — он есть.

— Все бы сейчас отдал за ружьишко, — вздохнул я.

— Пока что все, что у нас есть — мы сами. — Она положила руку мне на грудь, пальцы принялись нежно прохаживаться по коже.

— Да, это — главное.

— Как думаешь, мы сможем уснуть?

— Попробовать точно стоит. Отличная идея...

— Я полна отличных идей.

— ...правда, одному из нас придется побыть часовым.

— Не придется. И скажи, что я не права.

— Снегович...

— Черт с ним. — Она вытянулась рядом со мной на спине. Я повернулся к ней. Мы лежали почти лицом к лицу — я был только чуть повыше, из-за подушки из сложенных джинсов. — Если он найдет нас... так тому и быть. Но не думаю я, что он рискнет бросить Донни... или променять хорошую тень внутри фургона на восхождение на скалу под полуденным солнцем.

— Наверное, ты права, — сказал я.

— Надеюсь, что права. Все, что я сейчас знаю наверняка — нужно поспать. И тебе тоже. Я вся вымоталась.

— Я тоже.

Кэт сложила скрещенные руки под головой. Прямо на грубой, каменной земле.

— Эй, возьми мои джинсы, — сказал я, вытягивая импровизированную подушку из-под головы.

— Не стоит, оставь себе. Мне и так хорошо.

— Жестковато ведь, наверное.

— Немного.

— Возьми. Я настаиваю.

— Не надо. Мне они не нужны. — Поднявшись, она стянула рубашку через голову и скатала в опрятный маленький комочек. Положив его на землю, она аккуратно легла и придавила его головой. — Видишь?

— Вижу, — зачарованно протянул я.

— Держу пари, эта штука помягче твоей джинсы.

— Да. Конечно.

Обратившись лицом к небу, Кэт сложила руки на голом животе, зевнула и закрыла глаза.

— Неплохо ведь, — пробормотала она.

— Совсем не плохо.

Кэт вскоре уснула.

Но не я.

Я оставил глаза открытыми.

Так я и лежал на спине, глядя на Кэт.

Позже, я встал медленно и спокойно. Не потрудившись обуться, я вышел в солнечный свет — в одних трусах и носках. От жары с меня будто сразу начала облезать кожа, но ветер чуть сбавил неприятное чувство. Скалы опаляли мои пятки через носочную ткань.

Пробуя игнорировать боль, я осмотрел окрестности. Не было там, внизу, ничего и близко напоминающего фургон. Как, впрочем, не было и следов от шин. В районе руин вдалеке тоже, казалось, все осталось по-прежнему.

Я подполз к краю так же, как это делала Кэт. Горячая поверхность валуна жалила мои руки и колени, но я не позволял этому остановить меня. Я пристально глядел вниз. Фургон — нет. Наш автомобиль все еще приютился у основания скалы с тремя открытыми дверьми, по-прежнему от Пегги была вида только часть бледной ноги.

Я провел несколько минут, изучая скалы и пытаюсь углядеть остатки повязки, упавшей с моей спины. Без толку.

И я отполз назад, затем встал и поспешил в наш затененный укромный уголок. Обратно к Кэт.

Она, как выяснилось, не то успела проснуться, не то — и вовсе только притворялась, что спит. Успела закрыть глаза — но слишком поздно, чтобы я не заметил, что еще секунду назад она держала их широко открытыми.

Я с легкой улыбкой присел на колени у ее ног. Провел указательным пальцем по ее пятке. Кэт, даже не шелохнувшись, усердно изображала сон: грудь вздымается, лицо безмятежно-спокойное. Я принялся щекотать большой палец ее правой ноги. И это испытание она выдержала с достоинством.

— Знаешь, Кэт, — задумчиво произнес я, пересчитывая пальцы ее ног, словно клавиши ксилофона. — Ты, я думаю, права. Сон — для слабаков. Вот обморок от перенапряжения — это да, это — по-нашему.

Она прыснула. Через секунду смеялся уже и я.

Остановиться и взять контроль над собой мы смогли не скоро.

— О-о-о-о, — протянула Кэт, утирая слезы, выступившие на глазах. — Только не говори «это по-нашему». Не заставляй меня смеяться снова.

— Если подумать, — я никак не мог отдышаться, слова давались с трудом, — это не так уж и смешно. Эй, Кэт, ты в порядке?

— Да, да. — Она хихикнула напоследок и повернулась на бок. — Хватит меня смешить. Смеяться больно!

— Прости, вот *сейчас* я даже не пытался.

— Просто я давно не слышала эту шутку. *Очень* давно. Ты меня подловил.

— Я нечаянно.

— Вот уж не ври. — Она фыркнула. — Ладно, ложись, и давай попробуем уснуть по-человечески. — Она хлопнула по скале рядом с собой.

— Только обещай, что *сама* поспишь.

— Нет, это *ты* — обещай. Я же сказала тебе — никаких дежурств. Поэтому-то я и не уснула, если хочешь знать.

— Потому что я не уснул?

— А я-то боялся...

— Не бойся ничего.

Наши губы встретились.

У Кэт они были сухие и раздраженные. Ее дыхание пахло пивом — не какой-нибудь банально-романтической мятой или сладкой ватой. Моя голова болела. Я чувствовал себя разбитым от головы до кончиков пальцев ног. Мы лежали на грубом, скалистом ложе.

Но это был лучший поцелуй в моей жизни.

Искры пробежали меж нашими ртами и теми небольшими участками, где наши тела встретились... и долгое время мы существовали, казалось, лишь там, в этих местах, губы и языки и крохотные участки кожи без тел, одно дыхание на двоих, пальцы без рук, пробегающие по влажным волосам.

Мы старались быть как можно нежнее друг с другом — из-за наших ран.

Поначалу я был робок в прикосновениях. Как и она: ее рука порхала по моей спине, бокам, но ниже талии ни разу не опускалась. И тогда первым решился я, положив руку на ее бедро, ощутив восхитительное тепло ее тела.

Вскоре я уже был под ней, без одежды, придавленный ее весом, ее теплом, ее нежностью. Мои руки блуждали вверх и вниз по ее скользкой спине. Влажные волосы прилипли ко лбу Кэт, пот стекал с кончика ее носа, с подбородка, капли падали мне на лицо. Она тяжело дышала. Когда мои пальцы нашли ее груди — будто омытые в горячей воде, — она выгнула спину и застонала.

После мы не смущались друг друга и не сдерживали свои порывы.

А потом — лежали на спине, тяжело дыша и устремив глаза к небу.

— Теперь заснешь? — спросила она тихо.

— Наверное.

Я взял ее за руку и закрыл глаза. Горячий ветер обдавал меня, казалось, смывая влажные дорожки с кожи.

Мог ли я предположить, что здесь, в самом сердце безлюдной пустыни, скрывшись в скалах от человека, что намеревался нас убить, я смогу заняться с Кэт любовью?

Конечно, нет.

Боже, я оставил все надежды уже очень давно.

Я мечтал, но отказался от всех мечтаний. Думал, что всю жизнь проживу без нее и никогда не смогу слиться столь тесно телом и душой с женщиной, которую по-настоящему любил.

Ничего подобного я доселе не испытывал. И все же это случилось.

И это было *прекрасно*.

Похоже, спали мы долго.

Кэт разбудила меня, прижавшись своими губами к моим.

— Привет, — выдохнул я, глядя ей в глаза.

— Самое время просыпаться, — ответила она с улыбкой.

— Ох, ты — тот еще будильник. Снегович не намечается?

— Нет, я смотрела. На западном фронте — без перемен. Как ты?

— Всяко лучше, чем было.

— Ладно. Не буду тебе мешать.

— Ты не мешаешь.

— Прости, я... просто... истомилась немного.

— По чему?

— По тебе.

В этот раз мы провозились дольше. Мы *прикипели* друг к другу. Кэт исследовала мое тело, поглаживая и слегка царапая. Я старался не отставать. Я целовал ее, пробовал на вкус, в малейшее прикосновение вкладывая максимум страсти. Нет, *такого* у меня решительно не было никогда — подобные трепещущие волны чувственных наслаждений были мне доселе неведомы.

Мы отдавались друг другу едва ли не отчаянно.

Мы буквально *стирали* друг друга.

А когда закончили — ничего от нас не осталось, кроме мягкого, страдальческого блаженства и тяжелого, глубокого дыхания. Из-за каменистой природы нашего ложа мы заработали кучу мелких царапинок и стёсов кожи — на локтях, коленях, бедрах, ягодицах. Красные пятна засосов на наших телах просто не поддавались счету.

И мы кровоточили.

Все наши нашлапки и повязки канули. Что-то — раньше; что-то — уже сейчас. Кровь текла у меня из ран над бровью и у предплечья, у Кэт — из вновь раскрывшихся ранок от укусов Эллиота на шее, ноге и в паху. Какую-то часть крови мы друг с друга *слизали*.

Закончив, мы лежали, выдохшиеся, на спинах. Ветер обдувал наши разгоряченные тела.

Какое-то время — *долгое* время — мы даже слова не могли вымолвить.

Первой подала голос Кэт:

— Тебе хорошо?

— Как никогда в жизни.

— Мне — тоже.

— Я, похоже, даже встать не смогу.

— Слишком много потеряно драгоценных телесных соков, — сказала Кэт.

— А, пустяки.

— Хотя, не так уж много потеряно, в основном мы ими обменялись. У тебя, между прочим, прекрасный вкус.

— И у тебя тоже.

— Пальчики оближешь.

— Фу, Кэт.

Она тихо засмеялась.

— Считай, это комплимент.

— Спасибо-спасибо.

Мы еще немного помолчали, потом она спросила:

— Ты когда-нибудь делал это прежде?

— Что именно?

— Пробовал чью-нибудь кровь на вкус?

— Не думаю. А ты?

— Да. — Она повернула голову и посмотрела на меня. — Несколько раз. Но сейчас — первый раз, когда меня это вынудил сделать не Эллиот. Мне понравилось.

— И мне тоже.

— Мы теперь *перемешаны*, Сэм. От тебя — во мне. От меня — в тебе. — Кэт улыbnулась. — Мы теперь единое целое.

Ее рука нашла мою руку.

— Единое целое, — эхом откликнулся я и крепко сжал ее.

— Интересно, мы теперь вампиры?

— Из-за чего? Из-за того, что попробовали кровь друг у друга?

— Да. Как думаешь?

— Вряд ли.

— В любом случае, почему бы и нет?

— Я просто целовал твою шею и случайно попал туда же, куда до меня — Эллиот.

— Случайность, выходит?..

— Ну да. Правда, ты не попросила меня перестать.

— А ты ведь и не *хотел* перестать.

— Твоя правда. Но это не делает меня вампиром.

— Ты тогда стал *похож* на вампира. Очень-очень.

— Только потому, что это была *ты*, — сказал я.

— Правда?

— Святейшая. Пить еще чью-то кровь у меня нет никакого желания.

— Значит, единое целое.

— Коим мы были всегда, — тихо произнес я.

— *Ради той, что, впиваясь, мне дарит любовь*, — процитировала Кэт. — Ведь ты почти предупреждал меня тогда, Сэм. Обо всем об этом.

— Это просто фантазия, — покачал головой я.

— Фантазия о *вампире* или о *жертве вампира*?

— Быть может, и о том, и о той.

— Здорово. Так как тебе — быть единым целым?

— Прекрасно.

— Да. Здорово. — Ее рука сжала мою в ответ. — Если мы выберемся из всего этого живыми...

— Мы выберемся, Кэт.

— ...если все же выживем, я не хочу терять тебя больше, Сэм. Мне так хорошо, когда мы вместе. Наверное, я тебя люблю. Наверное, *всегда* любила.

Она подобралась ко мне, закинула на меня ногу и мягко поцеловала. В этом поцелуе не было ни безудержности, ни жажды — но от этого он не был хуже, отнюдь. Простой, короткий знак любви. Она положила голову мне на грудь, и я погладил ее короткие,

влажные волосы.

Так мы скоро и заснули.

Когда я пробудился, Кэт все еще лежала на мне, все еще спала — дыша ровно и неспешно. Ветер утих. Хотя мы и залегли в тени, воздух был сухой и горячий. Я чувствовал дыхание Кэт на своей груди. И — что-то еще. Посмотрев вниз, я увидел маленькую блестящую лужицу на коже — там, где угол ее рта опирался на мою грудь. Кэт во сне пускала на меня слюни.

Я улыбнулся.

Закрыв глаза.

И тут взвыл клаксон чьей-то машины.

Кэт продолжала дремать.

Клаксон завыл снова.

Я мягко потряс Кэт за плечо. Она застонала, с трудом оторвав от меня голову. Ниточка слюны стекла на ее покрасневшую щеку, оттуда — на подбородок, и с него — на меня.

— Что... — спросила она.

— Кто-то сигналил нам.

— Хм? — Она потрясла головой и, сонно моргая, уставилась на меня.

— Тут машина, Кэт.

Она поморщилась.

— Снег?..

— Не знаю. Может быть, Пегги очнулась.

Хмурясь, Кэт повертела головой туда-сюда, разминая шею. Сон не желал отпускать ее из своих объятий.

— Вряд ли в моем автомобиле еще осталось, чему гудеть...

Нам подали сигнал еще раз.

— Мой клаксон звучит не так.

— Я пойду и посмотрю, — сказал я.

— Вместе пойдем. Единое целое. Не забывай.

Мы встали на ноги, вздрагивая и постанывая. Наша одежда была разбросана в совершеннейшем беспорядке вокруг. Даже носки. Кэт подцепила с земли рубашку и принялась влезать в нее. Я влез в трусы. Носки пришлось натягивать в спешке и кое-как, прыгая с ноги на ногу.

— Что-то он умолк, — заметила Кэт.

— Может, уехал?

— Верится с трудом.

Я спрятал церковный ключик в свой носок. Кэт сунула ноги в шлепанцы Пегги и пошла вперед, к солнечному свету.

— Обожди! — взмолился я.

Не обращая на меня внимания, она вышла из тени и, низко приседая, поспешила вперед. Я заторопился следом. Подхватил ее сзади, когда она едва не оступилась.

На руках и коленях мы подползли к краю. Ползти так по мелким камушкам было неприятно. Но — не так неприятно, как то, что мы увидели.

Снег Снегович вернулся.

Донни был реален.

Они стояли вместе на крыше фургона, остановившегося за останками автомобиля Кэт.

Все четыре дверцы были открыты. Пегги как-то умудрилась вывалиться из салона — а может, ее выволокли. Спиной она была на земле, а ногами — все еще в салоне. Выглядела она так даже мертвее, чем прежде.

А Донни был явно жив.

Как и сестра, он оказался тощим и светловолосым. Вихры у него были порядочной длины. Снегович намотал их себе на руку и крепко держал. Руки Донни были за спиной — и, хоть мне их и не было видно, понятно было, что их там чем-то стянули или связали.

На ногах парня были туристические ботсы Кэт. Без шнурков они смотрелись клоунскими туфлями на его узких ногах.

Больше на Донни ничего не было.

Его кожа была красной — видимо, от солнца, — но ранен он, похоже, не был.

Снегович, прижав пленника к себе, приставил к его горлу нож. Мы отползли назад — туда, где край скалы мог скрыть нас от взгляда седого психа. Если он был не виден нам с такой позиции, то мы ему — подавно.

— Надо что-то придумать, — пробормотала Кэт.

— Знаю. Знаю. О Боже.

— Ты видел Пегги?

— Да.

— Он что, убил ее?

— Боюсь, ее убила авария. Или она все еще в отключке.

— Да что-то это уже не похоже на отключку.

— А парнишка-то, вроде, цел.

— Черт! Бедняга... — Она прикусила нижнюю губу.

Я мягко потер ее спину через рубашку.

— Мы *должны* его спасти, — сказала Кэт, глядя мне в глаза.

— Но как?

— Есть идеи?

— Ты у нас хитрая, — напомнил я ей.

С ужасающей решимостью в глазах она тряхнула головой.

— Мы должны, *обязаны* как-то развести их. Понимаешь? Старая ситуация. Пока у него Донни, нам его никак не достать.

— Что-то мне не хочется доставать подобного типа.

— Не одному тебе.

— Но мы *должны*.

— Конечно же.

— Пойдем назад, оденемся до конца, — сказал я. — Погибать — так хоть в приличном виде.

— Согласна.

Мы поползли назад, к нашей тени, и наскоро оделись полностью. Джинсы мои были какие-то отяжелевшие и неприятные коже — будто за все время, что я был без них, накопили тепла побольше. Рубашка все же повторила судьбу своей предшественницы, но я все равно наплялил ее и проверил, на месте ли зажигалка.

Кэт тем временем пробовала застегнуть свою блузку. Ее руки ужасно дрожали. Пуговицы не попадали в дырочки, а если попадали — долго там не задерживались, выскальзывали обратно. Наконец ей удалось нормально застегнуть две из них.

— Ну что, идем?

— Надеюсь, он не убьет нас сразу.

— А пусть попробует, сученьш.

Она улыбнулась.

— Крепкий же ты орешек.

— Это *ты* — крепкий орешек, Кэт.

— Самое время посмотреть, чьи орешки покрепче будут — его или наши.

— Что бы ни случилось, — отмахнулся я, — я рад, что успел пережить с тобой так много.

— Я еще не собираюсь умирать.

— Ну это само собой. Я о том, что если я умру сегодня — что ж, жизнь я прожил хорошую.

Она опустила глаза.

— Тебе совсем не обязательно умирать сегодня.

— Я знаю. Попробую продержаться.

— Я люблю тебя, Сэм.

— И я тебя люблю, Кэт Лоример.

Она подошла вплотную ко мне, мы обнялись и поцеловались. Мы оба знали, что это может быть наш последний поцелуй. Что, может быть, больше нам уже никогда не быть наедине друг с другом. И потому то был долгий поцелуй — а объятия были столь крепки, будто мы боялись, что сейчас кто-нибудь из нас превратится в дым и исчезнет.

Там, внизу, Донни коротко, но громко вскрикнул.

И Кэт выпустила меня. В ее глазах полыхало отчаяние.

— Пора идти, — сказала она твердо.

— Сэм! Кэт! Помогите мне! — кричал мальчишка.

Мы вернулись к краю выступа — как и прежде, ползком — и глянули вниз. Снегович все еще держал Донни за волосы.

Впрочем, кое-что в картине изменилось.

Кровь теперь текла из почти десятисантиметрового диагонального разреза над левым соском Донни. Будто парень был натурщиком какого-то безумного художника, яростно махнувшего на него кистью, щедро окунутой в красную краску. Потеки уже миновали талию и достигли середины его бедра.

— Эй вы там, наверху! — взревел Снег. — Даже не пытайтесь сделать вид, что вас тут где-то неподалеку не водится! Спускайтесь живо, а не то у меня терпелка крюкнется! Видите парня? Не послушайтесь — я его прямо тут свежевать начну! Спускайтесь, говночисты, слышите?

Кэт подалась назад, то же самое сделал и я. Мы переглянулись.

— У меня есть план, — сказала Кэт. — Я спускаюсь.

— Может, пока не стоит?..

— Я считаю до десяти! — голосил Снегович. — Пока я считаю, пораскиньте мозгами! Будете ныкаться — увидите, как я парнишку к ногтю прижму да по ветру пущу! Прямо на ваших глазах — если не покажетесь и не придете ко мне! Ну а если вы ушли и не слышите меня — что ж, влип ваш Донни, крышка ему что так, что эдак! Вас никто не просил уходить. Надо было сидеть в гребаной машине! Итак, *раз!*

— Я спущусь и скажу ему, что ты умер, — принялась быстро объяснять Кэт. — Скажу, что мы доползли наверх, но твои раны после аварии были слишком тяжелые, и ты истек кровью.

Я покачал головой.

— Сэм, не на...

— *Два!*

— Не стоит тебе туда идти! Он поймет, что ты врешь!

— *Три!*

— Не поймет и не узнает! Чтобы это проверить, ему придется *лезть сюда!* Он не сможет! Не в такую жару!

— Если ты спустишься, ты только...

— *Четыре!*

— ...обеспечишь ему еще одного заложника!

— Зато тебе будет проще! Ты сможешь спуститься незаметно и подкрасться к нему!

— А что он успеет сделать с *тобой*, когда я смогу подкрасться?

— Я...

— *ПЯТЬ!*

— ...буду в полном порядке.

— *Ну все, вы напрашиваетесь! Сейчас я сосунка-то укорочу!*

— В таком же *порядке*, как и Донни сейчас? — ужаснулся я.

— В том-то и дело! — сказала Кэт. — Как ты не понимаешь? Ему не нужна я, ему нужен *ты*.

— Мы *оба* ему нужны.

— Это тоже верно, но...

— *СЕМЬ-ВОСЕМЬ! МНЕ НАДОЕДАЕТ!*

— Черт, ты слышала?..

Кэт кивнула.

— Он не даст нам уйти проосто так, но на *тебя* у него явно особые планы. Он любит парней.

— Это, тем не менее, не мешало ему лапать Пегги!

— Да, она так сказала. Но она была...

— *ДЕ-Е-Е-Е-ЕВЯТЬ!*

— ...просто его посланницей, — продолжила Кэт. — Не мальчик. Он всегда держал Донни при себе. Пегги была просто вишенкой к его тортику, которую, в случае чего, не жалко и на пол смахнуть, а вот Донни он не отпускал!

— Если ты права...

— Я права.

— *Девять с полови-и-и-иной!*

— ...тогда не *мне* ли нужно спуститься? Он будет больше отвлекаться на меня, чем на тебя!

— Да, может быть, и так.

Ее ответ, признаться, меня не сильно обнадежил. Я просто хотел отговорить ее от спуска, но спуститься *самому* в одиночку к седому бандиту как-то не улыбалось. Да еще и если Кэт права в своих прикидках...

— Только одна проблема, — сказала Кэт. — Ты...

— *Девять и три четвертушки! Вы что, дадите мне убить пацаненка? Что вы за изверги-то такие, а? У вас совесть есть?*

— ...ты больше и сильнее меня, — закончила она мысль. — У нас будет больше шансов, если я буду в плену, а ты — на свободе.

— Я спущусь, сдамся, — сказал я. — Усыплю его бдительность — потом резко нападу.

Она поморщилась, явно не сильно одобряя идею.

— Не знаю, выйдет ли, — пробормотала она.

— *ДЕВЯТЬ НА СОПЕЛЬКЕ!*

— Я спускаюсь, Снег! — крикнул я громко.

— Ха! Я знал, *знал*, что вы там крышуетесь! Ну-ка сюда, да поживей!

— Не хочу, чтобы ты начала геройствовать сверх меры, — быстро сказал я Кэт. — Я обещаю, что сделаю все, что смогу, чтобы вывести Снеговича из игры, но ты держись подальше от него.

— Весь мой план насмарку, дурачина.

— Я просто хочу, чтобы ты выжила.

— *Все* должны выжить, кроме этого придурка.

— *Эй, там! Показывайтесь! Живо!*

— Ты сможешь уйти, — сказал я Кэт. — Если мне не повезет, ты сможешь переждать до темноты и выбра...

— Не оскорбляй меня так.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

— *Я тут, короче, отрежу ему что-нибудь!*

— *ПОГОДИ!* — крикнул я. — Кэт, обещай, что выберешься. Я хочу, чтобы ты выбралась. Вот и все.

— Эй, есть такая старая поговорка: «Мы должны держаться вместе, или нас повесят по одному». Может быть, это Дилан Томас сказал...

— Это сказал Бен Франклин, когда провозглашал Декларацию, — поправил я.

— А. Да. Точно.

— *Так!* — взревел внизу Снегович. — *Парню вашему — тиз...*

— ДА ИДУ Я! — гаркнул я в ответ. — УЙМИСЬ УЖЕ!

— Мы будем держаться вместе, — сказала Кэт. — Спускайся, дорогой. — Она наклонилась ко мне и осторожно поцеловала.

И я встал.

Снегович снизу злобно уставился на меня.

— Где сука?

— Успокойся, — сказал я, присаживаясь на выступ. — Здесь нет никаких собак.

В ответ понеслась отборная ругань описательно-оскорбляющего характера.

— Ну, это же ты сейчас про меня? — Я аккуратно спрыгнул вниз, выпрямился. — Так я — вот он, иду.

— Так! Ладно! А где она?

— Кто?

Снегович полоснул Донни поперек правого соска. Я вздрогнул, будто лезвие прошлось по моему телу. Кровь потекла из глубокой раны, парнишка задергался.

— Стой! — завопил я.

— *ГДЕ ОНА?!*

— Она мертва.

— Пошути мне еще!

— Без шуток! — Я поспешил вниз, прыгая с валуна на валун.

— А ну стой! — Снег прижал лезвие к горлу Донни.

Я замер.

— Кэт умерла? Seriously?

— Да все из-за аварии! Она... поначалу вроде бы чувствовала себя нормально, но потом... Наверное, внутреннее кровотечение... Мы легли там, наверху, чтобы передохнуть! — Я задрал руку вверх, к тенистому уступу. — И там она умерла. — Я ссутулился и затряс головой, всем видом выражая скорбь утраты. — *Ублюдок вонючий, ты ее убил!* — слезно закричал я. — *Убил мою Кэт, засранец! Ты, все ты виноват!*

— Конечно, я. — Снегович выглядел довольным.

— *Зачем ты в нас вообще врезался?!*

Он усмехнулся и почесал бороду.

— Что, хорошенько вас вздрючил?

— Зачем ты это сделал?!

— Да вот захотелось вас вздрючить, я и вздрючил!

— *Ты убил Кэт!*

— Да убил, убил, смени пластинку! И, коли хочешь, чтобы парень жил, поднимись туда, где она якобы померла, и принеси труп.

Я так и встал с открытым ртом.

— Что, проблемы? — спросил Снегович.

— Я не смогу ее нести! Я и сам сильно ранен!

— Просто подтащи к краю и спихни вниз. Меня не колышет, *как* ты это сделаешь, но ты это сделаешь. Притащишь мне ее труп. И да, если окажется, что она — не труп, я перережу Донни горло от уха до уха. Пошел, чего стоишь!

Отвернувшись, я начал подъем обратно. Внутри все сжалось.

Мы недооценили Снеговича уже в который раз. Все наши уловки были ему очевидны.

И что теперь?

Я подумывал о том, чтобы оступить. Симулировать случайное падение. Возможно, мне повезет грохнуться *сильно* — с переломом ноги или (что вероятнее) позвоночника. Это, по крайней мере, не позволило бы мне подняться наверх, за «трупом» Кэт.

Но это вряд ли бы не позволило Снеговичу зарезать Донни. Он уже нанес ему две серьезные раны, и, видимо, довершить работу ему не составит труда. И совесть его мучить не будет.

Ожидания Кэт не оправдались — Снегович явно не нуждался в Донни. И, боюсь, он перестал нуждаться в ком-либо из нас в тот самый момент, когда протаранил машину Кэт на фургоне. Мы больше не могли удрать, Пегги и вовсе выбыла из игры — не нужно было больше ни стращать сестру Донни, ни давить на нее. А ее братом этот извращенец уже наверняка попользовался. Скорее всего, он успел уже сделать с ним *все*, что хотел — разве что не убил еще.

Все это бессмысленно. Черт с ними, нужно уносить ноги.

Но я знал, что Кэт никогда не пойдет на такое.

Эх, надеюсь, она уже удрала.

Но, поднявшись достаточно высоко, я увидел ее — сидящей по-турецки в тени и выжидательно смотрящей на меня.

— Мы влипли, — с порога объявил я.

Подтянувшись, я попытался забросить ногу на уступ. Не вышло. Кэт осторожно подобралась ко мне и протянула руку. Мы закатились в тень, где Снегович уж точно не мог нас видеть. Я тяжело дышал. Кэт, похоже, была абсолютно спокойна.

— Мы должны сделать то, что он хочет, — сказала она шепотом.

— Ты с ума сошла? — вытаращился я на нее. — Он хочет твоё *тело*.

— Ну, значит, он не настолько гей, насколько я подумала.

— Твоё *мертвое* тело, Кэт, тут не до шуток! Я сказал ему, что ты *погибла*. Теперь я должен...

— Я знаю. Я все слышала.

— И говоришь — «мы должны сделать то, что он хочет»? Мне что, *убить* тебя?

— Я и так мертва. Смотри. — Она шлепнулась на спину, раскинула руки.

— О, Боже.

— Давай, — прошептала она. — Неси меня к нему.

Я на руках и коленях подполз к ней.

— Таким дешевым трюком его не проведешь.

— Мы выиграем время. Пока он не подберется поближе, он не поймет. Возможно, это даст нам шанс.

— Как, черт возьми, я тебя снесу?

— Как обычно несут мертвое тело. Торжественно.

— Что, если я тебя не удержу? Что, если я *уроню* тебя?

— Будет правдоподобнее.

— О, *потрясающе*.

— Только роняй осторожно.

— Почему нам не остаться здесь? Он достать нас не сможет. Стемнеет, и потом мы...

— Мы не можем так поступить, Сэм.

— Я не хочу потерять тебя.

— И не потеряешь, — подмигнула Кэт. — Теперь подбери меня прежде, чем он что-то заподозрит.

— Кэт, пойми, он *знает*, что ты не мертва.

— Он не знает, он только *думает*, что знает. Мы его переубедим. Давай, неси меня.

Как только я присел на корточки рядом с ней, она забросила левую руку мне за шею и чуть приподнялась. Я просунул одну руку ей под спину, другую — под ноги.

— Пошли, — сказала она.

— Ты не можешь меня так держать.

— Да знаю я. — Она опустила левую руку вдоль тела, правую — вытянула рядом, на земле. — Вот эта будет *безжизненно болтаться*. В сценариях же так пишут?

Я не мог не улыбнуться.

— Да, — сказал я. — Так.

Я встал прямо, держа ее на руках, как жених, собирающийся пронести невесту через порог... или как тот крестьянин из «Франкенштейна», что нес свою мертвую дочь в деревню.

Жаль, что Кэт была тяжелее той девчушки.

Я вышел на край выступа, пошатываясь от нагрузки.

— Привет, Кэт! — крикнул Снегович снизу.

Она не ответила.

— Могу я просто оставить ее здесь? — взмолился я. — Она ужасно тяжелая.

— Тяжелая, говоришь? Тогда скинь мне ее сюда.

Покачав головой, я сделал два шага от края. Тело Кэт закрыло мне вид на Снеговича. И я понял, что у меня не выйдет снести ее вниз. Во-первых, идти бы пришлось почти вслепую, не глядя под ноги. Во-вторых, вес Кэт слишком сильно нагружал мне руки и спину, из-за чего страдало мое равновесие.

А до следующего валуна внизу, на котором можно было удержаться без опаски падения, было добрых полтора метра.

Повернувшись спиной к Снеговичу и прошептав Кэт *виси как висишь*, я опустил ее на корточки и осторожно сгрузил ее на землю. Когда ее затылок соприкоснулся с камнем, она поморщилась, но у Снега, конечно, не было никаких шансов это увидеть. В целом, пока она хорошо справлялась с ролью трупца.

Оставив ее лежащей на спине, я подобрался к краю, прыгнул вниз и, обратившись к ней, стащил следом за собой — за руку и ногу. Кое-как взвалил на плечо — обхватив за ягодицы. Кэт хихикала, когда я безрезультатно возил руками по ее заднице, пытаюсь найти точку опоры получше, но еще сильнее смеялся внизу Снегович — так что, опять же, волноваться за нашу хитрость было пока напрасно. Гаденыш бы ничего не услышал за собственными гомерическими приступами веселья.

Подойдя к краю нового уступа, я прижал ее ноги к своей груди. Вес перераспределился получше. Какая-то часть тяжести ушла... или же я к ней привык.

Или же Кэт *слишком* хорошо изображала мертвую.

— Ты в порядке? — на всякий случай спросил я.

Она не ответила. Возможно, вовсе меня не слышала. Говорил я тихо, а ее голова была опущена мне за спину и пребывала сейчас где-то в районе моей талии.

Я не рискнул сказать ей что-либо еще. Только легонько погладил по ноге.

Снегович, на крыше фургона, все еще держал Донни за волосы. Нож, правда, опустил. Он больше не смеялся — только скалил зубы и, покачивая головой, смотрел, как я тащу Кэт по каменистому склону.

И Донни смотрел тоже. Уголки его губ как-то неправдоподобно далеко оттянулись назад, и выглядело так, будто он ухмылялся на пару со Снеговичем. Конечно, это была лишь гримаса. От глубоких ран на его груди бежали кровавые дорожки, исчезавшие лишь у отворотов его ботинок... то есть, конечно же, ботинок Кэт.

Спускаясь вниз, я пару раз бросил взгляд туда, где лежала Пегги. Никаких изменений. Ноги — все еще в салоне, платье задралось к самой талии, кровь на лице — словно высыхающий кленовый сироп.

Она выглядела даже *слишком* мертвой.

Интересно, видел ли Донни ее. *Могли* вообще видеть — с крыши-то фургона? Возможно, нет. Трудно сказать. Возможно, с его позиции автомобиль развернут так, что тело не углядеть. Я втайне даже надеялся на это. Лучше пусть он пока не ведает, в каком состоянии его сестра.

— Стой там, — сказал Снегович.

Я не смог остановиться сразу же — некий импульс, казалось, толкал меня вниз, от валуна к валуну. Но через какое-то время я все же встал. Застыл, пытаюсь отдышаться, дрожащий от нагрузки, от жары, от опасений, терзавших душу. Я ведь почти уже спустился — так какой прок меня останавливать? Неужели он что-то заметил?

— Не двигайся, — предупредил он.

Я поднял голову и принялся смаргивать пот, затекший в глаза.

И понял, что стою прямо напротив него.

Он застопорил меня, когда я поравнялся с уровнем крыши фургона. И сейчас между нами пролег отрезок где-то в пять метров. Я был на одном его конце. Снег с Донни — на другом.

— *Шта теее ну-уно?* — на выдохе прошепелявил я. На большее меня не хватило. Никак не удавалось перевести дыхание. Мое сердце трепыхалось столь отчаянно, что мне казалось — вот-вот расколотит ребра и выскочит наружу.

— Мне не очень-то приятно это говорить, салажонок, — выдал Снег, — но есть у меня такое подозреньице, что вы опять меня облапошить пытаетесь.

Я покачал головой.

— Она не мертвее тебя, так?

Я еще раз покачал головой. Голову, кстати, напекло. И по ощущениям это был скорее котелок с потом, чем голова.

— А *ты* как думаешь, мальчик Донни? — вдруг обратился Снег к заложнику.

Парень дернул головой вверх-вниз пару раз.

— Он правду говорит, — пробормотал он.

— Ты так говоришь только потому, что я перережу тебе глотку, если выяснится, что он нас обманывает.

— Она мертва! — выпалил я.

— Хорошо. Но я все еще немного сомневаюсь. Почему бы мне не удостовериться?

— Только... я не могу уже держать... я хочу спуститься...

— Брось ее себе под ноги. Там, где стоишь.

Я сделал несколько шагов назад.

— ТАМ ЖЕ!

Содрогнувшись, я склонился — до тех пор, пока ноги Кэт не уткнулись в скалу прямо перед моими собственными. Тогда я обнял ее, как ребенок — ствол дерева, и аккуратно уложил на землю. Так взаправду могли бы укладывать мертвое тело. Ноги-поясница-плечи-голова.

Совершенно безвольная масса без признаков жизни.

Когда она была передо мной, а мои руки были на ее спине, я почувствовал биение ее сердца, ее дыхание. Рубашка ее была расстегнута, но не спала с нее, пока она свисала с моего плеча вниз головой.

Когда я выпрямился, Кэт повисла на мне. Ее голова моталась из стороны в сторону, глаза — закрыты, рот — широко раскрыт.

Я хотел бы, чтобы ее глаза были открыты. Хотел, чтобы она хотя бы подмигнула мне.

Ничего подобного.

Хорошо же у тебя выходит, мысленно похвалил ее игру я.

— Так, — провозгласил Снегович, — так. Теперь ворочай ее, чтоб я нормально посмотрел.

Я прижал Кэт к себе и покачал головой.

— Бу, поздновато фокусничать. Ты стащил ее вниз. Теперь просто разверни ко мне лицом.

— Но она же упадет!

— И что? Она же *мертва*.

— Я не хочу, чтобы она падала!

— Тогда поверни и держи ее крепче.

Я так и сделал. Далось мне это с трудом. Мышцы отказывались работать. Кэт была тяжелой и скользкой. Однако, я *должен* был сейчас потакать Снеговичу. Она мне б сама сказала об этом — будь обстоятельства несколько другими.

Я развернул Кэт к Снегу и Донни лицом.

Застыл позади нее, плотно обхватив ее под грудью. Ноги Кэт прогнулись в коленях. Все, как и положено человеку без сознания... или вовсе без жизни.

— Что думаешь, Донни, мальчик мой? Она жива или мертва?

Донни слегка покачал головой. Его взгляд остановился на груди Кэт.

— Я задал тебе вопрос. Ответишь?

— Она не дышит, — сказал Донни.

— Молись на это, — Снегович улыбнулся мне. — Отпускай ее.

— Нет!

— Ну что ж, сожалею об этом, но Донни...

Кэт вдруг дернулась в моих руках — голова резко взметнулась вверх, правая рука — нырнула за спину. На секунду мне показалось, что ее пронзила конвульсия.

Но в руке у нее вдруг очутился камень. И этот камень она метнула в Снеговича.

Вместо того, чтобы сразу перерезать Донни глотку, Снег попытался уклониться. Он взмахнул рукой с ножом, будто надеясь отбить камень лезвием в воздухе.

Но скорости его руке не хватило.

Камень был довольно крупный — размером с мяч для гольфа. С неровными, заостренными краями. Кэт умудрилась спрятать его даже от меня — лично я эту штуку видел впервые в жизни.

И Снегу он угодил точнехонько в глаз.

Удар был сильный. Звук — как костяшкой пальца по дереву. Снегович взвыл, его лицо побагровело, рука с ножом взметнулась к лицу. Секунду мне казалось, что он вот-вот ткнет своим же ножом себе в глаз, но седой громила сообразил, что к чему, вовремя.

Выпустив Донни, он прижал к глазнице тыльную сторону ладони. На щеку ему закапала кровь.

Кэт ухватилась за мои руки и развела их в стороны, высвобождаясь.

Донни, свободный от захвата Снега, повернулся, глядя на отступающего врага. Снегович опасно балансировал на краю крыши фургона. Все еще с руками, связанными за спиной, Донни набылся, побежал на своего пленителя и, врезавшись в его грудь, сшиб с крыши.

Голося и размахивая руками, Снег Снегович полетел за край и грузно рухнул наземь.

— Хватай его! — закричала Кэт и побежала вниз по склону.

Я рванул следом.

В считанные секунды она достигла основания. В два прыжка преодолела расстояние до фургона — только пятки сверкали. Босые пятки. Шлепанцы Пегги она потеряла где-то по пути.

— погоди! — крикнул я. Не знаю, как только дыхания хватило.

Кэт скрылась за фургоном. Я только-только спрыгнул со скалы на землю.

— Подожди меня! — воззвал я снова.

Не пытайся повязать его в одиночку! — хотел крикнуть я, но не мог.

Я помчался к задам фургона.

И застал их там.

Снег Снегович распластался по земле, явно ошеломленный. В правой руке у него по-прежнему был нож, но, похоже, он был не в состоянии им воспользоваться.

Кэт с разбегу влепила ему пяткой меж разбросанных ног. Вытаращив глаза, Снег полухрюкнул-полувзвизгнул. Тогда Кэт отступила и от души прыгнула на громилу, утопив обе ступни в его животе. Воздух шумно покинул легкие Снеговича, его голова, руки и ноги разом на мгновение взлетели в воздух — а потом он оглушительно рыгнул, да так и остался лежать с открытым ртом на песке.

Когда Кэт отступила, подоспел я — и выбил нож у него из руки.

После мы обнялись.

И стояли так долго-долго. Казалось, в этой позе мы пробудем, подобно статуям, до скончания века. Нас чуть-чуть потряхивало.

Одно радовало: Снегу Снеговичу явно пришлось хуже, чем нам.

Наконец мы разомкнули объятия. И оба обессиленно прислонились к борту фургона. Металл был сильно нагрет, но это нас уже не волновало. Зато от массивной машины на

землю падала какая-никакая тень.

— Он, думаю, готов, — сообщила она.

— Что теперь делать?

— Сухари сушить, — хмыкнула Кэт.

Мы обменялись понимающими взглядами и ухмылками.

— Боже, Кэт.

— Угу.

— Мы сделали это. Ты это сделала. Глазам не верю. Где ты припрятала тот камешек?

— Тебе лучше не знать.

Я хохотнул.

— Видела, как Донни смел его с крыши?

— Нет. А он?..

— Да. Боднул его головой.

— Ух ты. Круто.

— Куда он делся, кстати? — спросил я и позвал: — Донни! Мы его взяли! Иди сюда, не бойся. Мы за фургоном!

Он не ответил.

— Эй! Донни? — подключилась Кэт.

Ни слова в ответ.

— Может, он с Пегги, — сказал я.

— Мог бы хоть ответить нам, — заметила Кэт.

— ДОННИ! — крикнул я в полную силу.

Безрезультатно.

— Я пойду и гляну, что с ним, — сказала Кэт. — А ты следи за нашим снежным другом.

Она заспешила прочь.

Я глянул на Снеговича. Его правый глаз заплыл и стал напоминать смоченное кровью яйцо в обрамлении синюшной плоти. Другой его глаз был широко распахнут и безучастно смотрел в небо. Рот приоткрыт, губы бледные, на переднем зубе — большой свежий скол. Снегович выглядел бы мертвым, если бы его мощная грудь не ходила бы отчетливо вверх-вниз.

— Захочешь вскочить, — предупредил я его, — подумай дважды. Я на сегодня стычками сыт по горло.

Похоже, он меня даже не услышал.

Фургон за моей спиной скрипнул. Парой минут спустя я услышал, как Кэт пробормотала:

— Черт побери.

Ее голос доносился как будто бы с крыши фургона.

— ДОННИ! ЭЙ! ВЕРНИСЬ К НАМ! — закричала она.

— Что там у тебя? — спросил я снизу.

— Он убегает! — Она выкрикнула его имя еще несколько раз. Потом обратилась уже ко мне: — Не знаю, слышит ли он меня отсюда — но возвращаться парень явно не собирается. Бежит, как заяц с дробью в заднице. В моих ботинках.

— Как он спустился?

— Вот уж не знаю, — проворчала Кэт. — Спрыгнул? Точно — не по лестнице слез. Не с руками, связанными за спиной. По-моему, он бежит к тем шахтерским руинам.

— Черт, но мы же разобрались со Снегом! Что не так с ним?

— Может, увидел Пегги и испугался. Кто знает? Он еще ребенок. Одному богу известно, через что он прошел. Может, он просто захотел убежать *ото всех*. Ладно, я спускаюсь.

Фургон снова заскрипел. Я услышал тихое «Уф-фф» — Кэт, видимо, спрыгивала на землю с последней ступеньки. Скрипнула открываемая пассажирская дверь.

Когда Кэт показалась снова, в руках у нее было по бутылке воды. Наша веревка свисала кольцами с ее правого плеча.

— Держи, — сказала она и протянула бутылку мне. Потом — снова вернулась к фургону.

Я все еще сжимал в руке нож. Пришлось заткнуть его сзади за пояс, чтобы управиться с бутылкой.

Вода была теплая, но — потрясающая на вкус.

Напившись вдоволь, я благодарно улыбнулся вылезавшей наружу Кэт.

— Почти все наши вещички — здесь, — сообщила она. — Домкрат, жидкость для зажигалок и все такое. Ни еды, ни питья. Я не знаю, что они с ними сделали.

— Есть пустышки?

— Несколько. Но какая-то часть просто исчезла. Может, они выбросили.

— Или вылили, — предположил я.

— Где-то там, в руинах?

— Возможно. Хорошо хоть, воды нам оставили.

— А зачем пить воду, если есть «Пепси» или пиво?

— Менее калорийно, — заметил я.

— Детей и психопатов калории не волнуют.

— Серьезно?

— Общеизвестный факт. — Она отпила еще, опустила бутылку и сказала: — Ну так что будем делать с *нашим* психопатом? У меня есть веревка, у тебя — нож. Просто свяжем или разделаем?..

Даже если Снегович мог нас слышать — виду не подал.

— Я не хочу его просто так убивать, — замотал головой я.

— Есть компромисс.

— Да? Какой же?

— Я связываю его. Ты — убиваешь, если он пытается сопротивляться.

— Звучит честно, — смирился я. — Слышишь нас, Снег?

Он не ответил.

— Хорошенько же я ему влепила, — сказала Кэт.

— Если только он не притворяется...

— Да, он — тот еще притворщик.

— Пошли свяжем его. Там уже не будет иметь значения, дурит он нас, или нет.

Мы допили свою воду.

Пока Кэт забрасывала пустые бутылки в фургон, я, достав нож, прокрался к Снеговичу и замер у его головы.

Кэт сняла веревку с плеча. Обвязав правую руку Снеговича одним концом и затянув узел, она прижала ее к его животу, подтянула к ней левую, продела в петлю и связала их вместе. Сделав несколько дополнительных петелек, она затянула руки Снеговича так туго, что от них отхлынула кровь, и они стали белые, словно мрамор.

Выпутаться из подобной завязки смог бы разве что Гудини.

Оставалось еще довольно много веревки.

— Теперь что? — спросила она, отступая. — Свяжем ноги?

— Может, пока не стоит. Определимся с более насущными вопросами.

— Например?..

— Поднимем Пегги в фургон, найдем Донни — и смоемся отсюда к чертовой бабушке.

— Хорошо.

— Нужно еще решить, что все-таки делать со Снегом. Либо мы берем его с собой, либо оставляем таять под тугошним солнышком.

— Связанным?

— Думаю, да.

— Нет, — отказалась Кэт. — Плохая идея. Нам нельзя бросать его живым. Если не убьем — значит, берем с собой и держим за ним глаз да глаз.

— А потом? — поинтересовался я. — Сдадим его копам?

— Я разве что-то говорила про копов?

— Но если мы не собираемся разделаться с ним...

— В полицейском участке он мигом выболтает всё про Эллиота.

— Как тогда поступить?

— Что-нибудь придумаем. Пока давай прикинем, как его в фургон затащить.

— Не кажется мне, что мы его даже вдвоем сможем от земли оторвать, — усомнился я.

Кэт потянула за веревку. Руки Снеговича трепыхнулись.

— Эй, громила, встать не желаешь? — крикнула она.

— Он, по-моему, тебя не слышит.

— Давай тянуть.

Вернув нож за пояс, я взялся за веревку и пристроился позади Кэт. Кое-как мы привели Снега в сидячее положение.

Он, казалось, абсолютно никак не реагировал на тот факт, что его куда-то кантуют. Голова седого бандита безвольно повисла на шее, взгляд уткнулся в песок под коленями.

— Поднимайся, Снег! — скомандовала Кэт. — Вставай же, ну. Мы отведем тебя в фургон.

Он в ответ просто сидел, все так же буравя глазом землю.

— Ну-ка, поддержи. — Кэт протянула веревку мне. Я принял моток и потянул свисающий конец на себя, заставив руки Снега подняться и выпрямиться.

Кэт извлекла нож у меня из-за пояса и пошла к нему.

На ее приближение он не обратил ровно никакого внимания.

— Что ты хочешь сделать? — спросил я.

Она не ответила сразу. Лишь зайдя Снегу за спину, Кэт сообщила:

— Я собираюсь потыкать в него лезвием, если он не поднимется.

— Вам лучше подняться, мистер Снегович, — заметил я.

Снег сидел сиднем.

— Мне считать до десяти или нет? — спросила Кэт.

— Давай, почему бы и нет.

— Один, — сказала она.

Снегович не шелохнулся.

— Пустая трата слов, — вздохнула Кэт. — Десять.

И, резко наклонившись, она воткнула нож в правое плечо Снега.

Это его пробрало.

Запрокинув голову к небу, он завопил.

Кэт рванула на себя нож и отступила, встав за его левым плечом. Снова занесла лезвие. Держа его наготове, она стала ждать, когда Снегович успокоится.

Когда вопль смолк, он жадно глотнул воздух и задрожал.

Кровь стекала с его плеча сразу в трех направлениях — на бицепс, грудь и спину.

— Теперь-то ты встанешь? — осведомилась Кэт.

Вместо внятной речи у него из горла вырвалось тоненькое «И-и-и-и-и!». Он попытался вскочить, но со связанными руками далось это ему непросто. Я счел нужным помочь — потянул на себя веревку.

Очувтившись на ногах, он замотал головой, явно желая выяснить, что Кэт делает у него за спиной. Глазом он видел только одним — левым. Кэт теперь была по его правую сторону, и поворота его головы не хватало, чтобы увидеть ее, пусть даже краем зрения. Он задрожал. Не то — в ярости, не то — в страхе.

Меня поразила столь трогательная реакция.

Пока он пытался выследить Кэт, я оттащил его к задкам фургона и провел к распахнутой пассажирской двери.

— Залезай, — приказал я.

— Нет, погоди, — сказала Кэт. — С ним внутри фургона могут возникнуть сложности. Он — здоровенный мужик, сильный. Так почему бы нам не привязать веревку к фургону и не заставить его идти следом? Так он будет на безопасном расстоянии от нас.

— Замечательный план, — отметил я.

Словно на поводке мне приходилось тянуть Снеговича следом за собой. На меня он обращал мало внимания — куда больше его нервировала Кэт, шедшая неотступно следом.

Я привязал веревку к погнутому заднему бамперу, оставив Снегу люфт в пять-шесть метров. Потянул веревку несколько раз — посмотреть, крепок ли узел.

Снег Снегович выглядел жалким и напуганным. Он продолжал трясти башкой из стороны в сторону, в пустопорожних стараниях углядеть за Кэт.

Она явилась пред его очи, встав прямо напротив. Увидев ее, он попытался отковылять на безопасное расстояние. Веревка не позволила.

— Чего ты боишься? — спросила она.

— Не режь меня!

— Ты боишься боли? Странно, тебе же нравится причинять боль другим?

Он помотал головой.

— А что насчет Донни? Ему нравится, когда делают больно?

Снег помотал головой еще раз.

— Вот что я тебе скажу. Будешь вести себя тихо — я тебя больше не трону. Начнешь доставлять неприятности... — она выразительно покрутила ножом перед его глазами. — Будешь хорошим и послушным?

Он горячо закивал.

Кэт отвернулась от него и шагнула ко мне, держа нож в отставленной руке.

— Возьми, пожалуйста.

Я взял, вытер лезвие о песок под ногами и заткнул нож за пояс.

Пока мы шли вдоль борта фургона, Кэт сказала тихо:

— Лучше за ним следить.

— Ты его напугала.

— Он, по-моему, придушивается.

— Видела бы ты его лицо, когда ему нож в плечо приехал. Такое выраженье лица сложно скроить по заказу.

— Лучше перестраховаться. Если он выпутается, нам ловить будет нечего, Сэм.

Мы оставили фургон позади и подошли к распахнутой дверце машины Кэт. Пегги все еще лежала на спине, ногами в салоне. Мало что в ее облике изменилось с тех пор, как мы видели ее в последний раз.

Кэт склонилась над ней, взяла за руку, пощупала пульс.

— Живая, — констатировала она.

— Значит, надо забрать ее отсюда.

— Может, попробуем привести ее в чувство?

— Как? Ножом в плечо?..

Кэт бросила взгляд через плечо и ухмыльнулась мне.

— Док, могу я начать?

— Не с этой пациенткой, ассистент, — поморщился я.

— Я сбегая к фургону и захвачу ей воды.

— Давай лучше я.

— Я управлюсь быстрее — знаю, где что лежит. — Сказав это, Кэт выпрямилась, развернулась и побежала к фургону. Поравнявшись с пассажирской дверцей, она запрыгнула на ступеньку, широко распахнула ее и скрылась внутри.

Я бросил деликатный взгляд на Пегги. Вздохнул. Наклонился, ухватился руками за подол ее платья и потянул на себя. Не то, чтобы меня это как-то волновало, но каждый раз невольно наткаться глазами на ее вагину было, наверное, не слишком прилично. Тем более, девушка без сознания и поправить ситуацию не может. Так что поправил я. Платье собралось под ее спиной в гармошку и вытянулось с трудом, но в итоге я кое-как восстановил некое относительное приличие.

Заступив ей за голову, я сунул руки ей под мышки и потянул на себя, пока ее ноги не выпали из салона.

Пятки Пегги ударились о землю довольно крепко. И, надо полагать, болезненно. Но боль не заставила ее придти в себя.

Кэт выпрыгнула из фургона. В руке у нее была бутылка простой питьевой воды. Она побежала навстречу мне.

С моей позиции Снега не было видно.

— Он в порядке, — сказала Кэт, нахватив мой беспокойный, ищущий взгляд. — Сидит там, сзади. Ты ее сдвинул?

— Попробовал. В качестве инициативы.

— В качестве инициативы мог бы подхватить ее на руки и отнести в фургон.

— Думаю, придется.

— Придется, если она не придет в сознание.

Кэт склонилась над Пегги, свинтила пробку с бутылки воды.

— Придержи ей голову, хорошо?

Я оторвал затылок Пегги от земли. Одной рукой Кэт аккуратно приоткрыла ей рот, другой — наклонила бутылку. Вода плеснула на сухие, растрескавшиеся губы девушки. Кэт чуть изменила наклон, чтобы струя попадала внутрь.

— Вроде как назад не идет, — отметила она.

— Она пьет?

— Не похоже, но ее рот не переполняется.

— Думаю, это хороший знак.

— Вода же ей в легкие не пойдет?

— Не знаю, — честно сказал я.

— Не хочу ее утопить. — Убрав бутылку, Кэт завинтила крышку. — Продолжим позже.

Мы же не хотим, чтобы ей *хуже* стало.

Бросив бутылку на землю, Кэт присела и, пока я еще держал голову Пегги приподнятой, легонько шлепнула ее по щеке.

— Пегги! — позвала она. — Пег, очнись. — Следующий шлепок был посильнее.

Девушка никак не отреагировала.

— По-моему, она не очнется, — сказал я.

— Я попробую еще раз. — Кэт ударила Пегги по другой щеке, в этот раз — *сильно-сильно*.

Пегги даже не вздрогнула.

— Она в отключке. Крепкой. Придется нести ее.

— Я донесу, не беспокойся.

— А я помогу. Возьмусь за ноги.

— Ладно.

Заняв необходимые позиции у обоих концов бесчувственного тела, мы оторвали Пегги от земли. Ее голова уперлась мне в живот. Рубашка на мне была распахнута, и ее волосы, спекшиеся от крови, прильнули ко мне горячей, липкой медузой.

Мы скоординировались в направлении фургона и пошли — Кэт прямо, я — спиной вперед, пятясь.

— Она легче, чем ты, — заметил я.

— Я такая толстуха.

— Ты *аппетитная*.

Она усмехнулась.

— А то.

— Я просто хотел сказать, ее нести легче, чем тебя.

— Ты уже задвигал Снегу шуточки про то, как кошмарно много я вешу.

— То не были шуточки. *По ощущениям* ты была тяжелее. Гораздо тяжелее, чем можно предположить, глядя на тебя.

— Так ты намекаешь на то, что мне нужно сбросить вес?

— Наоборот, набрать бы немножко. Ты худовата.

— Секунду назад я у тебя была *аппетитной*.

— Ты такая и есть.

— Аппетитная, но ядовитая.

— Лучше не есть?

— Это *шутка*, Сэм.

— В каждой шутке...

— В дверь не врежься, умник.

Я посмотрел через плечо. Пассажирская дверь фургона была распахнута настежь, и я собирался вписаться в нее спиной. И вписался-таки — дверь захлопнулась. Открылся зато хороший вид на Снега Снеговича, стоящего за фургоном и косившего на нас лиловым подбитым глазом. Его руки все еще были связаны, веревка висела вяло до самого бампера.

Он ничего не сказал. Только таращился на нас.

С руками, связанными перед собой, мощный, голый до пояса, с развевающимися белыми волосами, в кровавых потеках, наш пленник напоминал викинга-берсерка.

С трудом верилось, что мы одолели этого громилу.

Он выглядел поверженным. Сломленным.

— Я лучше пойду первая, — сказала Кэт. — Или развернем ее?

— Нет, так нормально. Давай.

Я отошел, освобождая пространство для маневра Кэт. Она осторожно сдала назад и ткнула дверь локтем, раскрывая пошире. Запрыгнув на ступеньку, она задрала ноги Пегги следом — я отступил от фургона, чтобы чуть-чуть выпрямить тело девушки. Кэт пробралась за пассажирское кресло, и я вскоре поднялся следом за ней.

Сгибая, приподнимая и ворочая тело Пегги, мы в итоге смогли протащить его в проем между сидений, за раздернутые занавески в обжитой отсек фургона. Как Кэт и предполагала, внутри было жарко, как у черта в парилке.

Нутро фургона выглядело как спальня неряшливого ребенка. Две кровати — в полнейшем беспорядке. Постельное белье помято, одежда разбросана повсюду, в том числе и моя с Кэт — Снег, видимо, распотрошил наши сумки.

Мы опустили Пегги на одну из кроватей.

Кэт протиснулась мимо меня и поспешила наружу.

Я остался внутри и осмотрелся. Наши ледоруб и лопата лежали на полу между кроватями крест-накрест. Рядом — домкрат и молоток, там же, вокруг — и аптечка, и освежитель воздуха, и заправка для зажигалок; резиновые перчатки, влажные салфетки... почти все, что Снег забрал из машины Кэт.

Если не считать пары бутылок с водой, вся еда, взятая Пегги, пропала.

Я вышел наружу, в свет дня.

Снег Снегович все так же стоял позади фургона — поверженный викинг с отсутствующим взглядом.

Я отвернулся от него. Кот, впереди, у пассажирской двери своей машины, наклонилась, чтобы поднять бутылку с водой, оставленную там. Она разогнулась в поясице и повернулась, когда я приблизился.

— Подержишь? — спросила она.

— Конечно.

— Машине моей, видимо, уже ничего не светит.

— Похоже на то.

Кэт передала мне бутылку, заглянула в салон и открыла перчаточное отделение. Оттуда она достала карты и какие-то бумаги — может, регистрационные.

— Вот и все, — сообщила она. — Можно, конечно, потом попробовать вызвать эвакуатор, но что-то я сомневаюсь, что он сюда проедет. Так что просто возьму все, что можно взять.

— И все то, что не хочешь потерять навеки, — заметил я. — Эти пустыни, как

выяснилось — такие оживленные места. Когда мы отбудем, сюда могут набежать какие-нибудь мародерствующие чудики и уволочь твою машину для украшения своего сада камней.

— Думаешь?

— Почти уверен. Пустынные крысы обожают необычные украшения жилищ. Скелеты динозавров, остовы автомобилей, шахтерские динамитные шашки...

Мы пошли к фургону.

— Не возражаешь, если я поведу? — спросила Кэт.

— Нисколько. Снега так и оставим на привязи?

— Определенно. — Она повысила голос: — Ты же не будешь против, седина? Не возражаешь, если я буду рулить в этот раз?

Он не ответил. Стоял — и смотрел.

— Я постараюсь вести неспешно и безопасно, — заверила она его и полезла внутрь.

Я взобрался на пассажирское сиденье и захлопнул дверь. За моей спиной Кэт складывала в мешок спасенное из своей машины. Горловину мешка она закрутила, чтобы ничего не выпало при езде.

Пегги вытянулась без чувств на кровати. В тених, царивших в фургоне, она выглядела просто спящей.

Кэт втиснулась между сидений и села за руль.

Ключ ждал ее, все еще в замке. Она повернула его. Мотор ожил, утробно чихнул и заработал, заставив весь фургон мелко дрожать.

Положив руку на рычаг передач, она улыбнулась мне.

— Что?

— Посмотри, что впереди.

Там, разумеется, была ее разбитая машина.

— Нам придется сдать назад, — объявила Кэт, выжимая обратный ход.

— Но там, сзади, Снег...

— Надеюсь, он быстро бегают.

Кэт нажала на педаль.

Фургон дернулся назад.

— А-аааа!.. — завопил Снег Снегович.

Прислонившись к двери, я выглянул в окно и посмотрел назад.

Застигнутый врасплох, он даже не успел развернуться — и теперь бежал задом наперед, пока фургон надвигался на него.

— Стойте! Стойте! — кричал он.

— Что он делает? — спросила Кэт.

— Бежит спиной вперед.

— Прямо за нами?

— Ну практически.

— Жаль, мне не видно!

— Он упал! Стопори!

Кэт ударила по тормозам.

Фургон замер, не доехав пару метров.

Позади нас Снегович пытался встать. Со связанными руками получалось плохо, поэтому он перекатился на колени и локти и буквально *подбросил* себя вверх. Едва встав, он развернулся и закричал:

— Чертова сука! Я вас прикончу! Вас обоих!

Кэт слегка нажала на газ. Матерясь напропалую, Снегович еще отбежал назад.

Я следил за ним через боковое зеркало.

— А он оживился, — отметила Кэт.

— Видно, все же прикидывался. Надеялся, что мы потеряем бдительность.

— Трюкача не перетрюкачишь, — глубокомысленно изрекла Кэт.

Так мы и ехали задом наперед, пока не выбрались из ущелья. Кэт подала вперед и вправо. В зеркале я поймал краем глаза фигуру Снеговича, бодро гарцующего следом за нами.

Фургон заложил круг почета вокруг нашей скалы. Даже на малой скорости фургон поднимал кучу песка. Подобно волшебной ауре, пылевое облако следовало за Снеговичем. Он ругался и поминутно отплевывался.

Когда мы повернули налево, я перестал его видеть — зато смогла Кэт.

— Вот он где, — протянула она довольно, поглядывая в зеркало. — Долго же он будет отмываться, когда домой попадет.

А через несколько минут она сказала:

— Ой. Он исчез.

— Куда?

— С твоей стороны его не видно?

Я проверил зеркало.

— Нет.

— Наверное, попал в слепое пятно.

— Он мог попробовать запрыгнуть на лестницу.

— Мог, — кивнула Кэт.

Она утопила педаль газа. Когда нас бросило вперед, Снег вскрикнул. Кэт сразу притомозила.

Выскочив из фургона, мы обежали его — и нашли Снеговича растянувшимся на животе, с руками за головой. Он выглядел так, будто его еще раз столкнули с порядочной высоты. Может быть, его протащило по песку — но не далеко, вряд ли больше пары-тройки метров.

Когда мы приблизились к нему, он поднялся на колени, тяжело дыша и сплевывая. На грудь и живот ему легли длинные царапины. На потеки крови и пота налип песок.

— Ты в порядке? — спросила Кэт. — Хотела бы я сказать тебе — мол, ножка моя нетвердая, сорвалась сама на акселератор, но ведь лгать нехорошо, верно?

— Мразь! Тварь!

— Нельзя ли повежливее? — попросил я его. — Мы ведь все-таки не в...

Тихое бормотание двигателя, поставленного на холостой ход, сменилось оглушительным рычанием.

Челюсть Снеговича отвисла.

Мы с Кэт резко обернулись — посмотреть, что произошло.

Песок бил из-под задних колес фургона в два фонтана.

— Черт! — завопил я.

— Нет! — вскрикнула Кэт.

Снегович не нашелся со словами — лишь хрипло заревел, как раненый бык, когда фургон рванул вперед, натягивая веревку до предела и выворачивая ему руки.

Очень скоро его рев сменил тональность.

Помчавшийся вперед фургон поднял его в воздух, и какое-то время, могу поклясться, Снег Снеговичлетел в пыльном шлейфе за машиной, завывая уже не быком, а раненой гиеной. Длилось это метров пятьдесят-восемьдесят — потом его тело ударилось оземь, и вой захлебнулся.

Фургон продолжал гнать вперед, таща Снеговича следом.

Мы бежали за ними и на бегу кричали, прося Пегги остановиться.

То была, конечно, Пегги — больше некому.

Чертовски быстро оправилась.

Снеговича мотало, заносило и подбрасывало, как сумасшедшего любителя водных лыж, забывшего, что ни самих лыж, ни воды кругом нет. Пару раз он почти поймал волну.

Пегги протащила его всю дорогу вдоль склона, прежде чем остановилась.

Добрую четверть мили.

Мы бежали следом. Запыхавшиеся, обливающиеся потом.

Там, в отдалении, бездвижный взлохмаченный ворох, привязанный к бамперу, лежал на песке за фургоном, и преобладали в том ворохе два цвета: бледно-серый, пыльный, и красный, кровавый.

Водительская дверь распахнулась.

Пегги вывалилась наружу. Вальсируя на нетвердых ногах, она двинулась к Снегу Снеговичу. Упав на локти и колени, она поползла. Достигнув конца борта фургона, кое-как поднялась снова.

Эти ее отчаянные рывки живо напомнили мне про то, как передвигались зомби в «Ночи живых мертвецов». И выглядела Пегги под стать тем неуспокоенным разлагающимся ребятам из фильма — спутанные грязные волосы, лицо все в засохшей крови.

— Что она хочет?.. — Кэт запыхалась.

— Убить его?

— Там уже... боюсь... убивать нечего.

— Пегги! — крикнул я. Воздуха в легких почти не осталось, но, думаю, вышло достаточно громко, чтобы она услышала.

Не удостоив нас даже мимолетного взгляда, она продолжила ковылять к телу Снеговича.

— Я могу подбежать... и попробовать образумить ее, — сказал я.

Кэт покачала головой и сжала мою руку.

— Не стоит. Он и так уже мертвец. Пусть она делает с ним все, что хочет. После всего того, что *он* сделал с ней и с ее братом... пусть.

Я кивнул.

— Правильно. Пусть.

Там, впереди, Пегги замерла над недвижимым телом Снега. Сначала мне показалось, что он лежит на спине. Потом — что все же на животе. А потом я понял, что не смогу наверняка сказать, где у этой мешанины спина, а где грудь. Слишком уж сильно потрепало Снега.

Пегги смотрела на него сверху вниз.

Потом — опустилась на колени.

Потом *впила* зубами ему в шею.

Он закричал.

Не уверен, зачем я и Кэт вдруг побежали. Слишком поздно было останавливать Пегги; слишком поздно было спасти Снега Снеговича. Может, нам просто хотелось посмотреть на это сумасшествие поближе.

Снегович все-таки лежал на спине.

Пегги, присев перед ним на корточки, уже разорвала правую сторону его шеи. Кровь забила вверх фонтаном — похоже, была задета яремная вена, или сонная артерия, а может, и все сразу. Лицо, шею и грудь Пегги щедро окатило красным.

Когда мы замерли у ног Снега, Пегги подняла голову от его тела. Ее жертва уже перестала кричать и биться в конвульсиях, но кровь все еще била ключом.

Пегги рванулась вниз и вцепилась в левую сторону шеи Снега.

Я услышал звуки рвущейся плоти.

Она рьяно, словно собака, затрясла головой. Поднялась. С ее рта свисал лоскут плоти.

Повернув голову, она уставилась на нас.

Моргнула несколько раз. Ее глаза, пронзительно-голубые, смотрелись чужеродно на лице, омытом таким большим количеством крови. Такому лицу теперь пошли бы скорее пустые, равнодушные глазницы.

Зубы ее так крепко стиснули кусок шеи Снега, что ей, казалось, стало трудно дышать.

Воздух с шипением выходил из ее ноздрей. Под одной надулся и лопнул кровавый пузырь.

Она выплюнула то, что было у нее во рту и жадно втянула воздух.

С обеих сторон шеи Снега Снеговича лились ручьи крови.

Он был мертв.

— Господи, Пегги, — тихо сказала Кэт.

Девушка не ответила. На коленях, с прямой спиной, она продолжала глубоко дышать и хлопать глазами.

— Сэмми, нужно привести ее в порядок и найти одежду получше. Посмотри, что есть в фургоне. Я покараулю ее.

После всего увиденного у меня было малость тяжело на душе, так что возможность ненадолго покинуть эту абсурдную сцену я счел за благо. Пройдя к пассажирской двери, я открыл ее и забрался внутрь. Внутри все вибрировало, и я понял, что Пегги оставила двигатель работающим. Дотянувшись до ключа зажигания, я заглушил его.

Подняв с пола жилого отсека пачку влажных салфеток и старое пляжное полотенце, надо полагать, принадлежащее Пегги и Донни, я прикинул — да, этого хватит, чтобы привести ее в относительный порядок... но лишь в относительный. Что бы она ни надела, будет миглом испорчено.

Я оглядел разбросанную одежду. Не хотелось мне почему-то, чтоб Пегги досталось что-нибудь из гардероба Кэт.

После непродолжительных поисков я запасся зеленой блузкой с короткими рукавами и короткой джинсовой юбкой, что, должно быть, принадлежали Пегги. Все нижнее белье, что попадалось мне под руку, было либо моим, либо Кэт — я ведь видел, как она складывала его в сумку. Пегги и Донни, похоже, ничем таким не располагали. И никакой обуви я тоже не нашел.

Выбравшись наружу, я поспешил к задкам фургона. Кэт и Пегги там не было.

Зато был Снегович. Все еще привязанный к бамперу. Кровь из него больше не била.

Мухи жужжали над ним.

Я обогнул тело и застал Пегги с Кэт по другую сторону машины, в тени. Пегги, сложив руки на коленях и склонив голову, выгнула спину, Кэт стояла за ней, аккуратно вытирая ей спину.

— А вот и Сэм, — сказала она, как только я подошел. — Давай-ка переоденем тебя.

Пегги кивнула, но с места не двинулась.

— Сиди, — сказала ей Кэт. Подняв платье за задравшийся подол, она стянула его с Пегги через голову. Та, не глядя на меня — а я замер в полушаге, — подняла руки, помогая делу. Скомкав злосчастный сарафан-простыню, весь в кровавых пятнах, Кэт бросила его на землю.

— Что там у тебя? — спросила она.

— Влажные салфетки, полотенце и одежда, — отчитался я.

— Давай полотенце.

Я протянул его Кэт. Потом опустил упаковку с салфетками и сложенную одежду на землю у ног Пегги, я отошел со словами:

— Пойду, отвяжу Снеговича от машины.

Это сделать определенно стоило. И, как я подозревал, Пегги не очень нравилось, что я расхаживаю поблизости, когда она без одежды.

Отвязывать труп от бампера оказалось делом муторным, так что я просто обрезал веревку у самого узла. Нож Снега справился с задачей без труда.

Покончив с этим, я понял, что просто бросать веревку — тоже глупо. Во-первых, она может нам еще понадобиться. Во-вторых, рано или поздно кто-нибудь найдет тело. От него, скорее всего, мало что к тому времени останется, но скелет со связанными руками не менее подозрителен, чем полноценный мертвец. Связанные руки безошибочно укажут на насильственную смерть.

Я присел у тела. Руки Снега Снеговича лежали на земле, запрокинутые за голову — запястья плотно прижаты друг к другу, локти согнуты.

Прижав лезвие к стяжке, я принялся пилить ее. Работая, я старался не смотреть ему в лицо. И на шею. Никак, впрочем, нельзя было спастись от ленивого гудения мух, живо напомнившего мне долгие летние дни моего детства.

— Лучше б я на рыбалку поехал, — сказал я довольно громко и услышал, как Кэт рассмеялась.

— Ты же не любишь рыбалку! — донеслось в ответ.

— Не люблю, — согласился я, — но всяко ведь лучше, чем *это*.

— Было бы славно сейчас сидеть в лодке, — сказала она. — В маленькой гребной шлюпке. Или в каноэ. И плыть себе по речке...

— Славно — не то слово. — Разлохмаченная веревка наконец-то разошлась в одном месте, и остаток я просто стянул с запястий Снега.

— Можно было бы взять с собой Пегги, — заметила Кэт. — И столкнуть в воду. Так она хотя бы быстро вымылась.

— Никто не смеет меня сталкивать, — сказала Пегги. Ее голос звучал хрипло. — Сама бы спрыгнула.

— Эй, ты говоришь! — удивился я.

— Ну да, я это умею.

Ее голос звучал кисло. Как обычно.

— Как себя чувствуешь? — участливо спросила Кэт.

— Как гнилушка. Голова раскалывается.

— Неудивительно.

— Я вся чешусь, меня тошнит, и во рту — ужасный вкус.

— Добро пожаловать в клуб, — хмыкнул я.

— Очень смешно, — в тон мне ответила Пегги.

Покончив с веревкой, я смотал ее. Поднявшись с земли, сунул нож за пояс.

— Неплохо я этого Снега отделала, да? — спокойно заметила Пегги. — Он ведь хотел, чтоб ему в шею Эллиот впился. А в итоге я это сделала. Интересно, станет ли он после этого вампиром? — Она отрывисто рассмеялась. — Вот уж не знаю.

— Не думаю, что станет, — усомнилась Кэт.

— Чтоб он горел в аду, ублюдок.

— Он уж там. Твоими стараниями, — сказал я.

— Получил по заслугам. Где Донни? С ним все хорошо?

— Он в порядке, — сказала Кэт.

— О, *никто* из нас не в порядке, — мрачно заметила Пегги.

Я выглянул из-за угла фургона. Полотенце лежало на земле. Пегги стояла спиной ко мне, лицом к Кэт. Они обе возились с влажными салфетками. Кэт терла ей лицо, сама же Пегги прохаживалась влажным комочком по ногам.

— Донни хватило сил убежать, — сказала Кэт. — Снегович был с ним на крыше фургона. Я швырнула в Снега камень. Попала. И, пока он очухивался, Донни толкнул его вниз. Так мы его одолели. Но Донни потом дал стрекача. Куда-то в сторону этих старых шахтерских развалин. Мы как раз туда собирались поехать, но тут вмешалась ты, и... — Кэт закончила вытирать лицо Пегги. Отступив от девушки, она склонила голову сначала на один бок, потом — на другой. — Ну, более-менее чисто, — заключила она.

— Мы должны найти его, — сказала Пегги.

— Спешить пока незачем.

Пройдясь салфеткой вверх и вниз по руке, Пегги скомкала ее, бросила в сторону, посмотрела через плечо — и увидела меня.

— На что вылупился?

— Ни на что, — сказал я и отвернулся.

— Успокойся, Пег, — сказала ей Кэт.

— А пусть он не пялится.

— Вот уж большая беда. Он рисковал жизнью ради тебя и Донни.

— Это не дает ему права глазеть на меня.

— Но дает право на чуть более вежливое обращение.

Кэт заступалась за меня. Бальзам на душу.

— Думаю, не на тебя одну он, как ты сказала, *глазел*, — добавила Кэт.

Я засмеялся и крикнул:

— Вот уж точно!

— Ладно, лучше я тебя не вычищу, — сказала Кэт. — Не с тем, что у нас есть. Давай оденем тебя. Потом найдем Донни и уедем отсюда.

— Как быть со Снеговичем? — спросил я, стоя спиной к ним.

— Сам-то что думаешь?

— Не знаю. Есть у нас какая-нибудь причина не оставлять его там, где он сейчас валяется?

— Кто-нибудь обязательно найдет тело, — сказала Кэт. — Вопрос времени.

— Если они не найдут его быстро, от него мало что останется.

— Но ведь кости все равно никуда не денутся.

— Что верно, то верно, — вздохнул я.

— Он привез нас сюда, чтобы показать ущелье Брока. Может, стоит вернуть ему должок и показать его *ему*?

— Если только мы сможем это самое ущелье найти.

— Я бы постаралась. Все лучше, чем бросать его здесь, на виду.

— Что ж, тогда мы должны загрузить его в фургон, отвезти туда, выгрузить и сбросить вниз.

— Тебя послушать — так все так буднично.

Я, усмехнувшись, обернулся к ней.

Пегги, согнувшись, натягивала джинсовую юбку. Я скользнул равнодушным взглядом по ее тощим ягодицам и скорчил мину. Кэт, заметив, изогнула краешек губ в улыбке.

— Такое впечатление, что нам теперь на роду написано таскать туда-сюда мертвые тела, — проворчал я.

Ее улыбка стала шире.

— Неправда.

— Не правда, но и не ложь. С этой полночи на нас просто сыпятся тела, жаждущие буксировки. Нужно кого-то забрать, кого-то куда-то оттащить, засунуть в багажник, замотать, вытащить из потерпевшей аварию машины, занести в фургон... Все бы ничего, но для таких вещей тут слишком *жарко*. И мои мышцы всяко не железные. Не хочу нести Снеговича. Пусть Пегги несет. *Она* его убила.

— Хи-хи-хи. — Застегнув зеленую рубашку, которую подала ей Кэт, на все пуговицы, Пегги обернулась и сердито посмотрела на меня. Ее лицо выглядело чистым, но слипшиеся волосы на лбу на свету отчетливо отливали красным. На руках и ногах тоже виднелись потёки — Кэт проделала хорошую работу, но все же скорее косметическую, чем гигиеническую. Теперь по Пегги сразу нельзя было сказать, что на нее еще недавно вылился добрый галлон крови из разорванной шеи сумасшедшего — но не более. Внимательный близкий взгляд приметил бы оставшиеся следы. — Ты — смешной мужик, Сэм.

— Какой есть, — пожал я плечами.

В ее глазах читался вызов.

— Хочешь, чтоб я его несла? Дерьмо вопрос. Понесу.

— Я пошутил, Пег. Конечно, нести буду я. — Я миролюбиво поднял руки.

— Ты мне «спасибо» должен сказать, за то, что я его тебе убила.

— Ты его не *мне* убивала.

Кэт подняла с земли носки и передала ей.

Пегги приняла их без комментариев и жестов благодарности. Она чуть не упала, пытаясь натянуть их, и Кэт пришлось ухватить ее и придержать.

— Как долго ты уже в сознании? — спросила она.

— Что?

— После аварии ты отключилась?

— Ну да.

— А когда очнулась?

Пегги снисходительно улыбнулась. Улыбка была редким гостем на ее лице — и, наверное, то было к лучшему. Нехорошая у нее была улыбка. Едкая.

— Вы, значит, сами не поняли?

— Поняли — не спрашивали бы, — сказала Кэт.

— Я пришла в себя после ваших пощечин.

— И не подала виду?

— Угу.

— Получается, ты была в сознании, когда мы вытаскивали тебя и тащили в фургон.

— Ну *конечно* же.

— Очень мило с твоей стороны, — заметила Кэт и отпустила ее.

Пегги была одной ногой на земле. На другую, согнутую в коленке, она пыталась натянуть обеими руками носок. Как только Кэт отпустила ее локоть, она принялась подпрыгивать на одной ноге, пытаясь удержать равновесие — и удержала бы, если бы Кэт легонько не толкнула бы ее в спину.

— Ой. Прости, — сказала она, когда Пегги рухнула в пыль.

Пегги вскрикнула. Плюхнувшись на пятую точку, она свалилась на спину, дрыгнув ногами в воздухе. Перекатившись на бок, она оторвала голову от земли и зло уставилась на Кэт.

— Эй! Зачем ты это сделала?

— Это тебе за то, что заставила нас тебя таскать.

— Да пошла ты знаешь куда?!

— Куда? Давай, девочка. Вставай, поговорим. Думаешь, загрызла полумертвого — и самая крутая здесь? — В глазах Кэт вспыхнул недобрый огонь. — Не связывайся с нами. Справились с Эллиотом — и с тобой сладим.

Оставив ее на земле, мы прошли за фургон и посмотрели на Снеговича.

Над ним собрался целый рой мух. По его невидящим глазам ползали муравьи.

— Ну и дела, — присвистнула Кэт.

— Возьму-ка я резиновые перчатки, — нашелся я. — Они где-то в сумке.

— Мне интересно, есть ли какой-нибудь способ попроще...

— Я *знаю* способ попроще — оставить его здесь.

— Мы должны, по крайней мере, оттащить его с глаз долой, — сказала Кэт. — Просто для моего душевного спокойствия. Кто угодно может сюда заявиться. Кто угодно и *когда* угодно. Я хотела бы быть подальше отсюда, когда тело найдут.

— Если кому-то придет в голову сюда заявиться, первым делом он наткнется на тело Эллиота.

Она, поморщившись, кивнула.

— Что будем делать с *ним*? — поинтересовался я.

— С Эллиотом? Думаю, не лишним будет вернуться в этот грот и забрать его. Сбросим его на пару со Снеговичем в ущелье.

— То есть, мне придется тащить уже *два* трупа.

— Похоже на то. Стоило оставить Эллиота в багажнике.

— История не терпит сослагательных наклонений.

— Увы, — согласилась Кэт. — Я точно не рассчитывала, что все обернется именно так.

Недооценила наши силы...

— Не одна ты. *Мы* недооценили наши силы.

— Я-то думала, у нас нет *никаких* шансов против этого ублюдка.

— Я тоже так думал. Наши шансы на выживание были весьма хлипкими.

— Ну вот. Выбросить Эллиота было не самой удачной попыткой довести Снега до белого каления. Выбить из колеи.

Кивнув, я добавил:

— Он должен был бы держать нас в живых, чтобы мы могли привести его к телу.

— Да, так бы мы выиграли время. Повысили бы ставки.

— А ведь прекрасный план, — сказал я. — Возможно, он нам *уже* помог.

— Ты еще не слышал лучшую часть.

— Правда?

Она тихо засмеялась.

— Не то, чтобы я думала, что этим чего-то *добьюсь*... в смысле, я не зна...

Ее перебил шум двигателя.

Фургон.

— НЕТ! — завопил я.

— *Пегги!!!* — присоединилась ко мне Кэт.

Фургон даже с места не сдвинулся, пока мы не добежали до его угла — но все равно предпринимать что-то было явно поздно. Пегги больше не лежала на земле. Дверь с водительской стороны была распахнута.

Машина рванула вперед.

— Черт побери, Пегги! — крикнула Кэт. — Останови фургон!

Она, казалось, только ускорила.

Но и Кэт поднажала. Она внезапно вырвалась вперед, высоко задирая длинные ноги и вытянув вперед руки. У нее определенно не было шанса достать до водительской двери — но меня восхитил сам факт попытки.

Пегги протянула руку, чтобы захлопнуть дверь, и тут произошло невероятное.

Кэт с рассерженным воплем прыгнула вперед и вцепилась в пальцы девушке. Тормозя подошвами, она рванула добычу на себя — и Пегги вывалилась из салона.

Они покатались по грязи. Оставшись без водителя, фургон продолжал ехать сам по себе.

Я мог лишь наблюдать. В кувыркающейся путанице рук и ног трудно было разобрать, где начинается Пегги и заканчивается Кэт. Некоторое время ушло на то, чтобы я понял, что пока что сверху Пегги, пальцами вцепившаяся Кэт в лицо.

Впрочем, победа ее была лишь кажущейся. В следующее мгновение Кэт съездила Пегги по уху.

У меня чесались руки наподдать.

Но, похоже, Кэт больше не нужна была помощь, так что я побежал вослед фургону.

Громоздкий автомобиль вихлял туда-сюда, медленно теряя скорость, будто высматривая какие-то несуществующие достопримечательности. Спад скорости, впрочем, не спас его от внезапно выросшей на пути скалы. Я не успел — и лишь скрипнул зубами и зажмурился, когда фургон на ходу протаранил каменную глыбу. Раздался скрежет сминаемого металла, что-то пронзительно звякнуло — с таким звуком обычно лопаются пружины.

И все.

Я осторожно открыл глаза. Поплелся к месту второй за сегодняшний день автомобильной аварии.

Дверь водителя висела на одной петле и жалобно поскрипывала.

Поначалу мне чуть не стало дурно, когда я увидел, как из-под фургона медленно расплзается лужа темно-бордового цвета, от которой поднимался пар.

Слишком уж напоминало кровь.

Потом до меня дошло, что это всего лишь тек хладагент.

Упав на колени и локти, я глянул между колес. Все было еще хуже, чем я предполагал. Днище фургона прорезала извилистая трещина. Где-то там, вдали, у самого ее основания, красная, тяжело пахнувшая муть была едва ли не фонтаном. Что-то тихо, угрожающе шипело.

Весь перед фургона сплющила скала.

— Вот дерьмо, — пробормотал я, поднимаясь и отряхивая колени.

Стараясь не наступать в натекшее болото, я запрыгнул в салон и сел на место водителя. Провернул ключ зажигания несколько раз. Дохлый номер — мотор похрипел-похрипел, да и скончался окончательно. На каждый новый поворот ответом служило лишь безжизненное

кликанье.

Спрыгнув из фургона на землю, я стянул рубашку и вытер от пота и песка лицо. Бросил взгляд в сторону Кэт и Пегги. Первая — отряхивалась от песка. Вторая — лежала на земле лицом вниз.

И идти до них было порядочно.

Преследуя фургон, я успел отбежать довольно далеко.

Но и в этом был свой плюс: я теперь был довольно близко к шахтерским развалинам. Если я сумею найти Донни, мы вернемся к ним вместе. Не придется дважды ходить туда-обратно.

— Донни! — крикнул я, отворачиваясь. — Донни! Все в порядке! Выходи! Все кончено, Снегович мертв! С Пегги все в порядке, она ждет тебя! Донни! Эй! Выходи! Нечего больше прятаться!

Никто не ответил.

— Все кончено! Выходи, все в порядке! Ну давай! Мы все хотим выбраться отсюда. Донни! — покричал я еще немного.

Ответа не последовало. Я окинул руины взглядом, надеясь увидеть, как он выходит из какой-нибудь двери или из-за угла лачуги. Ничего подобного.

Глянув в обратную сторону, я увидел, как Кэт машет мне рукой.

— Что у тебя там? — позвала она.

— Фургон накрылся!

Эта новость явно не пришлась ей по душе. Она покачала головой из стороны в сторону. Повернувшись к Пегги, все еще распростертой на земле, она что-то ей сказала. Слов я не расслышал, но Пегги приподнялась.

— Донни не видно? — крикнула Кэт, снова — мне.

— Нет!

Пегги кое-как встала на ноги. Смахнула песок с колен.

— Оставайся там, Сэм! Мы идем к тебе!

— Рад слышать. — Прислонившись к борту фургона, я стал ждать их.

Они шли бок о бок, медленно и неуклюже, обе — прихрамывая, обе — в белых носках и без обуви. Нагретый песок, наверное, жег им пятки. Но, конечно, не это было главной причиной их неуклюжей походки. Они ведь, фактически, прошли через две аварии. И уже не первый раз катались по песку, вцепившись друг в друга.

Их фигуры дрожали и преломлялись в горячем пустынном мареве.

Обрезанные некогда-джинсы Кэт низко съехали на бедра. Ветер растрепал рубашку — правая грудь почти целиком оголена, левая, наоборот, закрыта, полы съехали на бок, подол треплется за спиной.

Кэт выглядела, как вольный стрелок — пусть попавший в передрагу, но не сломленный. При ней не было ни тяжелого револьвера, ни лассо, ни ковбойской шляпы, но все равно что-то заливчатское в ее облике было. Может, виной тому были некогда-джинсы. А может — то невыразимое ощущение внутренней силы, исходившее от нее.

Пегги, ковылявшая рядом с ней, впрочем, не походила на помощника шерифа. Она все еще напоминала мне зомби из «Ночи живых мертвецов».

И теперь, когда я видел, как она рвала зубами горло живого человека, образ уже было не сменить и не прогнать.

Мне вдруг стало боязно за Кэт. Она шла *слишком* близко к Пегги.

И потому я вышел из тени фургона и зашел навстречу им. Жар солнца навалился мне на плечи.

— Оставайся там! — крикнула Кэт.

Глупо бояться Пегги, попытался урезонить меня глас разума. Может быть, она и чудовище, но — слабое чудовище. Снегович был порядочно потрепан, когда она напала на него. Кэт уже сладила с этой девчонкой дважды, так что нет никаких оснований сомневаться в том, что и в третий раз ей это не удастся.

Конечно, если Пегги не застанет ее врасплох...

— Все нормально, — откликнулся я. — Движение — жизнь.

Кэт улыбнулась. На ее загорелом лице зубы выглядели кипельно-белыми.

— Посмотрим, как ты запоешь, когда солнечный удар схлопочешь, — заявила она.

— Вот, значит, чего ты мне желаешь?

— Я желаю, чтоб ты сидел в тени.

— Я не доверяю ей, — прошептал я и указал взглядом на поотставшую Пегги.

Кэт внимательно посмотрела мне в глаза.

— Сэм, я *тоже* ей не доверяю.

— Я боялся, что она выкинет что-нибудь...

— Ты пошел спасать меня, выходит?

— Что-то вроде того.

— Очень мило с твоей стороны.

— Ну да, ты бы и сама со всем справилась...

— Меня не так-то легко подловить, Сэм. Я — крепкий орешек.

— И *хитрый* орешек, вдобавок.

Очутившись лицом к лицу с Кэт, я замер... я, но не она. Подступив вплотную ко мне, Кэт обняла меня и поцеловала. Ее губы были горячие и скользкие.

В объятиях Кэт я потерял Пегги из виду.

Хотел бы я забыть про эту юную людоедку — и сосредоточиться целиком и полностью на Кэт. На удивлении и восторге от ее объятий. На поцелуе, столь страстном — и столь неожиданным посреди этой выжженной солнцем пустоши. На том, каково это — чувствовать ее гладкую кожу своей. Каково это — ощущать у самой своей груди *ее* грудь, ритм *ее* сердца.

Но я не мог позволить себе отвлечься от Пегги. Я должен был защищать Кэт, и, коли уж на то пошло, себя.

Поэтому я выглянул из-за плеча Кэт и нашел глазами девушку.

Она смотрела на нас.

Что-то в ее взгляде мне не понравилось.

От чего-то в ее взгляде мурашки поползли по моей коже.

Была ли то ненависть? Или же, наоборот, какое-то странное, тёмное восхищение на грани преданности? *Желание?*

Не мог я тогда сказать наверняка.

Да и вряд ли когда-нибудь смогу.

— Так что там с фургоном? — спросила Кэт. Мы все, трое, как раз шли к нему.

— В скалу врезался, — сказал я. — Из него хладагент во все стороны хлещет — радиатор треснул. И двигатель не запускается.

— М-да, дела, — вздохнула Кэт.

— И как мы теперь выберемся отсюда? — спросила Пегги.

— Было бы проще, будь у нас машина времени, — откликнулась Кэт и глянула на нее.

— Тогда стоило бы вернуться на десять минут в прошлое и свернуть тебе шею.

— Очень смешно.

— Каким местом ты вообще думала?

— Я просто хотела проехаться вокруг и поискать Донни.

— Без нас, — добавила Кэт.

— Я бы подобрала вас потом.

— Звучит неубедительно.

— Вы меня *напугали* до чертиков, когда подорвались следом. Не моя вина, что фургон утробился. Я его спокойно вела, а потом вы вцепились в меня и выбросили из кабины.

— Да, в хорошенькое же положеньице ты нас поставила, — протянула Кэт.

— Я? Ни разу. Это вы себя сами нагнули.

— Ага, конечно, — ввернул я.

— Пока что мы в одной упряжке, — напомнила Кэт. — Наслаждайся.

Когда мы добрались до фургона, он уже не парил и не шипел. Земля под ним окрасилась бордовым.

Мы медленно обошли его, будто тушу очень редкого зверя, застреленного браконьером.

Кэт забралась внутрь и попыталась завести мотор.

— Нет, на этом мы никуда уже не уедем, — объявила она вскоре, вылезая.

— Так что делать будем? — мрачно спросила Пегги.

— Пойдем пешком.

Когда мы поплелись к руинам, Кэт предложила Пегги:

— Позови своего брата. Пусть покажется.

— Донни! — крикнула девушка. — Эй! Это я! Выходи, не прячься!

Он не вышел.

— И чего это он к тебе не идет? — спросила Кэт.

— Откуда мне знать?

— Ты — его сестра.

— И? Это ничего не значит.

— Для *моей* сестры я много значу, — заметил я.

— Хорошо ей, — пожала плечами Пегги.

— Ладно, — сказала Кэт. — Позови его еще раз.

— Есть в этом толк?

— А почему нет?

— Если он захочет выйти, он выйдет.

— Он может нас не слышать, — выдвинул я предположение.

— Может, он просто решил ото всех спрятаться, — предположила Кэт. — Иногда и мне

хотелось. После всяких... несчастных случаев. Хотелось найти угол потемнее, забиться и никогда не вылезать.

— Если он здесь — мы его найдем, — твердо сказал я.

— Он *должен* быть где-то здесь. — Остановившись у ближайшей лачуги, Кэт приложила ладони ко рту и крикнула: — *Донни! Где ты? Мы твои друзья, мы не причиним тебе вреда! ДОННИ! ВЫХОДИ, ПРОШУ ТЕБЯ! Мы не уйдем без тебя!*

Мы подождали. Ответа не последовало. Никто к нам не вышел.

Кэт посмотрела мне в глаза и покачала головой. Перевела взгляд на Пегги.

— Не смотрите на меня, — откликнулась та. — Это — не моя вина.

— Кто-то разве говорит?..

— Никто не говорит, но все *смотрят*.

— На тебя, выходит, и посмотреть уже нельзя? — спросила Кэт.

— Нет!

— Ладно, пойдем, поищем. — Это Кэт адресовала уже мне.

Я кивнул.

Вместе мы пошли к ближайшей хижине. Ее окна были заколочены, но дверь стояла приоткрытой. Деревянные стены и жестяная крыша были сплошь в пулевых отверстиях. Кэт приоткрыла дверь и шагнула внутрь. Я последовал за ней.

Внутри царил темень, то тут, то там прорезанная золотистыми солнечным кольшками, в которых кружилась пыль.

Кто-то, наверное, здесь когда-то жил.

Но те времена остались в прошлом.

Лачуга была завалена мусором. Нас окружали пустые пивные банки, пачки из-под сигарет, тряпки и доски. Было здесь и ведро, тоже кем-то расстрелянное. Была потемневшая от пыли подушка, была рассыпанная по полу колода карт, а венчало композицию трехное плетеное кресло.

Донни здесь не было. Похоже, здесь *вообще* никого не было уже месяцы. Годы.

— Не заметил ничего забавного? — спросила Кэт.

— Нет. А что?

— Ни одного граффити.

Она была права. Видавшие виды деревянные стены не тронула краска из баллончиков. Ни одного штришка маркера, ни одной корявой росписи.

— Граффитеры не забредают так далеко в пустыню, — сказал я.

— Зато забрел кто-то с пушкой. Ты только посмотри на все эти дырки.

— Это просто часть пустынного менталитета, — пояснил я. — В таких местах, где никто за тобой не следит, всегда находятся любители пострелять по мусорным кучам.

— Которых тут предостаточно, — добавила Кэт.

— Было бы неплохо, если бы эти ребята показались *сейчас*, — сказал я. — На большом хорошем джипе.

— Они могут начать палить по нам.

— Мы что, похожи на мусорные кучи?

— Довольно-таки, — сказала она и тихо засмеялась.

Мы покинули домик-развалюшку. Свет солнца больно ударил по глазам — я втянул голову в плечи и зажмурился.

— Где Пегги? — вдруг спросила Кэт.

— А?

— Ее тут нет.

— Где-нибудь поблизости.

Мы оглядели местность. Вокруг было еще несколько лачуг и дощатый сортир, выглядевший довольно-таки работоспособным, но почти все остальные постройки лежали в руинах, будто по поселению проехался танк. Водонапорная башня склонилась к земле едва ли не под тупым углом, готовая обрушиться на голову любого, кому вздумается прогуляться под ней.

Я никого не видел. Ни Пегги, ни Донни. Только Кэт стояла под боком.

— Этого нам и не хватало, — пробормотала она. — Теперь мы потеряли двоих.

— Может, она уже нашла Донни, — предположил я.

— Пегги! — крикнула Кэт. — Ты где? Пег!

Та не ответила. И не показалась.

— Вот дерьмо, — ругнулась Кэт.

— Без нее даже лучше, — признался я.

— Согласна, но знал бы ты, Сэм, как мне хочется поскорее выбраться отсюда, вывести эту взбалмошную дуру вместе с братом и спровадить кому-нибудь, кто знает, что с ними делать. А путь отсюда до ближайших зачатков цивилизации неблизкий.

— Может, пойти взглянуть на ту машину? Которую было видно сверху со скалы.

— Попытка — не пытка, — согласилась Кэт.

Я повел ее к последней в левом ряду лачуге. Если никто не увел ту развалюху у нас из-под носа, она должна была стоять там.

— С нашей удачей, — вздохнула Кэт, — у этой машины будут спущены четыре колеса и снят двигатель.

— Более чем вероятно.

— Или она взорвется на наших глазах.

— С нами все не *настолько* плохо, — сказал я. — Мы все еще живы и пока что в выигрыше.

— Не кажи «гоп», покуда не перескочишь. Нам еще обратная дорога предстоит.

Когда мы приблизились к постройке, показались фары, хромированный бампер и решетка. Фары были разбиты. Передней номерной пластины не было.

— Дохлый номер, — тихо сказала Кэт.

Подойдя ближе, я увидел, что это был форд-пикап. Старый. Гость из пятидесятых, судя по всему.

Передние шины были спущены. Лобовое стекло поблескивало осколками внутри салона.

— Увы. Дохлый, — согласился я.

— Проклятие Мертвого Вампира приносит новые беды, — сказала Кэт. — Я *знала*, что так и будет. Чтобы после того, как мы разбили две машины на ходу, нам досталась бы третья...

На всякий случай мы осмотрели салон и задник пикапа. Сиденья были порезаны ножом, их набивка усыпала пол кабины. Рулевая колонка была снята. Правый борт был продырявлен пулями разных калибров в нескольких местах. Правое заднее колесо попросту отсутствовало, шина на левом была плоской.

За пикапом обнаружили перевернутая тачка и шарик сухих веточек перекаати-поля. Светло-коричневый, раза в два больше среднестатистического пляжного мяча. Наверное, его

сюда загнал ветер — да так тут и оставил.

— Жаль, что тут нет чего пополезнее, — огорчился я.

— Вроде сотового телефона? — спросила Кэт, глядя на перекасти-поле.

— Знаешь, нам и звонить-то некому.

— В автоклуб, разве что?.. Может, они пошлют мне подмогу.

— Хорошая идея. Вот только трупы придется спрятать.

— В общем, что есть у нас этот телефон, что нет... — Вытянувшись вдоль борта пикапа, она протянула обе руки и подняла перекасти-поле.

— Что ты делаешь?

Она пожала плечами.

— Отпускаю его на свободу. Он ведь как будто в ловушку попал.

— Это просто кучка мертвых веток.

— Я знаю. Понимаю, это немного глупо. — С широкой улыбкой Кэт опустила перекасти-поле на землю. Он постоял немного, затем покатился прочь, влекомый теплым ветром.

— Счастливого пути, малыш! — крикнула она ему вослед.

— На тебя уже жара плохо действует.

— Дело, думаю, не совсем в жаре... обычно, когда что-то идет не так, я редко начинаю поступать глупо и необдуманно, а тут...

— Уверен, перекасти-поле тебе благодарен.

— Я не об этом, Сэм. — Она взглянула мне в глаза.

И я все понял. Я даже понял, *что* она сделала, но побоялся себе в этом признаться. Хотелось услышать подтверждение напрямую от нее.

— Помнишь, как мы остановились в том проходе между скалами и выбросили Эллиота из багажника?

— Еще как. — Холодок пополз по коже.

— Ты, помнится, вернулся в машину, а я осталась искать молоток.

— Да. Было дело.

— Так вот, я сделала кое-что... глупое. *До того*, как озаботилась этим молотком.

— И что же? — Ей осталось только сказать, а я уже знал, что услышу — и мне по этому поводу очень-очень хотелось присесть, обнять собственные дрожащие плечи и громко-громко закричать:

— *Я вытащила кол из Эллиота.*

Когда Кэт сказала это, мне показалось, будто земля разверзлась под моими ногами. Я пошатнулся. Не сразу осознал, что все еще стою на неколебимой тверди.

— Я попробовала схитрить, — объяснила Кэт. — Поджечь фитиль всей этой сумасшедшей ситуации. Выходил кол с трудом. Ты его хорошо примотал.

— Чтобы он не выпал, — каким-то забавно-отстраненным голосом пояснил я.

— Знаю, — кивнула Кэт. — Знаю. Прости. Я думала... — Она снова покачала головой. — Я думала, нам никогда не свалить Снега без помощи. Он ведь сам хотел вытащить кол, так что, рассудила я, это все равно произойдет — рано или поздно. Так почему бы не опередить его? Не добавить фактор непредсказуемости? Стоило солнцу зайти — и мы бы получили еще одну переменную в наше дьявольское уравнение. Безбашенного, злющего кровососа.

— По-твоему, он бы на нас не напал?

— По-твоему, у нас было что терять? С одной стороны, я не так уж и верила в то, что Эллиот воскреснет. Есть кол, нет кола — не имеет значения. Но если бы это сработало — появился бы шанс на то, что он, взбешенный, разделался бы со Снегом...

— ...и со всеми нами, — закончил я за нее.

— Но нас все равно собирался убить Снег. Думаю, он хотел выждать момент, когда Эллиот обратит его в вампира, и сделал бы нас своими первыми жертвами. Вот почему он терпел нас так долго — за все мы бы расплатились сполна много позже. Но даже если бы его план по становлению вампиром провалился, это ничего бы не изменило. Мы были обречены. Он не отпустил бы нас живыми. — Глядя мне в глаза, она поморщилась и добавила: — Я всерьез полагала, что наши ставки поднимутся, вздумай Эллиот ожить. Они со Снегом могли бы сцепиться и убить друг дружку... а мы бы ушли потом восвояси, целые и невредимые.

Я кивнул.

Логика тут была.

— Не такая уж и плохая идея, Кэт.

— Но и до хорошей ей далеко.

— Восхищаюсь твоей хитрости.

— Я — та еще лиса. Теперь можешь повосхищаться моей глупостью.

— Ничего глупого не вижу. Приди мне в голову подобный план — я бы и сам вытаскивал кол... если б коленки не дрожали. Не уверен, что мне бы хватило смелости.

— Иногда быть навеселе полезно.

— Так ты во всем пиво винишь?

— Конечно. Всегда во всем вините пиво. — Она улыбнулась. — Может, будь я трезвее, я не рискнула бы вытаскивать кол. Пара-тройкм банок пива — и идиотские задумки начинают казаться гениальными.

— Повторюсь, не такая уж твоя задумка и идиотская.

— По-моему, глупее просто некуда. Безрассудство чистой воды.

— Это ты теперь говоришь, когда Снег Снегович нам больше не страшен.

— Это я теперь говорю, зная, что вампир без кола в сердце валяется неподалеку, и солнце скоро сядет.

— Не имеет значения, — уверенно сказал я. — Мы оба знаем, что Эллиот мертв. И он останется мертвым после захода солнца. Добро пожаловать в реальность, Кэт. В реальности

люди, которым в сердце вошла острая деревяшка, не оживают. Такое просто невозможно.

— Почему мне тогда так страшно?

— Наше воображение нас же и пугает.

— А тебе не страшно?

— *Чертовски* страшно, Кэт. Но это иррациональный страх. Эллиот не встанет и не пойдет искать нас.

— О, как я на это надеюсь.

— Ты *знаешь*, что так все и будет. Мы оба знаем, что так все и будет.

— Если мы оба такие уверенные карандаши, почему мы не вытащили этот дурацкий кол сразу после того, как Эллиот умер?

— Ну, тому есть много причин: отчаяние, надежда...

— ...«Будвайзер», — добавила она. — Но ты, наверное, прав. Он *останется* мертвым.

— Это виртуальная уверенность.

— С чего бы это вдруг «виртуальная»?

— С того, что ни в чем нельзя быть абсолютно уверенным. Все упирается в... хм, ну да, в проценты от единицы.

— И сколько же ты дашь? Девяносто девять из ста?

— Да, пожалуй.

— Обнадеживает. А ты бы полетел в самолете, точно зная, что есть этот самый один процент?

— Ну... это очень неплохая вероятность уцелеть.

— Так кажется, пока не вдуматься. Девяносто девять процентов. То есть из каждых ста полетов один заканчивается падением. Это ужасно много. Потому что каждый день вылетают *тысячи* рейсов, и из них сотня бы падала. Да даже если бы шансы были один на тысячу, каждый день бы столько самолетов разбивалось, что на них летали бы только сумасшедшие. Поэтому знаешь, что будет безопаснее всего?

— Что же?

— Вернуть кол в этого мерзавца. И свести его шансы к нулю. Именно поэтому я тебе рассказала все это. Нам *придется* к нему вернуться, если мы не хотим до конца жизни просыпаться в холодном поту.

— Неплохо бы еще найти Пегги и Донни. Эллиот не очень далеко отсюда. Какие-нибудь две мили...

— По жаре это много.

— Ну, знаешь, ты могла бы рассказать и раньше. Смысл таить?

— Никакого. Я не боялась рассказать тебе, просто... — Она пожала плечами. — Я ведь и не думала, что стану его вытаскивать, с другой стороны. Я даже не думала об этом, когда открывала багажник. Я *не знала*, что сделаю это, пока не потянулась к трупу и не стала обрывать изоленту. Ты тогда уже вернулся в машину. Ждал меня. А потом я не хотела рассказывать тебе об этом при Пегги. А потом мы попали в аварию. Одно цепляется за другое... так мы и живем.

— Приятный был бы сюрприз, — пробормотал я, — если бы этот кровопийца воскрес и заявился пред наши очи, и я бы при этом не знал, что кол кто-то вытащил.

— Я понимаю. Сэм, это был отчаянный шаг. Я не знала, чем все обернется. А сейчас — забавно выходит: мы не нуждаемся в помощи вампира, но и быстренько подъехать к нему и забить кол обратно не можем.

— На самом деле, — сказал я, — проблемы тут особо нет. Мы можем дойти до него на своих двоих.

— Поспеем ли до наступления темноты?

— Даже если не поспеем — что с того?

— Не знаю. — Она мрачно вздохнула. — Хотелось бы просто перестраховаться.

— Значит, перестрашуемся. — Я притянул ее к себе и поцеловал.

Кэт прижалась ко мне крепко-крепко.

— Ты не сердись на меня? — тихо спросила она.

— За что? За этот кол? Нет, конечно.

— Точно?

— Точнее некуда. Восхищаюсь твоей смелостью. Как ты там сказала? *Поджечь фитиль ситуации?*

— Да, — подтвердила она с грустной улыбкой.

— Это еще слабо сказано. *Ударить по своим же позициям, в надежде, что накроет близко подошедшего противника* подошло бы лучше.

— Прости, что не столь сильна в баталистике. Давай скажем прямо: *верный суицид*.

— Нет. Вовсе нет. Это... это верх смелости. Ты знаешь, чем все может обернуться, но при этом готова взять на себя риск только для того, чтобы дать своим позициям крохотную фору.

— Ход, достойный шахматной партии, — кивнула Кэт. — Гамбит на грани фола. Я вот сейчас рада, что у нас есть достаточно времени, чтобы отменить его.

— Ну, несколько часов до захода солнца у нас точно есть, — сказал я.

— На чем основываешься?

— На тенях.

— Тенях? И сколько же времени показывают тени, Следопыт?

— Часа три. Может быть, четыре.

— Тебя надо послать обратно в школу бойскаутов.

— За что?

— Помнишь, я связывала руки Снеговичу? После того, как он навернулся с крыши фургона?

— Конечно.

— А про то, что у него две пары часов было, помнишь?

— Крайне смутно. Он еще сказал тогда...

— *Глаза-то у меня тоже два*. Да, да. Так вот, когда я его связывала, заметила, что одни куда-то делись. Не знаю, куда, да и не важно это. Я посмотрела на оставшиеся — и подметила время. Пять минут пятого.

— *Пять минут пятого?*

— Я и сама удивилась. Получается, мы прятались в скалах не один час.

— Уж точно не один, но *пять?*..

— Выходит, что так. Время летит незаметно, когда есть, чем заняться. Либо мы проспали дольше, чем думали, либо...

Я наморщил лоб.

— Выходит, если было пять минут пятого, когда ты связывала ему руки, сейчас...

— ...уже за пять. Если не больше. Ставлю на полшестого.

— Ну... — Меня чуть-чуть замутило, но я постарался не подать виду. — Солнце сядет

только в полдевятого. Или в девять. У нас еще есть как минимум три часа. Это много.

— У меня есть к тебе практический вопросик, Сэм.

— Давай.

— Вампиры оживают после того, как конкретно стемнеет — или после ухода солнца за горизонт?

— Гм... скорее первое, чем второе?..

— Как-то неуверенно ты это говоришь.

— А я и не уверен.

— Тебе не кажется, что это что-то да значит?

— Кажется, пожалуй.

— Я не метеоролог, но заметила, что наступление темноты и полный закат солнца не совпадают по времени. Между ними разница часа в полтора. Если ключевую роль в пробуждении вампиров играет именно *закат* — времени у нас только до семи, в крайнем случае — до половины восьмого.

— Верно, — согласился я, — но еще мы должны помнить, что Эллиот не пробудится. Он мертв, и мертвым же останется впредь.

— Да-да. Я знаю.

— Но лучше нам поторопиться, — добавил я.

— Чем раньше, тем лучше, все верно.

— Как быть с Пегги и Донни?

— Не знаю. Лучше, конечно, попробовать найти их до того, как стемнеет. Все-таки я их в это втянула.

— Да, но не твоя вина, что они убежали от нас.

— Не моя. Но мы им обязаны, так или иначе. Они позаботились о Снеговиче.

— Ты о нем позаботилась.

— Я просто кинула камень. А Донни толкнул его. Удержись этот гад — и счет был бы не в нашу пользу. А Пегги добила его. Уже за это стоит поблагодарить ее.

— Она все равно та еще ходячая проблема.

— Быть может. Но, убив его, она спасла нас.

— Ладно, черт побери, пойдём их искать, — сказал я. — Вряд ли они успели убежать далеко.

Мы выкрикивали их имена снова и снова, бродя меж развалин. Они не отвечали. Ни за одной дверью, ни под одним большим камнем, ни за одним песчаным наносом — достаточно большим, чтобы было где спрятаться, — их не сыскалось.

Как сквозь землю провалились.

— И все же они где-то здесь, — пробормотала Кэт.

— Может быть, в шахте.

— В шахте?

— Ну да. Где-то здесь должна быть шахта. Если ее нет — стоило ли весь этот огород городить?

— Хорошо, почему нигде нет входа?

— Он должен быть где-то там, — сказал я, кивнув в сторону скалистых стен, выраставших из низины, начинающейся в нескольких минутах ходьбы от руин. Стены эти, казалось, стремились достать до неба, формируя собой хребет под тридцать метров высотой.

— Пошли посмотрим, — сказала Кэт.

Мы двинулись в том направлении.

Очень скоро я заметил, что между ближайшим пластом оголившейся породы и возвышавшейся впереди скалой открывается еще одна маленькая прогалина. Кэт, по-моему, тоже заметила — и ускорила шаг.

Там-то мы и обнаружили вход в шахту.

Он был прорезан в гранитном возвышении.

Мы молча подошли. Глянули внутрь.

Впереди, насколько хватало глаз, простиралась туннельная чернота.

— Ну, что думаешь? — прошептал я.

— Думаю, они там. Куда им еще деваться?

— Не знаю. Но, держу пари, именно сюда Снегович отвел Донни во второй половине дня. Возможно, припарковал фургон прямо здесь. Это объясняет, почему мы не видели его с нашей позиции на скале. Он был здесь *спрятан*. — Я кивнул в сторону возвышающейся каменной стены.

— Выходит, мы *уже* в ущелье Брока? — спросила Кэт.

Пожав плечами, я пробормотал:

— Я-то думал о глубокой пропасти... Не знаю.

— Про то, что они с Донни были здесь, я думаю, ты прав. Они не коротали время в какой-то из этих лачуг. Мы нашли не все наши вещи, помнишь? Выходит, остальное...

— ...здесь? — договорил я за нее.

— Вот, возможно, почему Донни побежал сюда сразу после того, как вырвался от Снеговича. — Она широко улыбнулась мне. — Горлышко хотел смочить «Пепси».

— Хорошая версия, — сказал я, улыбаясь и сам.

— Нет, глупая. — Она покачала головой, и веселье покинуло ее лицо. — Конечно же, он хотел спрятаться. Залечь на дно, исчезнуть. Слиться с темнотой, и, возможно, стать ее частью. Никогда ее не покидать. Так ведь безопаснее.

В ее глазах отчетливо читалась боль. Я понимал, почему ей близки чувства Донни. Как и он, Кэт подвергалась насилию. Она *знала*, каково это — когда тебя бьют, унижают,

принуждают. Она знала, каково это — прятаться во тьме.

— Ты вышла из своего мрака, — мягко напомнил я ей.

— Да, но... было так сложно. *Я не хотела.* — Слезы заблестели в ее глазах. — Как же часто мне хотелось просто свернуться в комочек в каком-нибудь темном углу и... исчезнуть.

— Как же я рад, что ты передумала исчезать.

— Я и сама рада.

— Ты — крепкий орешек, Кэт.

— Такая уж я. — Она шмыгнула носом и утерла глаза. — Он просто ребенок, попавший в беду. С ним у нас могут быть трудности. Он может начать прятаться от нас, когда поймет, что мы близко.

— А Пегги? Она тоже где-то там?

— Может быть. Кто знает?

— Она *должна* быть там.

— Будем на это надеяться. — Утерев глаза в последний раз, Кэт выдохнула. — Ну что, готов идти?

— Похоже на то.

— Идти будем тихо. *Очень* тихо. Нельзя спугнуть их.

Мы ступили в туннель. Он был, похоже, достаточно широк, чтобы мы могли идти в нем бок о бок... хотя так движение бы значительно затруднилось. Так что я пошел первый, чуть пригибаясь, чтобы не поцеловать лбом потолок. Кэт положила руку мне на спину. Я чувствовал, как ее ладонь мягко вдавилась мне под лопатки.

Чем дальше мы шли, тем меньше света нам оставалось.

Вместе со светом уходило и тепло. Мы будто спустились в склеп.

И вот уже нас обступила такая тьма — хоть глаз выколи. Тотальная чернота.

Даже собственной протянутой руки я углядеть не смог.

Прохлада каменных сводов, впрочем, была почти приятной. После долгого пребывания на изнуряющей жаре я мнил промозглое подземелье едва ли не за благодать.

— Ты видишь, куда мы идем? — прошептала Кэт.

— Шутишь?

— У тебя же осталась зажигалка?

— Ты же говорила — нам нельзя спугнуть их.

— Уж лучше пожертвовать элементом неожиданности, чем сверзиться в пропасть или наступить на прохлаждающуюся змею.

— Потому-то я и иду первым, — проворчал я.

— Ты думаешь, от этого легче?

Не найдя, что сказать в ответ, я, смолчав, нащупал карман, достал зажигалку и зажег ее. Небольшой язычок пламени лизнул мрак и окружил нас колеблющейся, желтоватой аурой. Стали видны довольно-таки гладкий каменный пол шахты и неровные стены и потолок, выглядевшие так, будто кто-то крайне небрежно вытесал их стамеской или отбойным молотком.

Перед нами кишка туннеля продолжала уходить вперед. Огонек зажигалки давал просмотр на какие-нибудь жалкие шажков десять-пятнадцать, дальше вновь начиналось темное царство.

Ни прохлаждающихся змей, ни внезапных пропастей впереди не было видно.

Как и Пегги с Донни.

— Где же они?..

— Я не знаю. Может — вообще не здесь.

— Поворачиваем назад? — уточнил я.

— Пока — нет. Пройдем вперед еще немного.

И мы пошли.

Зажигалка была новая и горела без перебоев. *Но, подумалось мне, коли ты хочешь, чтоб так длилось подольше, нужно давать ей передышки.*

— Твоя зажигалка цела, Кэт?

— Да. Достать ее?

— Пока не надо.

— Я, кстати, потеряла спички.

— Спички?

— Да. Я прихватила спичечный коробок из дома. Он был в кармане рубашки, но, похоже, выпал где-то.

— Даже представить не могу, как такое могло произойти.

Она тихонько рассмеялась у меня за спиной.

Коль скоро у нас было по зажигалке, не было решительно никаких причин расхаживать в темноте, экономя запал. Так что я оставил свою гореть.

Рука Кэт скользнула ниже вдоль моей спины. Закралась мне под рубашку, легла на пояс джинсов. Я почувствовал, как костяшки ее пальцев вдавились мне в поясницу.

А еще до меня дошло, что язычок пламени уже потихоньку начал подбираться к моему пальцу.

— Я сейчас обожгусь, — сообщил я. — Надо руку сменить.

Отпустив рычажок, я позволил огоньку умереть. Темнота обступила нас. Перебросив зажигалку в правую руку, я щелчком воскресил наш маленький светоч, заставив враждебный мрак сдать позиции.

— Надеюсь, мы не наткнемся на кого-нибудь здесь, — прошептала Кэт.

— Так стоило ли сюда идти, если тут их нет? — задался резонным вопросом я.

— Я не про *них*. Про... кого-нибудь еще. Вроде Снега.

— Маньяк, обитающий в заброшенной шахте?

— Да. Что-нибудь в этом духе. Не хочу больше неожиданностей.

— Согласен. С нас хватит.

— Как думаешь, есть шанс у нас выбраться отсюда без передрыг?

— Ой, вот только не начинай опять про *шансы*.

Я услышал тихий смешок. Потом кто-то шлепнул меня по заднице.

— Ну не надо, — проворчал я.

— Надо, Сэмми, надо.

Тут блики от зажигалки упали на что-то, напоминающее остатки пикника прямо на каменном полу шахты. Подойдя поближе, я опустил руку с огоньком и выпрямился. От моей макушки до свода было всего ничего.

Кэт, убрав руку с моего пояса, шагнула вперед и встала рядом со мной.

Банки от «Пепси» — тут и там. Раздавленный пакет печенья «Орео». Вскрытая пачка картофельных чипсов — сухие крошки повсюду. Неподалеку — надкушенная палка салями. Снег Снегович решил не возиться с ножом — справился зубами. Может быть, и Донни что-то перепало — с другого конца палки виднелся кусок поменьше.

— Вот, значит, где они были, — сказала Кэт. — Пока мы отлеживались в скалах...

— О да.

— Снегович увел его сюда. В темноту. Боже мой. Парень натерпелся.

— Белоснежка скушала свое отравленное яблочко, — хмыкнул я. — Больше этот подонок никому не навредит.

— Да, но Донни это уже не поможет.

— Где он *сейчас*, этот Донни?

До пальца добралось пламя, и я снова отпустил рычажок. Нахлынула тьма.

Вернулся свет как раз вовремя, чтобы я смог увидеть кусок скалы, летящий из темноты прямо мне в лицо.

— Черт! — завопил я и пригнулся.

Камень просвистел мимо моего левого уха.

За ним последовали еще два.

— Эй! — крикнула Кэт.

Убрав палец с рычажка, я, под покровом тьмы, бросился вперед, к Кэт, и заслонил ее своей спиной. Один камень сильно ударился о левое плечо, другой — миновал. Обняв Кэт, я вместе с ней мягко рухнул наземь.

Свернувшись на холодном камне, мы прикрыли головы руками.

Камни все летели и летели.

Пегги и Донни здорово их бросали. Видимо, собирали снаряды заранее. Не знаю сколько их было — где-то после двадцатого сбился со счета.

Так как швырялись они в полной темноте, большая их часть миновала нас. Я слышал, как они отскакивают от стен, потолка и пола — впереди, позади, слева, справа. Каждый раз звуки варьировались, в зависимости от размера снаряда и того, во что он угодил.

Несколько штук достали-таки меня.

Я только стискивал зубы и молчал, боясь, что Пегги с Донни пойдут на звук.

Наконец, шквал прекратился.

Мы лежали тише воды, ниже травы. Я чувствовал теплое дыхание Кэт на своей груди.

Если не считать нашего приглушенного дыхания и биения сердец, нас окутала тишина — столь же глубокая, тяжелая и тягучая, сколь и мрак кругом.

Если бы мы шелохнулись или заговорили — рискнули бы навлечь на себя еще один обстрел камнями.

Но, может быть, их арсенал иссяк.

Может, они отступили.

Может, и нам следует отступить. Пошли они к черту. Пусть останутся в этом чертовом руднике до тех пор, пока не состарятся.

Однако у Кэт наверняка были другие планы на эту парочку.

— Ты в порядке? — прошептала она.

— Тихо! Они снова начнут бросаться.

Она помолчала несколько секунд.

Новые камни в нас не полетели.

— Может, они ушли, — сказала она.

— Может быть.

— Ты *точно* в порядке, Сэм? — переспросила она. — Они крепко тебя задели.

— Переживу как-нибудь. В тебя-то хоть они не попали?

— Ни разу. Спасибо. — Она нежно поцеловала меня в грудь. — Как думаешь, это были Пегги и Донни? — спросила она.

— Больше никому. Вряд ли здесь есть еще кто-то с личными счетами к нам. Эти двое нас знают, и швырялись они с умыслом.

— Что будем делать?

— Сматываться. Уходим отсюда. Выберем место побезопасней и посмотрим, что к чему.

— Хорошо. Здравая мы...

Из-за моей спины донесся хруст и металлическое дребезжание. Звук я опознал мгновенно. Кто-то, тайком крадущийся в темноте, нечаянно пнул пустую банку из-под «Пепси», и она покатила к нам.

Жестянка стукнулась о мою спину.

Я отнял руку от лица Кэт, перекатился на спину и щелкнул колесиком зажигалки.

В руках у меня задрожал маленький огненный цветок.

Увиденное мне не понравилось.

— Кэт! Засада! — завопил я.

Донни прыгнул.

Пегги замахнулась ножом.

Похоже, то был кухонный нож Кэт.

Они выглядели, как пара сумасшедших дикарей.

В неровном свете я увидел, что Пегги была голая до пояса джинсовой юбки. Тощая и плоская — ее вполне можно было бы спутать с парнем, если бы не большие, возбужденные соски.

Ее зеленая блузка была обернута вокруг груди Донни — возможно, послужив импровизированной повязкой его порезам. Узел был затянут туго. Больше на нем ничего не было. В одной руке он держал погашенный фонарик, в другой — штопор.

Штопор Кэт, надо полагать. Снегович забрал его из перчаточницы после аварии, вместе

со всем остальным.

Выходит, Кэт, сама того не желая, снабдила этих двоих оружием.

Секунду я таращился на них. Потом они бросились к нам.

Я выдернул охотничий нож Снеговича из-за пояса.

— НАЗАД! — взревел я.

Они оба вздрогнули и замерли на полпути.

— Бросьте оружие!

Донни, плясь на меня, бросил штопор и фонарик. Пегги покачала головой и только крепче стиснула нож.

— Ни в коем случае, — сказала она. — Пошел ты. Сам свое бросай.

Пока она говорила, я сел. Так как обе руки были заняты, подняться на ноги сразу не удалось.

Свет внезапно удвоился.

— Никто ничего не должен бросать, — сказала Кэт за моей спиной. — Давайте все просто успокоимся, идет? Мы вам не враги.

— Конечно же, не враги, — произнесла Пегги.

Теперь, когда светила зажигалка Кэт, я погасил свою и помог себе левой рукой подняться с пола. Поднимаясь, я не отрывал от Пегги взгляда. В памяти еще было живо то, что она сотворила со Снегом Снеговичем.

Шагнув в сторону, я занял позицию получше — так, чтобы видеть всех сразу. Снова щелкнул зажигалкой.

В глазах Пегги горела лютая ненависть. Я даже поежился — столь сильная жажда убийства в глазах молодой девушки пугала. Ей явно хотелось освежевать меня прямо тут, на глазах у Кэт и брата. И, не будь у нее ножа, она наверняка попробовала бы сделать это *зубами*.

Взгляд Донни — странный, зачарованный — был прикован к Кэт. Он тяжело дышал, его узкие плечи вздымались и опадали.

Кэт, все еще на земле, приподнялась на левом локте, держа в высоко задранной правой руке зажигалку. Ее рубашка сползла с плеча, оставляя всю левую часть тела открытой — до самых некогда-джинсов.

Донни смотрел во все глаза.

Когда она приподнялась, Пегги протянула руку и заехала брату по плечу.

— Хватит пялиться на нее.

— Не бей его, — сказала Кэт.

— Отвали.

— Не бей, — повторила Кэт, вставая на ноги. — Ему и так досталось очень сильно. И тебе — тоже.

— Твоими же стараниями. И его. — Она сердито стрельнула в меня глазами.

Кэт потушила зажигалку. Теперь только моя давала свет. Она поправила рубашку на плече — ткань мягко скользнула, закрывая ее грудь. Донни поднял глаза к ее лицу.

— Что-то пошло не так, — сказала Кэт. — Мне очень, *очень* жаль, что мы впутали вас во все это. Это моя вина, но так вышло не нарочно. Нам лучше сейчас убраться отсюда.

— Никто никуда не пойдет, — заявила Пегги.

— *Мы* — пойдём, — отрезал я. — Вы с Донни можете идти с нами, если хотите. А можете остаться здесь. Мне уже без разницы.

— Я думаю, нам нужно уходить всем вместе, — сказала Кэт. — Вам нельзя здесь оставаться, вы погибнете. Вам даже пить, кроме «Пепси», нечего!

Пегги усмехнулась.

— Может, — сказала она, — мы попьем вашей крови. Хватит на первое время.

— Тоже вариант, — сказала Кэт, щелкая зажигалкой.

Я был внутренне благодарен ей за это: мой палец начинал уставать.

— Я, похоже, люблю кровь, — призналась Пегги. — У того седого придурка была неплохая.

— Отлично. Теперь давайте говорить серьезно. Может, тебе и хочется умереть здесь, посреди пустыни, но у тебя нет никакого права решать за Донни.

— Он останется со мной.

Кэт обратила взгляд к парню.

— Тебе же не хочется здесь торчать, верно?

— Мне придется, — тихо произнес он. — Я должен слушаться Пегги.

— Только если она не желает тебе зла, — сказала ему Кэт. — А обречь невинного человека на гибель от голода — *злой* поступок.

— Вдруг ему здесь понравилось, — хмыкнул я.

Донни угрюмо посмотрел на меня — не то сконфуженный, не то рассерженный.

— Сам посуди — ты рванул сюда в ту же минуту, как освободился от Снеговича. Ты либо фанат рудниковых разработок и месторождений, либо...

— Тут есть, где спрятаться, — сказал он.

— Тебе больше не нужно прятаться, — сказала Кэт. — Снегович мертв.

— Он убегал от вас, — сказала Пегги. — Чтобы вы не убили его так же, как меня.

— Но мы тебя не убивали, — указал я.

— Донни думал иначе. Поэтому и убежал.

Глядя мальчику в глаза, Кэт проговорила:

— Я тебя понимаю, ошибиться было легко. Она и нам казалась мертвой. Но не мы виноваты в том, что с ней стало. — Кэт переложила зажигалку в другую руку, умудрившись не погасить огонек. Моя пока отдыхала. — Она сильно пострадала, когда Снегович протаранил нашу машину.

— Я знаю, — сказал он и обратился глазами к Пегги.

Она посмотрела на него.

Он бросил робкий взгляд на Кэт и пробормотал:

— Все равно, мне лучше остаться с ней.

Потом он опустил глаза.

— Нет, — сказала Кэт. — Ты не останешься. Мы не бросим тебя с ней.

— Разве вы не слышите меня? — поинтересовалась Пегги. — Никто никуда не пойдет.

— Мы — пойдём, — повторил я специально для нее.

— И Донни пойдет с нами, — добавила Кэт.

— Держите карман шире.

— То, что ты — его сестра, не дает тебе права на...

— *Она мне не сестра!* — выпалил Донни.

Пегги взвизгнула и бросилась ко мне, подняв нож над головой.

Зажигалка Кэт погасла.

Во внезапно обступившем мраке я вообразил, как Пегги надвигается на меня, подобно

кинематографической безумице, сбежавшей из сумасшедшего дома.

Следовало бы, конечно, хотя бы попробовать уклониться, но этого я как раз не хотел. Я хотел остановить ее. Если не я попаду под ее нож, попадетсЯ Кэт.

Так что я остался на месте и выбросил вперед левую руку, дабы заблокировать возможный удар.

Лезвие скользнуло по коже, достав почти до самого локтя.

Но и я попал. Кулак с размаху ткнулся во что-то мягкое.

Пегги ахнула.

Свет вернулся.

В дрожащем сиянии я увидел, как Пегги, прижав руки к животу и согнувшись в талии, отступает назад и спотыкается о пустую жестянку из-под «Пепси». Врезавшись спиной в стену туннеля, она медленно сползла по ней.

Я, осмелев, побежал навстречу, с намерением выбить нож из ее руки.

Но прежде чем подоспел я, это сделал Донни.

Подняв оружие, он поспешно отошел от нее.

— Дай сюда, — сказал я ему.

Нахмурившись, он покачал головой и заявил:

— Я отдам его только Кэт.

Донни стиснул нож в зубах. Обеими руками он спустил рубашку на бедра и обвязал потуже, соорудив что-то наподобие килта. Сделав это, он повернулся к Кэт. Вытащив нож изо рта, он подошел к ней и протянул оружие ей — рукояткой вперед.

— Спасибо, — сказала она. Взяв нож, она аккуратно заправила его в правый передний карман некогда-джинсов.

— Я знал, что вы хорошие ребята, — сказал Донни. — Простите, что я бросал в вас камни. Она... она заставила меня, и...

— Вск нормально. — Глянув поверх него, Кэт спросила у меня: — Как рука?

— Я уже не считаю раны, — отмахнулся я. — Одной больше, одной меньше.

— Пошли, выйдем на свет, и посмотрим, что можно сделать. Справишься с Пегги?

— Без проблем.

Она все еще лежала у стены.

— Вставай, — позвал я ее.

— Иди в жопу, — пробормотала она.

Бросив зажигалку в карман, я переложил нож в левую руку, нагнулся к ней и, продев правую руку за пояс ее джинсовой юбки, резко рванул вверх.

Она принялась извиваться и сучить ногами.

— Пусти! Убью!..

Сквозь шум борьбы и ее крики я услышал, как Кэт сказала Донни:

— Принеси все «Пепси», что осталось. — Потом она обратилась ко мне: — А ты носи ее. — И, развернувшись, она зашагала по туннелю, держа зажигалку перед собой.

Таща Пегги за собой, я ненадолго остановился и оглянулся через плечо. Донни, поотстав от нас, зажег фонарик, и в его тусклом желтом свете я увидел, как он присел, чтобы поднять что-то. Хотелось мне верить, что то была банка «Пепси», а не камень.

Я также отметил, что парень каким-то образом очутился ниже меня — видимо, в этом месте шахта давала уклон. Раньше это было не так очевидно. Теперь стало ясно, почему так тяжело было волочить Пегги — приходилось подниматься в горку.

Она всячески сопротивлялась, упиралась и брыкалась.

Донни нагнал нас. По звукам его шагов я понял, что он снова нарядился в ботинки Кэт. Поравнявшись со мной, он быстро сбавил шаг, будто боясь подступить ко мне слишком близко.

Впереди забрезжил свет.

Вскоре темнота кругом сменилась приятным полумраком. Воздух становился теплее.

Я думал, что Кэт выведет нас отсюда наружу, но, остановившись где-то в десятке метров от выхода, она погасила зажигалку и, обернувшись, спросила:

— Как ты?

— Нормально, — кивнул я. — Как с Пегги быть?

— Отпускай уже.

Едва моя хватка ослабла, Пегги нащупала ногами каменный пол и попыталась дать деру. Я поймал ее за пояс юбки.

— Либо ты лежишь и не двигаешься, Пегги, — сказала Кэт, прихватив ее за волосы, — либо я за себя не отвечаю. Поняла? Вот и славно.

Мы оба отпустили ее, но, когда Пегги легла, я все же поставил ей ногу на середину спины — проформы ради.

— Я буду следить за ней, — пообещал Донни. В правой руке он держал фонарик, левой прижимал к боку две банки «Пепси».

— Хороший мальчик, — похвалила Кэт. — Смотри не упусти ее.

Убрав с Пегги ногу, я отступил в сторону.

Донни сел ей на спину — как на подушку. Вытянул ноги.

— Я стукну ее по башке фонариком, если она начнет рыпаться, — заявил он.

— Как скажешь. Сэм, дай руку. — Она подвела меня на пару шагов поближе ко входу в шахту. — Дай посмотреть.

— Да все со мной в порядке. Крови мало. Просто царапина. Даже не глубокая.

— Больно?

— Терпимо.

— Сейчас я все улажу. — Она поднесла мою руку ко рту, нежно поцеловала рану, затем — прошлась по ней языком сверху вниз, слизывая кровь.

— Эй, у меня тоже есть порезы, — всполошился Донни, глядя на нас.

— И до тебя дойдет очередь, — бросила Кэт. — Дай-ка сюда подол, Сэм.

Оторвав кусочек ткани от полы моей рубашки, она перевязала мне руку.

Потом мы оба подошли к Донни.

Он легонько тюкнул по затылку Пегги фонариком.

— Не двигайся, — произнес он, — или пожалеешь.

— Поцелуй меня в задницу, — пробормотала она.

— Она любит много болтать, — прокомментировал этот выпад Донни. — Все время трещит. Язык без костей!

— Кто она? — спросила Кэт. — И кто, если уж на то пошло, ты? Не ее брат?

— Держи рот на замке, Донни, — пригрозила Пегги. — Предупреждаю тебя.

— А ты лежи да помалкивай, — сказал я ей.

— Я не ее брат, — подтвердил Донни. — И она мне не сестра.

— Нам она сказала обратное.

— Она всем так говорит. Небось, сказала, что мне двенадцать?

— Да.

— А мне шестнадцать. Я мелкий для своего возраста, вот и все. Но она всем втирает, что я малолетка.

— Как ты связался с ней?

— Ну, она меня вроде как похитила.

— Заткнись, пока не поздно! — процедила Пегги.

— Спокойнее, — осадил я ее. — Что значит «вроде как похитила»?

— Она часто парковалась у моей школы. Иногда я встречал ее по пути туда.

— Ты ходишь в школу пешком?

— Да, и туда, и обратно. Там не очень далеко.

— Твои родители тебе разрешают?..

— У меня только мать осталась, — сказал Донни.

— А что с отцом?

— Нет у меня отца.

— У всех он есть, — сказала Кэт.

— Мой ушел, когда я еще под стол пешком ходил.

— И твоя мать не подвозила тебя до школы?

— Нет, у нее работа, она занята.

— Здорово, — пробормотала Кэт. — Неудивительно, что тебя похитили.

— Да не похищала я его! — взвилась Пегги. — Врет — и не краснеет!

— Так как ты попал к ней, Донни? — возобновила расспросы Кэт.

— Ну, я же сказал, я часто видел ее у школы. Она улыбалась мне. А однажды подъехала на фургоне прямо к дому. Позвонила мне в дверь...

— И ты впустил ее?

— Конечно.

— А где в это время была твоя мать?

— На работе.

— Отлично. Ты был один дома и отпер дверь незнакомому человеку?

— Ну да. Она ведь была не таким уж прямо незнакомым человеком... да и вообще, *девчонкой*. Я не боялся ее.

— Но *почему* ты впустил ее?

— А сам не знаю. Она попросила воспользоваться ванной. Я подумал — что плохого?

Провел, показал...

— Не стоило, — покачала головой Кэт.

— Да вы не понимаете. Она поначалу нормально себя вела. Вышла из ванной — спросила, есть ли чего попить. Я достал ей две колы из холодильника. Ну а там — слово за слово, зацепились языками, и она спросила, не хочу ли я посмотреть ее фургон...

— Ты *просил* меня показать его тебе, трепло мелкое!

— Не, — помотал головой Донни.

— Дай ему договорить, — попросил я Пегги.

— Он все врёт!

— Пусть говорит, — поддержала меня Кэт.

— В общем, — продолжил Донни, — мы вышли и сели в ее фургон. Внутри было темно.

И она вдруг стала раздеваться прямо передо мной. Попросила меня полатать ее чутка... ну, снизу там, и...

— *Что?! Ах ты грязная маленькая мра...*

— Остынь, Пегги, — устало произнес я.

— Да лжет он! Он *заставил* меня раздеться!

— Она лжет! — заявил Донни.

— Кто-то из вас *точно* лжет, — подвел черту я.

— Как она тебя похитила? — спросила Кэт, и по ее голосу я понял, что она и сама начала сомневаться по поводу слов Донни.

— Она сказала, что, если я не пойду с ней, она сдаст меня матери. Все-все про то, как мы там без одежды... ну... вы поняли. Но я ничего такого не сделал! Ничего такого, о чем она бы не попросила!

— Ну все, ты сейчас огребешь, Донни, — прорычала Пегги.

— Не от тебя, — заверил я ее.

Донни продолжал:

— Ну, я ей так и сказал — что не сделал ничего плохого и все у нас было по согласию.

Мне просто хотелось выйти из фургона. Тогда она пригрозила, что *убьет* мою мать, если я

не останусь. Я, понятное дело, не хотел, чтоб мама из-за меня померла! Вот и остался в фургоне. И Пегги увезла меня.

— Когда это было? — уточнила Кэт.

— Пару месяцев назад.

— Седьмого мая, — пробормотала Пегги.

— Это *больше*, чем «пара месяцев». Вы все это время разъезжали?..

— Да, — ответил Донни.

— Твоя мать знает, что ты жив?

— Да. Не то, чтобы ее это сильно волнует. Но Пегги разрешает мне изредка звонить ей.

— Полиция ищет тебя? — спросил я.

Он покачал головой.

— Пегги заставила меня сказать, что я дал деру по собственной воле.

— Ты *дал деру по собственной воле*, маленький лживый ублюдок. Ты *кайф* от этого ловил. От каждой минутки со мной.

— Нет!

— Где вы брали деньги? — задал я вопрос.

— Пегги...

— Ты либо прекратишь возводить на меня поклеп и заткнешься прямо сейчас — очень тебе советую, придурок! — либо я расскажу им правду про то, что из себя представляешь *ты*, — чеканя каждое слово, проговорила Пегги.

Донни покачал головой.

— Пегги отвезла меня в город. Заставила пойти к банкомату и снять деньги со счета матери. Мы жили на них.

— Это правда, Пегги? — спросила Кэт.

— Да, — пробормотала она. — Тут он не врет.

— Вот как. В самом деле, — протянула Кэт.

Она знала, что Пегги лжет. Мы оба знали. Пегги не рискнула бы взять на душу еще одну серьезную уголовную статью.

Подняв глаза к лицу Уэт, Донни спросил:

— Вы же посмотрите на мои порезы?

— Думаю, да. Дай мне фонарик.

Он протянул его ей. Она щелкнула кнопкой. Загорелась мутная желтая лампочка.

— Снег долго жег его, — пояснил Донни. — Когда мы с ним тут шли. Батарейки ужасно слабые.

— Это нормально, — отмахнулась Кэт, фокусируя пятно тусклого света на его груди. Почти симметричные разрезы — по одному на каждой стороне груди, — выглядели свежими и поблескивали. Однако кровь уже не текла.

— Должно быть, больно, — сказала Кэт.

— Да уж.

— Они больше не кровоточат, но до сих пор болят?

— Да, есть немного.

— И ты хочешь, чтоб я поцеловала их и боль прошла?

— Ну... только если вы *сами* этого хотите...

— Ты видел, как я поцеловала порез на руке Сэмми, не так ли?

— Видел.

— И ты решил, что было бы неплохо, если бы я сделала то же самое с этими ранами у тебя на груди?

— Было бы здорово. — В голосе Донни сквозила безумная надежда.

— Да, может быть, было бы здорово. А может — и нет.

— В каком смысле?

— Хочешь знать маленькую тайну моего рта?

— Эм. Ну. Да. — Донни выглядел сбитым с толку.

— Мой рот — детектор лжи.

— Эм?..

— Да-да-да, ты не ослышался. Он *целует* честных и *кусает* лжецов.

Донни чуть нервно хохотнул.

— Ну да... конечно. Заморочить меня решили...

— Постой-постой, ты обвиняешь во лжи *меня*?

— Нет-нет, — быстро сказал Донни.

Я вдруг улыбнулся. Паренек, конечно, не мог этого видеть.

— Не имеет значения, — сказала Кэт. — Тебе не обязательно мне верить. Все еще хочешь, чтобы я осыпала твои раны исцеляющими поцелуями?

Он снова заколебался. Затем — произнес:

— Конечно.

— Не хочешь внести какие-нибудь изменения в свой рассказ?

— С чего бы вдруг? Я сказал правду.

— Что ж, ладно.

Положив руку с фонариком ему на спину, она щелкнула кнопкой — и свет погас. В сером сумраке я увидел, как ее голова склонилась к груди мальчишки. До моих ушей донесся тихий причмокивающий звук.

И тут Донни завизжал.

— Так-то лучше, — пробормотала Кэт.

Донни попытался стряхнуть с себя Кэт, но она удержалась и снова нацелилась ртом на его грудь.

— Нет! Хватит! Пожалуйста! Больно!

Она не вняла его мольбам.

Донни всхлипнул, извернулся угрем и его прорвало:

— Я лгал! Лгал! Хватит! Хватит кусать меня, *пожалуйста!*

Рот Кэт был занят, поэтому спросил я:

— Лгал насчет чего?

— Насчет *всего!* Скажите ей, пусть прекратит! Прошу!!

И Кэт прекратила.

Он отполз, прижимая руку к груди.

— Ты укусила меня! — выдохнул он.

— Прости, — сказала Кэт. — Разве я хозяйка своему рту? Я ведь предупреждала.

— И при чем тут какой-то детектор лжи?!

— Очень даже при чем.

— Больная ведьма, — пробормотал он.

— Повежливей, — предупредил я.

— Все нормально, Сэм, — мягко сказала Кэт. — Он, наверное, прав. — Повернувшись, она вручила фонарик мне. Я увидел ее лицо. Ее губы, щеки и даже кончик носа были в крови Донни. — Проверь Пегги, — сказала она мне и, снова обратившись к Донни, заговорила повелительно:

— Говори, в чем ты соврал.

— Я что, обязан? — взвизгнул он.

— Обязан. По ряду причин. Сэмми и я рисковали своими жизнями ради твоей. Твоей — и Пегги. Так что за вами долг, это раз. Два — я кусала тебя легонько, вполсилы. Говори правду, или я цапну тебя *от души*.

— Ладно, — тихо сказал Донни.

— Лучше молчи, — предупредила Пегги.

— Сэмми, не будешь ли ты так добр пояснить ей, что к чему?

— С удовольствием. — Я сел ей на спину, совсем как Донни несколько минут назад.

— В следующий раз, если хоть слово слетит с ваших уст, девушка, — сказал я, — мне придется ударить вас фонариком по макушке.

— Да пошел ты, — ответила она.

Фонарик опустил ее на голову. Силы удара явно не хватало на то, чтобы причинить мало-мальски серьезный вред — но хватило, чтобы убить лампочку. Пегги вздрогнула под мной и тихо пискнула.

— Так-то лучше, — заметил я.

Она смолчала.

— Ладно, Донни, — сказала Кэт. — Готов поведать нам правду?

— Да.

— Пегги — твоя сестра?

— Нет. Я не врал. Она хозяйка фургона.

— Она похитила тебя?

Он не ответил.

— Говори, — приказала Кэт. — Правду, только правду, и ничего кроме правды. Не то...

— Она тихо, но отчетливо щелкнула зубами, и Донни вздрогнул.

— Нет! Не совсем... не похитила... я сам.

— Ты присоединился к ней добровольно? Зачем?

— Захотелось.

— Почему?

— Не знаю.

— Знаешь ты все.

— Ну, мы с ней проказничали по-всякому. Бывало, обжимались... без одежды, ну, вы понимаете. У меня никогда не было подруг! Да и вообще, *почему бы и нет?* Я ненавижу мать, школу, всех и вся. Весь мир — одним дерьмом мазан. А Пегги была классная. Она была *добра* ко мне. Потому я с ней и уехал. И решил никогда не возвращаться назад.

— Вы жили все это время в фургоне?

— Ну да. Порой — в кемпингах. А иногда мы останавливались в мотелях, когда у нас было много денег.

— Где вы брали эти деньги? — спросила Кэт.

— Из банкоматов. Как я и сказал.

Кэт стряхнула рубашку с плеч. Та скользнула по ее спине на землю. Встав перед Донни в одних только некогда-джинсах и белых носках, она уперла руки в бока.

— Хочешь сказать мне правду? — спросила она.

— О чем? — Его голос дрожал.

— О том, где вы брали деньги.

— Ты... ты дашь мне себя... потрогать?

— *Этого* ты хочешь?

— Конечно. Да. В смысле... кто бы отказался?

— Тогда говори правду.

— Мы... мы не грабили банкоматы. Я солгал. Мы...

— Донни! — выпалила Пегги.

Я ударил ее по голове фонариком — ударил *сильно*. Ее тело дернулось.

— *Ай!* — вскрикнула она.

— Мы не банкоматы грабили. Мы людей грабили. — Он помолчал. Потом взмолился тихим дрожащим голосом:

— Могу я тебя потрогать?

— Только попробуй, и я отрежу тебе обе руки.

— Но...

Она запустила руку в передний карман некогда-джинсов и вытянула кухонный нож.

— Я сняла рубашку не для того, чтобы покрасоваться перед тобой, Донни. Я сделала это, чтобы ее не запачкало кровью, пока я буду над тобой работать...

— Что?!

— ...пока я буду *разделять* тебя.

— Ой, не надо!

— Расскажи мне про то, как вы грабили людей.

— Ну, что рассказывать... брали да грабили.

— Как?

— Заманивали кого-нибудь в фургон. Один из нас служил наживкой. Мы притворялись, что хотели бы... ну... заняться сексом с ним или с ней. В основном — с мужиками, но иногда попадались и женщины. Мужики мне больше по душе, чем бабы. В общем, заходили мы в фургон, ложились, а потом Пегги подкрадывалась и била их по башке.

— Чем? — спросила Кэт.

— Обычно — камнем побольше да потяжелее. Ну, она била их... или я бил, если она была наживкой... в общем, от кого-то из нас они огребали. Потом мы обирали их, отвозили в пустыню и бросали у обочины.

— Живыми?

— Я не знаю. Может быть, кто-то из них умирал. Только какая разница? Они ж все извращенцы все равно были. Получали по заслугам.

— А мы-то думали, — пробормотал я, — что Снегович был плох.

— Расскажите нам о Снеге, — сказала Кэт. — Как *он* на вас вышел? Вы заманили его?

— Нет. Нет, ты что! Мы никогда не стали бы подкатывать к *такому* парню. Слишком здоровый и суровый. Он просто застал нас врасплох. Мы собирались пойти позавтракать, и тут он вломился в фургон и приказал нам ехать следом за вами. Мы ничего не могли с ним поделаться. Пегги вела, я сидел на пассажирском сиденье. Он сидел за нами, так что у нас не было никакого шанса подкрасться к нему и вырубить. Мы *хотели бы* выбить из него дурь, но как?.. Пришлось пытаться понравиться ему.

— Понравиться? — переспросила Кэт.

— Ну да. Подкатить к нему. Позаигрывать.

— Понятно.

— На Пегги он не обращал внимания. А вот я ему понравился. Он даже разрешил мне перебраться на кровать. Вся проблема была в том, что Пегги приходилось вести. Даже если бы я его отвлек, она не смогла бы грохнуть его.

— Не повезло, — пробормотала Кэт.

— Да уж... Он ведь был не таким уж и плохим, — признался Донни. — Жесткий тип, но... он мне понравился. И я ему, похоже, тоже. Да не «похоже» — точно говорю. Мы собирались стать напарниками. Он сказал, что Пегги погибла в автокатастрофе, и никто нам больше не помеха. Я сказал ему, мол, отлично. Ведь так и было! Все складывалось очень хорошо! Я устал от Пегги. Она вся такая из себя командорша. Вечно мной помыкает, всегда знает, как и что нужно делать. И не такая уж она и красотка, знаете. Тощая, стрёмная, да и вообще...

Я почувствовал, как Пегги тяжело задышала подо мной.

— ...вообще, я ее уже еле-еле выносить мог!

— Ах ты мразота неблагодарная! — возопила она. — Да я тебе мотню порежу, ты, ублюдок воню...

Я снова треснул ее по голове.

Она всхлипнула и затихла.

— Да, ты тот еще фрукт, Донни, — заметила Кэт.

— А что? А что?! Тьфу на нее! Я был *рад*, когда Снег сказал, что она умерла. Да кому она вообще нужна? А быть напарником Снега было бы *классно*! Он такой сильный и здоровый! Настоящий бывалый волчара! С ним на пару мы могли бы грабить инкассаторов, а не всяких тупых озаботов!

— Так что же пошло не так? — спросила Кэт.

— Ничего. Я имею в виду, все было пучком. После аварии мы приехали сюда. Перекусили, выпили по «Пепси». Потом славно провели время вместе... ну... вы понимаете?

— Конечно, понимаю, — сказала Кэт и глянула на меня.

Меня невольно пробрал смех. *Пока мы с ней «славно проводили время вместе» на вершине скалы, эти двое... о Боже. Чокнутый, чокнутый мир.*

— Знаете, — добавил Донни, — все же жаль, что не ты была вместо него.

— О? Вот как?

— Мужики вроде него — классно, спору нет... но ты... вы... вы самая красивая женщина из всех, что я вид...

Ее рука взметнулась в воздух. Острие ножа уперлось Донни в бок — чуть выше бедра.

— Ай. Ой! — тоненько взвизгнул он и прижал руку к крошечной ранке.

— Заткнись насчет меня.

— Хорошо. Мне очень жаль! Черт!

— И-хи-хи, — прокомментировала ситуацию Пегги.

— Давай, рассказывай дальше, — произнесла Кэт. — Вы что, весь день убили на дуракаваляние?

— Эм... почти весь, да. Мы еще поспали немного. А потом пошли на прогулку, и он показал мне ту дыру в земле, куда он хотел побросать ваши тела.

— Дыру? — уточнила Кэт.

— Да. К ней непросто пройти... всякие извилистые тропки, туннели... но выглядела она здорово.

— Ущелье Брока, — пробормотал я.

— А?

— Он не назвал ее «ущельем Брока»?

— Нет, по-моему.

— Что ты можешь сказать об этой дыре? — спросила Кэт.

— Ну, он посветил вниз фонарем. Там, на дне, тела валялись.

— *Тела?* Не одно?

— Не одно. Пять-шесть штук, по-моему.

— Мы думали, там один Брок, — сказал я.

— Ну, может, там и был какой-то Брок. Он мне рассказал про каждого — кто, как и зачем, — но я не запомнил имен. Но так-то он все про них выложил. Что было по-настоящему круто — некоторых он туда живьем сгрузил. Опустил на веревке, а потом ее туда же и бросил. Они никак не могли выбраться и оставались там, на дне, до тех пор, пока не подышали. Но он сбрасывал им бутылки с водой, так что подышали они не сразу...

— Очаровательно, — пробормотала Кэт.

— Ну так а я о чем? Круть.

— Он планировал сбросить *нас* туда?

— Да. После того, как мы посмотрели дыру, он провел меня обратно к фургону, и мы поехали забрать ваши тела.

— Снегович знал, что мы не погибли, — сказал я.

— Ну, он думал, что Пегги умерла. Да, он полагал, что ты и Кэт просто притворились. Он сказал, что вы точно были живы *после* аварии, но потом, возможно, умерли. А если и не умерли — то калеками точно остались. Не ушли бы никак.

— Уж прости, что разочаровали.

— Да не вопрос. Мне было как-то без разницы. Я-то вас даже не знал! А Снегжуть как расстроился, когда увидел, что вас там нет. Все глаза проглядел, пока вас высматривал. Предположил, что вы спрятались в скалах. Лезть туда ему не хотелось, вот мы и поднялись на крышу фургона. Он взял с собой длинную палку, чтобы давить на клаксон сверху.

— Хитёр лис, — похвалила Кэт.

— Это была моя идея, — похвастался Донни. — *Целиком* моя идея. Я понял, что вы хотите меня спасти.

— Правильно понял. Мы *хотели* тебя спасти.

— Тогда еще, — добавил я.

— Однако резать меня не стоило.

— Как ты забрался наверх, когда у тебя руки были связаны? — спросил я.

— Я поднялся по лестнице. Он не сразу меня связал. Только там, уже наверху.

— То есть, заложником его ты не был, — уточнил я.

— Не был, конечно. Но потом он начал делать мне больно. Резать меня. Это не было частью плана.

— Частью *твоего* плана, во всяком случае, — сказала Кэт.

— Ну да. В общем, лез наверх я свободным человеком, а там раз — и стал заложником... И знаете что? Думаю, я ему все же не так уж и понравился. Он не планировал сделать меня своим напарником. Просто попользовался мною. А так я ему нужен был только для того, чтобы вас, ребята, назад выманить.

— Вот непруха-то, — съязвил я.

— Ага. — Донн взаправду выглядел огорченным.

— Он рассказал тебе об Эллиоте? — спросила Кэт.

— О ком?

— О вампире.

— *Вампире?*

— Да, том, что лежал в нашем багажнике.

— Он ни разу не упомянул вампира. Что вы несете?

— Похоже, Донни он в тайну не посвятил, — заметил я.

Кивнув, Кэт сказала:

— *Всему*, что здесь произошло, есть одна лишь причина — тело вампира в нашем багажнике.

— Что?

— Как думаешь, почему он заставил тебя и Пегги загнать нас в эту глушь?

— Ну, не знаю, может, вы ему задолжали по-крупному. Может, он хотел вас обобрать и изнасиловать, а потом бросить в ту яму. Не знаю, в общем.

— Близко, да не то, — хмыкнула Кэт. — В багажнике моей машины лежал вампир. И Снегович об этом узнал. Он загнал нас сюда, потому что тут безлюдно. Прекрасное место для осуществления его Большого Замысла.

— Какого еще замысла?

— Он хотел дождаться ночи, а потом вытянуть кол из вампирова сердца.

— Зачем?

— Чтобы вампир вернулся к жизни.

— Напал на него, — добавил я.

- Выпил его кровь, — кивнула Кэт.
- И он бы сам стал вампиром, — подтвердил я.
- И наслаждался бы жизнью вечной.
- Бессмертное дитя ночи.
- Как в кино.
- «Дракула».
- «Носферату».
- «Интервью с вампиром».
- «Салимов удел».
- «Почти полная тьма».
- И так далее.

Донни перевел взгляд с Кэт на меня. Потом — обратно на Кэт.

- Ну и дела, — выдохнул он. — Вы сумасшедшие!

— Может быть, — сказала Кэт. — А может, и нет.

Донни вздохнул и голосом усталого воспитателя в детском саду произнес:

— Вампиров не существует.

— Смею не согласиться, — сказала Кэт. — По мне так, нас с Сэмом сейчас одни зловредные кровососы и окружают.

— Эм?..

Не ответив, Кэт подняла с земли рубашку.

— Думаю, можно надеть, — заметила она.

— Может, не стоит? — робко попросил Донни.

Мне захотелось встать с Пегги и стукнуть фонариком его, но я не стал.

— Тебе повезло рассказать нам правду, — сказала ему Кэт. С рубашкой в одной руке и ножом в другой, она повернулась ко мне:

— Пошли. Скоро стемнеет.

— А с этими двумя что делать? — спросил я.

— Они рассказали правду. Правда — милует.

— В смысле?

— Свою работу мы сделали, — сказала Кэт. — Мы спасли их от Снега Снеговича. Пегги, как выяснилось, Донни не похищала, так что его от нее спасать не надо. Равно как и ее от него. Они — не жертвы, они преступники. Так что пойдём отсюда. А они пусть делают что хотят.

— Мы что, просто *оставим* их?

— Почему бы и нет?

— Они убийцы.

— Мы тоже. И им это известно.

— Конечно, известно, — вставила Пегги.

Я стукнул ее фонариком.

— Да хватит уже, — заныла она.

— А ты рот не разевай, — наказал я.

— Мне самой не сильно по душе это идея — отпустить их на все четыре стороны, — сказала Кэт. — Но есть ли у нас выбор? Мы не можем сдать их в полицию. Они сдадут нас, и мы сядем за убийство Эллиота.

— Хочешь сказать, он не воскреснет этой ночью? — спросил я.

— Может, воскреснет, но я не стану биться об заклад. Если мы попытаемся засадить этих двоих за решетку — сами там в итоге окажемся. Так что тащить их за собой — не вариант.

— Да, ты права.

— Конечно, мы можем убить их, — заметила Кэт как бы между прочим. — Как тебе такой вариант?

— Ну, как тебе сказать...

— *Плохой* вариант! — заверещал Донни. — Эй, послушайте. Вы не можете нас просто *убить*. Не стоит!

— Вы пытались нас убить, — напомнила Кэт.

— Нет, вовсе нет!

— Вы тайком, в темноте, прокрались к нам. После того, как попытались закидать нас камнями. У Пегги был нож, у тебя — штопор. Вы собирались нас убить, ребятки, — подвел черту я.

— Не собирались! — закричал Донни. — Фигню несёшь!

— Да заткнись ты уже, — процедила Пегги.

В этот раз я не стал ее бить.

— Мы собирались убить их, — продолжила она, — и ты это знаешь, так что хватит заливать. Ушей у тебя нет, что ли? Они отпустят нас, если мы не будем выводить их из себя. Так что заткни свой фонтан хоть сейчас.

Донни умолк.

— Так вы нас отпускаете? — уточнила Пегги.

— Что думаешь? — обратилась Кэт ко мне.

— Не знаю. Если они возьмутся за старое...

— Не возьмемся, — сказала Кэт. — Никогда. С меня хватит.

— Я усвоил урок, — добавил Донни. — Обещаю никогда больше ничего плохого не делать.

— Надеюсь, это не пустые слова, — сказала Кэт.

— Честно-честно, обещаю вернуться к маме, в школу...

— А я поеду в Лос-Анджелес и найду работу, — сказала Пегги.

— Не в Лос-Анджелес, — сказала Кэт. — Мы там живем. Выбери другой город.

— Сан-Франциско?

— Пойдет.

— Значит, отпускаем их? — спросил я у Кэт.

— Если у тебя нет идеи получше — да.

— Думаю, мы не можем просто взять и... *убить* их.

— Мне тоже не хочется мараться. А тебе?

Я покачал головой.

— Может быть, в этом нет чего-то *плохого*. Убить Эллиота мне не казалось неправильным решением.

— Он был вампиром, — сказала Кэт. — Как и эти двое.

— Да, но Эллиот напал на тебя. То была защита. А тут — другое дело. Тут...

— Но мы не вампиры! — встрял Донни.

— Заткнись, — сказала Пегги. — Но, постойте, вообще-то да, мы никакие не вампиры, так о чем это вы?..

— Вы — вампиры иного рода, — сказала Кэт. — Вас просто солнечный свет не жжет, вот и вся разница.

— Снимай мои ботинки, Донни.

Пока он возился с ними, Кэт надела рубашку. Я встал и отошел от Пегги. Подобрал две банки «Пепси», пока Кэт обувалась, и запихнул по одной в карманы джинсов.

— Вы *всё* забираете! — простонал Донни.

— Можешь оставить себе фонарик, — сказала Кэт.

— Вот уж спасибо...

— Не хочешь, значит, фонарик?

— Не хочу! Зачем он нам, когда вы и так все забрали!

— Только то, что было у нас украдено, — поправила его Кэт.

— А нам что делать?

— Заткнись, — сказала Пегги, поднимаясь с колен.

— Делайте, что хотите, — сказала Кэт Донни. — Но мы вам ничего не оставим, и с нами вы не поедете.

— Но мы *умрем*, если останемся здесь. Вы сами сказали!..

— Ну так не оставайтесь здесь, — пожалала плечами Кэт.

— Дождитесь ночи, — предложил я, — и уходите. Тем же путем, каким сюда пришли. Спуститесь в пустыню и шагайте прямо. Рано или поздно наткнетесь на дорогу.

— А как наткнетесь, — добавила Кэт, — поголосуйте. И кто-нибудь добрый и отзывчивый подбросит вас, куда пожелаете.

— Для его же блага ему лучше послать вас куда подальше, — не удержался я.

— Мы не будем его грабить, — сказала Пегги. — Я обещаю. Урок усвоен.

— Что ж, хорошо, — сказала Кэт. — Пошли, Сэмми.

Я последовал за ней. Вход в шахту располагался в тени, но после мрака, царившего внутри, мир снаружи воспринимался болезненно ярким. Снова поднялся ветер, но и он не мог развеять жаркое марево.

Когда мы вышли, я обернулся и бросил взгляд на проход.

Никто не вышел за нами следом.

Обогнув пласт обнажившейся горной породы, мы потеряли проход из виду. Пока мы шли через заброшенный рудник, я то и дело поглядывал назад.

Но ни Пегги, ни Донни не появились.

Вечернее солнце окрашивало румяными полосами обветшалые и покинутые останки горнодобывающего лагеря. И в этом теплом свете руины вдруг перестали казаться такими уж безнадежно мертвыми и иссушенными. Свет придал им оттенок некой тайной жизни — столь скрытной и странной, что ни одному смертному не суждено было ее постигнуть. Скрытной, странной... в чем-то — пугающей. Даже пикап начал казаться притаившимся зверем, следившим за нами из-за угла лачуги.

Руины бросали длинные, темные тени на землю.

— Красиво, правда? — сказала Кэт.

— Да. Это всё свет.

— Поселение-призрак.

— Точнее сказать нельзя, — кивнул я. — Не хотел бы я остаться здесь на ночь.

— А мы и не останемся.

— Это обнадёживает.

— Эх, были бы у меня шнурки... — вздохнула она.

Я глянул на ее ноги. Туристские ботсы мотали незакрепленными языками при каждом ее шаге.

Мне понадобилось время, чтобы вспомнить, почему шнурков не было. Она подвязала ими сарафан Пегги, после того, как обе ляжки порвались. Потом, после того, как злосчастную простыню залило кровью Снега Снеговича, Кэт передела ее в рубашку и джинсовую юбку.

— Если мы вернемся тем же путем, что пришли, — сказал я, — то можем найти платье Пегги и вернуть твои завязки.

Кэт нахмурилась.

— Оно же за телом Снега?.. — спросила она, явно не вполне уверенная в истинности своих слов.

— Должно быть там.

— Да, там, где стоял фургон... пока Пегги не попыталась уехать без нас.

— Верно.

— Вертка должна быть там же, — сказала Кэт. — Возьмем ее и шнурки.

Вскоре мы дошли до того места, где фургон, неуправляемый, протаранил скалу и издох. Остановившись у повисшей на одной петле двери, мы некоторое время смотрели на безжизненную развалюху.

— Их не видно? — спросила Кэт.

— Нет. Я не вижу. А ты?..

— Тоже.

— Может, они решили заночевать в шахте.

— Вряд ли. Будешь что-то брать из фургона?

Я подумал о своей походной сумке. О сумке Кэт. Одежда, предметы первой необходимости... все то, что мы спешно паковали с ней на пару в ту роковую ночь.

— Пусть лежит, где лежит, — махнул рукой я. — Не хочу тащить это все на себе.

— Подожди здесь, — сказала она и запрыгнула внутрь.

Она вернулась через пару минут с лопатой и ледорубом.

— Ты шутишь, — выдохнул я.

— Мы очутились здесь в первую очередь из-за того, что захотели предать тело Эллиота земле, не так ли?

— Поначалу было так.

— Так не думаешь ли ты, что сейчас самое время закончить работу? Вернем кол ему в спину и закопаем — прямо там, где он сейчас лежит.

— Но...

— Я помогу тебе нести вещи, — заверила Кэт и снова скрылась в фургоне. В этот раз она вынырнула с сумкой.

— Но зачем... — сник я.

— Не волнуйся, ее буду я нести. Могу и лопату взять.

— Не нужно, — вздохнул я. — Справлюсь уж как-нибудь сам.

Мы снова обратили взгляд к руинам. Ни Пегги, ни Донни не появились.

— Готов идти? — спросила Кэт.

— Готовее некуда.

Она несла сумку. Я — лопату и ледоруб.

В сумке что-то позвякивало и перекатывалось.

— Что у тебя там? — спросил я спустя некоторое время.

— Все.

— Все?..

— Почти все мои вещички и немного твоих.

— Я же сказал, все это ни к чему.

— Зачем же бросать все там?

— Нам придется с ними долго-долго идти.

— Сумка не тяжелая.

— А выглядит набитой.

— Там, в основном, вещи *понужнее*.

— В смысле?

— Ну, не забывай, у меня в машине было много документов.

— Регистрационные бумаги?

— И они, и страховые свидетельства, и водительское удостоверение.

— Может, пройдемся к твоей машине и свинтим номерные знаки?

— К черту. Слишком далеко до нее. Да и, думается мне, это уже лишнее. Следствию, если оно будет, и без номеров удастся выйти на меня. Разумнее всего будет, когда мы вернемся домой, позвонить в полицию и сообщить, что ее угнали. Как тебе идеяка?

— Отличная. Но все ж таки, что там еще, в сумке? Бумаги так не дребезжат.

— Жидкость для зажигалок, освежитель воздуха, монтировка, молоток. Не стоит это все оставлять. Даже если нам самим это уже не нужно, мы же не хотим, чтобы они перепали этим двум кошмарным детишкам? Было бы обидно погибнуть от собственного инструментария.

— Ты думаешь, они последуют за нами?

— А ты разве нет?

— Я, если честно, думаю, что они сейчас грызутся, как две гиены, — невесело усмехнулся я. — Им теперь есть что друг другу припомнить.

— Боюсь, — покачала головой Кэт, — все не так. Их связь крепче, чем кажется, Сэм. Они слишком долго вместе. Привыкли стоять друг за друга. В один день такую парочку не разлучить. Да, мы припугнули их. Сильно. И за это они на нас очень злы. Кроме того, мы теперь знаем о них слишком много того, чего знать не следует. Они могут захотеть устроить так, что мы *никогда* не проболтаемся.

— А Донни еще и запал на тебя, вдобавок.

— Маленький озабоченный ублюдок.

— Готов спорить, он все еще хочет наложить на тебя свои потные ручонки.

— Поэтому Пегги будет рада убить меня.

— Из-за Донни?

— Да. Мне кажется, она любит этого сученьша.

— Может быть.

— И она ревнива, как мавр. Видел, что она сделала со Снеговичем? То же сделает и со мной, если предоставится шанс. И с тобой.

— Мне-то ей зачем завидовать? — спросил я.

— Ей — незачем. Дело не в ревности. Дело в чистой ненависти. Помнишь, Снег

предложил обмен — меня на Пегги? Ты меня не пустил.

— И правильно сделал.

— Правильно, но он-то сказал, что убьет Донни, если сделка сорвется. И Пегги ему поверила. Она умоляла тебя отпустить меня. Думаю, с тех самых пор она тебя ненавидит. Дальше — хуже. Сэмми, уж в твою-то глотку она вопьется с *удовольствием*.

— Ты заставляешь меня жалеть, что мы не прикончили их в шахте.

— Мы не смогли бы так поступить. Хладнокровно убить их. Ведь всегда есть шанс, что они не осмелятся связываться с нами... независимо от того, сколь сильно будет желание нас проучить.

— Как думаешь, есть шанс?..

Кэт улыбнулась.

— Что они оставят нас в покое?

— Наоборот.

— Есть. И он — даже выше, чем шанс на воскрешение Эллиота.

Я улыбнулся ей в ответ.

— Это точно. Не думаешь же ты, что он?..

— Не думаю.

— Он выглядел довольно мертвым, не так ли?

— Так, — подтвердила Кэт. — И, надо полагать, таким же мертвым он останется. Но я все же хочу уладить все дела с ним до захода солнца. Так. На всякий случай.

Первым на пути к Эллиоту нам попался Снег Снегович.

Над его телом уже хлопотали грифы. Едва мы подошли, они с карканьем запрыгали прочь.

Стараясь не глядеть на то, что от него осталось, я бросил лопату и ледоруб и нагнулся за веревкой.

Кэт подняла с земли платье Пегги. Оно по-прежнему лежало на земле, смятое в неряшливый ком. Полотенце, которым Кэт стирала кровь с тела девушки, как и замаранные влажные салфетки, исчезло. Может быть, их унес ветер.

Отвязав шнурки, Кэт уселась на землю и продела их в ботинки.

Я замер, глядя на нее.

Смотрел, как она сидит там, в румяном свете летнего вечера и зашнуровывает ботинки. Ее короткие, мальчишеские волосы сияли, подобно золоту. Один подол рубашки выбился. Руки и ноги покрывал гладкий, золотистый загар. Она будто на мгновение вернулась к отроческим годам — девочка-подросток, сидевшая на тротуаре перед домом после ужина, возившаяся с роликовыми коньками.

Я был очарован.

И вдруг понял, что виной всему — не магия солнечных лучей.

Магия была частью *самой* Кэт.

И магия эта не пропала, когда она закончила увязываться, повернула голову и улыбнулась мне.

— Все готово, — сообщила она. — Как ты? Все в порядке?

— Все прекрасно, — ответил я.

С улыбкой она вытянула обе руки:

— Запачкалась немножко.

Ладони были красного цвета.

— Платье на ощупь — сухое, — заметила она, — пусть и липкое. — Поднявшись на ноги, она принялась тереть одну ладонь о другую. Но даже когда Кэт закончила, ее руки все еще выглядели так, будто она ползала по ржавым трубам.

— Это всего лишь кровь, — сказал я.

— Да. Либо Пегги, либо Снеговича. Может, смешанная. *Плохая* кровь, как ни крути. Вот была бы она твоей, хорошей — я бы попросту ее слизала.

Я выпустил из рук веревку, когда она подошла ко мне.

Ухватившись за потрепанные отвороты моей незастегнутой рубашки, она притянула меня к себе. Наши губы слились в единое.

Потом она прошептала:

— Я так люблю тебя, Сэм. Боже, как много я упустила. Мы могли бы быть вместе *все эти годы*. Это было бы... так здорово.

— Теперь мы вместе, — сказал я ей. Перед глазами у меня все размывалось, и ком встал в горле, мешая говорить.

— И мы всегда будем вместе теперь, правда?

— Правда.

— Пока смерть не разлучит нас?

— Именно так.

— Ты обещаешь?

— Я обещаю, Кэт.

Она обняла меня крепко-крепко, будто от этого зависела ее жизнь.

До темнеющей широкой трещины грота оставалось где-то пятнадцать метров, когда Кэт сказала:

— Ой-ей. Посмотри.

Я повернул голову туда, куда она показала.

Нижний край солнца коснулся вершины горного хребта на западе.

— Черт, — ляпнул я.

— Нам лучше поторопиться.

Мы ускорили шаг.

— Не думаю, что это можно засчитать как закат, — сказал я, когда мы вбежали под своды грота. — Край горы и истинный горизонт — разные вещи.

— Это *наш* горизонт, видимый. Может быть, и его.

— Вряд ли это вообще имеет значение.

— Я знаю. Он мертв. Он не встанет.

Мы углубились в царивший в межскалье мрак. Лопата и ледоруб подпрыгивали на моем левом плече. Кольца веревки мотались на правом, хлопая меня по боку.

— Может, я побегу вперед и быстренько забью в него кол? — предложил я.

— Нет, не делай этого.

— Уверена?

— Более чем, Сэм. Давай не будем разделяться.

Может быть, она просто не хотела, чтобы я оставлял ее одну. Мне и самому теряться не хотелось. Но не думаю, что то была главная причина.

Судя по всему, мы *верили* в то, что Эллиот — истинный вампир. Кэт вытащила из него кол в безумной попытке спасти нас от Снега Снеговича. А теперь мы собирались вернуть его обратно — пригвоздить, пока вампир не воскрес и не сбежал. Это все были вопросы нашей веры в его потустороннюю природу. Мы просто сами себе боялись во всем сознаться до конца.

Боялись, что наши опасения, подпитанные страхом, воплотятся в реальность.

Если бы я поспешил вперед, моя вера бы *подтвердилась*.

Так что я остался с Кэт.

Мы шли все быстрее и быстрее по узкому, извилистому проходу. Высоко над нашими головами виднелась серая полоса неба. Солнечные лучи в гроте как-то замысловато преломлялись, и, будучи еще золотистыми там, наверху, здесь, у дна, казались свинцово-серыми.

Этот мрачный свет кое-как позволял нам ориентироваться на пути. Мы по крайней мере не тыкались в каменные стены.

Мы шли быстро, бок о бок.

Молча.

Ветер напоминал о себе лишь звуком — рассеиваясь в узких, извилистых коридорах, он не мог добраться до нас. Неподвижный воздух казался тяжелым и горячим. Пот струился с меня, пропитывая мою одежду. Лопата и ледоруб скользили в моих мокрых ладонях. Постоянно приходилось смаргивать пот из глаз.

Шум ветра высоко над нами звучал подобно прибою далекого океана. Я слышал, как

тяжело дышит Кэт. Слышал, как бешено колотится мое сердце. Как плещется «Пепси» в банках в моих карманах. Как хрустят камешки под нашими подошвами.

— Как дела? — вклинился в это звуковое беспокойство я.

— Нормально, — ответила Кэт.

— Мы уже почти на месте.

— Надеюсь на это. Боже, как же здесь душно.

— Ничего, солнце сядет — жара спадет.

Дальше мы какое-то время шли молча.

— Наверное, стоит ускориться, — вдруг сказала Кэт.

И мы побежали.

Чему я внутренне был рад.

Мы бежали, несмотря на жару, усталость и пережитые тяготы. И, чем сильнее мы углублялись в грот, тем меньше света оставалось. Один раз мы споткнулись и упали. На одном особо крутом повороте — врезались в стену.

Но мы всякий раз вставали и продолжали бег.

Мрак сгущался.

Мы *должны* были поспеть ко времени.

Эллиот вряд ли воскрес бы. Шанс на подобный исход был настолько мал, что почти приближался к отметке «невозможно». Но чем быстрее темнота настигала нас, чем плотнее обволакивала, тем сильнее мы верили. Когда мы бежали, мы уже почти *не сомневались* в том, что застанем его живым... и очень, очень рассерженным.

Я был напуган до полусмерти.

Как бы я не пытался убедить себя в том, что все мои страхи глупы и безосновательны, в том, что мы просто страшаем самих себя собственной же разгулявшейся фантазией — на первом плане в мозгу билась мысль: *мы должны поспеть до полной тьмы*.

Бежать было больно. Легкие горели. В виски били крохотные молоточки. Во все мои раны будто насыпали перцу. Лопата и ледоруб, подпрыгивая на плече, больно били меня по нему. Веревка стегала бок, словно хлыст.

Но я *боялся* сбросить темп.

Поспеть до полной тьмы; забить в него кол. Тогда эта тварь больше не встанет.

— О Боже! — вдруг взвизгнула Кэт передо мной и резко остановилась. Ее отставленная рука ударила меня поперек груди, и, пробуксовав подошвами по земле, встал и я. — Это что, он?!

Прищурившись, я увидел нечто голое и бледное, растянувшееся на земле в нескольких шагах от нас.

— Он, — подтвердил я.

Кэт бросила сумку на землю.

— Мертвый, — тихо сказала она.

— Да.

— О, Боже. — Она согнулась в пояснице, уперла руки в колени, тяжело и быстро задышала. Посмотрела вверх, на небо. — Господи, Господи. Спасибо тебе. Спасибо.

Позволив мотку веревки упасть с плеча, я бросил на землю ледоруб и лопату. Вытащил банки «Пепси» из карманов и поставил их на землю.

— Давай подождем с благодарностями и забьем кол.

— Надеюсь, мы сможем найти его, — пробормотала Кэт.

— Погоди, так ты... что ты с ним сделала? После того, как вытащила?

— Бросила.

— Далеко?

— Нет, просто — в сторону. Я постараюсь найти его. Достань пока молоток из сумки.

— Щелкнув зажигалкой, она пошла вперед. Осторожно — не без опаски — переступила через простертое тело. Эллиот не схватил ее за ноги. Не впился в нее зубами. Пройдя к каменной стене, она поводила огоньком по углам. Нахмурилась. Присела на корточки.

Я пошарил в сумке и нащупал рукоятку молотка.

— Есть! — воскликнула Кэт и, распрямившись, повернулась ко мне.

В свободной руке у нее была уже знакомая мне заточенная деревяшка.

На ее лице цвела победоносная улыбка.

Полы ее рубашки разметались. Некогда-джинсы низко сползли на бедра, будто вот-вот готовые упасть.

Она теперь напоминала гротескно переосмысленную статую Свободы. Этакую хулиганистую пацанку, специализирующуюся на истреблении вампиров.

— Сделаем это! — выкрикнула Кэт.

С колом и зажигалкой она бросилась к телу Эллиота. Я — следом, с молотком наперевес.

Мы встали над ним. Задрали головы. Полоска неба, зажатая между высокими каменными стенами, была насыщенного темно-синего цвета.

— Интересно, сколько времени у нас осталось, — сказал нервно я.

— Не так уж и много.

— Тогда приступим.

— Хочешь подождать и посмотреть, что произойдет? — глухим голосом спросила Кэт.

— Ты, наверное, шутишь.

— Разве тебе не любопытно?

— Конечно, любопытно. Но любопытство... — Я умолк. Она посмотрела на меня. Я встретился с ней глазами.

— Убило кошку, — закончила она за меня.

— Мы не должны позволить этому случиться, — сказал я ей.

— Конечно. Не стоит. Я сейчас все сделаю...

— Давай лучше я.

— Это мой проступок. Я его вытащила, дурёха. Посвети мне, хорошо?

— Без проблем. — Я переложил молоток в левую руку, покопался в кармане джинсов и нашел зажигалку. Высек огонек. Кэт погасила свою.

Мы оба присели на корточки рядом с телом Эллиота.

Я не учуял запаха разложения.

Ни одного муравья не ползло по его спине. Ни одной мухи не вилось над телом.

Я понимал — возможно, тому есть вполне рациональные причины. Может быть, все дело было в том месте, где мы бросили его. В царившей здесь весь день глубокой тени. В составе каменистой почвы.

Я слышал рассказы о святых, чьи тела не разлагались после смерти.

О святых и о вампирах.

Но ничего сверхъестественного не было в том, как выглядела рана в спине Эллиота. Неприятно выглядывшая дырка в сыром мясе.

Кэт просунула в нее острие кола. Надавила.

Дерево ушло внутрь на добрый пяток сантиметров.

Затем она уперлась в рукоятку кола обеими руками и подалась вперед, проталкивая деревяшку в тело Эллиота все глубже и глубже.

Плоть вампира принимала в себя кол с тихим, влажным причмокиванием.

Нам не понадобился молоток.

Кэт дрожала.

Загнав кол обратно в его тело, она, так и сидя на коленях, повернулась ко мне. Я поднял руки, чтобы не опалить ей лицо огнем от зажигалки. Она протянула ко мне руки, сомкнула их у меня за спиной и прижалась ко мне.

Я почувствовал ее жар. Ее дрожь.

Погасив огонек, я прошептал:

— Все хорошо, Кэт. Все хорошо. Мы в безопасности.

Последнее, как выяснилось, было неправдой.

Мы оба убедились в этом через каких-то пять минут.

Мы хотели похоронить Эллиота по одной простой причине: боялись, что он окажется настоящим вампиром.

Боялись, что из него выскользнет кол.

Боялись, что он *реактивируется*.

Восстанет из мертвых.

Если бы не этот страх, мы бы бросили его там, где он лежал, и ушли бы.

Но мы остались закопать его.

Последние лучи света угасли, и Кэт, взяв жидкость для зажигалок, сделала костерок из носков и трусиков, взятых из походной сумки.

Огонь чуть развеял тьму вокруг нас.

Мы нашли участок неподалеку от тела, где земля не походила на камень.

Я занес над головой ледоруб и резко опустил. Его лезвие вонзилось в землю, в стороны полетели камешки и куски спекшейся грязи. Еще удар. Теперь лезвие ушло в землю наполовину и со звоном нашло о камень. Дрожь прошла вверх по деревянной рукоятке и отдалась в плечах.

— Я могу чем-нибудь помочь? — спросила Кэт.

— Заставь меня прекратить это безумие.

— Может, нам не обязательно его закапывать.

— Нет, мы должны. Если сможем.

Она бросила еще один носок в огонь. Я замахнулся ледорубом для следующего удара.

Потом что-то стукнуло меня по голове.

Я заметил угрозу за мгновение до того, как все произошло — кусок чего-то серого полетел ко мне из темноты. Я не смог разглядеть, что это было, но когда оно тюкнуло меня по лбу, я быстро смекнул: *камень*.

Вспышка света ослепила меня. Голова взорвалась болью.

Я отшатнулся и выронил ледоруб. Он звякнул о землю. Потом я запнулся о него и рухнул. Спина ударилась о землю. Голова задралась к небу.

Но я остался в сознании — и увидел Донни, совершенно голого, выбежавшего из тьмы. Кэт, у своего маленького костра, обернулась и ахнула. Донни прыгнул на нее, и вместе они покатались по земле.

А ко мне с криком бросилась Пегги.

Она тоже была голая. Ее потная кожа блестела в свете костра. Ее лицо в тених выглядело мстительно-безумным. В отставленной руке она держала большой камень.

Я потянулся за ножом за поясом, но времени мне не хватило.

Всем своим обнаженно-влажным телом она врезалась в меня, выбив из груди дыхание. Прижала мою правую руку к животу. Я выпростал левую и схватил ее за запястье, прежде чем камень в ее руке опустился мне на голову.

Она уперла ладонь мне в лицо и рывком отвела мою голову в сторону, облегчая доступ к шее.

Ее дыхание коснулось моего загривка, но, прежде чем ее зубы впились мне в сонную артерию, я согнул ногу в колене и, вложив в удар остаток сил, врезал ей между ног. Она всхлипнула, дрожь прошла по всему ее телу, зубы клацнули и вонзились в ее же губу. Ее

слюна, перемешанная с кровью, потекла по моей шее. Я ударил еще раз. И еще. На третий раз она, застонав, свалилась с меня.

Я, все еще отводя от себя ее руку с камнем, запрыгнул ей на спину.

Где-то рядом Кэт закричала:

— Нет!

Я вдруг перестал волноваться за камень в руке Пегги. Мне стало вдруг глубоко наплевать, врежет ли она мне им, или нет, и выживу ли я после такого удара. Я отпустил ее запястье и немножечко взбесился. Она, извернувшись, ткнула меня камнем в челюсть — но только один раз.

Рывком перевернув Пегги и сев ей на грудь, я принялся от души лупить ее кулаками по лицу. С левой. С правой. Снова с левой. Снова с правой. В меня летели кровь, слюна и осколки зубов, но я этого даже не замечал.

После восьми или десяти ударов, когда Пегги могла только мелко дрожать и хрипеть, я слез с нее и развернулся, чтобы помочь Кэт.

В свете умирающего костерка я увидел, как она растянулась под Донни. Он прижал ее руки к земле. Она задыхалась, всхлипывала и отбрыкивалась.

Я схватил его за волосы.

Стащив Донни с Кэт, я швырнул его на землю и бил ногами до тех пор, пока Кэт, вцепившись мне в руку, не оттащила меня прочь от него. На ней не было рубашки. Ее некогда-джинсы были растегнуты и приспущены. Она подтянула их свободной рукой.

— Что он с тобой сделал? — выдохнул я.

— Ничего.

— *Ничего?*

— Я в порядке. Жить буду. Как ты? Она сильно тебя?..

— Нет, — покачал головой я. — Он что, хотел тебя изнасиловать?

— Хотел. Но завозился с джинсами. Укусил меня, гаденыш...

— Где?

Костёр погас. Всхлипывая, Кэт достала из кармана зажигалку и высекла маленький огонёк. Поднесла к левой груди.

Я уставился на следы от зубов, впечатавшиеся в блестящую кожу чуть повыше соска.

— Это он сделал?!

— Да.

— Очень больно?

— Да, но меня уже кусали прежде. Ты же знаешь...

— Знаю.

— Тогда было куда хуже. И профессиональнее. Этот маленький мудака даже не смог прокусить до крови.

— Все еще болит? — спросил я.

— Болит. — Свободной рукой она провела по моему лицу. — Ты... ты сможешь поцеловать ранку? Будет легче.

Я так и сделал.

Раны от зубов нашлись и на нижней стороне ее груди, и я поцеловал и их тоже.

Тогда Кэт взяла меня за голову и потянула вправо.

— Здесь он тоже кусал? — спросил я.

— Нет, но я была бы не против, если бы ты поцеловал меня и там.

И я согласился.

Потом Кэт поцеловала большую свежую шишку в середине моего лба.

Потом — опухшую рану на челюсти.

Потом — мой рот.

Пока мы с Кэт занимались любовью, никто не шелохнулся.

Никто не подкрался к нам, пока мы лежали на спинах, уставшие, запыхавшиеся, держащие друг друга за руки.

Но мы знали: Пегги и Донни были живы.

Пару раз мы слышали их стоны.

Отдохнув недолго, мы оделись. Потом Кэт, используя жидкость для зажигалок, подождгла кое-что из одежды. Я, крихтя, склонился, и поднял лопату.

— Забудь про нее, — сказала Кэт. — Мы не собираемся закапывать Эллиота.

— Почему?

— У меня есть план получше.

— Например? — осведомился я.

Она рассказала мне.

Я вытаращил глаза.

— Ты шутишь?

— Тебе не нравится?

— Превосходный план. Чудной, но... превосходный.

И мы все сделали по плану.

На пару мы счистили всю ленту с Эллиота — освободили от нее его руки, ноги, грудь и спину. Прикасаться к нему было неприятно — но пришлось сделать это много раз. Мы приподнимали его, перекачивали с бока на бок, тягали его за ноги, голову, плечи.

Его кожа была теплая и липкая на ощупь.

Он гнулся плохо — все его мышцы были необычно напряжены. Не знаю, было ли это трупное окоченение. Кэт не сказала ничего по этому поводу.

Не проронила она ни слова и по поводу его стояка.

Может быть, *это* был результат трупного окоченения.

Хотя мне вдруг подумалось, что, возможно, Эллиот был *настоящий* вампир, и сейчас просто спал, и снился ему какой-нибудь эротический сон.

От этой мысли по спине побежали мурашки. Я отогнал ее.

Вскоре мы закончили снимать с него ленту.

Кэт скормила клейкие серебристые полоски огню.

Я пошел за веревкой.

Потом мы вытащили Пегги к Эллиоту. Она не сопротивлялась. Ей, казалось, стоило большого труда оставаться в сознании.

Когда настал черед Донни, он захныкал и попробовал сопротивляться. Сопротивление было вялым и сошло на «нет», когда Кэт расквасила ему нос кулаком.

Мы связали Донни и Эллиота вместе, лицом к лицу. Пегги мы водрузили поверх спины вампира — и тоже стянули веревкой.

Сделали сэндвич с начинкой из современного Носферату.

Знаю, то был ужасный поступок.

Отвратительный.

Но, черт возьми, мы бы сделали это в любом случае.

Мы даже посмеивались в процессе работы над композицией.

Когда мы закончили, я сходил за «Пепси». Кэт канула в темноту на пару минут и вернулась с рубашкой, джинсовой юбкой и носками — от них Донни и Пегги избавились, прежде чем атаковать нас.

Всё это пошло в костер.

Мы сидели у огня, пили «Пепси» и поглядывали на наших пленников.

Они лежали вместе, словно трио любовников. Пегги и Донни, едва ли бывшие в сознании, стонали, корчились и льнули к Эллиоту, будто никак не могли им насытиться.

Мы побросали молоток и ножи в дорожную сумку Кэт, где они звякнули об упор домкрата. Туда же отправились освежитель воздуха и жидкость для заправки зажигалок. Я вытянул церковный ключик из носка и присовокупил его к этой славной компании. Шанса использовать его у меня так и не выпало. Почти ничего из нашего вооружения не пошло в ход. Но я радовался, что оно у нас *было*. Пригодилось бы наверняка, прими события иной оборот.

Решив не нагружаться и уходить легко, мы решили бросить лопату и ледоруб.

Я взял сумку Кэт.

Мы подошли к нашему трио.

Связка голых тел и конечностей отчаянно барахталась и извивалась.

Донни лежал щека к щеке с Эллиотом.

— Как дела? — спросила Кэт. — Всем удобно? Никому нигде не давит?

— Вы должны отпустить нас, — сказал Донни дрожащим, высоким голосом. — Вы *должны!*

— Точно? — усомнился я.

— По факту, — заметила Кэт, — мы просто хотели с вами попрощаться. До скорого. Пока-пока. Не скучайте, милые друзья.

— Вы должны дать нам другой шанс!

— Нет, не должны, — сказал я.

— Мы не убили вас, — пояснила Кэт. — Может, *стоило*, но вместо этого мы просто оставим вас тут. Может, вам удастся ослабить узлы через час-другой, и из этой переделки вы выберетесь малой кровью.

— *Пожалуйста!* — взмолился Донни.

— Вы, двое, все свои шансы на милость истратили, — подвела черту Кэт.

— Ну и катифесь! — прошепелявила Пегги и сплюнула кровь. — Мы выферемся, найдем фас и фокажем, где раки зимуюф.

— Незачем так говорить, — заметил я.

— В твоём положении, — добавила Кэт, — это, как минимум, *глупо*.

Она просунула руку между грудью Пегги и спиной Эллиота. Два тела были плотно связаны вместе. Нащупав кол, Кэт потянула его на себя. Вытащить его сразу не получилось, и далось это Кэт не легко. Но несладко пришлось и Пегги. По тому, как она извивалась и кричала, я заключил, что острая деревяшка, выходя из Эллиота, чуть-чуть повредила ей грудь.

Я подал Кэт походную сумку.

Она бросила туда кол.

И мы быстро зашагали прочь.

Через несколько минут, когда мы все еще шли по кривой извилистой тропе между скалами, до наших ушей донеслись отчаянные крики.

Кэт схватила меня за руку. Сжала ее.

— Боже, — пробормотала она.

— Я бы тоже кричал, если бы меня бросили привязанным к труп, — сказал я.

— Это же не Эллиот?..

— Нет. Не думаю.

Мы ускорили шаг.

Крики стихли довольно скоро. Может, мы просто отошли слишком далеко и уже не могли их слышать.

Когда мы вышли с другого конца ущелья, перед нами простерся склон, залитый бледным светом луны. Мы стали медленно спускаться по песку. Почти всю ночь — и несколько часов раннего утра сверху — мы шли по пустыне, а перед самым восходом солнца вышли на асфальтированную дорогу и поймали попутку.

64

Сейчас сентябрь. Лето подходит к концу.

Последние несколько недель были самыми прекрасными в моей жизни.

Я живу в доме Кэт. Нас с ней водой не разлить. И нам это нравится. Может быть, я не вернусь к работе учителя. В деньгах у нас нужды нет — муж Кэт, Билл, был ужасным человеком, но очень богатым. Я работаю над романом. Снова пишу стихи. Почти все они — к Кэт. Ей, похоже, это нравится.

До этого времени я не знал, что она художник. Из-под ее кисти выходят необычайно яркие, живые картины маслом. Я их обожаю. Особенно ее автопортреты. Особенно — обнаженную натуру. А сейчас она работает над моим портретом. Между собой мы называем его «Нормальный герой, пошедший в обход», но это своего рода шутка. Я выгляжу на нем, как виконт Грейсток — дикий, опасный, бесстрашный. Работа продвигается не очень быстро, но есть такая старая латинская поговорка, которая хвалит уже само желание, даже если исполнение отстало от намерений.

Что касается дел минувших...

Вернувшись в тот день домой, мы с Кэт убрали ковер в спальне. Потом она позвонила в полицию и сообщила, что ее автомобиль угнан. Приятный, вежливый офицер полиции прибыл к нам на следующий день и составил отчет.

С тех пор у нашего порога не появилось ни одного полицейского.

Никаких вестей об Эллиоте, Пегги или Донни тоже не пришло.

Поначалу мы немного нервничали на их счет. Пару недель мы могли спать только в светлое время суток. Ночью мы занимались любовью, ели, читали, смотрели телевизор, разговаривали и держали молотки и заточенные колья в пределах легкой досягаемости.

Никто не появился.

Мы стали пробовать спать ночами. Давалось нелегко. Я мог проваляться с открытыми глазами до самого утра, настороженно всматриваясь в темноту и прислушиваясь к

малейшему шороху. И по тому, как Кэт дышала, мне было понятно — она тоже не спит.

Эллиот не появлялся.

Ни он, ни Пегги, ни Донни.

Наверное, они больше никогда не появятся.

Иногда мы подумываем о том, чтобы запрыгнуть в наш новый «рейндж-ровер» и помчаться в пустыню — вверх по крутому склону и в ущелье, где мы бросили всех троих.

Пока мы не решаемся.

Может, и не решимся.

Мы не признаемся в этом друг перед другом, но, думаю, оба немного нервничаем насчет того, что можем там найти...

Или же *не* найти.

Сейчас сентябрь. Лето подходит к концу.

Последние несколько недель были самыми прекрасными в моей жизни.

Я живу в доме Кэт. Нас с ней водой не разлить. И нам это нравится. Может быть, я не вернусь к работе учителя. В деньгах у нас нужды нет — муж Кэт, Билл, был ужасным человеком, но очень богатым. Я работаю над романом. Снова пишу стихи. Почти все они — к Кэт. Ей, похоже, это нравится.

До этого времени я не знал, что она художник. Из-под ее кисти выходят необычайно яркие, живые картины маслом. Я их обожаю. Особенно ее автопортреты. Особенно — обнаженную натуру. А сейчас она работает над моим портретом. Между собой мы называем его «Нормальный герой, пошедший в обход», но это своего рода шутка. Я выгляжу на нем, как виконт Грейсток — дикий, опасный, бесстрашный. Работа продвигается не очень быстро, но есть такая старая латинская поговорка, которая хвалит уже само желание, даже если исполнение отстало от намерений.

Что касается дел минувших...

Вернувшись в тот день домой, мы с Кэт убрали ковер в спальне. Потом она позвонила в полицию и сообщила, что ее автомобиль угнан. Приятный, вежливый офицер полиции прибыл к нам на следующий день и составил отчет.

С тех пор у нашего порога не появилось ни одного полицейского.

Никаких вестей об Эллиоте, Пегги или Донни тоже не пришло.

Поначалу мы немного нервничали на их счет. Пару недель мы могли спать только в светлое время суток. Ночью мы занимались любовью, ели, читали, смотрели телевизор, разговаривали и держали молотки и заточенные кольца в пределах легкой досягаемости.

Никто не появился.

Мы стали пробовать спать ночами. Давалось нелегко. Я мог проваляться с открытыми глазами до самого утра, настороженно всматриваясь в темноту и прислушиваясь к малейшему шороху. И по тому, как Кэт дышала, мне было понятно — она тоже не спит.

Эллиот не появлялся.

Ни он, ни Пегги, ни Донни.

Наверное, они больше никогда не появятся.

Иногда мы подумываем о том, чтобы запрыгнуть в наш новый «рейндж-ровер» и помчаться в пустыню — вверх по крутому склону и в ущелье, где мы бросили всех троих.

Пока мы не решаемся.

Может, и не решимся.

Мы не признаемся в этом друг перед другом, но, думаю, оба немного нервничаем насчет того, что можем там найти...

Или же *не* найти.

Больше книг на сайте - Knigoed.net